

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. А. БОРОВКОВА

**НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ
III–VI веков**

(по древним китайским
и западным источникам)

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

МОСКВА
2008

ББК 63.3(257)

Б 83

Рецензент О.Е. Непомнин

Боровкова Л.А.

Б83 Народы Средней Азии III–VI веков (по древним китайским и западным источникам). М.: Институт востоковедения РАН. 2008. — 368 с.
ISBN 978-5-89282-304-3

В предлагаемом исследовании автор, опираясь на данные древних китайских и других источников, дает свое толкование некоторых событий истории народов Средней Азии, проливает свет на многие остававшиеся до сего времени неясности и противоречия в идентификации территорий государств раннего средневековья.

Публикуемый труд, итог многолетнего изучения Л.А. Боровковой древне-китайских источников в подлиннике, тематически продолжает ранее изданные ИВ РАН ее работы «Царства “западного края”», освещающую события II–I веков до н.э., и «Кушанское царство», охватывающую также и более поздний исторический период — I–II века н.э.

ББК 63.3(257)

ISBN 978-5-89282-304-3

© Л.А. Боровкова, 2008

© Институт востоковедения РАН, 2008

*Светлой памяти сына моего
Ивана Зубкова посвящаю*

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Средняя Азия и Кавказ в III–IV вв.	17
§ 1. Западные источники о царствах и народах Средней Азии и Кавказа	17
§ 2. Вторжение гунов. Были ли они потомками азиатских гуннов, переселившихся в Европу?	52
§ 3. Царства и народы Средней Азии и Южного Казахстана во II в. до н. э. — IV в. н. э. по древнекитайским историям	73
Глава II. Народы Средней Азии в V–VI вв. по западным источникам.....	109
§ 1. Армянин Егише о хонах на Кавказе и кушанах в Средней Азии	115
§ 2. Приск Панийский о гунах и скифах в царстве Атиллы и о гунах кидаритах	136
§ 3. Лазарь Парбский о трех войнах Пероза с эфталитами до 484 года.....	150
§ 4. Иешу Стилит о трех войнах Пероза (459–484) и одной войне Кавада с гунами.....	153
§ 5. Прокопий Кесарийский о гунах на Кавказе, о гунах-эфталитах и о войнах Кавада с гунами-массагетами	159
Глава III. Покорение царств Восточного Туркестана и Припамирья кочевниками Яда (середина V — середина VI вв.) по китайским историям	203
§ 1. Посольские связи Вэй с царствами западного края.....	205
Посольские связи западных царств	210
с империями Вэй и Ци в V–VI вв.	211
§ 2. Когда и кем были завоеваны царства, расположенные по прикуньлуньскому пути	213
§ 3. Орда Яда и местонахождение царств Гаочан и Гаоче.....	227
§ 4. Орда Яда овладевает северным караванным путем в Вэй.....	237
§ 5. Местонахождение царств, подвластных орде Яда, и царства Яда...	242
§ 6. Какой народ создал орду Яда и потом царство Яда	249
§ 7. Облик и язык людей Яда	255
§ 8. Время разгрома царства Яда.....	259

Глава IV. Этнополитическая ситуация в центральной
и южной частях Средней Азии в V–VI вв.

по китайским источникам.....273

- § 1. Гибель царств Канцзюй, Яньцай/Алань, Давань в конце IV в.
и возникновение царств Сутэ/Яньцай, Чжэшэ/Канцзюй,
Полоня/Давань и царств во главе с Сиваньцинью..... 273
- § 2. Царство Сутэ (Судэ) 277
- § 3. Большое Юэчжи (Позднее Кушанское царство),
царь Кидара, поражение его и бегство в Северную Индию 289
- § 4. Тохарское царство Тухоло (Тухоло) 299
- § 5. Царства, возглавляемые царями юэчжами из рода Чжаоу 308
- § 6. Кем были «турки-скифы», описанные Менандром
в Средней Азии в 558–568 гг. 320

Библиография.....324

Указатель географических названий.....334

Указатель имен.....349

Summary358

Карты и схемы361

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

ВВЕДЕНИЕ

История Средней Азии III–IV веков — один из сложных и путаных периодов Раннего Средневековья, сложность изучения которого к тому же определяется почти полным отсутствием автохтонных письменных свидетельств, немногочисленностью и нередко краткостью сведений об этом регионе в разноязыких иноземных источниках, тем, что, как правило, одни и те же народы и географические объекты, а также исторические деятели именуются по-разному и нет точной датировки событий, сведений о месте их происшествия. Запутанность данного раздела истории региона определялась также тем, что при таком разнообразии сведений источников использовались однотипные методы их исследования, и потому получаемые выводы оказывались разными.

Проведенные нами в течение последних двух десятилетий исследования прямых и косвенных сведений древнекитайских династийных историй в сопоставлении с исследованиями других ученых по иным источникам ряда проблем истории Центральной Азии, в основном Восточного Туркестана и Средней Азии (см.: Боровкова, 1989; ее же, 1992; ее же, 2001; ее же, 2005), убедительно доказали богатство и высокую научную ценность их.

Династийные истории древнекитайских империй составлялись, как правило, вскоре после их падения, но по их архивам, записям их дворцовых историографов, т. е. современников описываемых событий, по собранным ими документам. Многие события в них датированы годами, месяцами и нередко даже днями правления того или иного императора в точной хронологической последовательности. Описания иноземных царств содержат в большинстве случаев данные о расстоянии от столицы китайской империи до столицы того или иного царства и до столиц ближних к нему других царств, измеренном в китайской

мере длины (*ли*) того времени по основным караванным путям, по которым только и ходили богатые посольские караваны. Они позволяют весьма точно определить местоположение и столицы и самого царства. Сведения о местоположении царства и о его истории китайские дворцовые историографы записывали со слов послов, либо своих, имперских, побывавших в этих иноземных царствах, либо прибывавших к императорскому дворцу послов из этих царств. А поскольку при дворе принимали лиц только в ранге сановника, то и ранг иноземного посла должен был быть не ниже. Обычно послами становились люди образованные, хорошо знавшие историю и политическое положение своего царства. И потому их сведения в основном достоверны.

К сожалению, специальных исследований синологами материалов по истории данного региона, этих ценнейших источников, написанных на древнекитайском языке, очень мало. Известны лишь единичные статьи по отдельным проблемам истории интересующего нас периода (см.: Сиратори, 1928; Еноки, 1959; его же, 1959; Маенхен-Хелфен, 1945). Поэтому неудивительно, что до сих пор при многочисленности исследований истории данного региона и данного периода по другим источникам согласия по основным вопросам (кто, например, такие хиониты, эфталиты, кидариты, когда, откуда они пришли и куда они исчезли) так и не достигнуто.

Все сказанное выше объясняет, полагаем, принятую нами структуру предпринимаемого исследования: сначала рассматривать наиболее значимые сведения из трудов западных — армянских, римских, византийских — авторов, современников событий, а затем уже, соотнося с выясненными по ним фактами, исследовать подробно сведения древнекитайских историков по собственной методике, разработанной в предыдущих исследованиях.

Но история Средней Азии III в. — это продолжение истории предыдущего периода, I–II вв., т. е. истории Кушанского царства и его соседей. Ее основные вопросы — местонахождение исходных земель кушан, время создания и гибели их царства и многие другие — остаются пока спорными. Бесспорно, однако,

то, что ясно из сообщения в «Хоу Хань шу» («Истории Поздней Хань»): Кушанское царство и есть царство Большое Юэчжи, в котором к власти пришла новая династия. Поэтому для более точного понимания сведений источников об этнополитической ситуации в Средней Азии в III в. очень кратко в качестве введения изложим результаты подробного исследования нами истории и царства Большое Юэчжи, и Кушанского царства (Боровкова, 2001; ее же, 2005), и их соседей.

В конце III — начале II в. до н. э. процветавшее тогда царство Юэчжи находилось в Ганьсуском коридоре к западу от владений сюннов в Ордосе и по соседству с маленьким царством Усунь, народ которого был этнически родствен юэчжам. Примерно в 182 г. до н. э. юэчжи разгромили царство Усунь, убили его правителя (куньми) и завладели его землями. Усуни бежали в земли сюннов. И туда же воспитатель принес новорожденного сына убитого юэчжами усуньского куньми. Маодунь-шаньюй, правитель сюннов, уже создавший к тому времени державу Сюнну, взял его на воспитание. В 176 г. до н. э. Маодунь-шаньюй завоевал царства Юэчжи, Цян, Лоулань, находившиеся в Восточном Туркестане. Однако и после этого царством Юэчжи продолжал управлять его царь, плативший, видимо, сюннам дань.

Но в 167 г. до н. э. сын умершего в 174 г. Маодуня Лаошан-шаньюй разгромил царство Юэчжи, убил его правителя, а народ вынудил бежать и заселил его земли сюннами. Юэчжи к началу 165 г. переселились в долину р. Или, предварительно разгромив и изгнав живших там саков (сэ). Но вскоре, примерно в начале 163 г., возмужавший при дворе шаньюя молодой усуньский куньми, ставший уже военачальником Сюнну, желая отомстить юэчжам за смерть отца (несомненно с позволения шаньюя) напал на них с сюннуским войском, разгромил и вынудил юэчжей вновь начать переселение. Таким образом, долина р. Или стала владением Сюнну. Однако после смерти Лаошан-шаньюя осенью 162 г. до н. э. куньми стал переселять сюда из Сюнну свой народ — усуней, затем примерно в 161–160 гг. до н. э. провозгласил себя царем нового царства Усунь и отказался подчиняться Сюнну.

Попытка этой державы разгромить Усунь провалилась. Вскоре между ними установились дружеские отношения, и сюннуская царевна стала старшей женой усуньского куньми. Так в долине реки Или возникло царство народа, хоть и этнически родственно юэчжам, но ставшего их непримиримым кровным врагом.

Обратим особое внимание на сообщение в «Хань шу» о том, что в новом царстве Усунь в I в. до н. э. проживали, кроме усуней, еще и сюнны, а также саки и юэчжи. Этот факт поможет нам точнее понять этнополитическую историю Средней Азии после 437 г. н. э., когда царство Усунь исчезло.

Что же касается юэчжей, то они, покинув долину Или после поражения от куньми в начале 163 г. до н. э., двинулись сначала на запад, потом на юг по караванному пути, нынешнему тракту Бишкек — Ош, через земли царства Канцзюй, пропустившего их, к северным пределам царства Давань (Ферганской долины). Но это земледельческое царство не приняло и даже не пропустило через свои земли юэчжей, многочисленный кочевой народ, что и стало затем, полагаем, причиной многовековой вражды юэчжей с Давань. Обойдя ее с севера, юэчжи вышли к ее западной границе с Дася, известной в то время на западе как могущественнейшее Греко-Бактрийское царство во главе с Евкратидом (171–155). Естественно, что юэчжи, изнуренные двумя дальними переселениями, войнами с сюннами, саками и с усуньским куньми, столкнувшись с могущественным войском Евкратиды, потерпели поражение и подчинились ему. Евкратид, намереваясь, видимо, использовать их как заслон от набегов северных кочевников и в своей войне с Парфией Митридата I (171–138), позволил им поселиться в землях к северу от р. Гуйшуй (Сырдарья), где они примерно в начале 162 г. до н. э. и создали кочевое царство Большое Юэчжи. А к югу от р. Гуйшуй продолжало существовать Греко-Бактрийское царство оседлых земледельцев, названное древними китайцами Дася, со столицей в г. Ланьши.

После убийства Евкратиды в 155 г. до н. э. и распада Греко-Бактрийского царства, т. е. Дася, на ряд владений Большое Юэчжи продолжало находиться на северном берегу р. Гуйшуй и признавать ставшую явно номинальной зависимость от сына

Евкратида Гелиокла, владевшего столицей Ланьши. Поэтому в 129 г., когда ханьский посол Чжан Цянь прибыл в Большое Юэчжи, имевшее, по его данным, сильное войско, с предложением заключить союз с Хань для борьбы против Сюнну, правитель его, а он был великим наследником юэчжийского царя, убитого сюннами в Ганьсуском коридоре, «стремясь к миру и спокойствию», отказался заключить союз, и правитель Дася, к которому обратился Чжан Цянь, не мог принудить его к этому.

Историко-географическое исследование сведений Чжан Цяня о местонахождении г. Ланьши, изучение других материалов «Ши цзи» и династийных историй позволило локализовать Ланьши на месте обнаруженного советскими археологами огромного древнего городища у нынешнего г. Шахринау к западу от Душанбе.

Последний раз Дася как независимая страна упоминается в «Ши цзи» в 102 г. до н. э. А из сведений за I в. до н. э. в «Хань шу» очевидно, что лежавшая к югу от р. Гуйшуй (Сырдарьи) Дася исчезла с политической карты региона. На ее месте расположилось царство Большое Юэчжи, и город Ланьши стал его столицей. В «Хань шу» сказано, что юэчжи «переселились сюда», т. е. в земли Дася, раздробленной на мелкие владения. Очевидно, что юэчжи переселились в Дася мирно, скорее всего, потому, что мелкие владетели Дася сами пригласили их. Ввиду угрозы со стороны Парфии (Аньси), необычайно усилившейся при Митридате II Великом (123–88), они, вероятно, предпочли принять власть и защиту юэчжей, которые хоть и располагали давно уже сильным войском, тем не менее продолжали дружески соседствовать с ними.

Несомненно, об этом событии говорится в сообщении Страбона о том, что Бактриану «отняли» у греков (а, заметим, не завоевали) четыре племени кочевников — асии, пасианы, тохары и сакаравалы, вышедшие с северного берега Яксарта (Сырдарьи), где они соседствовали с согдианами и саками. И тот факт, что спустя несколько веков древняя Бактрия стала называться Тохаристаном, доказывает, что именно племя тохаров было среди них самым многочисленным и этнообразующим.

Исследование сведений в «Хань шу» показало, что Большое Юэчжи овладело лежавшей к югу от Сырдарьи Дася на рубеже 100–99 гг. до н. э., так как сведения об этом Хань получили именно от своих возвратившихся послов, отправленных У-ди (140–87) в середине 99 г. до н. э. в Давань и в царства к западу от нее. Позже, до конца своего существования в 25 г. н. э. Хань не посылала послов в царства к западу от Давань.

По данным «Ши цзи» и «Хань шу», Большое Юэчжи в I в. до н. э. соседствовало: на севере с Канцзюй, простершимся от оз. Иссык-куль до нынешнего Ташкента, на западе с Аньси (Парфией), на юго-востоке — с царством Цзибинь (Северной Индией) и на юге с лежавшим к западу от Цзибинь царством Уишаньли, занимавшим равнинные земли, а таковыми здесь были только земли Южной Бактрии к югу от Амударьи. Очевидно, что владения Большого Юэчжи в основном находились в Северной Бактрии и даже частично к северу от Сырдарьи.

Кроме этих данных о Большом Юэчжи, в его описании в «Хань шу» приведены названия титулов пяти юэчжийских сихоу (князей), обязанных снабжать продовольствием ханьских послов, названы их города-ставки и расстояния до них от ханьской пограничной с Западным краем (Восточным Туркестаном) заставы Янгуань. А в «Хоу Хань шу», истории империи Поздняя Хань (25–220), сказано, что спустя более ста лет после выделения владений этих пяти сихоу один из них, Гуйшуан-сихоу (Кушанский князь) Куджула Кадфиз, разгромив четырех других, стал затем царем Большого Юэчжи, которое получило название Кушанского (Гуйшуанского) царства. Однако полное отсутствие каких-либо хронологических привязок этого события к другим событиям, казалось бы, делало датировку его невозможной. Мною было решено использовать для этой цели имеющиеся в «Хань шу» и последующих династийных историях историко-географические данные, позволявшие, как показали исследования, весьма точно определить местонахождение этих пяти владений. Если они находились к северу от р. Гуйшуй, т. е. Сырдарьи, то они были созданы в Большом Юэчжи во II в. до н. э., прежде чем это царство ов-

ладело на рубеже 100–99 г. до н. э. лежавшей к югу от Сырдарьи Дася. Если же они находились к югу от этой реки, то были созданы, несомненно, после данного события.

Детальное историко-географическое исследование (см.: Боровкова, 2001, с. 168–174; 2005, с. 198–201) показало, что города-ставки всех пяти сихоу лежали к югу от Сырдарьи. Города-ставки первых четырех из них лежали друг за другом с востока на запад на небольшом отрезке (160 км по древней дороге) Великого караванного пути из Хань в Парфию, в районе между нынешними Худжандом и Хавастом, и, следовательно, владения их были маленькими, занимавшими лишь очень небольшую северную часть царства Большое Юэчжи. Это дало основание заключить, что Большое Юэчжи создало эти пять княжеств после того, как завладело огромной Дася. Город-ставка пятого сихоу находилась недалеко, в 53 км древнего расстояния, на караванном пути, отходившем на юг от ставки четвертого сихоу. Получается, что четвертая лежала в районе Хаваста, т. е. на нынешнем Душанбинском тракте в районе Ура-Тюбе, ведущем в столицу царства Большого Юэчжи г. Ланьши, находившуюся на месте древнего городища у нынешнего г. Шахринау.

Все это не оставляет места сомнению в том, что владения пяти сихоу были выделены в Большом Юэчжи для снабжения ханьских послов продовольствием на севере Дася сразу после овладения ею на рубеже 100–99 гг. до н. э. Сто с лишним лет спустя после этого Гуйшуан-сихоу преобразовал Большое Юэчжи в Кушанское царство, т. е., получается, примерно во втором десятилетии I в. н. э.

Таким образом, изучение истории царства Большое Юэчжи позволило определить и местонахождение коренных земель Кушанского царства — к северу от Амударьи, и примерную дату преобразования его в Кушанское царство — второе десятилетие I в. н. э.

Именно это преобразование Большого Юэчжи в Кушанское царство и отражено, с нашей точки зрения, в названии главы «Асии цари тохаров» труда Помпея Трога, приведенном

Юстином. Так что Гуйшуан-сихоу Куджула Кадфиз был, получается, главой племени асиев, живших на севере Большого Юэчжи. Здесь они могли сохранять кочевой образ жизни в первоначальных своих владениях в степях к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи), иметь конницу и обогащаться за счет части доходов от торговли по Великому караванному пути, проходившему в их княжествах по южному берегу этой реки. Правители же Большого Юэчжи из многочисленного племени тохаров поселились в г. Ланьши, бывшей столице Дася, т. е. Греко-Бактрии, среди многочисленной бактрийской земледельческой знати и за сто с лишним лет в значительной мере, как и другие тохары, переселившиеся в Дася, ассимилировались, утратили и свой кочевой образ жизни.

Все эти факторы и использовал Куджула Кадфиз, молодой, честолюбивый и талантливый Гуйшуан-сихоу. Подняв мятеж, он сверг тохарских правителей и около 20 г. н. э. провозгласил себя царем в столице Ланьши. Но после этого ему, считаем, понадобилось много лет для приведения к покорности многочисленных тохарских князей и знатных бактрийцев, провозгласивших себя царями, владения которых находились на остальной обширной территории Большого Юэчжи.

Видимо, именно война с ними убедила Куджулу в необходимости придать своей борьбе не межплеменной, а политический характер. И он назвал свое царство не по названию своего племени, асии, а по своему титулу — Кушанский князь, учрежденному в давние времена тохарскими царями Большого Юэчжи. Так что «кушаны» — это не этноним, не название племени, а общее название населения политического образования, царства, объединявшего целый ряд племен и народов — бактрийцев, тохаров, асиев, пасианов, а позже и друтих.

И лишь спустя не одно десятилетие, ушедшие на упрочение внутреннего политического и экономического положения в Кушанском царстве, Куджула Кадфиз счел возможным приступить к проведению активной внешней политики. В конце 40-х годов I в. н. э. он нанес поражение ослабевшей тогда Аньси (Парфии) и приступил к постепенному подчинению подвластно-

го ей до этого времени царства Гаофу (явно царство Гондофара), располагавшегося в I в. н. э. к югу от Амударьи на месте существовавшего в I в. до н. э. царства, названного китайцами Уишаньли. Но только после того, как Гаофу прочно стало частью Кушанского царства, Куджула Кадфиз, примерно на рубеже 50–60-х годов, предпринял поход с его территории на лежавшее к востоку царство Цзибинь (Северную Индию), завоевал его и включил в Кушанское царство.

После смерти Куджулы Кадфиза, примерно в 80–81 г. н. э. в возрасте 80 с лишним лет, его сын Вима Кадфиз, став царем, вскоре завоевал еще и Тяньчжу (Центральную Индию). После этого, по сообщению в «Хоу Хань шу», Кушанское царство стало «необычайно богатым и процветающим».

А в 87 г., как сказано в том же источнике, от его царя, уже завоевавшего Тяньчжу, явно Вимы Кадфиза, прибыл посол в Позднюю Хань. Этот точно датированный факт дает основание полагать, что начальной датой «неизвестной эры», 187 годом, которой датирована надпись, относящаяся к правлению Вимы Кадфиза, был 100 или 99 г. до н. э., т. е. год, когда Большое Юэчжи завладело Дася и стало действительно большим и абсолютно независимым царством. Оно не могло принять систему летоисчисления иного великого царства, так как в те времена это воспринималось как признание зависимости. И после преобразования Большого Юэчжи в Кушанское царство первые два его царя продолжали использовать привычную эру летоисчисления. Так что эту «неизвестную» эру предлагаю назвать эрой Юэчжи, начавшейся в 100/99 г. до н. э.

Итак, до середины I в. н. э. Кушанское царство со столицей в г. Ланьши занимало только земли Северной Бактрии к северу от Амударьи. К концу же этого века его территория приросла землями царства Гаофу к югу от Амударьи в Афганистане и Цзибинь в Северной Индии, а также Тяньчжу в Центральной Индии. Владения Великого Кушанского царства простерлись от долины Сырдарьи на северо-западе до долины Ганга на юго-востоке. Но столицей его оставался все еще г. Ланьши.

После смерти Вимы Кадфиза, согласно эпитафическим данным, 23 года царствовал Канишка. Он стал самым знаменитым в истории кушанским царем благодаря покровительству буддизму, получившему при нем широкое распространение в Кушанском царстве, особенно в его индийских владениях, а затем и за его пределами. Судя по годам жизни Канишки, по его имени и его покровительству буддизму, можно предположить, что он был сыном Вимы Кадфиза и цзибиньской принцессы. Все это согласуется с сообщением средневекового китайского источника о том, что столицей Кушанского царства при Канишке стал г. Пурушапур (Пешавар), находившийся, в отличие от Ланьши, в Северной Индии, т. е. в середине Кушанского царства, что было удобно для управления его обширной территорией.

Последним царем Великого Кушанского царства, правившим, согласно надписям, 34 года (ок. 166–200), был Васудева, индийское имя которого позволяет предположить, что он был сыном кушанского царя и, видимо, принцессы из Тяньчжу. После его смерти (около 200 г.) Великое Кушанское царство перестало существовать. В индийской его части в начале III в. возникли независимые, собственно индийские царства. Но в коренных, исходных землях кушан, в Северной Бактрии, продолжало существовать Кушанское царство. Это доказывает сообщение, относящееся к началу 230 г., в хронике древнекитайской династийной истории «Сань го чжи» о прибытии в северокайское царство Вэй (220–263), следовательно, через Давань (Фергану) и Шулэ (Кашгар) посла из Юэчжи, т. е. Кушанского царства. А судя по найденным в Северной Бактрии монетам, им правил Канишка III (Зеймаль, 1983, с. 222).

О том же, какова была в III в. судьба владений Великого Кушанского царства к югу от Амударьи, а именно в Южной Бактрии с ее древней столицей городом Балхом, прямых сведений в древнекитайских историях нет. Но такие сведения, как увидим, есть, хотя и краткие, в древних западных, т. е. армянских, иранских и римских источниках.

ГЛАВА I

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАВКАЗ В III–IV веках

§ 1. Западные источники о царствах и народах Средней Азии и Кавказа

Итак, III в. начался с крушения около 200 г. Великого Кушанского царства, значительная часть владений которого находилась в центре и на юге Центральной Азии. Оно распалось на ряд индийских и, видимо, кушанских царств. В 220 г. в Китае прекратила свое существование империя Поздняя Хань, соседствовавшая на западе с царствами Центральной Азии и распавшаяся на три царства: Вэй, У и Шу. В 224 г. пало Парфянское царство, на месте которого, в отличие от Китая, возникло централизованное же царство Иран (Персия), известное по названию династии как держава Сасанидов (224–642).

Таким образом, начало III века ознаменовалось крушением трех великих держав древности, связанных в большей или меньшей степени с судьбами народов Центральной Азии. Более того, с начала III в. в Римской империи, западном соседе и вечном противнике Парфии, стал развиваться кризис, приведший к распаду ее в конце IV в. на Западную и Восточную империи.

Непосредственным западным соседом Великого Кушанского царства в I–II вв. н. э. была Парфия, а далеким восточным — империя Поздняя Хань. После крушения царства его западные, собственно кушанские владения стали соседствовать с Сасанидским Ираном (Персией). О его отношениях с соседя-

ми, в том числе и восточными, сохранились сведения в некоторых дошедших до нас письменных источниках. Они и позволяют выяснить судьбу кушанских владений к югу от Амударьи после распада Великого Кушанского царства около 200 г.

Обратим внимание на то, что примерно с 200 г. и до провозглашения создания Иранского царства после коронации его основателя «царя царей (шаханшаха)» Арташира (Ардашира) I в 226 г. прошла четверть века. В течение этого времени западно-кушанские земли все еще соседствовали с Парфией. А мы знаем, что основатель Кушанского царства Куджула Кадфиз примерно в конце 40-х годов I в. н. э. нанес поражение Парфии (Аньси) и завладел подвластным ей до этого царством Гаофу, лежавшим к югу от Амударьи. Вполне вероятно поэтому, что после крушения Великого Кушанского царства около 200 г. Парфия, хотя и раздираемая междоусобицами, могла пытаться снова завладеть богатыми кушанскими землями к югу от Амударьи, бывшими землями царства Гаофу.

Заслуживает внимания тот факт, что в 215 г., когда римский император Каракалла (Аврелиан Антоний, 211–217) вторгся в глубь Месопотамии, парфянский царь Вологез V (207–222) принял все его требования и закончил войну (Машкин, 1950, с. 569). Скорее всего, он поступил так потому, что борьба за Месопотамию, разграбленную и опустошенную во время войн Парфии с Римом при Септимиусе Севере (193–211) в 196 и 197–199 гг. и ставшую тогда римской провинцией, была ему не так важна, как сохранение парфянского престола. За этот престол примерно в 213 г. начал борьбу правитель юго-западного племени парсов (персов) Парфянского царства Арташир из рода Сасана. В 226 г. он разгромил и убил последнего парфянского царя из рода Аршакидов Артабана V и создал царство Иран, известное как держава Сасанидов.

По сведениям армянского историка конца IV — начала V вв. Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци), в период крушения Парфии кушанскими землями к югу от Амударьи правили родственники парфянского царского рода Аршакидов. Свою

«Историю Армении» он закончил, судя по последним сведениям в ней, в 440 г. В конце ее сначала Моисей привел свое письмо человеку, заказавшему ему эту историю, в котором сообщил: «И ведь я — человек престарелый, немощный и непрестанно занятый переводами и думаю лишь о том, чтобы поскорее закончить (этот труд), а не заниматься тщательной отделкой изложения, чтобы пожелание твое было исполнено, и я бы избавился от твоих настойчивых просьб и слов» (Мовсес, 1990, гл. 65, с. 209). Вслед за этим он сообщил о воцарении персидского царя Язкерта (Ездигерда), что произошло в 439 г., затем о смерти в первый месяц первого года его правления первого каталикоса армянской церкви Сахака Великого, а через шесть месяцев, т. е. в начале 440 г., и о смерти создателя армянской письменности «блаженного Месропа» Маштоца. Этим «Плачем» Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци) по двум великим людям заканчивается его «История Армении» (Мовсес, 1990, гл. 67, с. 210, 211).

Судя по этим сведениям самого Мовсеса Хоренаци, не мог он, полагаем, бывший уже в 440 г. немощным старцем, родиться всего за 30 лет до этого — в 410 г., как принято считать, и не мог умереть в 490 г., т. е. прожить еще 50 лет.

Описывая весьма подробно события третьего века, об источниках сведений о которых Мовсес рассказал, он сообщил следующее:

«После того как Арташир, сын Сасана, убил Артабана (в 226 г. — *Л. Б.*) и вступил в царствование, две ветви Пахлава (рода в Балхе. — *Л. Б.*), называющиеся Пахлавами Аспахета и Сурена, затаившие зависть по отношению к царствующей (в Парфии. — *Л. Б.*), т. е. Арташесовой ветви их собственного рода, добровольно признали царствование Арташира, сына Сасана. Сородичи же из дома Каренова Пахлава, сохраняя верность братским узам, воспротивились <...>, вступили в войну с Арташиром, сыном Сасана» (Мовсес, 1990, кн. III, гл. 71, с. 118–119).

Эти сведения доказывают, во-первых, что в 20-х годах III в. в кушанской земле к югу от Амударьи действительно правили представители парфянского царского рода Аршакидов, т. е.

ставленники Парфии. А Парфия могла завладеть частью кушанских земель только в период распада Великого Кушанского царства, т. е. около 200 г. Тогда она могла захватить его западные земли к югу от Амударьи, в том числе и земли у г. Балх, в первой половине I в. н. э. принадлежавшие подвластному ей царству Гаофу. И Парфия послала управлять ими нескольких членов своего царского рода Аршакидов, бывших и родственниками армянских царей Аршакидов. Ведь известно, что в конце правления римского императора Клавдия (41–54) парфянский царь Вологез V посадил на армянский престол своего брата Тиридата (Трдата), признанного Римом в 62 г. при Нероне (54–68). И, как увидим далее, Арменией до конца IV в. продолжали править цари из парфянского царского рода Аршакидов.

Процитированные сведения Моисея Хоренского доказывают, во-вторых, что после того как Арташир из рода Сасанидов в 224–226 гг. завладел большей частью распавшейся на полунезависимые владения Парфии, разгромил и убил последнего ее царя Артабана из рода Аршакидов и создал царство Иран, правившие западнокушанскими землями члены парфянского царского рода Аршакуни, обратим внимание, **добровольно подчинились ему и, несомненно, поэтому были оставлены управлять ими и дальше в новом царстве, платя дань.** Если бы Арташир завоевал кушанские земли, то получилось бы как с Мервом, Сакастаном и Керманом, правителями которых, царями (шахами), при дворе Арташира I были назначены его сыновья или братья (Зеймаль, 1968, с. 93). Так что царю Ирана Арташиру не надо было совершать восточный поход для завоевания кушанских земель с центром в г. Балхе, они были добровольно сданы ему парфянскими управителями.

По сведениям Моисея Хоренского, выясняется, что ни в последние годы существования Парфии, ни в начале существования царства Иран в кушанских землях к югу от Амударьи с центром в г. Балх ни царства, ни царя не было. С этими данными согласуются и следующие сообщения Моисея. Армянский царь Хосров, унаследовавший престол на третьем году правления

Артабана (213–226) (Мовсес, 1990, гл. 65, с. 115), т. е. в 215 г., вторично пытался противостоять Арташиру и снова

« <...> через вестников призывает своих сородичей — парфянские и пахлавские роды и все воинство кушанов — прибыть к нему, чтобы отомстить Арташиру и дать ему возвести на престол достойнейшего из них, дабы царская власть не была утрачена ими. Но так как те, а именно — упомянутые выше роды, называемые Аспахетовым и Суреновым (Пахлавами), не дают согласия, то Хосров возвращается в нашу страну <...> Тут к нему возвращаются некоторые из его вестников, которые ходили к благороднейшему роду, в глубинную (область) страны, а именно — в самый Балх, и приносят ему весть, что “твой сородич Вехсачан вместе со своим родом Каренова Пахлава не подчинился Арташиру, а на твой призыв направляется к тебе”» (Мовсес, 1990, кн. II, гл. 72, с. 119). Но Арташир вместе с предателями истребил весь этот род, кроме одного младенца, спасенного и унесенного в Балх (Там же, гл. 73, с. 120).

После этого и Арташир пообещал «отпрыскам парфян» «вернуть им исконный дом, называвшийся Пахлав, стольный город Балх и всю Страну кушанов, обещал и царские регалии и почести, половину Арийской страны (Ирана. — Л. Б.) и положение второго после него (лица)» (Там же, гл. 74, с. 120–121). Но Анак из Суренова Пахлава убил Хосрова только после того, как тот уже правил 48 лет (Там же, с. 121), т. е. в 264 г. Только после этого шаханшах Ирана Шапур, сын и преемник Арташира I, мог даровать какому-то кушанскому управителю Кушанских земель из рода парфян титул шаха, царя подвластного Ирану региона (шахра).

Но Е. В. Зеймаль утверждает, что, по сведениям Моисея Хоренского, армянский царь Хосров посылал послов к Вехсаджану и «одновременно» просил помощи у римского императора Филиппа Араба, правившего в 244–249 гг. Поэтому Зеймаль и датирует все эти события 249 г., т. е. периодом правления Шапура I, но в целом делает верное заключение, что Арташир I не совершал восточного похода ни на Балх, ни на какие-либо другие об-

ласти Кушанского царства (Зеймаль, 1969, с. 7). К тому же, добавляет он, в римских источниках нет никаких сведений о борьбе Арташира I с восточными соседями. Но есть сведения о напряженной борьбе Арташира на западе с Римской империей (Зеймаль, 1968, с. 94). И это понятно, так как правители Кушанских земель добровольно покорились ему и платили дань.

Но Моисей Хоренский писал не о «посольстве» Хосрова к Вехсаджану, ибо послов отправляли к царям, а Вехсаджан им не был. Он писал о посылке Хосровом «вестников» и просил своих сродников из парфян и пахлавиков и все воинство кушан прибыть к нему и отомстить Арташиру. Сначала ему принесли весть, что его родич Вехсаджан со своим родом Каренова Пахлава не подчинился Арташиру и направляется к нему, но потом Хосров получил весть о том, что Арташир «по пути» настиг и истребил весь род Вехсаджана, кроме одного мальчика, спасенного и унесенного в Балх. Судя по всем этим сведениям Моисея Хоренского, надо признать совершенно несостоятельными все попытки идентифицировать Вехсаджана, который был не царем, а всего лишь главой одной из правивших кушанскими землями ветвей, заметим, парфянского царского рода Аршакидов, убитым в конце 20-х годов III в., с последним царем Великого Кушанского царства Васудевой, начавшим править задолго до этого — в 166 г.

Нельзя согласиться и с мнением Е. В. Зеймаля о том, что «поход армянского царя Хосрова против Арташира, направление им посольства к Вехсаджану», «поскольку одновременно Хосров просит помощи у римского императора Филиппа Араба (244–249) и Хосровом уже завоевана Армения» (Зеймаль, 1968, с. 107, прим. 5, с. 108, прим. 9), «должны быть» приурочены к промежутку между 244 и 249 гг., т. е., получается, к царствованию уже Шапура I (241–272). Да, у Моисея Хоренского действительно сказано, что Хосров отправил вестников к сородичам, но, узнав после этого о смерти последнего парфянского царя Артабана, тут же отправил письмо императору Филиппу с просьбой о помощи (Мовсес, 1990, кн. II, гл. 71, с. 119). Но ведь ошибка Зеймаля

очевидна: не мог Арташир I, умерший в 241 г., воевать с Вехсаджаном в 249 г., т. е. уже после своей смерти, когда его сын Шапур стал царем — шаханшахом. Да и сам Е. В. Зеймаль отмечает, например, что в римских источниках нет «никаких сведений о борьбе Арташира I с восточными соседями», но есть «сведения о напряженной борьбе на западных и северных границах» (Зеймаль, 1968, с. 94), т. е. с Римом и Арменией.

Именно последний не вызывающий ни у кого сомнений факт действительно дает основание полагать, что Арташир из-за напряженной борьбы на западе с Римом не мог предпринять еще и поход на восток в кушанские земли и уж тем более в Хорезм. Но, как мы выяснили выше по сведениям Моисея Хоренского, ему и не надо было это делать по причине того, что западно-кушанские земли к югу от Амударьи после крушения Великого Кушанского царства были покорены Парфией, а затем правившие этими землями члены ее царского рода добровольно покорились новому царю нового царства Иран Арташиру из династии Сасанидов. И, несомненно, платя ему дань, сохранили свои владения.

Скорее всего, именно дань с богатых кушанских владений помогла Арташиру уже вскоре после коронации собрать мощное войско для похода против Рима, на завоевание Месопотамии, этой богатой житницы региона, от обладания которой зависела тогда во многом мощь правителя Ирана. Правда, Зеймаль пишет (1968, с. 94), что поход Арташира начался «сразу же после победы над Артабаном» (или после коронации в марте 227 г.). А по мнению Луконина, поход состоялся «через три года после коронации», т. е. в 229 г., что, полагаем, более вероятно. И «новый царь царей (шаханшах) Арташир I повел персидскую армию именно в римские провинции — Сирию и Малую Азию. Угроза персидского вторжения была настолько серьезной, что в 232 г. римскую армию в Северной Месопотамии был вынужден возглавить император Александр Север. Римлянам не удалось достичь иранской столицы» (Луконин, 1983, с. 179). Данное описание похода Арташира представляется не совсем точным потому, что попасть

в Сирию и в Азию он мог только завоевав сначала Месопотамию, к юго-западу от которой находилась римская провинция Сирия, а к северу-западу — Малая Азия.

Наиболее точно, хотя и кратко, этот поход Арташира I описал по римским источникам Н. Машкин: «Арташир вторгся в 230 г. в Месопотамию, а его отряды проникли в Сирию и Малую Азию. В 231 г. Александр Север выступил в поход. В 232 г. персы были изгнаны из римских владений, но война стоила больших средств» (Машкин, 1950, с. 571). Между тем Зеймаль почему-то считает, что «231–232 гг. были заняты первой кампанией (Арташира. — Л. Б.) против Александра Севера, 234–235 гг. — второй кампанией» (Зеймаль, 1968, с. 94).

Но в 234–235 гг. Александр Север (222–235) предпринял поход не против персов, а против германцев и во время похода был убит заговорщиками (Машкин, 1950, с. 571).

После его смерти в Римской империи начался период «господства солдатских императоров» (235–283), сменявшихся с необычайной быстротой. Моисей Хоренский писал:

«Римское царство переживало смуты, а императоры Деций, Галл и Валериан (период с 244 по 260 г. — Л. Б.), отбравшие друг у друга власть на короткое время, не оказали помощи Хосрову» (кн. III, гл. 73, с. 120; об этом же см.: кн. III, гл. 76, с. 122).

Именно на этот период — наступления варварских племен на северные границы Римской империи, экономических затруднений, политической нестабильности — приходится правление иранского шаханшаха Шапура I (241–272), сына и наследника Арташира. И трудное положение Рима явно благоприятствовало ему.

Но тяжелая для обеих сторон война 230–232 гг. опустошила казну, скорее всего, не только Рима, но и Ирана. Поэтому неудивительно, что их новое столкновение произошло только несколько лет спустя. Зеймаль кратко замечает, что новое вторжение Ирана в Месопотамию произошло в 239 г. (Зеймаль, 1968, с. 94). А Луконин пишет, что после 237 г. «сын шаханшаха и его

наследник Шапур, командовавший персидской армией, овладел Хатрой в Месопотамии, но не добился решающей победы» (Луконин, 1983, с. 179). В этих сообщениях обоих авторов речь идет, скорее всего, об одном и том же событии — ограниченном вторжении в Месопотамию в 237 г. Шапура, бывшего до 241 г. только наследником Арташира I.

Присутствие персов в Месопотамии, несомненно, тревожило императора Гордиана III (238–244): «Он выступил в поход против персов, напавших на Месопотамию. По пути римские войска на Дунае отбросили от границы вторгшихся в Империю варваров. Молодому императору не пришлось закончить войну с персами: он был убит» (Машкин, 1950, с. 575) в 244 г.

Очевидно, что войско Гордиана, выступившее в 242 г., дошло до Месопотамии, где на Евфрате он и был убит. И персы нанесли поражение римским войскам, скорее всего, в отсутствие самого Шапура. Напомним, что в 241 г. умер Арташир I и Шапур, его сын и наследник, стал шаханшахом (241–273). Есть якобы сообщение о том, что он в первый год правления воевал с хорезмийцами, т. е. очень далеко на севере к юго-востоку от Каспийского моря, и с племенами гор у моря, явно Каспийского (Пигулевская, 1946, с. 159), что представляется невозможным.

Новым же римским императором был провозглашен Марк Юлий Филипп, прозванный за свое происхождение Арабом (244–249). Новые правители Рима и Ирана, стремившиеся упрочить позиции в своих странах, поспешили заключить мир, устроивший обе стороны: Шапур получил контрибуцию в 500 тыс. денариев (Зеймаль, 1968, с. 109), Филипп Араб все-таки удержал за Римом Месопотамию и Малую (Западную) Армению (Машкин, 1950, с. 375; Дьяконов, 1961, с. 261).

Возможно, что именно во время этих войн, а не раньше армянский царь Хосров просил, но не получил помощи у Филиппа Араба, о чем и писал Моисей Хоренский (Кн. II, гл. 72, с. 119).

Итак, с 244 г. Месопотамия и Большая Армения Шапуру не подчинялись. Сведения о новых крупномасштабных походах Шапура I на запад относятся уже к периоду правления императо-

ра Валериана (253–260) и его сына-соправителя Галлиена (253–268). При Валериане Римская империя сотрясалась под ударами германских племен на севере, мавританских племен в Африке и персов на Востоке. Последние захватили Армению и стали насаждать в ней зороастризм, ставший государственной религией Ирана, и преследовать христиан. Затем персы вторглись в Сирию (а это, заметим, означает, что они по пути туда завладели северной Месопотамией), заняли на северо-западе город Антиохию, но Валериан отвоевал его (Машкин, 1950, с. 577). Все эти события произошли, надо полагать, не позднее 259 г., так как в 260 г. Валериан в битве за осажденный персами город Эдесса на севере Месопотамии потерпел сокрушительное поражение, попал в плен, где и умер. Персы овладели 36 городами. «Такого поражения Римская империя еще не знала» (Луконин, 1983, с. 179–180). В результате этой войны Шапур I завладел, кроме Армении, Месопотамией и Сирией и, видимо, частью земель римской провинции Азии.

Но уже через два года, в 262 г., Оденат, владетель маленького города-оазиса Пальмира, расположенного на востоке Сирии, разгромил персов в Сирии и в Азии, изгнал их сначала за Евфрат, а потом еще дальше на восток, и отвоевал у Шапура Месопотамию. Сын Валериана Галлиен, ставший единовластным императором в 260 г. после гибели отца, был поглощен борьбой с узурпаторами, захватившими власть в отдельных провинциях, и отражением натиска варваров с севера, с трудом сдерживал натиск на востоке персов. И он дал Оденату титул «вождя Востока», а потом и «императора» и вручил ему командование римскими войсками, стоявшими в восточных провинциях (Машкин, 1950, с. 578; Неронова, 1983, с. 226). Это уже было для Шапура I тяжелым поражением. В его торжественной надписи 262 г. на Кааба-и Зардушт в числе подвластных ему владений названы действительно зависимые тогда от Ирана западная часть Армении и на востоке — Кушаншахр, но не названы потерянные им в том году Месопотамия и Сирия (см.: Зеймаль, 1967,

с. 97). Так что эти официальные сведения в надписи Шапура абсолютно достоверны.

После смерти Одената его честолюбивая жена Зиновия захватила Египет и большую часть римских владений на Востоке, порвала с Римом и вступила в союз с персами. Возможно, именно в это время, а не в 264 г. один из членов парфянских родов, правивших Кушанией, убил ненавистного персам царя Армении Хосрова I и стал царем Кушаншахра. Так что фактически в это время римские провинции Азия, Сирия и Месопотамия не принадлежали ни Риму, ни Ирану. Только император Аврелиан (270–275), добившись некоторой стабилизации положения на западе империи, затеял поход на Восток. Примерно в 271–272 гг. он вытеснил войска правительницы Пальмиры Зиновии из Малой Азии, затем разгромил Пальмиру и взял в плен Зиновию. Но как только Аврелиан выступил домой, оставив римский гарнизон в Пальмире, жители города подняли восстание против римлян. Аврелиан вернулся и в 273 г. разрушил город (Машкин, 1950, с. 580). Таким образом, Аврелиан возвратил значительную часть восточных провинций под власть Рима, а Шапур I в конце своей жизни — он умер в 272 г. — потерпел еще одно тяжелое поражение.

Теперь вернемся к торжественной надписи Шапура I 262 г. на Каабе-и-Зардушт, в которой Кушанское царство (Кушаншахр) перечислено среди подвластных ему владений. То, что в их числе названы завоеванная Шапуrom в царствование Валериана в 50-е годы Месопотамия и в 262 г. Сирия, дает основание считать содержащиеся в надписи сведения достоверными. Так что Кушаншахр тогда действительно продолжал находиться в зависимости от Ирана. В. Г. Луконин, исследовавший вопрос о государственном устройстве Сасанидского Ирана, отмечает, что «раннесасанидское государство первоначально представляло собой лишь федерацию отдельных царств и более мелких владений, находившихся в разной степени зависимости от центральной власти, по-разному связанных с ней экономически» (Луконин, 1983, с. 182–183).

Обратим внимание на то, что в надписи Шапура 262 г. названы не просто «земли кушан», а именно Кушаншахр, т. е. Кушанское царство. Следовательно, к этому времени кто-то из управлявших кушанами после смерти Хосрова получил звание царя, как то и обещал еще Арташир, а кушанские земли, подвластные Ирану, объединились в единое царство. В надписи Шапура 262 г. сказано:

«Я господин Ираншахра. И владею шахрами...», далее дано перечисление названий многих царств, которое заканчивается так: «...Кушаншахром вплоть до Пашкабура и дальше до Каша, Согда и границ Чача» (Зеймаль, 1968, с. 97).

Заметим, что в это время Кушаншахру, подвластному Ирану, принадлежали уже земли к югу и к северу от Амударьи. Но как это случилось, неясно. В источниках того времени нет и намека на Кушаншахр. Ответ на этот вопрос можно получить, полагая, сопоставив изложенные выше сведения Моисея Хоренского за III в. и сведения Фавстоса Бузанда за IV в. Последние подробно будут исследоваться ниже. По словам же Моисея, как уже говорилось, западнокушанскими землями с центром в Балхе, т. е. находившимся к югу от Амударьи, управляли Аршакиды, представители боковой ветви царского рода исчезнувшей Парфии, которая завладела этими землями, несомненно, только в период крушения Великого Кушанского царства около 200 г. и владела ими до своей гибели в 226 г. Затем парфянские управители западнокушанских земель в Южной Бактрии добровольно подчинились основателю царства Иран Арташиру I из рода Сасанидов, и потому он сохранил за ними, при условии уплаты дани, управление этими владениями.

И по сведениям Фавстоса Бузанда за 370 год, кушанский царь, сидевший в Балхе и начавший войну с Шапуром II (309–379), тоже был из парфянского царского рода Аршакидов. Все это приводит к заключению, что Сасаниды до 370 г. не завоевали Кушанское царство в Южной Бактрии с центром в Балхе, ни в Северной Бактрии, иначе управление им было бы поручено членам рода Сасанидов, как это было с другими шахрами. Так

что после объединения южных и северных кушанских земель и до 370 г. Кушаншахр подчинился Ирану добровольно.

Соответственно решается и вопрос о том, чьи владения, Ираншахра или Кушаншахра, описаны в последней фразе надписи Шапура I. Прежде всего, это описание владений Шапура, т. е. Ираншахра, на востоке простиравшихся вплоть до Пашкабура. Это подтверждает и надпись Картира, главы зороастрийских жрецов при Шапуре I, хотя в ней Кушаншахр прямо не называется: «Благодаря мне многие огни и маги по всей стране иранской» ... Далее дан перечень ее владений, кончающийся фразой: «в Апаршахре (?) вплоть до Пашкабура стали процветающими» (Зеймаль, 1968, с. 99). А Пашкабур — это, безусловно, огромный г. Пурушапур, который, согласно буддийским преданиям, записанным Сюань-цзаном в первой половине VII в., был столицей знаменитого Кушанского царя Канишки (около 103–125 гг.) и локализуется, как показало наше исследование (Боровкова, 2005, с. 243), в районе г. Пешавар. А это означает, что владыка Ирана в III в. считал, что его владения доходили только до Пашкабура (Пешавара).

А теперь напомним, что Великому Кушанскому царству в I–II вв. принадлежали все земли Северной и Центральной Индии, Северной и Южной Бактрии, т. е. к северу и югу от Амударьи (Боровкова, 2001). И потому особого внимания заслуживает следующая после названия Пашкабура часть рассматриваемой фразы из надписи Шапура — «и дальше до Каша, Тогда и границ Чача». Это похоже на описание пределов исходных владений Великого Кушанского царства в Северной Бактрии. Оно граничило на западе с царством Аньси (Парфией), владевшей Согдианой и землями к югу от нее, названными персами в III в. Кашем, на севере — с царством Канцзюй, зависимое владение которого, Юйцзянь, находилось в районе Ташкента, а в надписи Шапура названо Чач. Так что во второй половине III в. в Кушаншахр, подвластный Шапуру I, входили и земли Северной Бактрии.

А там, как показал анализ сообщения в древнекитайской династийной истории «Сань го чжи» (Боровкова, 2005, с. 268), составленной в конце III в., о прибытии в самом начале 230 г. в северное китайское царство Вэй посла из Юэчжи, по крайней мере до 30-х годов III в. существовало независимое Кушанское царство, и возглавлял его, судя по обнаруженным монетам, царь Канишка III (Зеймаль, 1983, с. 222), явно из царского рода Кушан. Ясно, что оно не имело отношения к подвластным Сасанидскому Ирану парфянским властителям Кушанского царства из рода Аршакидов и искало поддержки в Северном Китае. Судя же по фразе в надписи Шапура 262 г., и оно уже стало частью подвластного Ирану Кушаншахра.

Но при Шапуре I (241–272) упоминаний имени кушанского царя нет. И это, думаем, не случайно. Известно, что Шапур I назначал «царями» в наиболее важные шахры своих сыновей, царевичей: Нарсе стал «царем саков», управляющим «Индией, Сакастаном и Турестаном до побережья моря» (Зеймаль, 1968, с. 100), Шапур — царем Мешана, Хормизд — царем Армении, Варахран — царем Гиляна и, видимо, Кермана (Зеймаль, 1968, с. 109). Но если при Шапуре I существовало Кушанское царство (Кушаншахр), то был и кушанский царь. Однако о кушанских царях персы не упоминали скорее всего потому, что этими царями стали потомки парфянской династии Аршакидов после того как в 262 г. Анак из Суренова Пахлава все-таки убил армянского царя Хосрова, за что еще Арташир обещал в награду убийце корону.

По этой же, видимо, причине нет сведений и о том, завоевал ли иранский Кушаншахр Кушанское царство в Северной Бактрии и когда, или они воссоединились добровольно, чтобы общими силами противостоять возможному военному вторжению властителя Ирана Шапура. Во всяком случае в надписи сына Шапура Нарсе из Пайкули 293 г. в перечне «союзных царей» и полузависимых владетелей впервые упоминается, но опять же без имени, «царь Кушан» (Зеймаль, 1968, с. 101), что, полагаем, свидетельствует о возрастании мощи этого царства.

Возрастание мощи и относительной самостоятельности Кушаншахра, признававшего власть Ирана, произошло, по-видимому, в период политической нестабильности в Иране, когда после смерти Шапура I (241–272) началась борьба за трон. Сначала шаханшахом стал сын Шапура Хормизд-Арташир I (272–273), затем — Варахран I (273–276), другой сын Шапура, бывший до этого, как отмечалось выше, царем Гиляна и, возможно, Кермана. Но через четыре года при поддержке главы зороастрийских жрецов и главного реформатора зороастризма Картира шаханшахом стал Варахран II (276–293), сын Варахрана I, и государство быстро пошло по пути к теократии (Луконин, 1983, с. 188). Вступивший в 293 г. на трон сын Варахрана II Варахран III был свергнут с престола третьим сыном Шапура I — Нарсе (293–302) (Дьяконов, 1961, с. 263–264). Пал и Картир (Луконин, 1983, с. 192). Ставший главным жрецом Атурпат Михраспандан начал новую реформу зороастризма, вследствие которой шаханшах становился и верховным жрецом. После Нарсе на трон вступил Хормизд II (302–309), затем шаханшахом стал его младший, явно малолетний сын Шапур II (309–379). Реформа зороастризма продолжалась. В это время правящая верхушка Армении все более ориентируется на Восточную Римскую империю.

На этот период политической нестабильности в Ираншахре (с 272 по 309 гг.) приходится сначала успех, а затем и крупное внешнеполитическое поражение его. В первые годы правления римского императора Диоклетиана (284–305), с воцарением которого закончилась эпоха господства солдатских императоров (235–283), персы сначала успешно вторглись в Армению и изгнали ее царя Тиридата III, а также в Месопотамию, власть над которыми Сасаниды утратили после полного разгрома Пальмиры Аврелианом в 273 г. Но в 287 г. при поддержке Диоклетиана на царский престол Армении вернулся Аршакид Тиридат (Трдат) III. Затем в результате похода Диоклетиана, поддержанного Тиридатом III, и разгрома персов Рим и Иран, великие державы, заключили в 298 г. мир в г. Насибин. Обе стороны признали независимость Армении, отнесенную, однако, к сфере

интересов Рима. Кроме того, Рим упрочил свои позиции в Месопотамии (Машкин, 1950, с. 599; Закавказье, 1983, с. 205).

В долгое правление Тиридата III (297–330), прозванного Великим, Армения процветала. Именно он в 301 г. (или в 314 г.) провозгласил христианство государственной религией, признанное таковой в Риме только в 325 г. С этого времени христианство стало главным идеологическим оружием армян в борьбе за независимость от персов, пытавшихся насаждать зороастризм.

Итак, исходя из сведений надписи 262 г. шаханшаха Шапура I (241–272) на Кааба-и-Зардушт, официального источника, не вызывающего сомнений в его достоверности, и из согласующихся с ними материалов за III век армянского историка Моисея Хоренского и других, выясняется следующее.

После крушения Великого Кушанского царства около 200 г. на его индийских землях возник ряд независимых собственно индийских княжеств. А его земли, расположенные к западу от Пурушапура (Пешавара) и к югу от Амударьи, где в первой половине I в. н. э. находилось зависимое от Парфии (Аньси китайских историй) царство Гаофу (Гондофара?), снова были захвачены Парфией, которая поставила управлять ими людей из своего царского рода Аршакидов. А после крушения Парфянского царства в 226 г. эти управители кушанских земель из рода Аршакидов предпочли, как следует из сведений Моисея Хоренского, не воевать с Арташиром I, создавшим на месте Парфии царство Иран (Персию), а добровольно подчиниться ему, платить дань и сохранить за собой управление кушанскими землями. А к северу от Амударьи, по сведениям китайской истории «Сань го чжи» (конца III в.), в коренных землях Кушан по меньшей мере до начала 30-х годов III в. существовало Кушанское царство, возглавляемое царем из исконной Кушанской династии, не подчинившимся Сасанидскому Ирану. Но к 262 г. уже все кушанские земли к северу и югу от Амударьи были собраны в единый Кушаншахр (Кушанское царство), который входил во владения Ирана, что очевидно из надписи Шапура I 262 г. И, как увидим далее, в III–IV в. царем подвластного Ирану Кушаншахра, а не просто упра-

вителем, продолжал быть потомок парфянского царского рода Аршакидов.

После заключения в 287 г. мирного договора в Насибине до 337 г. войн между Римом и Ираном, судя по отсутствию сведений, не было. Но в 330 г. умер Тиридат III Великий, армянский царь, и при поддержке войска, посланного римским императором Константином, на трон вступил его сын Хосров II Короткий (330–338) (Мовсес, кн. III, гл. 5, с. 150). В 337 г. римский император Константин (306–337) умер, и его три сына тут же начали междоусобную борьбу за трон. Воспользовавшись этим, в том же году шаханшах Ирана Шапур II (309–379) вопреки насибинскому мирному договору впервые вторгся в Армению и Месопотамию. В Армении на сторону персов перешла часть знати (нахараров), недовольных централизаторской политикой Тиридата III, продолженной Хосровом II. Но другая часть нахараров, сплотившись вокруг царя Хосрова, повела борьбу с персами. И натиск Шапура был отбит (Закавказье, 1983, с. 207).

В правление Хосрова II Короткого (330–338) обострились отношения между Арменией и обитавшими к северу от нее племенами кочевников, о чем сообщил Моисей Хоренский и подробно рассказал в своей «Истории Армении» Фавстос Бузанд. Поскольку эти племена с данного времени начинают играть все более важную роль в истории Кавказа и Средней Азии, будем рассматривать сведения о них внимательно.

Судя по детальному описанию Фавстоса Бузанда, все началось с того, что при Хосрове II правнук христианского первосвященника армянской страны Григория, по имени Григорос, стал католикосом Иверии (Восточной Грузии) и Албании (Азербайджана).

«Приведя в порядок и восстановив все церкви, находящиеся в той стороне, он прибыл в стан аршакидского царя мазкутов, имя которого было Санесан, ибо и их цари и армянские цари были одного и того же происхождения и рода. И он пошел и представился маскутскому царю, повелителю многочисленных войск гуннов, встал перед ним и стал проповедовать хрис-

тово евангелие». Мазкуты, уяснив, что богу ненавистны грабежи, убийства, присвоение чужого имущества, обозлились, как же им жить с таким количеством войска. Они решили, что все это происки царя. «Тогда они поймали дикого коня, привязали юного Григороса к хвосту его и пустили по полю вдоль берега великого северного моря» (Фавстос, 1953, кн. 3, гл. VI, с. 13–15).

В следующей (VII) главе, состоящей из двух страниц, Фавстос подробно, насколько это возможно на двух страницах, описал войну маскутского царя Санесана с армянским царем Хосровом. Для нас особенно интересны его сведения о народах, войска которых участвовали в ней. Маскутский царь Санесан, собрал

«все войска, — гуннов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глюаров, шичбов и чилбов, и баласичев и егеованов, и несметное множество других разношерстных кочевых племен, все множество войск, которым он повелевал. Он перешел свою границу большую реку Куру и наводнил армянскую страну» (Там же, с. 15).

Из этих сведений Фавстоса ясно, что в 30-х годах IV в. на Кавказе цари Армении, Албании, Иверии подчинялись царю маскутов. Но ясно и то, что представления Фавстоса о том, кто такие маскуты, были запутанными. Маскутского царя Санесана он называет и «повелителем многочисленных войск гуннов», а в составе этого войска перечисляет кроме «гуннов» множество других племен, живших к северу от реки Куры, названия которых более не встречаются. В описанном же им далее генеральном сражении армян с маскутами он сообщил, что армяне «били, громили войска аланов и мазкутов, и гуннов, и других племен», что в ходе его погиб и маскутский царь Санесан (Фавстос, 1953, кн. 3, гл. VII, с. 16). Очевидно, что все множество ранее перечисленных Фавстосом племен, подвластных Санесану, относились к трем названным здесь большим народам — аланам, маскутам и гуннам.

Маскуты Фавстоса — это, несомненно, массагеты, известные, как покажем ниже, древним грекам с V в. до н. э., обитавшие к востоку от Каспийского моря и к северу от р. Як-

сарт (Сырдарь). Об аланах же, появившихся к северу от Истра (Дунай), а затем и у Меотийского озера (Азовского моря) и на Северном Кавказе, греки впервые узнали и написали в середине I в. н. э. Так что появление маскутов-массагетов и алан в IV веке н. э. на Северном Кавказе было вполне вероятным. Но Аммиан Марцеллин привел речь образованнейшего императора Юлиана (361–363) перед войском в 363 г., сказавшего в ней, что массагеты — это те, «которых мы называем теперь аланами» (Амм., вып. II, 1907, 5, с. 17). Очевидно, что аланы — это те же маскуты (массагеты), о войнах с которыми армянского царя Хосрова I на Северном Кавказе и писал Фавстос Бузанд.

Сообщение же Фавстоса об участии в событиях 30-х годов IV века в Армении «гуннов» явно ошибочно, как и сообщение Моисея Хоренского о стране гуннов при Трдате и Месропе, тогда как гуны впервые появились на исторической арене Юго-Восточной Европы только в 375 г. К рассмотрению сведений об этом и перейдем далее. Но именно данная ошибка и Фавстоса и Моисея позволяет уверенно заключить, что они писали свои «Истории Армении» в самом конце IV — начале V вв., т. е. после того как Армения и Персия в 395 г. подверглись нашествию гунской орды, и в этих краях узнали о таком народе. Не зная истории появления гунов в Европе, но зная, что здесь вместе с ними действовали аланы, давно известные на Северном Кавказе, Фавстос и решил, что гуны вместе с аланами жили и воевали здесь издавна.

И Моисей Хоренский упоминает страну и владения гуннов при описании событий при Трдате и Месропе и сообщает о вторжении северных кочевников в Армению в IV в. при Хосрове II и об их разгроме армянами. В главе под названием «Подвиги Трдата в войне в Алвании, во время которой он рассек пополам царя базилов», Мовсес пишет:

«Увидев своего царя и могучего воина рассеченным надвое столь страшной рукой, вся рать обратилась в бегство. Трдат, преследуя ее, гнал до Страны гуннов» (Кн. III, гл. 61, с. 203).

Месроп же, сообщает Мовсес, в пустынных и укрытых местах на северо-западе Армении проповедует христианство, «а немногих упорствующих из района Баласакана прогоняет во владения гуннов» (Кн. II, гл. 85, с. 130). Не называя конкретные племена и народы (алан, гуннов), он сообщил важную, с нашей точки зрения, деталь:

«В дни Хосрова жители севера Кавказа, узнав о его (Хосрова. — Л. Б.) малодушии и лености и особенно поддавшись подстрекательству Санатрука, свершавшемуся по тайному повелению персидского царя Шапуха, объединившись, выступили в поход и огромной толпой до двух десятков тысяч человек достигли середины нашей страны <...> и наша северная рать разбита и отброшена назад врагами, которые, добравшись до Валаршапота, осадили его». Но потом армяне собирают силы и оттесняют вторгшихся северян «в труднопроходимую и каменистую местность» (Мовсес, 1990, кн. III, гл. 9, с. 152–153). Это позволяет предполагать, что вторжение кочевников с севера Кавказа на Армению было инициировано царем Ирана.

Более того, излагая события последующего периода, Моисей Хоренский сообщил:

«И вообще Тиран установил дружеские отношения с Шапуром вплоть до того, что придя ему на помощь и выручку, избавил его от нашествия северных племен, которые, объединившись, выступили за пределы ворот Чора и расположились на границе Алвании на четыре года» (Мовсес, кн. III, гл. 12, с. 154–155).

Это сообщение Моисея Хоренского особенно важно для решения рассматриваемого ниже спора исследователей о том, где же находились упоминаемые во II в. — середине V в. Ворота Чора и какие народы обитали близ них. Согласно данному сообщению Моисея Хоренского, ворота Чора точно находились на границе Армении и Алвании, где и остановились «северные племена» (Мовсес, кн. III, гл. 12, с. 155).

И еще раньше, излагая историю правления армянского царя Валарша (180–201) в самом конце II в., Мовсес сообщил:

«В его дни орды объединившихся горцев, а именно — хазаров и басилов <...> выйдя из ворот Чора, выплеснулись через реку Кур на эту сторону, а Валарш, встретив их с большой ратью и воинственными мужами, <...> в долгом преследовании пробылся через проход Чора» (Мовсес, кн. II, гл. 65, с. 114, 115).

Так как Кур — это Кура, то вряд ли приведенные сведения Моисея оставляют сомнение в том, что воротами Чора, проходом Чора во II — начале V вв. в Армении называли нынешний Дербентский проход.

А Хосров II, ставший царем Армении после смерти Трдата в 330 г., занимался насаждением лесов. Но в 338 г. он умер, и с помощью римлян «царскую власть над страной Великой Армении взял в свои руки сын Хосрова — Тиран» (338–350) (Фавстос, 1953, кн. 3, гл. XII, с. 25; Мовсес, гл. 9, с. 152–153). При нем глава зороастрийской церкви Ирана повел жесточайшую борьбу с богатыми армянскими нахарарами-христианами. В конце концов персы, используя недовольство им части нахараров, обманным путем схватили царя Тирана, увезли в Иран и ослепили (Фавстос, там же, гл. XII, с. 43–44; Мовсес, гл. 17, с. 60), после чего, по закону персов, он не мог уже быть царем. Отметим, что в последней главе третьей книги и в первой главе четвертой книги Фавстоса персидский царь называется не «Шапух» (Шапур), а Нерсех, а с середины четвертой книги опять Шапух, что было, скорее всего, ошибкой какого-то переписчика последующих веков.

Армянские нахарары преодолели разногласия, сплотились и обратились за помощью к «греческому царю», т. е. римскому императору. Римское войско нанесло поражение персам, и император потребовал от Шапура вернуть всех и все захваченное в Армении. И Шапур «исполнил полностью его требования и отпустил на свободу пленных Армении и царя Тирана» (Фавстос, гл. XII, с. 47).

В 350 г. царем Армении, вопреки намерениям императора Валентиниана, стал сын слепого Тирана Аршак (350–367), подержанный Шапуром.

«Тогда, — писал Фавстос, — установился великий мир. Все люди армянской страны <...> зажили спокойной мирной жизнью под покровительством царя Аршака» (Фавстос, 1953, кн. 4, гл. I, с. 55).

О развитии в последующие десятилетия IV в. отношений между Римом, Ираном, Арменией находим подробные сведения и опять же у армянина Фавстоса Бузанда. О кочевниках же Кавказа, столь внушительно заявивших о себе в правление Хосрова, сообщил знаменитый римский историк Аммиан Марцеллин. Уроженец г. Антиохии, фактической столицы восточных римских провинций, выходец из богатой греческой семьи, Аммиан в 353 г. в звании протектора был назначен в свиту магистра конницы Востока Урзицина. В 354 г. они находились в Антиохии. После краткого пребывания их на западе, в Галлии, они снова прибыли в восточные провинции. Так что Аммиан Марцеллин был не просто современником, а весьма высокопоставленным деятельным участником событий в данном регионе с 353 года. И его «История» — это клад достоверных сведений по истории Рима и связанных с ним стран — Персии, Кавказа, Причерноморья и даже западной части Средней Азии.

Уже в XIV книге — второй из дошедших до нас книг, а фактически глав его труда, за 354–355 гг. Аммиан сообщил (просьба обращать особое внимание на фразы, здесь и далее выделенные нами курсивом):

«Царь Персидский был запутан в войны с соседями и отгонял от своих границ *дикие народы* (курсив наш. — Л. Б.), которые в своем изменчивом настроении часто наступают на него, а иной раз, когда он идет на нас войною, оказывают ему помощь. В ту пору на некоего Ногодареса, одного из персидских вельмож, было возложено поручение делать набеги на Месопотамию, всякий раз как представится к тому возможность <...> И <...> вся граница Месопотамии ввиду постоянных угроз, охранялась сторожевыми постами и фортами <...>» (Амм., 1906, вып. I, XIV, 3, с. 15).

В следующей книге, посвященной событиям 354–355 гг., он опять сообщил:

«Персидские командиры, стоявшие в соседстве с составляющими границу реками, тревожили наши пределы грабительскими шайками, в то время как царь был занят в *крайних областях своих земель*. Они делали дерзкие набеги то в Армению, то — еще чаще — в Месопотамию. А римские военачальники в то же самое время заняты были грабежом достояния покоренного населения» (Там же, XV, 13, с. 104).

Когда в 356–357 гг. римские военачальники, находившиеся в Месопотамии,

«<...> узнали из достоверных и подтверждающих друг друга сообщений лазутчиков, что Сапор (Шапур. — Л. Б.), несмотря на тяжкие понесенные им потери людьми, лишь с *трудом отражает в крайних пределах своего царства враждебные народы*, то попытались завести тайные переговоры через каких-то солдат с персидским военачальником Тамсапором» (Там же, XVI, 9, с. 128–129).

Они уговорили его послать письмо Шапуру и сообщить о намерении Рима заключить с ним мир, что поможет ему справиться с этими далекими врагами.

«Много времени прошло, пока это письмо дошло в область *Хионитов и Евсенов*, где проводил зиму Сапор» (Там же, с. 129).

По окончании зимы 357–358 гг. «царь персидский, все еще находившийся *на приграничьях своего царства с самыми отдаленными народами*, собрался уже вернуться домой, заключив союзный договор с *Хионитами и Гелонами*, отличавшимися особенной воинственностью. Тут он получил письмо Тамсапора» (Там же, XVII, 5, с. 174)¹.

¹ Процитированные сообщения Аммиана опровергают следующее суждение Б. И. Маршака: «Аммиан Марцеллин **ничего не сообщил** о том, что этому союзу предшествовала борьба». Правда, сам Маршак тут же признает, что Шапур воевал с хионитами и геланами, причем указывая — на востоке (Маршак, 1971, с. 65), хотя о войне Шапура именно на востоке в сведениях Аммиана нет и намека.

Все эти сведения Аммиана Марцеллина вряд ли оставляют сомнение в том, что дикими враждебными народами, с которыми Шапур вел в 354–357 гг. тяжелые войны в самых отдаленных приграничьях своего царства и понес тяжкие потери людьми и где он зимовал, и были те самые хиониты, евсены и геланы, с которыми он потом, в 358 г., заключил союзный договор. Эти племена Аммиан назвал в своем латиноязычном труде впервые. С хионитами и евсенами Шапур воевал, а договор заключил с хионитами и гелонами, что позволяет предположить, что именно хиониты возглавляли тех и других.

Особенно важно упоминание среди них гелонов, поскольку вряд ли можно усомниться в том, что это те самые гелоны, которых Аммиан в конце книги описал в ряду аланских племен (Амм., вып. III, XXXI, 2, с. 240). А это дает основание предположить, что и хиониты были аланским племенем. Сведения же Аммиана за 359 г. подтверждают, полагаем, это предположение.

В ответном письме Шапур соглашался на заключение договора с Римом только при условии возвращения ему Армении и Месопотамии, «коварно отнятых, — писал он, — у моего отца» (Там же, XVII, 5, с. 175). Рим не принял его требования, и договор не был подписан.

А в 359 г. Шапур вместе с царями хионитов, албанов и предводителями многих других «соседних народов» во главе огромного войска вторгся в Месопотамию. Они успешно прошли до г. Амида, лежавшего у северной границы Месопотамии на юго-западе Армении, и осадили его. Недавно отозванный из Месопотамии магистр пехоты Урзицин срочно был возвращен в Амиду и с ним Аммиан Марцеллин, описавший эту войну уже как ее участник.

Описание увиденного им расположения персидского войска у Амида весьма информативно:

«Мы увидели все окружающее пространство <...> заполненным несчетной массой войск, во главе — царя, блистающего пурпуром своего одеяния. Подле него с левой стороны ехал Грумбат, новый царь Хионитов, человек средних лет <...> вы-

дающего ума и прославленный множеством побед. С правой стороны ехал царь Албанов, равный с первым по месту и почету, позади — различные командиры, выдававшиеся авторитетом и властью; за ними следовали в огромном множестве избранные люди из отборных сил соседних народов, приученные продолжительными упражнениями переносить всякие тяготы войны» (Там же, XVIII, 7, с. 233).

Из нарисованной картины очевидно, что в ряду войск народов, союзников Шапура в этом походе, главными были войска хионитов и албанов (алванов), возглавляемые их «прославленными царями». О том же свидетельствует и описанная Марцеллином дислокация этих войск, осадивших Амиду:

«Персы обложили город по всей окружности стен: восточная часть <...> досталась Хионитам², южная сторона была отведена <...> (так в тексте. — Л. Б.), северную сторону заняли Албаны, а против западных ворот поставлены были Сегестанцы, самые храбрые из всех воинов; с этими последними медленно выступал, высоко возвышаясь над людьми, отряд слонов с сидевшими на них вооруженными бойцами» (Амм., вып. I, 1906, XIX, 2, с. 250).

Естественно предположить, что хиониты и албаны обитали в одном и том же северном регионе, а не прибыли к г. Амида, что находился на юго-западной границе Армении, из разных и далеких друг от друга и от нее стран к востоку от Каспийского моря. Местонахождение царства Албания по среднему и нижнему течению реки Куры к северу от Армении между Иверией (Восточной Грузией) и Каспийским морем было известно римлянам давно. С ним имели союзные отношения императоры Август (27 г. до н. э. — 4 г. н. э.) и Траян (97–117). Там же Албания находилась и в IV в.

Кроме того, в описании Аммианом осады города Амида в 359 г. персами, хионитами, албанами и другими племенами

² Н. В. Пигулевская ошибочно указала дислокацию хионитов к югу от Амиды (Пигулевская, 1941, с. 36).

есть заслуживающий внимания маленький, но яркий и, как представляется, важный эпизод, характеризующий хионитов. Персы, осаждавшие Амиду, после того как осажденные римляне едва не убили разъезжавшего по своим позициям Шапура, все же решили сначала предложить римлянам сдаться. Назначенный главой переговоров царь хионитов Грумбат приблизился к стенам. Когда они оказались в поле обстрела, один римский наводчик выстрелил из баллисты и убил находившегося подле Грумбата его сына, описанного Аммианом так: «Высоким ростом и красотой этот юноша превосходил своих сверстников» (Там же, с. 248).

Позже Аммиан точно такими же словами начал описание алан:

«Почти все Аланы высоки ростом и красивы видом, волосы у них русоватые» (Амм., вып. III, 1907, 2, с. 242). Это тождество внешнего облика хионитов и алан, сведения Фавстоса об участии алан в войнах с армянами и персами в 30-е и 50-е годы — все это дает основание предположить, что хиониты, как и гелоны, были одним из аланских племен, белокурых европеоидов, обосновавшихся на Северном Кавказе. Неудивительно, что Аммиан о хионитах более не упоминал.

И он привел бесспорное доказательство того, что римлянам в IV веке было совершенно ясно, что массагеты (маскуты), жившие рядом с албанами — это аланы. В рассмотренном выше сообщении Фавстоса Бузанда говорится, что маскуты и аланы вместе воевали с армянами в период правления Хосрова (330–338). А Аммиан привел речь императора Юлиана (361–363), образованнейшего человека, писателя и философа, произнесенную им в 363 г. перед войском во время похода против Шапура, в которой он и отождествил массагетов (маскутов) с аланами.

«Не теперь впервые <...> проникли римляне в Персидское царство. Не стану говорить о Лукулле или Помпее, который, пройдя (в 65 г. до н. э. — Л. Б.) через земли Албанов и Массагетов (которых мы называем теперь Аланами), разбил и это племя (Персов) и видел Каспийское море» (Амм., вып. II, 1907, XXIII, 5, с. 171–172).

Излагая события 375 г., Аммиан прямо написал, «что гунны дошли до земли Алан, древних Массагетов» (Аммиан, вып. III, 1908, XXXI, 2, с. 239). Нет доказательств, что массагеты в 65 г. до н. э. жили на Кавказе. Но нельзя спорить с Юлианом и Аммианом, называвших в IV в. алан древними массагетами. Юлиан, видимо, узнал об этом из труда Диона Кассия, написанного в III в. (о нем скажем позже) и почти недоступного в IV в., а Аммиан — от Юлиана, которого очень почитал.

Рассмотренные сведения дают, полагаем, основание не согласиться с очень путаными умозаключениями ряда современных исследователей, отождествляющих хионитов, т. е. кочевников, с земледельцами кушанами и эфталитами, жившими к востоку от Каспийского моря, и в то же время относящих хионитов, как одно из кочевых племен, к гуннам, которых Прокопий идентифицирует с эфталитами, названными им белыми гуннами, хотя и отмечает различия между ними (см.: Пигулевская, 1941, с. 36, 37, 38; Тревер, 1954, с. 133).

В связи с рассмотрением этого вопроса следует отметить, что Аммиан Марцеллин ни разу даже не упомянул о Кушанском царстве, существовавшем к востоку от Ирана. А в общем обзоре владений Персидского царства в 19-й книге, написанном им, по его признанию, на основании работ своих предшественников, он к числу 18 важнейших его областей отнес «земли Бактрийцев, Согдианов и Саков, далее Скифия <...>» (Амм., вып. II, 1907, XXIII, 6, с. 178).

Затем, говоря об особенностях этих земель, он писал:

«Бактрийцам подвластно много народов, первые между ними Тохары. Страна эта, наподобие Италии, орошается многими реками; <...> Есть и здесь города, расположенные на реках, <...> Хатрахарта, Аликорда, Астакана, Менация и сама Бактра (Балх), откуда пошло имя народа и царства» (Там же, с. 188).

Из этого описания очевидно, что Марцеллин не имел представления о ситуации в его время к востоку от Ирана и о Кушанском царстве.

Но вернемся к рассмотрению сведений о важнейших событиях политической истории, позволяющих выяснить и некоторые вопросы расселения этносов.

После поражения в 359 г. под Амидой римляне воевали с персами в Месопотамии с переменным успехом до осени 363 г., и в ходе войны там умерли два римских императора — Констанций в 361-м и Юлиан в 363 г. После тяжелейшего поражения римского войска осенью 363 г. провозглашенный императором Иовиан заключил «постыдный», по определению Аммиана Марцеллина, договор с Шапуром и по пути домой в начале 364 г. тоже скоропостижно умер.

Аммиан Марцеллин так изложил суть договора Иовиана с Шапуром:

«Иовиан без колебаний отдал все, что от него требовали (а ранее Аммиан сообщил, что Шапур потребовал вернуть ему пять областей с пятнадцатью крепостями и города Низибис и Сингара. — *Л. Б.*), с трудом лишь выговорив условие, чтобы Низибис и Сингара перешли под власть Персов без жителей и чтобы разрешено было Римлянам удалиться из уступаемых укреплений под защиту наших пограничных постов. К этому сделана была еще весьма тяжкая и вероломная добавка, а именно, чтобы после этого соглашения не оказывать помощи против Персов нашему всегдашнему верному другу Арсаку, в случае если он будет о том просить. Тут был двойной умысел: наказать человека, который по поручению императора опустошил Хилиоком, и выждать случая сделать без затруднений нашествие на Армению. Поэтому и случилось впоследствии, что Арсак был взят живым в плен и Персы во время раздоров и волнений отняли у него значительное пространство земли на пограничье с Мидянами и город Артаксату» (Амм., вып. II, 1907, XXV, 6, с. 264, 265). Договор был заключен на тридцать лет (Там же, с. 266).

Замечание Аммиана о том, что армянский царь Аршак по поручению императора опустошил подвластную персам местность Хилиоком, согласуется с его предшествующим сообщением о поручении императора Юлиана в начале 363 г. царю Армении

Аршаку «собрать большую армию и ожидать приказаний, куда ему направиться» (Амм., вып. II, 1907, XXIII, 2, с. 157). Не противоречит этому и сообщение Фавстоса Бузанда о том, что до заключения мира в 364 г. между Арменией и Ираном «возгорелась война, пошли бои и сражения между армянским царем Аршаком и персидским царем Шапухом, которые продолжались более тридцати лет» (Фавстос, 1953, кн. 4, гл. XX, с. 107). Но из них, заметим, Аршак царствовал с 350 до 363 г., т. е. всего тринадцать лет.

После же заключения в 364 г. договора, по которому Рим отказался от оказания какой-либо помощи Армении, «персидский царь Шапук организовал свои войска и пошел войною на армянского царя Аршака» (Там же). И Аммиан писал в главе за 368 г., что Шапур «стал налагать руку на Армению» (Амм., 1908, XXVII, 12, с. 84). Фавстос же в главах с 22 по 51 (с. 108–126), состоящих часто из одного абзаца, писал о великих победах армянских войск над персами, причем в одной из них сообщил, что армянский полководец «Васак взял армянский отряд, призвал на помощь также гуннов и аланов и (вместе с ними) пошел на помощь армянскому царю против персов» (Там же, XXV, с. 113).

Что касается «гуннов», которых армянский военачальник Васак якобы привлек вместе с аланами для войны с персами, то, как уже говорилось выше, очевидно, что их упоминание в эти 50-е годы IV в. было всего лишь результатом ретроспективного мышления Фавстоса, так как гуны впервые появились у границ Римской империи, как увидим ниже, только в 375 г. Так что Фавстос назвал «гуннами» каких-то других северных кочевников. Отметив преувеличенный патриотический восторг этого автора, надо признать реальность описанной им воинской доблести армян и их успехов, побудивших Шапура «притвориться», что он ищет дружбы и союза с Аршаком.

Предложив Аршаку заключить мир, Шапур пригласил его на пир, где доверчивый Аршак, его полководец Васак и другие преданные ему нахарары были схвачены и закованы в цепи. Потом Васак был зверски казнен, а Аршак заточен в крепость

Ануш, крепость забвения, из которой был только один выход — смерть (Фавстос, 1953, кн. 4, гл. LIV, с. 126–130). В Армению были посланы персидские войска в великом множестве, которые разрушили и опустошили ее, захватили столицу и убили царицу (Там же, с. 134).

Но сын Аршака, названный армянином Фавстосом «Пап», а римлянином Аммианом «Пар», находился в греческой стране. По настоятельной просьбе армянских нахараров и азатов император отпустил его. Поддержанный большим римским войском, он вернулся в Армению и стал царем (368–374) (Там же, кн. V, гл. I, с. 143). Аммиан кратко изложил сведения о вероломстве Шапура в самом конце главы за 366–368 гг., т. е. за 368 год (Амм., вып. III, XXVII, 12, с. 85, 88).

Полководцем-спарпетом вместо растерзанного Шапуром Васака стал его сын Мушег. Он так быстро организовал армянское войско, что вскоре же дважды отразил нападения войск Шапура к юго-востоку от Армении, в Атрпатакане (Фавстос, гл. II, с. 146; гл. IV, с. 148, 152). Расправившись с нахарарами, перешедшими на сторону Шапура, Мушег так же поступал и с поддерживавшими шаха племенами, которые обитали к северу от Куры, — с иверами, албанами и прочими нам не известными, но среди них гунны не упомянуты (Там же, гл. VIII–XIX, с. 161–163).

«А армянский патриарх Нерсес, — сообщил Фавстос, — восстанавливал все разрушенные места в армянской стране, опекал и утешал, восстанавливал и исправлял все нарушенные порядки» (Там же, с. 164).

Фавстос привел свидетельство, одно из важнейших для понимания этнополитической истории юга Средней Азии того времени:

«В это время прекратились военные действия персов против армян, ибо царь кушанов Аршакидской династии, сидевший в городе Балхе, затеял войну с персидским царем Шапухом из Сасанидской династии. Царь Шапух собрал все персидские войска и повел их на войну против него, также он собрал всю конницу, приведенную в плен из армянской страны, и повел с собою,

даже взял с собою на войну армянского царя Аршака. <...> Когда началась война между кушанским царем и персидским царем, то кушанские войска весьма притеснили персидские войска, многих из персидских войск перебили, многих забрали в плен, а остальных прогнали, обратили в бегство» (Там же, гл. VII, с. 158–159). В этой войне евнух Аршака Драстамат «выказал чудеса храбрости», «спас персидского царя Шапура», за что получил от него право просить все, что он хочет. И евнух попросил выпустить на один день из крепости забвения Аршака и чтобы его одели и обслуживали так же, как в дни его царствования. И Шапур был вынужден выполнить эту неслыханную просьбу. Все так и было сделано. Но когда после ужина Аршаку на десерт были поданы фрукты и нож для их разрезания, он, воскликнув о своей горестной судьбе, вонзил нож в себя и умер. Драстамат, вынув из него нож, тут же убил себя (Там же, с. 159–160).

Таким образом, по сведениям Фавстоса, получается, что война Кушанского царства против Ирана и смерть бывшего армянского царя Аршака произошли сразу друг за другом. Но в каком году? После рассказа о пленении Аршака персами в 368 г. и возведении римлянами на трон Армении его сына Папа, но до сообщения о кушанской войне и о смерти Аршака Фавстос сообщил о целом ряде отнюдь не одномоментных событий в жизни Армении: о трех успешных войнах спарапета Мушега с персидскими войсками, о розыске царем Папом патриарха Нерсеса и о назначении его первосвященником Армении, о предателях армянских царей и казни их и о прочем (Там же, с. 144–166). Это дает основание предположить, по сведениям Фавстоса, что между ними прошло года два, т. е. что Кушанская война и смерть Аршака случились не ранее 370–371 гг.

Аммиан отнес захват Шапуrom Аршака и возведение римлянами на трон царя Армении его сына Пара (Папа), как и Фавстос, к 368 г. Но он, как увидим, ошибся, отнеся в главе XXVII к этому же году смерть Аршака и отказ Пара от союза с римлянами. А Фавстос после главы VII своего сочинения, посвящен-

ной кушанской войне и смерти Аршака, сообщил в главе VIII (с. 161–177):

«Потом, когда прекратилась война с персами, <...> Мушег стал громить тех, кто восстал против царства Аршакуни» (Фавстос, 1953, кн. 5, гл. VIII, с. 161), и написал еще 25 главок и глав о событиях последующих лет, прежде чем в XXXII главе сообщил о том, что Пап изменил римлянам, вступив в союз с Шапуrom, и что римляне убили его.

И Аммиан начинает главу XXX за 374–375 гг. с описания «гнусного злодейства: царь Армении Пар пал жертвою тайных козней» (Амм., вып. III, 1908, XXX, 1, с. 193), перечеркивающего его же рассказ об этом событии в XXVII главе. Так что Аммиан датировал смерть армянского царя Пара (Папа) 374 г. и это более согласуется со сведениями Фавстоса.

Итак, Кушанское царство впервые предприняло войну против Ирана, скорее всего, в 370–371 гг. И тот факт, что кушанский царь начал эту войну против Шапура II (309–379), неопровержимо доказывает, что к началу 70-х годов IV в. Кушаншахр, добровольно признавший власть Ирана в III в., стал уже независимым царством и настолько могущественным, что его войско напало и разгромило войско персидское. Столицей его оставался и в это время, судя по приведенным выше сведениям, г. Балх, а царем — один из укоренившихся потомков парфянского царского рода Аршакидов, а не из кушанской династии.

Поражение, понесенное от Кушанского царства, настолько подорвало мощь Ирана, что после 371 г., судя по сведениям Аммиана Марцеллина, Иран уже не мог оказывать реального влияния на ситуацию в Армении. Так, узнав о смерти Пара, Шапур через своих послов потребовал от императора Валентиниана (364–375) отказаться от Армении, но получил отказ и сообщение о подготовке римского войска к походу против него. И Шапур стал готовить свое войско (Амм., вып. III, 1908, XXX, 1, с. 193–201).

Но эти военные планы ни одна из сторон реализовать не смогла. После внезапной смерти Валентиниана в 375 г. ставший

императором его брат и соправитель Валент (364–378) сначала был вынужден умиротворять готов, теснимых с востока невиданным ранее народом гунами, и потом воевать с теми и другими. А Шапур II, зная о глубокой вовлеченности римских войск в борьбу с кочевниками на севере и будучи потому уверен в безопасности своих западных границ, решил в это время взять реванш и предпринял поход на восток против Кушанского царства.

Об этой второй кушано-иранской войне опять-таки сообщил Фавстос Бузанд явно со слов участвовавших в ней двух братьев из знаменитого знатного армянского рода Мамиконянов:

«В это время вернулись из персидского плена два брата из рода Мамиконянов, которых (ранее. — Л. Б.) увел в плен царь Шапух; имя одного было Манвел, другого — Комс. Ибо в это время персидский царь, который был из рода Сасанидов, вел войну с великим царем кушанов, который был Аршакуни и сидел в городе Балхе. И когда персидские войска шли войною на кушанов, персидский царь Шапух со своими войсками послал и тех мужей, которых привел в плен из Армении. С ними пошел и Манвел со своим братом Комсом. Когда во время сражения войска обеих сторон столкнулись друг с другом, персидское войско потерпело поражение от войск кушанов и, получив жестокие удары, обратилось в бегство. (Кушаны), настигнув войско персов, никого из них не оставили в живых, даже одного живого человека не осталось, чтобы весть принести. Лишь Манвел, сын Арташеса из рода Мамиконянов, и его брат Комс, совершив величайшие подвиги храбрости в том сражении, спасли свою жизнь, и из персидских войск только эти двое пришли пешком и дошли до персидского царя целыми и невредимыми, совершив много подвигов.

Но персидский царь очень был огорчен тем, что войска его были перебиты; он еще больше обозлился и рассвирепел, когда увидел, что из всех войск только они уцелели и пришли. Рассердившись <...>, он прогнал их из пределов своей страны и отпустил их в их сторону» (Фавстос, 1953, кн. 5, гл. XXXVII, с. 183).

Естественно, что после этой победы над Шапуром II скорее всего в 375 г., когда в Армении царем уже был Вараздат (375–377), Кушанское царство еще более упрочило свою независимость от Сасанидского Ирана. Так что В. Г. Луконин и Б. И. Маршак были неправы, считая что «в 371–383 гг. Сасаниды окончательно завоевывают кушанские владения в Афганистане» (Маршак, 1971, с. 65).

В последующие годы Кушанскому царству способствовала обстановка в стане этого, ставшего теперь главным, врага его. В 379 г. умер очень уже старый Шапур II. И в Иране при дворе его началась борьба за трон. Только через три года на него вступил брат или дядя Шапура II Ардашир II, но уже в следующем году он был смещен. Его сын Шапур III занял трон только через четыре года, в 386, а через два года тоже был смещен. Но его сыну Варахрану (Бахраму) IV удалось удержаться у власти до 399 г., а при его брате Ездигерде I (399–420) происходит упрочение власти шаханшаха (Дьяконов, 1961, с. 269). Но это уже события V в., которые рассмотрим в следующих главах.

Итак, армянский историк Фавстос Бузанд, писавший, судя по последним датам в его «Истории Армении», на рубеже IV–V вв., сообщил сначала о войнах армян в 30-е годы IV в. с отказавшимися принять христианство кочевниками Северного Кавказа — мас(з)кутами, аланами, гуннами. Но маскуты — это армянское название массагетов, известных Риму с V в. до н. э. как жившие к востоку от Каспийского моря. А судя по словам императора Юлиана (361–363), массагеты — это те, «которых мы теперь называем аланами». Следовательно, в IV в. массагеты и аланы были, скорее всего, двумя группами (союзами) племен одного и того же этноса. О гуннах же, воевавших вместе с аланами, Фавстос упомянул лишь мельком еще раз в описании событий, происходивших в Армении в 50-е годы, безусловно, по ошибке, так как гуны, а не гунны появились в Европе впервые в 375 г., о чем пойдет речь позже.

О кочевниках Северного Кавказа в связи с историей взаимоотношений Армении, Персии и Рима в 50-е годы привел

сведения и Аммиан Марцеллин. Он сообщил о кровопролитных войнах шаханшаха Шапура с «дикими народами» «в крайних областях своих земель» в 357–358 гг., — с хионитами и евсенами, о заключении им в 358 г. договора с этими народами, хионитами и гелонами, об их участии вместе с албанами в осаде персами в 359 г. римлян в г. Амида.

Идентичность описания Аммианом внешнего облика сына царя хионитов и облика всех алан, описание им гелонов, союзников хионитов, в ряду аланских племен, участие хионитов вместе с албанами в осаде Амиды — все это доказывает, что хиониты вместе с гелонами были аланским племенем, жившим в своем царстве рядом с албанами на Северном Кавказе. И это согласуется со сведениями Фавстоса Бузанда о маскутах-аланах, царство которых располагалось в IV в. к северу от Куры и которые воевали с армянами еще в 30-е годы IV в. Принадлежность хионитов к народу алан подтверждается и тем, что Аммиан, излагая историю 60–70-х годов, говорит только об аланах и не упоминает более хионитов.

И этот важнейший штрих в этнополитическую карту юга Средней Азии внес Фавстос Бузанд, сообщивший о двух войнах Кушанского царства с Ираном, происходивших, как выясняется, в первой половине 70-х годов. В 370–371 гг. «царь кушанов Аршакидской династии, сидевший в городе Балхе, затеял войну с персидским царем Шапухом из Сасанидской династии» и разгромил его. Тем самым Кушанское царство заявило о своей независимости от Ираншахра и доказало свое могущество. И тогда в 375–376 гг. Шапур, воспользовавшись тем, что Рим был втянут в борьбу с северными кочевниками, решил взять реванш и снова покорить богатого данника. И он начал войну против Кушанского царства, но и на сей раз потерпел сокрушительное поражение.

Это неопровержимое доказательство могущества в конце IV в. Кушанского царства, возглавляемого царем из династии Аршакидов, и его независимость от Ирана с 371 г. надо учиты-

вать, когда будем анализировать сведения о положении в данном регионе в V в.

§ 2. Вторжение гунов. Были ли они потомками азиатских гуннов, переселившихся в Европу?

Самые важные события, закончившиеся гибелью Римской империи и ее распадом на Западную Римскую империю и Восточную, позже получившую название Византийской, события, коснувшиеся и Персии, и Кавказа, и Средней Азии, произошли в последней четверти IV в. Римская империя уже не смогла воспользоваться ослаблением Ирана после двух его поражений от Кушанского царства примерно в 370 и 375 годах, так как в 375–376 гг. натиск северных кочевников на ее северо-восточные и северные провинции стал устрашающим. Это объяснялось разгромом сначала остготов, а потом и вестготов неожиданно появившимся у Азовского моря ранее неизвестным варварским народом.

Аммиан Марцеллин, в конце IV в. впервые описавший этот народ подробно, назвал его в своем труде *Hunī*, т. е. «гунами» или «хунами», или *Hunogum gens*, т. е. «гунским племенем» с одним «н». Но во второй половине XIX — XX веках в большинстве переводов труда Аммиана и исследований истории Европы периода появления этого народа авторы стали называть его «гуннами» или «хуннами» с двумя «н», и, насколько мне известно, исследователи Вивьен де Сен-Мартен в 1840 г., Е. Друэн в 1895 г., О. Маенхен-Хелфен в 1959 г. и переводчик труда Аммиана на русский язык В. В. Латышев в 1896–1900 гг. называли его, как и Аммиан Марцеллин, *Hunī*, «гунами», а не «гуннами». Как же «гуны» превратились в «гуннов»?

Народ «гунны» или «хунны», как узнали европейские историки в середине XVIII в. из опубликованных тогда сведений из древних китайских историй, обитал с конца III в. до н. э. и до конца II в. н. э. в монгольских степях к северу от лежавших тогда

к югу от Хуанхэ владений двух китайских империй Хань, Ранней и Поздней. Китайское его название состоит из двух иероглифов — «сюн» и «ну», т. е. имеет два «н» посередине. Отсюда его европейская транскрипция — «гунны», «сюнны» или «хунны». К концу II в. н. э. сюнны были разгромлены пришедшими с северо-востока монголоидами сяньбийцами и слились с ними, приняв и их наименование. А к концу IV в. к границам Римской империи подступили гуны, которых большинство европейских переводчиков труда Аммиана Марцеллина и исследователей в конце XIX и в XX веке переименовали в «гуннов». Получилось, что азиатские гунны в 70-х годах IV в. появились в Европе. Могло ли это случиться?

Сначала рассмотрим, как это переименование гунов в гуннов произошло с историографической точки зрения.

В 1756–1758 гг. в Париже отец европейской синологии М. Дегинь опубликовал первую в Европе четырехтомную «Общую историю гунов, тюрков, монголов и прочих западных татар» (Deguignes M. *Histoire générale des Huns, des Turks, des Mongols, et des autres Tartares Occidentaux*. T.I.P., 1756). Это был перевод-пересказ в авторской интерпретации материалов из средневековой китайской исторической энциклопедии по древней и средневековой истории народов Центральной Азии и гуннов в частности. Но, обратим внимание, М. Дегинь, синолог-переводчик, назвал их не «гуннами», с двумя «н» посередине, а «гунами», т. е. так, как Аммиан Марцеллин назвал варварский народ, подступивший к границам Римской империи. Почему? Очевидно, что Дегинь как ученый хорошо знал и древнюю историю Европы. Он был поражен созвучием названий азиатского народа и варваров, неожиданно появившихся у границ Римской империи. Он идентифицировал эти народы, ничтоже сумняшеся назвал азиатский тоже гунами, как и европейский, и высказал мнение о переселении азиатских гунов в Европу (об этом его мнению см.: Бернштам, 1950, с. XXXVI).

Но с начала XIX века в Европе, а потом и в России синологи стали публиковать переводы из оригинальных древнекитай-

ских историй, в том числе разделы о сюннах (гуннах), а также исследования по их материалам истории и этнологии центрально-азиатского региона. И они, в отличие от Дегиня, верно транскрибировали название азиатского народа — гунны или хунны, сюнны. Особенно велик был авторитет отца российской синологии Н. Я. Бичурина (1776–1853). В опубликованном в 1851 г. «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» он дал, в частности, переводы из всех древних китайских историй основных глав, дававших сведения именно о хуннах, которых он в своих «Исторических пояснениях» к текстам относил к монгольским народам (см., например: Бичурин, 1950, т. I, с. 44). В том же году в журнальном сообщении он сожалел о том, что не успел исследовать ряд тем и, в частности, о пути хуннов из Монголии в Европу (Москвитянин, 1851, ч. I, с. 192, см.: Бернштам, 1950, с. XXXVII).

Но и в XIX в., как уже отмечалось выше, Вивьен де Сен-Мартэн, Е. Друэн и В. В. Латышев в своих работах называли европейский народ, как и Аммиан Марцеллин, гунами (хунами).

Однако суждение двух великих синологов, М. Дегиня в XVIII и Н. Я. Бичурина в XIX веке о переселении азиатского народа, названного первым «гунами», а вторым — «хуннами», в Европу, т. е. отождествление их, привело к тому, что со второй половины XIX и в XX веках почти все переводчики и исследователи латиноязычных, грекоязычных, армянских и прочих источников IV–VI вв., включая и «Историю» Аммиана Марцеллина, в которых упоминались европейские гуны, стали называть их «гуннами» или «хуннами» с двумя «н». При этом никаких оговорок об их названии в оригинале источника не делалось и до сих пор не делается.

Более того, несомненно, суждения двух великих синологов стали фундаментом, на котором потом сложилась концепция о Великом переселении народов, которую вернее назвать гипотезой, излагаемая уже давно и в учебных пособиях. Суть ее примерно такова: с начала II в. н. э. гунны-монголы из степей Монголии начали миграцию на запад, в Восточный Казахстан и Семиречье,

по пути включая в свои орды прототюркские и угрские племена. И в начале 70-х годов IV в. они вышли к Волге (Ра), перешли ее и затем у Дона и Приазовья разгромили ираноязычных алан, а уцелевших включили в свою орду. Двинувшись далее на запад, они разгромили готов и вышли к границе Римской империи (краткие изложения этой концепции см.: Пигулевская, 1941, с. 37; Кляшторный, 1983, с. 175; Неронова, 1983, с. 267).

К сожалению, *специальных*, тем более *комплексных* подробных исследований западных и китайских источников для обоснования данной гипотезы обнаружить пока не удалось. Неудивительно, что даже сторонники этой концепции высказывают сомнения в обоснованности ряда ее аспектов, с нашей точки зрения, — основополагающих. Хорошо их сформулировал С. Г. Кляшторный: «Идентификация «азиатских» и «европейских» гуннов нередко вызывала сомнение, так как в источниках нет прямых указаний на их миграцию к западу от среднеазиатских степей. Достоверно неизвестен и язык гуннских племен Востока и Запада, хотя по косвенным данным можно предположить, что их основную массу составляли и там и тут прототюркские племена, язык которых был предком современного чувашского. Это, конечно, не исключает многоязычия гуннских объединений, куда входили предки монголов, тунгусов, угров, а в Средней Азии и на Западе — ираноязычных племен. Наибольшую трудность вызывает объяснение того обстоятельства, что в степях Юго-Восточной Европы гунны появились внезапно в 70-х годах IV в.» (Кляшторный, 1983, с. 175–176).

Следовательно, чтобы концепцию Великого переселения народов принять, ее еще надо обосновать, надо доказать главное — что европейские гуны — это азиатские гунны, что они пришли из Азии. Надо найти хотя бы слабые следы их двухвекового движения через Восточный Туркестан, север Средней Азии или юг Казахстана, выявить сходство европейских гуннов по внешнему облику, обычаям и языку с их предполагаемыми азиатскими собратьями.

Как видим, все эти вопросы касаются истории народов Средней Азии именно того периода, который исследуется в настоящей работе. Поэтому вернемся к труду Аммиана Марцеллина и внимательно рассмотрим его сведения о гунах. Мы будем называть описанный им народ так, как сам автор называл его — гунами, за исключением упоминаний в цитатах или изложения текстов из переводов и исследований, а азиатский народ — гуннами, хуннами или сюннами.

Аммиан Марцеллин в своем труде дал развернутую характеристику гунов и покоренных ими алан, указал район их обитания и направление движения их к границам Римской империи. Поэтому его сведения заслуживают особого внимания. Аммиан — современник и участник описанных им в последней, 31-й главе своего труда событий 375–378 гг., во время которых римляне только и узнали о гунах по рассказам и в результате непосредственных контактов (сражений, пленений, переговоров). Очевидно, что Аммиан детально описал этот народ и покоренных им алан уже после событий тех лет, но в своей «Истории» он предпослал это описание началу событий.

По причине библиографической редкости русских переводов труда Аммиана Марцеллина и важности его сведений об этих двух народах приводим его описания их лишь с небольшими сокращениями по переводу Ю. Кулаковского, изданному в 1906–1908 гг., в котором гуны Аммиана названы гуннами.

О гунах Аммиан сообщил:

«1. <...> Племя Гуннов, о которых древние авторы осведомлены очень мало, обитает за Мэотийским болотом (Азовским морем. — Л. Б.) в *сторону ледовитого океана и превосходит в своей дикости* (курсив здесь и далее наш. — Л. Б.) всякую меру. 2. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко изрезывают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся нарезках, то они доживают свой век до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые, крепкие, шеи толстые, чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуно-

гих зверей, или уподобить тем грубо обтесанным наподобие человека чурбанам, какие ставятся на концах мостов. 3. При столь диком безобразии в них человеческого образа, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной к вкусу человека пище; <...> 4. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; но, напротив, избегают их, как гробниц, <...> тело они прикрывают льняной одеждой, или же сшитой из шкур лесных мышей <...> 6. Голову они покрывают кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами; обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, <...> Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что ни попадется на пути. 8. <...> Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не случается видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. 9. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, <...> 11. <...> Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что не честно, не надежны в слове и темны, не связаны уважением к какой-либо религии или суевию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того изменчивы и скоры на гнев, что иной раз в тот же самый день отступают от своих союзников без всякого подстрекательства, и точно так же без чьего бы то ни было посредства опять мирятся. 12. Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный жадной грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийства, дошел до земли Алан, древних Массагетов» (Амм., вып. III, 1908, XXXI, 2, с. 236–239).

Из первого пункта этой характеристики следует, что гуны были северным народом, обитавшим к северу от Азовского моря и явно далеко, так как сказано «в сторону ледовитого океана». В последнем же, 12-м пункте характеристики гунов сказано, что они дошли до земли алан, древних массагетов. А в последующем описании событий Аммиан Марцеллин сообщил:

«1. И вот Гунны, пройдя через земли Алан, которые граничат с Гревтунгами и обыкновенно называются Танаитами (Донскими. — Л. Б.), произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли» (Там же, XXXI, 8, с. 243) этих самых гревтунгов, остготов, живших к западу от Борисфена, т. е. Днепра (см. карту «Позднеримская империя к 395 г.» по Машкину).

Их царь не смог противостоять натиску гунов и алан и покончил самоубийством. Его преемник, обратив внимание, «оказывал некоторое время сопротивление Аланам, опираясь на другое племя Гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собой» (Там же, с. 243).

Как видим, одни гуны вместе с аланами воевали с остготами, другие же за деньги, т. е. как наемники, помогали остготам против соплеменников и союзников.

Но остготы потерпели поражение и бежали к Днестру. А гуны и аланы двинулись далее на запад против вестготов, тервингов, правитель которых, потерпев поражение, бежал в горы и пытался построить укрепления от Прута до Дуная:

«Гунны теснили его быстрым наступлением и могли бы вконец погубить его своим появлением, *если бы не оставили этого дела вследствие затруднения, в которое их ставило обилие добычи*» (Там же, с. 245). Очевидно, что главной целью гунов был захват добычи, грабеж.

Таким образом, первым народом, разгромленным гунами, были аланы, затем готы, сначала восточные (остготы), потом западные (вестготы). Аммиан так очертил ареал этих войн: «Пока шли эти события, вне пределов империй расходились грозные слухи о том, что среди *северных народов* совершаются новые движения в необычайных размерах, и шла молва, что на всем пространстве от Маркоманов и Квадов до самого Понта множество неведомых варварских народов, будучи прогнано из своих обиталищ внезапным натиском, надвинулось к Истру с женами и де-

тьми. 3. Вначале это известие принято было нашими с пренебрежением по той причине, что в тех пределах по отдаленности театра военных действий привыкли получать известия, что войны или закончены, или, по крайней мере, на время успокоены. Но когда дело стало выясняться в его истине и слухи были подтверждены прибытием посольства варваров, которое настойчиво просило о принятии бездомного народа на правый берег реки, то приняли это скорее с радостью, чем со страхом» (Амм., вып. III, 1908, XXXI, 8, с. 246).

Из этих сведений Аммиана ясно, что война гунов и алан с готами разворачивалась от Понта (Черного моря), т. е. с востока на запад до владений маркоманов и квадов, обитавших восточнее южной части Галлии (Франции).

Далее Аммиан Марцеллин подробно описывает взаимоотношения готов с римлянами. Император Валент дал разрешение готам на мирное поселение в римских землях к югу от Истра. Но вскоре они, ограбленные и поработаемые римскими чиновниками, восстали и двинулись в глубь римских владений. В 378 г. они осадили Адрианополь. В битве погиб император Валент. Но взять город с его мощными крепостными стенами кочевники не могли, сняли осаду и двинулись по пути на Константинополь. В этом описании событий Аммианом Марцеллином важно отметить, что он всего лишь два раза упоминает о том, что готы приглашали себе на подмогу отдельные отряды гунов и алан, соблазняемых надеждой на огромную добычу (Там же, XXXI, 9, с. 262, 291), и два раза приглашали одних алан (с. 273, 278). Очевидно, что в войне готов с римлянами эти народы, гуны и аланы, широкого участия не принимали. Судя по сведениям Аммиана, главной целью гунов в войне был захват добычи. Поэтому естественно предположить, что они не стали в большинстве своем воевать с римлянами, будучи отягощенными богатой добычей, награбленной у разгромленных готов. Они ушли, как увидим по сведениям последующих лет, в основном в ближние земли алан у Меотиды (Азова). Но об этом узнаем позже, а сейчас продолжим анализ сведений Аммиана о гунах и аланах.

Географические сведения Аммиана Марцеллина о местобитании и направлениях походов гунов не дают, с нашей точки зрения, ни малейшего основания даже предполагать приход их из Азии, а четко указывают на гунов как на северный европейский народ, спустившийся на юг к устью Дона и Азовскому морю со стороны Ледовитого океана. С ними согласуются и другие сведения Аммиана о гунах.

Так, гуны, по его описанию — это кочевники:

«Они покрывают тело льняной одеждой или же сшитой из шкурок лесных мышей» (Амм., 1907, XXXI, с. 238).

Но известно, что в то время азиатские народы лен не выращивали и, возможно, вообще не знали о нем. А выращивали лен и ткали льняные ткани жившие к западу от гуннов галльские племена и к востоку — славянские. Гуны же, писал Аммиан, на конях «занимались куплей-продажей». А их жены в кибитках «ткали им жалкие одежды», видимо, из купленного льна. К тому же, по Аммиану, гуны ели «не приспособленную к вкусу человека пищу», не нуждались в огне, не имели даже зачатков какой-либо веры или даже суеверия, не знали «над собой строгой царской власти», а «довольствовались случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин». Н. В. Пигулевская справедливо считала, что эти «гунны» находились на низшей ступени варварства (Пигулевская, 1941, с. 34).

Но все это ни в малой мере не может соотноситься с образом жизни суннов (гуннов, хуннов), живших в III в. до н. э. — II в. н. э. к северу от древнего Китая. Еще на рубеже III–II вв. до н. э. они создали мощную кочевую державу Сюнну, просуществовавшую до 57 г. до н. э. В ней уже был аппарат управления во главе с шаньюем, система управления войском, система наказаний. Для связи с ханьскими императорами и другими правителями соседних стран шаньюи посылали письма, т. е. сунны пользовались письменностью. Все это, хотя и в менее четкой форме, продолжало существовать и после распада державы Сюнну на владения северного и южного шаньюев. Были у суннов свои верования и обряды, предусматривавшие жертвоприношения ду-

хам предков, неба и земли в определенное время года и в определенном месте. Были и многие другие отличия сюннов от европейских гунов, описанных Аммианом Марцеллином. Об обычаях и системе управления у сюннов и их истории можно прочесть в переведенных на русский язык текстах древнекитайских историй и в исследованиях (см.: Бичурин, 1950, т. I; Материалы, 1968, 1973; Боровкова, 2001, гл. 1–2). Предполагать же, что азиатские сюнны одичали за два века переселения, нет основания. Ведь они шли на запад через земли кочевых, но отнюдь не диких народов севера Средней Азии или Южного Казахстана, имевших связи с Китаем.

А теперь обратим внимание на описанное Аммианом Марцеллином у европейских гунов «дикое безобразие в них человеческого образа». Прежде всего, оно состояло в том, что новорожденному мальчику «глубоко изрезают щеки острым оружием, чтобы задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся нарезках», и он доживал до старости без бороды. Отсюда следует, что без этого уродства у мужчин гунов хорошо росла борода. Кроме того, Аммиан отметил у них «обросшие волосами ноги». А борода и волосатые ноги — признаки европеоидных мужчин. Да и крепкие коренастые тела гунов вряд ли дают основание относить их к монголоидам, которые отличаются в большинстве своей субтильностью. Поэтому непонятно, какие из этих сведений Аммиана Марцеллина о внешнем облике гунов дали основание Н. В. Пигулевской заключить: «Аммиан Марцеллин дает описание внешности гуннов, которое имеет характерные черты монгольско-тюркского типа» (Пигулевская, 1941, с. 49). Проведенный нами выше анализ сведений Аммиана Марцеллина не выявил монголоидных черт во внешности гунов.

Обратим внимание на сообщение греческого, т. е. византийского, автора Зосимы, жившего в V в., когда византийцы уже хорошо были знакомы с грабившими их гунами. Он говорит: «Это племя называется гуннами или еще «царскими скифами», о которых Геродот говорит, что они жили на Истре (Дунае)»

(см.: Пигулевская, 1941, с. 39). Ясно, что гунов Зосима относил к европейским скифам.

Но гуны вторглись в причерноморские и придунайские владения готов и, гоня их, подошли к территории Римской империи не одни. Сначала этот северный народ, живший далеко к северу от Азовского моря в сторону Ледовитого океана, спустился на юг к этому морю, разгромил живших у Танаиса алан, включив уцелевших в свою орду, и вместе с ними двинулся на запад и разгромил сначала остготовов, а затем и вестготовов. Аланы, дикий и воинственный народ, стал известен греко-римским авторам с середины I в. н. э. Аммиан, знавший сведения своих предшественников об аланах, сначала описал их местообитание:

«Истр, пополнившись водой притоков, протекает подле Савроматов, область которых простирается до Танаиса, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой Аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни. Имя их происходит от названия гор. Мало-помалу они подчинили себе в многократных победах соседние народы, *распространили на них свое имя*, как сделали это Персы».

И далее он привел краткие сведения о шести аланских племенах, живших друг за другом к востоку от Танаиса — Нервиях, Видинах, Гелонах, Агафирсах, Меланхленах и Антропофагах (Амм., вып. III, 1908, XXXI, 8, с. 240).

А затем уже следует подробное описание образа жизни и внешнего облика алан:

«Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве в далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся Аланами по однообразию обычаев, дикому образу жизни и одинаковости вооружения. 18. Нет у них шалашей, никто у них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в свод кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. <...> 19. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их

вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются насаждения плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. 20. <...> а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами. <...> 21. *Почти все Аланы высоки ростом и красивы видом, волосы у них русоватые* (курсив наш. — Л. Б.), взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на Гуннов, но несколько мягче их в нравах и образе жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой. <...> 23. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть ни покрытого соломой шалаша; но они втыкают в землю, по варварскому обычаю, обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют. 24. Их способ предугадывать будущее странен <...> 25. О рабстве они не имеют понятия: все они благородного происхождения, а *начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах*» (Амм., 1907, XXXI, 8, с. 241–243).

Как видим, Аммиан Марцеллин определил место постоянного проживания алан — к востоку от Танаиса (Дона) и указал маршруты их охотничьих походов на юго-запад к Меотийскому морю (Азовскому морю) и Киммерийскому Боспору (Керчинскому проливу) и грабительских дальних походов на юго-восток в Армению и Мидию, т. е. в персидские земли. А это согласуется со сведениями Фавстоса Бузанда об участии алан в войнах в Закавказье при Хосрове II (330–338) и при Аршаке (350–368). Тем самым взаимно подтверждается достоверность этих сообщений об аланах Фавстоса Бузанда и Аммиана Марцеллина.

Но Аммиан Марцеллин сообщил еще о том, что к востоку от Танаиса на неизмеримых просторах скифских степей

обитают разгромленные и подчинившиеся аланам многие народы, со временем все объединившиеся под названием аланов, и кратко описал шесть из них, явно ближних: Нервии, Видины, Гелоны, Агафирсы, Меланхлены и Антропофаги (Там же, с. 240). Высказанное исследователями предположение, что он взял сведения об этих народах из книг своих предшественников, верно, но лишь частично.

Аммиан Марцеллин действительно написал, по его же словам, общее обозрение земель «от Фракии до Понта по личным наблюдениям и книгам». В книге XXII, в которой он излагал события 361–362 годов, т. е. происшедшие за 15 с лишним лет до непосредственного столкновения римлян с гунами и подвластными им аланами в 375–378 гг., сообщил:

«Неподалеку отсюда лежит Меотийское болото (Азовское море), занимающее весьма большое пространство. <...> Вокруг этих крайних и отдаленных болот обитает множество народов, весьма различных между собою по языку и обычаям: “Яксаматы, Меоты, Языги, Роксоланы, Аланы, Меланхлены, Гелоны и Агафирсы, у которых находятся обильные залежи камня-адаманта. За этими народами еще дальше обитают другие, нам неизвестные, так как они живут далее всех вглубь материка”» (Амм., вып. II, XXII, с. 117–118).

Как видим, в этой главе он просто назвал, кроме алан, еще семь народов, живших вокруг Азовского моря, добавив лишь сообщение о залежах адаманта у агафирсов.

В главе же XXXI за 375–378 гг. Аммиан Марцеллин, после описания столкновений римлян с гунами и аланами, перечислил шесть аланских народов, из которых только два не были упомянуты им ранее, и дал им краткие характеристики. В описании агафирсов на этот раз он сообщил не о залежах адаманта, а о том, что «они окрашивают тело и волосы в голубой цвет». В те времена окрашивать волосы в голубой цвет могли, несомненно, только если волосы были белокурые. И потому можно заключить, что агафирсы были белокурыми. Так что сведения Аммиана об

аланских племенах не были простым повтором ранее написанного, а отражали ситуацию 375–378 гг.

Теперь обратимся к описанию Аммианом Марцеллином внешнего облика собственно алан. Согласно переводу Ю. Кулаковского, опубликованному в Киеве в 1908 г., «аланы высоки ростом, красивы видом, волосы у них русоватые», а согласно переводу В. В. Латышева, опубликованному в Санкт-Петербурге чуть ранее, в 1896–1900 гг., и переизданному в 40-е годы XX века в «Вестнике древней истории», аланы были «с умеренно белокурыми волосами» (ВДИ, 1949, № 3, Латышев, с. 304). Очевидно, что аланы были белокурыми или русоватыми европеоидами, как, несомненно, и гуны, на которых, по важнейшему свидетельству Аммиана, аланы «во всем были похожи», «но несколько мягче их в нравах и образе жизни». Это описание им алан и гуннов, как белокурых скифов, точно совпадает с описанным им тогда же обликом галлов:

«Почти все галлы высоки ростом, белы телом, русоватые, взор у них живой и угрожающий» (Амм., вып. I, XV, с. 101–102).

Аланы появились в Причерноморье из земель к востоку от Танаиса (Дона), разгромили и подчинили по пути ряд народов, сходных с ними по внешнему облику и образу жизни и принявших затем общее название «аланы».

Но аланы, жившие у Танаиса к северу от Меотийского болота (Азовского моря), в конце IV в. были, скорее всего, не очень многочисленны, так как в 375 г. оказались быстро разгромлены и завоеваны пришедшими с севера племенами диких гунов.

А это означает, что появление гунов в Восточной Европе с севера и последующее нашествие их оттуда на запад и юг к границам Римской империи не может рассматриваться как Великое переселение народов из Азии в Европу.

Однако для обоснованного решения этого вопроса необходимо еще рассмотреть и сведения древнекитайских историй за II–IV вв., касающиеся сюннов (хуннов), алан и народов

северной части Средней Азии, чему и будет посвящен следующий параграф.

А пока, завершая рассмотрение политической ситуации к западу от Кушанского царства в последние два десятилетия IV в., по сведениям западных авторов, заметим, что эта ситуация все еще благоприятствовала ему. Рим был поглощен войной с готами, изгнанными гунами и аланами с их земель в римские провинции к югу от Истра (Дуная). В 368 г. в битве за осажденный готами г. Адрианополис пал император Валент. Провозглашенному императором военачальнику Феодосию (379–395) удалось отчасти силою, отчасти уступкою некоторых земель остановить продвижение готов, не умевших брать укрепленные города. И ему еще пришлось бороться с появившимися другими претендентами на императорскую власть.

В Иране же после смерти в 379 г. шаханшаха Шапура II тоже началась скрытая, но ожесточенная борьба за власть. Только в 382 г. на трон вступил Ардашир II, брат или дядя Шапура II, но уже в следующем году он был смещен. Его сын Шапур III стал шаханшахом лишь в 385 г. и правил только до 388 г., но его сыну Варахрану (Бахраму) IV удалось удержаться на троне до 399 г. (Дьяконов, 1961, с. 269).

Ни Рим, ни Иран не могли тогда вести войну за Армению. Поэтому в 387 г. они договорились о разделе ее на сферы влияния. Большая часть, Восточная Армения, отошла Сасанидам, меньшая — Западная — Римской империи. Часть земель в обеих сферах влияния была оставлена под номинальной властью армянского царя из династии Аршакидов, но и эту его номинальную власть Рим упразднил около 390 г., а Иран — в 428 г. (Луконин, 1983, с. 208).

Таким образом, фактически уже после 387 г. Армения как независимое царство, возглавляемое династией Аршакидов, перестала существовать, став, как и ее сосед Албания, частью Иранского царства. Кушанское царство, во главе которого тоже были цари из рода Аршакидов, уже не могло, как прежде, рас-

считывать на помощь своих армянских сродников в борьбе против персов.

Более того, в ближайшее время после раздела Армении она и восточная часть Восточной Римской империи подверглись нашествию кочевников гунов. В 395 г. император Римской империи Феодосий, умирая, разделил ее между двумя своими сыновьями: Западную Римскую империю, латиноязычную, отдал Гонорию (395–423), а Восточную, грекоязычную, народ которой назывался ромеями, — Аркадию (395–408). И вторжение именно в том году гунов в Армению и Восточную Римскую империю описал латинский писатель Иероним, совершивший в 395 г. паломничество на восток и написавший оттуда два письма, дошедших до нашего времени. Он сообщал:

«Весь восток содрогнулся от сообщений вестников, что от далекого Меотиса, земли ледяного Танаиса и страшного народа массагетов, где в Кавказских ущельях Александр дверью запер дикие народы, вырвалась орда гуннов. <...>» (цит. по: Пигулевская, 1941, с. 40).

Далее Н. В. Пигулевская излагает другие сведения Иеронима: «Иероним упоминает области на запад от Евфрата, который гуннские орды, прорвавшиеся на Кавказе, должны были перейти. Он сам находился, по-видимому, в одной из этих областей. Гунны захватили огромное количество пленных, а благодаря своей «неукротимой жажде золота» собрали множество добычи» (Там же).

Н. В. Пигулевская приводит свидетельства других авторов, из которых два, Сократ и Клавдий, тоже были современниками этого события (Пигулевская, 1940, с. 40). Сообщение Иеронима о том, что гунны пришли от Меотиса (Азовского моря) и Танаиса (Дона), где жил «страшный народ» массагеты, т. е. аланы, не оставляет сомнения в том, что это были те самые гуны, которые, по сведениям Аммиана Марцеллина, в 375 г. разгромили алан и потом вместе с ними ограбили восточных и западных готов, захватили такую огромную добычу, что далее с ней не могли уже двигаться. И получается, что отягощенная добы-

чей орда гунов и алан вернулась в ближние и благодатные земли алан у Меотиса. Потом, когда запасы стали скудеть, скорее всего, именно аланы, старожилы этого региона, стали инициаторами и проводниками вторжения гунов в 395 г. в Армению и далее в восточные земли Восточной Римской империи. Ведь по согласующимся сообщениям Аммиана Марцеллина и Фавстоса Бузанда об аланах, они и ранее воевали с Арменией и Персией и даже вместе с Персией против Рима.

Так что в 395 г. в восточные районы Византии вторглись через Кавказ гуны с подвластными им тогда аланами, и их орда стала известна византийцам под общим наименованием «прославившихся» своей дикостью и жестокостью гунов. Вскоре в этом районе впервые упоминаются «белые гунны». Н. В. Пигулевская в 1941 г. написала об этом так: «Еще к концу IV и началу V в., ко времени императора Аркадия (395–408 гг.), относятся указания источников о пребывании белых гуннов на Кавказе. Житие Петра Ивера, относящееся к V в., первоначально было написано по-гречески, но сохранилось только в сирийском переводе. В этом агиографическом памятнике сообщается, что Фарасман, родом ивер, имел звание военачальника, достиг власти и был хорошо известен при дворе “Аркадия, ромейского царя”, но когда его интимная связь с императрицей Евдоксией, женой Аркадия, была раскрыта, он был вынужден бежать и “быстро достиг своей земли”. Здесь он попытался занять престол, что ему удалось с посторонней помощью. “Когда он воцарился над иверами, он взял с собою белых гуннов (приведено сирийское написание. — Л. Б.), бывших соседями иверов”». Дальше Н. В. Пигулевская привела сообщения о том, что «белые гунны» «были причиной многих зол для тех, которые были в подданстве у ромеев. Это, несомненно, указание на ужасающее опустошение, которое те произвели в Месопотамии и прилегающих областях» (Пигулевская, 1941, с. 37–38).

Вряд ли можно усомниться в том, что в «Житии Петра Ивера» под «белыми гуннами» подразумевалась та часть гунской орды, представлявшей смесь гуннов и покоренных ими алан, ко-

торая после вторжения в 395 г. в земли Восточной Римской империи осталась жить на землях кавказских аланских племен — хионитов, гелонов, евсенов — у которых еще в 30-х годах IV в. было свое царство на Северном Кавказе по соседству с Албанией и Иверией.

А поскольку аланы, как явно и гуны, были белокурыми в отличие от черноволосых местных кавказских народов — иверов, албанов и прочих, то их и называли «белыми гунами».

Однако это название — «белые гунны» не прижилось. В V–VI вв. авторы писали просто о гунах и аланах и только еще один раз Прокопий Кесарийский, говоря о гуннах-эфталитах, живших, как увидим ниже, в Средней Азии, назвал их белыми гуннами.

История появления гунов к северу от Римской империи, разгрома ими алан, затем готов, вторжения через Кавказ в области Восточной Римской империи в 395 г. нашла отражение у византийских авторов, в сочинениях, относящихся к началу и первой половине V в., главным образом в так называемых «церковных историях». Напомним, что IV век был веком распространения христианства, признания его государственной религией в Армении в 301 г. и в Римской империи — в 325-м, веком ожесточенного противостояния его с язычеством, острой борьбы различных течений внутри христианства и борьбы за власть. Так что и в церковных историях отводилось место мирской тематике — царям, войнам, восстаниям и т.п.

История Евнапия (341–420), жившего немного позднее Аммиана Марцеллина, доведена до 404 г. Она, как и большая часть церковных историй, дошла до нас в сокращении патриарха Фотия, составившего в IX в. выписки из 280 ныне утраченных книг греческих авторов. Здесь мы используем фрагменты труда Евнапия и работ некоторых других авторов в переводах на русский язык, опубликованных в 1896–1900 гг. и переизданных в «Вестнике древней истории» в 40-х годах XX в., в которых большинство переводчиков уже называли гунов уннами.

Евнапий сообщил о разгроме «уннами» «скифов», т. е. готов, погибших во множестве, и так описал их:

«Во всех, кто их видел, возбуждали презрение их тела, чересчур вытянувшиеся в вышину, слишком тяжелые для ног и суженные в талии, как насекомые <...>» (ВДИ, 1948, № 3, с. 272).

Император приказал принимать скифов (готов) безоружными.

«Но, — писал Евнапий, — один из получивших такое приказание влюбился в белого и красивого лицом мальчика из переселившихся, другой был тронут хорошенькой женщиной из числа пленниц, третий <...>» (Там же, с. 273). Согласно этим сведениям Евнапия, скифы-готы были белокурым и высокорослым народом. Так же, напомним, выглядели и описанные Аммианом Марцеллином аланы и галлы.

Об уннах же Евнапий сообщил, что

«...никто не может сказать ничего определенного о том, откуда вышли унны, где они находились и как прошли всю Европу» (Там же, с. 273), что эти «варвары оказались весьма страшными по своей многочисленности (а не по облику! — Л. Б.) <...> дошло до того, что скифы столько же ужасались имени уннов, сколько римляне — скифов» (Там же, с. 274).

Другие греческие авторы сообщали и более конкретные сведения об изначальном местообитании «гуннов». Так, Маркиан, о котором известно только, что он жил около 400 г. и что сочинение его называлось «Объезд внешнего моря», писал:

«Землю по Борисфену (Днепру. — Л. Б.) за аланами населяют так называемые европейские хуны» (ВДИ, 1948, № 3, с. 279).

Поскольку речь идет о землях по Днепру, общее направление течения которого с севера на юг, то выражение «за аланами» означает «к северу от алан», живших, как давно было известно, у Меотиды, в Северном Приазовье. Хуны, следовательно, жили к северу от алан, обитавших по Борисфену (Днепру), что согласуется с сообщением Аммиана Марцеллина о нападении гунов (хунов) на алан у Меотиды в 375 г. «от ледовитого океа-

на», т. е. с севера. Но обратим внимание на название народа — «хуны». Оно позволяет заключить, что перевод данного отрывка из Маркиана принадлежит не В. В. Латышеву, транскрибировавшему название этого народа в своих переводах с латинского труда Аммиана как «гуны». Однако важно, что и Латышев в переводе труда Аммиана, и переводчик отрывков из сочинения Маркиана писали название этого народа с одним «н», тогда как переводчики других церковных историй писали уже об «уннах» с двумя «н».

А Филосторгий, родившийся около 365 г., в своей церковной истории, которая охватывала период с 300 по 425 г., но дошла до нас тоже в извлечениях патриарха Фотия, сообщил:

«Живущие за Истром скифы вследствие нашествия на них уннов поднялись с родины и переправились мирно на римскую землю. Эти унны — вероятно, тот народ, который древние называли неврами, они жили у Рипейских гор, из которых катит свои воды Танаис, изливающийся в Меотийское озеро» (ВДИ, 1948, № 3, с. 281).

Как видим, Филосторгий тоже видел родину уннов, т. е. хунов, к северу от истоков Танаиса (Дона).

Кроме того, только у Филосторгия находим четкое свидетельство о разделении уннов после разгрома ими скифов-готов на две части — западную и восточную. Он написал:

«Унны сначала <...> опустошив значительную часть Скифии, лежащей за Истром (Дунаем. — Л. Б.), а затем пройдя через замерзшую реку, вторглись своими полчищами в Римскую землю и, пройдя по всей Фракии, разгромили всю Европу; другие же, жившие восточнее, перейдя через реку Танаис и вторгнувшись в восточные области, через великую Армению, ворвались в так называемую Мелитину. Отсюда они напали на Евфратскую область, проникли до Кесарии и, пройдя через Киликию, произвели невероятное избиение людей» (Филосторгий, ВДИ, 1948, № 3, с. 282).

Данное свидетельство современника событий 395 г. объясняет последующую историю создания в 30–40-е годы V в. в Европе гунской державы Аттилы, Алано-Вандальского королевства

в Северной Африке и владений гунов от Северного Кавказа до Меотиды, надолго приковавших к этому региону военные силы Рима и Ирана.

Не менее интересным и важным представляется и свидетельство о местонахождении родины гунов еще одного византийского автора «Церковной истории» — Гермия Созомена:

«Готы, которые раньше жили за рекой Истром и владывали над прочими варварами, будучи изгнанными так называемыми уннами, переправились в римские пределы. Этот народ, как говорят, до тех пор не был известен жившим по Истру фрагийцам и самим готам. Они не знали, что живут по соседству друг с другом, так как между ними лежало огромное озеро, и те и другие думали, что занимаемая ими страна есть конец суши, а за ней находится море и беспредельное пространство воды. Однажды случилось, что преследуемый оводом бык перешел через озеро и за ним последовал пастух; увидав противоположную землю, он сообщил о ней соплеменникам. Другие говорят, что перебежавшая лань показала охотившимся уннам эту дорогу, слегка прикрытую сверху водой. В тот раз они возвратились назад, с удивлением осмотрев страну, более умеренную по климату и удобную для земледелия, и доложили правителю <...> Сначала они небольшими силами попробовали бороться с готами, а потом совершили нашествие с огромными полчищами, победили готов в бою и захватили все их земли» (Созомен, ВДИ, 1948, № 3, с. 306–307).

По-видимому, речь шла о болотисто-озерном крае, занимавшем тогда огромные пространства к северу от Валдайской возвышенности, с которой стекает Днепр.

На основании сообщений всех упомянутых авторов и с учетом ранее исследованного сведения второго века Дионисия Периегета нельзя усомниться в том, что гуны (унны, хуны) были европейским народом, обитавшим к северу от истоков Борисфена (Днепра) и Танаиса (Дона) в болотисто-озерном крае. Оттуда, с севера, они спустились к Меотийскому озеру (Азовскому морю), разгромили обитавших там алан, а потом вместе с ними поверну-

ли на запад и разгромили восточных и затем западных готов к северу от Истра (Дуная). Скорее всего, это движение гуннов вместе с аланами с востока, от Меотийского моря, на запад к пределам Римской империи и стало основанием считать, что гуны пришли с востока, и идентифицировать их с азиатскими гуннами.

В 412 г. с византийским посольством побывал у вестготов и гунов византийский историк Олимпиадор (История Византии, 1967, с. 17–18). Он много путешествовал, наблюдал быт и нравы варваров. Его «История», дошедшая до нас в большом сокращении патриарха Фотия, ценна тем, что содержит одно из самых ранних упоминаний гунов (ВДИ, 1948, № 3, с. 302–305).

Вряд ли столько авторов, писавших о гунах, не отметили бы несомненно удивительные для древних европейцев их азиатские, тем более монголоидные, черты, если бы они у них были, вряд ли бы Аммиан Марцеллин мог считать, что белокурые аланы во всем похожи на гунов, но мягче их по характеру.

Считаем, что исследованные сведения западных авторов конца IV — начала V в. не дают основания говорить о Великом переселении азиатских суннов (гуннов, хуннов) к концу IV века в Европу.

§ 3. Царства и народы Средней Азии и Южного Казахстана во II в. до н. э. — IV в. н. э. по древнекитайским историям

Рассмотренные материалы западных источников по истории региона III–IV вв. до 375 г. касаются, как оказалось, преимущественно южной земледельческой части Средней Азии, лежавшей к югу от Сырдарьи, т. е. бывших коренных владений Великого Кушанского царства I–II вв., и Кавказа. И это понятно, так как судьбы именно этих регионов были теснейшим образом связаны с историей лежавших к югу и западу от них сначала Парфянского царства, а с 226 г. — Сасанидского царства Иран. А история последних, в свою очередь, во многом зависела

ла от их отношений с Римской империей, Арменией и кочевниками Северного Закавказья.

Связь же истории народов южной части Средней Азии III–IV вв. с тем, что происходило в эти века в районах, лежащих к северу от Сырдарьи, по западным источникам не просматривается. Но она становится явной, как полагают исследователи, с конца V в., когда Среднюю Азию якобы наводнили племена кочевников гуннов. Признаваемые главными из них гунны-эфталиты смогли будто бы даже создать великую державу, подчинившую себе и большую часть Средней Азии к востоку от Согдианы и к западу от Восточного Туркестана (Хотана и Карашара), все Припамирье и Северную Индию. Признание такой протяженности державы кочевников эфталитов предполагает их многочисленность, что и делает, с нашей точки зрения, безосновательной гипотезу Л. Н. Гумилева, К. Еноки и Б. И. Маршака, согласно которой эфталиты были выходцами из горного узла Западного Припамирья, немногочисленными, но воинственными (Гумилев, 1967; Еноки, 1959; Маршак, 1971). Но выявленные данные древних и средневековых китайских историй (см.: Боровкова, 1989, с. 74–76, 93–94) и даже современные сведения не дают ни малейшего основания предполагать существование, тем более в древности, сколько-нибудь многочисленного населения в этом горном узле, который, как полагал Л. Н. Гумилев, стал для эфталитского народа «источником мощи и цитаделью его культуры» (Там же, с. 98).

Однако высказана и другая гипотеза, которой придерживается большинство исследователей. Они считают эфталитов кочевниками центральноазиатских равнин. Но столь неопределенная формулировка мало что дает для выяснения местонахождения родины эфталитов, их этнического происхождения, времени создания предполагаемой державы и вторжения в южные земли Средней Азии.

Конкретные сведения, позволяющие решить эти проблемы, есть в раннесредневековых китайских династийных историях, которые, к сожалению, в комплексе не исследовались. Поэтому,

чтобы приблизиться к решению этих проблем этнополитической истории Средней Азии III–IV–V вв., необходимо, полагаем, начать с выяснения по материалам китайских историй истоков племен, слияние которых привело к формированию в Центральной Азии кочевых народов, хлынувших якобы в конце IV в. в земли Средней Азии и Восточного Туркестана, и понять причины, обусловившие успех их вторжения. А поскольку история кочевых царств и народов, существовавших на рубеже эр на севере Средней Азии и Южного Казахстана, восстанавливаемая по материалам древнекитайских династийных историй, была почти неизвестна современникам-европейцам, попробуем изложить ее кратко с самого начала, основываясь на ранее проведенных нами подробных исследованиях материалов этих историй (см.: Боровкова, 1989; *её же*, 1992; *её же*, 2001, 2005).

Впервые при дворе империи Ранняя Хань (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.) узнали о царствах и народах Средней Азии, оседлых и кочевых, от возвратившегося в 126 г. до н. э. из похода туда своего посла сановника Чжан Цяня. По сведениям, полученным в земледельческом царстве Давань (Ферганская долина), в которое он прибыл прежде всего, Чжан Цянь узнал о том, что примерно в 2000 ли³ к северо-востоку от Давань находится кочевое царство (*син го*) Усунь (долина Или) и в 2000 ли к северо-западу — кочевое же царство Канцзюй, а к западу от Давань, к югу от Канцзюй и к северу от р. Гуйшуй (Сырдарья) — кочевое царство Большое Юэчжи. К югу от него и от р. Гуйшуй лежала большая земледельческая страна Дася (Северная Бактрия), которая, как выяснил Чжан Цянь, была раздроблена на множество мелких владений.

Побывав при дворе царства Канцзюй, Чжан Цянь узнал, что примерно в 2000 ли к северо-западу от него находится кочевое царство Яньцай, прилежащее к северному морю (*бэй*

³ 2000 ханьских ли соответствовали примерно 800 км древнего дорожно-го расстояния, или примерно 600–560 км по современным автотрассам. О методике локализации царств по данным о расстояниях между ними, определявшихся тогда между их столицами, см.: Боровкова, 1992а.

хай), которым, несомненно, было Аральское море. Потом, придя в царство Большое Юэчжи, ханьский посол выяснил, что владения царства Яньцай находились также и к северу от Аньси (Парфии). Таким образом, оказалось, что владения Яньцай в последней трети II в. до н. э. простирались от юго-восточного берега Аральского моря до севера Аньси, т. е. до Согдианы, подвластной, как выясняется, тогда Парфии (Аньси). Следовательно, владения Яньцай прилегали к Канцзюй не только на северо-западе, как указал Чжан Цянь, но и на западе. И в то время войско Яньцай в 100 тыс. лучников превосходило войско Канцзюй, состоявшее из 80–90 тыс. лучников.

Кочевое царство Канцзюй находилось, получается, во II в. до н. э. в центре всех этих кочевых царств, существовавших тогда к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи). Но оно поддерживало дружественные связи на востоке с кочевой державой Сюнну, на юго-востоке — с земледельческим царством Давань и на юге — с кочевым царством Большое Юэчжи, расположенным тогда к северу от р. Гуйшуй. И ни одно из них не имело связей с кочевым царством Усунь, что объяснялось историей создания его в этом регионе, определившей в значительной мере и надолго расстановку здесь политических сил (см.: Боровкова, 2001, гл. 10, 11). Поэтому кратко изложим ее.

Усуни издревле имели свое маленькое царство в Ганьсуском коридоре в тесном соседстве с большим царством Юэчжи, имевшим войско в 100 тыс. человек. Но, как выяснено нами, около 182 г. до н. э. царство Юэчжи разгромило маленькую Усунь и завладело ее землями. Правитель ее, куньми, был убит, его новорожденный сын унесен воспитателем в Сюнну, туда же бежал и народ. Так юэчжи стали кровными врагами их древних соседей усуней. В 176 г. в правление Маодунь-шаньюя сюнны покорили царство Юэчжи, обложили его данью, а в 167 г. при Лаошан-шаньюе (174–162) разгромили его, изгнали юэчжей в долину реки Или, вытеснивших оттуда саков (сэ) в Северную Индию. И сюнны завладели благодатными землями юэчжей в Ганьсуском коридоре. А примерно в начале 163 г. молодой усуньский кунь-

ми, воспитанный при дворе шаньюев и бывший уже в это время одним из военачальников сюннуских войск, разгромил в долине Или, несомненно, с дозволения Лаошан-шаньюя своих кровных врагов юэчжей, отомстив за смерть отца, изгнал их, и долина р. Или стала владением державы Сюнну. Но после смерти Лаошан-шаньюя осенью 162 г. усуньский куньми постепенно собрал сюда свой народ, разбросанный в землях Сюнну, и примерно в 161–160 г. до н. э. создал здесь новое царство Усунь, которое отделилось от Сюнну. Сюнны пытались его разгромить, но безуспешно.

Но кроме малочисленных усуней в нем остались жить и часть пришедших с куньми воинов-сюннов, и уцелевшие саки, и часть юэчжей, которых куньми задержал здесь.

Усунь, противопоставив себя Сюнну, стала недругом царств Канцзюй и Давань, имевших издавна дружественные связи с Сюнну, и, естественно, царству Большое Юэчжи, созданному юэчжами, кровными врагами усуней, к югу от Канцзюй и к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи).

Такая политическая ситуация объективно толкала Усунь на союз с Хань, главным врагом которой была тогда держава Сюнну. Для Хань помощь в борьбе с нею со стороны Усунь, западного соседа Сюнну, была важна. Но тенденция к союзу Усунь с Хань стала реализовываться только после того, как Хань в ходе войны с Сюнну в 133–119 гг. до н. э. нанесла ей тяжелейшие поражения: в 127 г. она завладела родиной сюннов в Ордосе, а в 121 г. — благодатнейшими землями Ганьсуского коридора, занятыми Сюнну после изгнания оттуда в 167 г. юэчжей. И сюнны переселились северо-западнее.

В 119 г. до н. э. Хань начала переговоры с Усунь. Но Хань была далеко от нее, а Сюнну — рядом. И Усунь начала лавировать. Сюнну же стала более сговорчивой и поспешила заключить с Усунь династический брак. Сюннская принцесса стала старшей женой усуньского правителя — куньми. Когда же в 107 г. царство Усунь заключило династический брак и с Хань, ханьская принцесса стала лишь младшей женой куньми.

В город Чигу — столицу Усунь к ханьской принцессе стали прибывать все в большем числе ханьские сановники с обслугой и со все более богатыми дарами. С этого времени, несомненно, и начали появляться в усуньских землях люди со значительной примесью монголоидных черт, что и засвидетельствовали археологические памятники (Заднепровский, 1971, с. 29, 32–33). Поэтому неудивительно, что во время ханьско-даваньской войны 104–101 гг. до н. э. Канцзюй поддерживал Давань, а Усунь была на стороне Хань.

В I в. до н. э. политическая ситуация в регионе вокруг царства Канцзюй хотя и менялась кардинально, но в целом благоприятствовала ему. Сначала дружественный ему южный сосед Большое Юэчжи, кочевое царство, мирно овладев на рубеже 100–99 гг. до н. э. раздробленной на мелкие владения обширной земледельческой страной Дася (Северной Бактрией), превратилось в большое земледельческое царство. Большое Юэчжи, занятое прежде всего переселением юэчжей-кочевников в ее земли, их мирным вращением в среду бактрийцев-земледельцев, раза в три превосходивших их по численности, а также централизацией управления этой долгое время раздробленной на мелкие царства страной, гарантировало дружественному Канцзюй мир на его южных границах.

Находившееся к юго-западу от Канцзюй царство Аньси (Парфия) в этом веке было занято, как и прежде, войнами с Римом и все более слабело.

Усунь на востоке все более отдалялась от терявшей могущество Сюнну и все теснее впрягалась в колесницу внешней политики Хань, особенно после того как очередная китайская принцесса стала любимой женой очередного усуньского куньми, Вэньгуйми, правившего долго (ок. 94–66 гг. до н. э.). В 71 г. до н. э. Усунь приняла участие в войне Хань с Сюнну, в которой именно усуньские войска добились большого успеха. Это привело к небывалому росту влияния Усунь в Западном крае (Восточном Туркестане). Несомненно, как раз в это время она продвинула свои владения на восток за счет сюннуских, находив-

шихся к северу от Яньци (Карашара), и заметно увеличила число своих подданных.

В 70 г. до н. э., когда в Сюнну случилось еще и великое стихийное бедствие — выпал снег глубиной в 2,3 м и половина скота и треть населения страны погибли от голода, — с запада на нее снова напали усуни, с севера — ранее подвластные ей динлины, царства которых с этого времени, несомненно, обрели независимость от Сюнну, с востока — Хань и ухуани. И в начале 50-х годов до н. э. некогда великая держава Сюнну, раздираемая теперь внутренними междоусобицами, рухнула, распавшись на части, возглавляемые несколькими шаньюями.

Но Хань, добивая Сюнну, не могла допустить появления нового сильного соседа даже в лице дружественной Усунь. И она инициировала резкое обострение борьбы между двумя дворцовыми группировками, издавна сложившимися в Усунь вокруг двух жен куньми: старшей, сюннуской, и младшей, ханьской. В 55 г. до н. э. под давлением Хань верховная власть в царстве была поделена между так называемым великим куньми — главой проханьской группировки, и малым куньми — вождем просюннуской группировки. Играя далее на их соперничестве, Хань надолго подчинила Усунь своему влиянию (исследование истории Усунь II—I вв. до н. э. см.: Боровкова, 2001, гл. 10, 11).

Прикрываясь своей дружбой с Хань, Усунь стала часто вторгаться в приграничные с нею восточные владения Канцзюй, начинавшиеся тогда от восточного берега оз. Тяньчи (Иссык-Куля), и грабить. Правитель Канцзюй, опасаясь, видимо, вмешательства Хань в случае его войны против Усунь, решил для отпора Усунь пригласить переселиться в свои восточные земли сюннуского Чжичжи-шаньюя (ХШ, гл. 94/2, с. 3302; подробнее историю Канцзюй второй половины I в. до н. э. и первых лет нашей эры см.: Боровкова, 2001, гл. 12). Чжичжи-шаньюй, один из шаньюев, возвысившихся после распада Сюнну в 53 г. до н. э., из опасения правившего к югу от него Хуханье-шаньюя, сдавшего Хань в 53 г. до н. э. и поддерживаемого ею, в 49 г. до н. э. ушел на запад ближе к Усунь, надеясь на союз с нею.

По пути туда он присоединил 50-тысячное войско разгромленного им Илимун-шаньюя (XIII, гл. 94/2, с. 3800). Но Чжичжи встретил отпор малого усуньского кунми, верно-го дружбе с Хань, и, видя многочисленность усуньских войск, повернул на север от Усунь. Здесь он последовательно завоевал три царства динлинов — Хуцзе, Цзянькунь и Динлин. Основав свою ставку в Цзянькунь, Чжичжи стал совершать успешные набеги на северные земли Усунь. Но и здесь он боялся все более крепнувшего под покровительством Хань Хуханье-шаньюя. Поэтому, получив приглашение переселиться в восточные земли Канцзюй, он очень обрадовался и примерно в 42 г. до н. э. выступил из Цзянькунь на запад. Но, потеряв большинство своего народа в этом дальнем и тяжелом переходе, Чжичжи-шаньюй прибыл в Канцзюй всего с тремя тысячами сюннов.

Встреченный радушно, Чжичжи получил в жены дочь правителя Канцзюй с услугой из знатных канцзюйцев и 500 человек для сооружения в течение года стен (*чэн*) вокруг своей будущей ставки. Ее он основал, естественно, недалеко от восточной границы Канцзюй с Усунь, проходившей тогда по восточному берегу Тяньчи (оз. Иссык-Куль), на берегу р. Дулай, которой могла быть только р. Или, а не р. Талас, у которой находилась в центре обширных владений Канцзюй его столица Битянь (Джамбул). Ставка Чжичжи названа в «Хань шу» «городом шаньюя» или «городом Чжичжи». Заметим, что «стена» и «город» обозначаются одним и тем же иероглифом «*чэн*».

Отсюда, из восточных земель Канцзюй, выделенные шаньюю Чжичжи канцзюйские войска под его руководством стали совершать набеги на западные земли Усунь. Всегда успешные, эти набеги давали богатую добычу, часть которой Чжичжи сначала отдавал правителю Канцзюй. Военные успехи его были столь значительны, что стали беспокоить соседние царства, начавшие даже присылать к нему послов. Возомнив себя независимым правителем, Чжичжи принимал послов, перестал делиться добычей с правителем Канцзюй, однажды в гневе убил его дочь,

свою жену, и прислуживавших ей знатных канцзюйцев, повелев сбросить их тела в р. Дулай.

О бурном росте могущества Чжичжи-шаньюя в царстве Канцзюй стало известно и двум высоким военачальникам Хань, духу и его помощнику фу-сяовэю, посылаемым обычно в Западный край (Восточный Туркестан) для наблюдения и предотвращения опасных для Хань возможных попыток мелких царств этого края сговориться с их дальними и сильными соседями. Видя угрозу интересам Хань в этом крае со стороны Чжичжи и понимая, что император не даст им войско для далекого похода против него в Канцзюй, духу Гань Яньшоу и фу-сяовэй Чэнь Тан, подделав императорский указ, на свой страх и риск собрали 40-тысячное войско из мелких царств Западного края и двинулись в поход.

Пройдя через дружественное Хань царство Усунь и вступив в земли Канцзюй, их войско, которому было строго запрещено грабить местное население, без помех подошло к «городу Чжичжи» и осадило его. Канцзюйские войска появились один раз в тылу осаждавших, но тут же ретировались, не показываясь более. Подробное описание осады и штурма «города шаньюя» в «Хань шу» детально исследовано нами ранее⁴ (см.: Боровкова, 2001, с. 298, 302–306). Во время штурма Чжичжи-шаньюй был ранен и умер, ставка его уничтожена.

Разгром его повысил упавший к тому времени престиж императорского двора внутри и вне империи Хань, хотя она имела к этой победе лишь косвенное отношение. Усунь, почти поло-

⁴ Только описание осады и штурма «города Чжичжи», «города шаньюя», позволило составить конкретное представление о том, что же это был за город, и соответственно понять, что представляли собой в то время города-ставки правителей кочевых царств Усунь, Канцзюй и Большого Юэчжи до его перемещения в земли Дася. «Город шаньюя» был обычным поселением кочевников, живших в шатрах, включая и двор правителя, окруженным земляной стеной, вне которой были еще две деревянные стены. Скорее всего, именно из-за этих «стен» ставки правителей кочевников называли «городами» и сами кочевники, и вслед за ними древние китайцы.

вина территории которой была разграблена Чжичжи, наконец вздохнула, но продолжала слабеть, раздраемая междоусобицами проханьской и просюннуской группировок.

Больше всех выиграло царство Канцзюй. Был уничтожен появившийся внутри его грозный претендент на власть, но осталось войско, обученное им побеждать. Впервые Канцзюй установил дружественные посольские связи как с давним восточным противником — соседней Усунь, так и с далекой богатой и все еще казавшейся грозной Хань. К тому же в отношениях с Хань Канцзюй повел себя, в отличие от Усунь, как равный партнер, а не как сателлит, что резко повышало его престиж в окружавшем его огромном регионе. В Канцзюй стали стекаться послы из разных царств. Впервые при дворе Хань от своих послов получили подробные сведения о Канцзюй, изложенные в «Хань шу».

Несомненно, что именно в этот период, в последнюю треть I в. до н. э., когда политический престиж царства Канцзюй был особенно высок, оно и расширило с помощью войска, натренированного Чжичжи, свои владения на запад за счет южной части владений царства Яньцай, лежавших, по «Ши цзи», к северу от Аньси и, следовательно, к западу от Канцзюй. На этих землях и было создано подвластное Канцзюй владение Юйцзянь, одноименная столица которого находилась, скорее всего, в районе нынешнего Ташкента (Боровкова, 1989, с. 65–66). Возникли еще четыре подвластных ему владения, но местонахождение их невозможно определить, хотя, скорее всего, они, как и Юйцзянь, были созданы на отнятых у Яньцай землях в последней трети I в. до н. э.

Очевидно, что именно в результате этого расширения территории возросла на треть численность населения и войска царства Канцзюй и была заложена основа того могущества, которого это царство достигло, по данным «Хоу Хань шу», в I в. н. э. Царство же Яньцай вступило, без сомнения, в полосу упадка.

Безусловно, вследствие этих событий и начался отток алан из занятого канцзюйцами района Ташкента на запад, до границ Рима, где о них стали писать уже в середине I в. н. э. В последнее

десятилетие специалисты по истории алан (см.: Яценко, 1993, с. 67–68; Габуев, 1999, с. 86) высказали мнение о том, что возрастание могущества царства Канцзюй, отмечаемое по сведениям в «Хань шу», связано с переселением в него усуньского владельца Бихуаньчжи с 80 000 своих подданных. Ссылаются при этом на следующее сообщение в описании Усунь в «Хань шу» в переводе Н. Я. Бичурина: «Бихуаньчжи, младший брат Мочженьгянов, непосредственно участвовавший в убиении старшего Гуньми, взяв до 80 000 душ своих подданных, ушел на север в Кангюй в предположении испросить вспомогательных войск для покорения обоих Гуньми. Тогда оба Гуньми пришли в страх и положили всю надежду на наместника. При Айди, во второе лето правления Юань-шеу, 1 до Р.Х., Большой Гуньми Ичими в одно с шаньюем время приехал к китайскому Двору, который принял их с честью. В третье лето правления Юань-ши, 3 по Р.Х., Бихуаньчжи, чтобы выслужиться перед Китаем, убил Ужилина. Китайский Двор дал ему княжеское достоинство. Оба Гуньми были слабы, и Бихуаньчжи притеснял их, за что и сам убит наместником Сун Гянь посредством нечаянного нападения. С того времени, как Усуньское владение разделено на две части, китайский Двор много имел забот, и ни одного года спокойно не проходило» (Бичурин, 1950, т. 2, с. 198).

Сразу заметим, что вряд ли могли 80 тыс. человек сколько-нибудь заметно усилить могущество царства Канцзюй, имевшего 600-тысячное население и 120-тысячное войско. История же Бихуаньчжи, имя которого транскрибируется теперь Биюаньчжи, длившаяся всего четыре года, с 1 г. до н. э. по 3 г. н. э., подробно исследована на основании данного и других сообщений о нем в «Хань шу» в нашем переводе, в контексте истории Усунь тех лет (Боровкова, 2001, с. 288–290). Но даже из контекста приведенного сообщения в переводе Н. Я. Бичурина очевидно, что Биюаньчжи в Канцзюй не уходил, а оставался в Усунь, где и пытался в этот короткий срок любым способом подчинить себе обоих ее правителей, великого и малого куньми, и был в ней же убит сановником империи Хань, защищавшей своих усуньских сател-

литов. Так что инцидент с Биюаньчжи на рубеже эр не мог стать причиной усиления Канцзюй.

В 25 г. н.э. в Китае на месте рухнувшей империи Ранняя Хань была создана империя Поздняя Хань (25–220), которая, однако, так никогда и не достигла того могущества, особенно во внешнеполитическом отношении, которого добилась ее предшественница. Поздняя Хань никогда не контролировала не только все, но даже большинство царств Западного края (Восточного Туркестана). Только с 87 по 102 г. ханьский военачальник Бань Чао поставил под свой личный контроль лишь царства, лежавшие по прикуньлуньскому караванному пути на запад. И именно в то время по этому пути через Шулэ (Кашгар) прибыл в 87 г. ко двору Поздней Хань посол из Кушанского царства, единственный за всю историю существования обеих держав. Тогда же, в 87 и 101 годах, приходили послы и из очень далекой Аньси (Парфии). Послов из других царств Западного края не было. И только ближе к Канцзюй с юга Кушанское царство имело с ним в то время необычайно тесные связи (обо всем этом см.: Боровкова, 2001, гл. 4).

Так что сведения о Канцзюй и его соседях, изложенные в «Истории Поздней Хань» («Хоу Хань шу») были получены от этого кушанского посла. Согласно им, царство Яньцай, получившее в I в. н.э. еще название Алань(я), находилось в зависимости от Канцзюй, так же как и лежавшее к северу от Яньцай царство Янь и царство Суи, местоположение которого относительно Яньцай не определено (XXIII, гл. 88, с. 2922–2923). А около 82–83 гг. Кушанское царство заключило династический брак с Канцзюй (XXIII, гл. 77, с. 1579). К тому времени Кушанское царство, завладевшее царствами Гаофу (Афганистан) и Цзибинь (Северная Индия), достигло пика своего военного могущества. Но, собираясь завоевать еще и Тяньчжу (Центральную Индию), оно пошло на этот шаг, вероятно, для большей уверенности в безопасности своей границы с набравшим силу северным соседом.

Кроме того, согласно сведениям в описании царства Шаче (Яркенда), полученным, конечно, от сыновей правителей

царств Западного края, побывавших в конце 40-х годов при дворе Поздней Хань, Канцзюй, имевший, напомним, дружественные отношения с Давань со II в. до н. э., посылал в те годы свои войска против царя Шаче (Яркенда) Сяня, которого и заставил вернуть на трон Давань смещенного им ее царя (XXIII, гл. 88, с. 2925; подробный анализ см.: Боровкова, 2005, с. 150–151).

Итак, факты, приведенные в «Хоу Хань шу», доказывают, что в I в. н. э. продолжалось начавшееся в I в. до н. э. усиление могущества царства Канцзюй, по причине чего, несомненно, царство Яньцай и его соседи продолжали слабеть.

Обратим внимание на, казалось бы, незначительный факт — на сообщение в «Хоу Хань шу» о том, что в I в. н. э. у царства Яньцай появилось еще и наименование Аланья, о чем, должно быть, в Поздней Хань узнали от приходившего к ее двору в 87 г. кушанского посла. Однако если сопоставить его с сообщениями римских авторов, которые, начиная с философа Сенеки (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) и историка Плиния Старшего (23/24–79 гг. н. э.), писали о появлении «диких» «воинственных» алан-скифов с середины I в. н. э. у пределов римских владений на Истре (Дунае) и о расселении их у Танаиса (Дона) и Меотиды (Азовского моря), то факт нового наименования оказывается очень многозначительным.

Выясняется, что аланы пришли в Северное Причерноморье и к пределам Римской империи у Истра к середине I в. н. э. А в 87 г. в Поздней Хань узнают о появлении у зависевшего тогда от Канцзюй царства Яньцай еще и названия Аланья. Оно, как видим, идентично названию народа, сообщенному античными авторами. Это дает основание полагать, что именно данное название народа и было его самоназванием и названием его царства и что это царство было родиной алан. А появление их в середине I в. н. э. у Днестра связано, несомненно, с завоеванием царством Канцзюй в конце I в. до н. э. части владений Яньцай и бегством из этих земель на северо-запад, во всяком случае, части племен алан. Естественно, что их дальнейшее переселение и расселение в Приазовье и к северу от низовьев Истра заняло не одно деся-

тилетие. Здесь они стали получать большие богатства, продавая как наемники свое воинское мастерство и занимаясь грабежом. Известия об этом достигли их родины, что определенно усилило отток на запад разгромленных канцзюйцами алан. «Алань» в переводе с китайского означает «прилежащее к орхидее». Так, видимо, царство называлось изначально. А название «Яньцай» оно получило от Чжан Цяня, транскрибировавшего, а скорее всего переведшего его канцзюйское название, означающее «охватывающее большую черепаху». Поскольку об этом царстве он узнал при дворе Канцзюй, Аральское море с его очень изрезанной береговой линией местному населению напоминало большую орхидею, а отдаленным народам, ходившим вдоль него и обращавшим внимание на его общую конфигурацию, оно действительно *казалось большой черепахой с головой, вытянутой на север*.

Итак, появление алан к середине I в. н. э. в Приазовье и у Днестра, скорее всего, объяснялось тем, что среднеазиатское царство Канцзюй в конце I в. до н. э. завоевало часть владений царства Яньцай, откуда и бежала часть аланского населения. Последующая же зависимость от царства Канцзюй, в которую попали царство Яньцай/Аланья и его соседи, стала основной, с нашей точки зрения, причиной массового оттока на запад алан и их соседей. А второй причиной, побудительной, стали вести о невиданных здесь, в Приаралье, богатствах, добываемых там, на западе, их сородичами силой оружия. Во всяком случае, начиная со второй половины I в. н. э. и в последующие века аланы становятся заметным действующим субъектом на военно-политической арене у границ Рима к северу от низовьев Истра (Дуная), у Меотийского озера (Азовского моря) и в Закавказье (см.: Габуев, 1999, гл. 1, 2).

Однако в «Хоу Хань шу», содержащей материалы за II в. н. э. и до крушения империи Поздняя Хань в 220 г., нет описаний царств Усунь и Канцзюй, а есть лишь краткие упоминания их. Несомненная причина этого — отсутствие тогда контактов империи Поздняя Хань со странами Восточного Туркестана и Средней Азии.

И новые сведения о них появились только в «Вэй люэ» («Обзор [царства] Вэй»), написанном Юй Хуанем в середине III в. Царство Вэй, одно из трех, на которые распалась Поздняя Хань, существовало в 220–265 гг. В последующие века «Вэй люэ», труд Юй Хуаня, содержащий много ошибок, был утрачен. Но фрагменты из него были включены в составленное в конце того же III в. «Сань го чжи» («Описание трех царств»). Оно было признано династийной историей, и благодаря этому дошло до нас. Сведения об интересующем нас регионе, записанные в «Вэй люэ», были, несомненно, получены от кушанского посла, побывавшего в 230 г. при дворе северного китайского царства Вэй. Это был, надо полагать, посол из того Кушанского царства, которое после распада Великого Кушанского царства около 200 г. продолжало существовать в коренных, исходных кушанских землях к северу от Амударьи и до владений Канцзюй и которое, судя по сведениям в «Вэй люэ», продолжало поддерживать традиционные дружеские связи с Канцзюй.

В одном фрагменте «Вэй люэ» после перечня шести мелких бывших царств, теперь уже подвластных Чэши дальнему (Цицзяоцзину), лежавших по караванному пути от Турфана до Урумчи, сказано:

«Повернув на северо-запад, прибудешь в Усунь и Канцзюй. Данные царства не усилились и не ослабли. Царства Бэй у и бе (эти иероглифы позднейшие переписчики «Сань го чжи» написали явно ошибочно вместо названий соседних с Яньцай царств — Суи, описанного еще в «Хоу Хань шу», и Иле, упомянутого вместе с ним в «Цзинь шу». — Л. Б.) находятся к северу от Канцзюй, а еще есть и царство Лю, и царство Янь, и *царство Яньцай, другое название которого — Алань*. Все по обычаям одинаковы с Канцзюй. На западе с Да Цинь (Рим. — Л. Б.), на юго-востоке с Канцзюй соседствуют. В этих царствах много соболя, выпасают скот, следуя по воде и траве. [Они] прилегают к великому озеру. В прежнее время были связаны и зависимы от Канцзюй, ныне же не зависят» (СГЧ, гл. 30, с. 862).

В этом тексте, кроме отмеченной, есть еще одна ошибка, наличие которой чувствуется в нелепости сообщения о соседстве этих царств на западе с Да Цинь, т. е. с Римом. К счастью, эту фразу из «Вэй люэ» привел танский историк VIII в. Чжан Шоуцзе в своей комментарии к описанию царства Яньцай в «Ши цзи». В ней после слов «к западу с Да Цинь» стоит иероглиф «тун» — «связываться», «сообщаться», «установить отношения», «проникать» (ШЦ, гл. 123, с. 3161, прим. I), отсутствующий в нынешнем тексте этой фразы из «Вэй люэ» в «Сань го чжи». Следовательно, в ней сказано: «На западе с Да Цинь установили отношения, на юго-востоке соседствуют с Канцзюй», — что согласуется с известными по античным источникам фактами. Чжан Шоуцзе в VIII в. имел либо еще не утраченный текст «Вэй люэ», либо первоначальный текст «Сань го чжи», в котором позднейшие переписчики пропустили один иероглиф, что изменило смысл фразы. С учетом этого уточнения можно уже не предполагать, а обоснованно утверждать, что сообщение в «Хоу Хань шу» о наименовании Яньцай, еще и Алань, действительно является первым в древнекитайских историях упоминанием алан. Это название узнали, как уже говорилось выше, при дворе Поздней Хань в 87 г. от побывавшего там посла из Великого Кушанского царства, которое лишь года за три-четыре до этого заключило династический брак с Канцзюй. И потому при дворе Кушанского царства стали еще лучше, чем прежде, осведомлены о положении в Канцзюй и в зависимом от него царстве Яньцай/Алань.

Но, согласно сведениям в «Вэй люэ», в первой трети III в., а фактически, видимо, с конца II в., Яньцай/Алань и соседние с ним царства уже не зависели от Канцзюй, что доказывает утрату им своего бывшего могущества и усиление позиций Яньцай/Алань. Однако такой вывод противоречит фразе в начале разбираемого фрагмента о том, что царства Усунь и Канцзюй «не усилились и не ослабли». Остается предположить, что в этой фразе оценивалось состояние Канцзюй и Усунь на начало II в., которое к началу III в. резко изменилось по причине роста могущества Яньцай/Алань.

Все это ставит новые вопросы: почему произошло столь кардинальное перераспределение сил в регионе и действительно ли это случилось в первой трети III в.

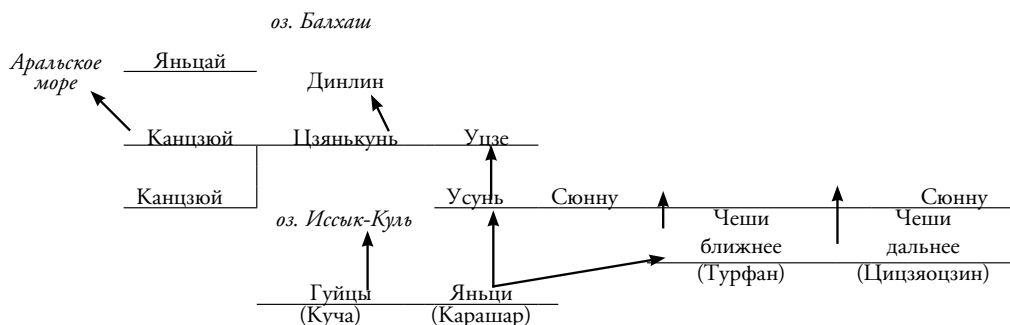
Направление для поиска ответа на них указывают сведения, изложенные в «Вэй люэ» сразу после рассмотренного фрагмента. На первый взгляд, они кажутся путанными и недостоверными, по причине чего и были, видимо, обойдены вниманием исследователей. Но неторопливое изучение их на фоне многих других политических событий в регионе, предшествующих и современных им, позволило понять их точность и оценить значимость содержащейся в этих сведениях информации. Поэтому даем перевод всего фрагмента:

«Царство Худе находится к северу от Цунлин, к северо-западу от Усунь и к северо-востоку от Канцзюй. [В нем] отборных войск более 100 тыс. человек, кочуют, выращивают хороших лошадей, имеется соболь. Царство Цзянькунь находится к северо-западу от Канцзюй. [В нем] отборных войск 30 тыс. человек, кочуют, также много соболя, есть хорошие лошади. Царство Динлин находится к северу от Канцзюй. [В нем] отборных войск 60 тыс. человек, кочуют, выделывают славящиеся шкурки крыс (? — Л. Б.) и шкурки белых и голубых куньцзы (значение не установлено. — Л. Б.). [Из] трех выше [названных] царств Цзянькунь — центральное. Все [они] отстоят на 7 тыс. ли (2800 км. — Л. Б.) от ставки шаньюя у р. Аньси (? — Л. Б.), к югу [от них] до шести царств Чэши 5 тыс. ли (2000 км. — Л. Б.), на юго-запад до границ Канцзюй 3 тыс. ли (1200 км. — Л. Б.), на запад на 8 тыс. ли (3200 км. — Л. Б.) отстоит ставка правителя Канцзюй. Возможно, полагают, эти динлины и есть динлины, [ранее] находившиеся к северу от сюннов. Но [нынешние] северные динлины находятся к западу от усуней и являются как бы их особым народом (*чжун*). А еще прежде к северу от Сюнну были царства Хуньюй, Цюйшэ, Динлин, Гэжунь, Синьли⁵. Выяснилось, что

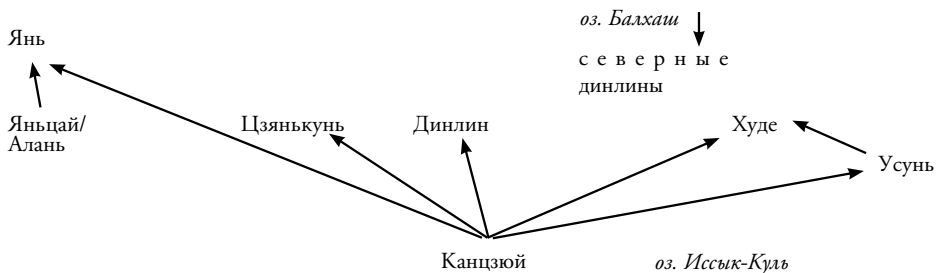
⁵ Перечислены царства, которые Маодунь завоевал примерно в 202 г. до н. э. (ШЦ, гл. 110, с. 2893).

к югу от северного моря [*бэй хай*] еще есть динлины, но это не те динлины, что к западу от Усунь. Усуньские долгожители говорят, что у северных динлинов есть царство Лошадиных Голеней. Звучание голоса его людей подобно [звуку] от быстро несущихся гусей. Выше колен [у них] тело и голова людей, а ниже колен растут волосы, [у них] лошадиные голени и лошадиные копыта. [Они] не ездят верхом на лошадях, а бегают [сами] быстрее лошади. Это люди отважные и сильные, смелые в сражениях» (СГЧ, гл. 30, с. 862–863).

Очевидно, что названные в данном тексте три царства — Худе, Цзянькунь и Динлин — это те же три царства Уцзе, Цзянькунь и Динлин, которые, по сведениям в «Хань шу» (XIII, гл. 94/2, с. 3800), Чжичжи-шаньюй завоевал примерно на рубеже 48–47 гг. до н. э., изменилась только транскрипция названия Уцзе на Худе. Проведенное нами ранее определение их местонахождения по данным «Хань шу» (см.: Боровкова, 1989, с. 61–62 и схема 2 на с. 28–29) показало, что они располагались в I в. до н. э. к северу от восточных земель Усунь, лежавших к северу от Яньци (Карашара), т. е. к западу от пустыни Дзосотын-Элисун, от озер Эби-нур и Алаколь, до Балхаша, а хребет Боро-хоро отделял их от Усунь, находившейся в долине р. Или. В том веке взаиморасположение этих трех царств (Уцзе, Цзянькунь и Динлин) с Усунь, Канцзюй, Сюнну и Яньци можно схематично представить так:

А взаиморасположение этих трех царств относительно Канцзюй и Усунь к середине III в. н.э., по данным «Вэй люэ», схематично представляется таким:

Царство Худе, бывшее Уцзе, в начале III в. уже находилось не к северу, а к северо-западу от Усунь, к северо-востоку от Канцзюй и, что очень важно, к северу от Цунлина, как здесь названы, безусловно, хребты Тянь-Шаня, т.е. в благоприятной для кочевников долине по среднему течению р. Или. Худе было большое царство, так как только отборных войск в нем насчитывалось более 100 тыс. человек, а население, следовательно, было примерно раза в четыре больше. К северу от Канцзюй, т.е. западнее Худе, вероятно, по нижнему течению р. Чу (которая была тогда, конечно, более полноводной, чем сейчас, но к югу от которой простиралась песчаная пустыня Муюнкум), располагалось царство Динлин, имевшее около 60 тыс. отборных войск (около 240 тыс. человек населения). А западнее Динлин и к северо-западу от Канцзюй лежало царство Цзянькунь. Оно было небольшим по сравнению с двумя другими, так как в нем имелось всего 30 тыс. человек отборных войск (около 120 тыс. населения). Но в «Вэй люэ» именно оно названо «центральной» среди трех динлинских царств, хотя было самым слабым по количеству войск. Почему? Оно занимало, скорее всего, земли вблизи устья р. Чу, где она, близко подойдя с востока к правому притоку Сырдарьи Сарысу в районе нынешнего г. Кызыл-Орда, теряется в песках. Где-то здесь, согласно нашему исследованию, находилась во II–I вв. до н.э. ставка-столица кочевого царства

Яньцай (см.: Боровкова, 1989, с. 65). Не исключено, что она оставалась здесь же и в III в. н. э. Так что Цзянькунь названо «центральным» в силу, полагаем, его стратегического положения — к западу от Худе и Динлин, к востоку от Яньцай/Алань и к северо-западу от Канцзюй, благодаря чему оно играло важную политическую роль.

Сопоставление схем взаиморасположения трех царств — Уцзе/Худе, Цзянькунь и Динлин с Усунь, Канцзюй и Яньцай в I в. до н. э. и в первой половине III в. н. э., составленных соответственно по данным «Хань шу» и «Вэй люэ», не оставляет сомнения в том, что народы трех динлинских царств когда-то переселились из северо-западного района Восточного Туркестана западнее, в северо-восточный район Средней Азии.

Но когда и почему это произошло?

В 11–12 гг. н. э. Ван Ман, узурпировавший власть в Ранней Хань, намеревался разгромить суннов и загнать их в земли динлинов (XIII, гл. 94/2, с. 3823). В первое десятилетие существования империи Поздняя Хань (25–220) северные сунны усилились (XXIII, гл. 89, с. 2940). В сообщении за 85 г. н. э., как бы подводящем итог предыдущей войне с ними южных суннов, подержанных с 70-х годов Поздней Хань, сказано:

«В это время северные разбойники ослабли. Сообщники покинули [их]. Южные племена (бу) нападали спереди (с юга. — Л. Б.), динлины грабили их сзади (с севера. — Л. Б.), сянбийцы били по ним слева (с востока. — Л. Б.) и [войска] Западного края вторгались справа (с запада. — Л. Б.). [Не в силах] сохранить независимость, северные разбойники ушли в дальние [края]» (Там же, с. 2950).

Об этом же в 88 г. шаньюй южных суннов сообщал в письме императрице Доу, только что вступившей на трон Поздней Хань (Там же, с. 2952). Так что в I в. н. э. динлины, как китайцы называли, вероятно, народ всех трех царств — Динлин, Цзянькунь и Уцзе, — как и в I в. до н. э., продолжали жить к северу от восточных земель Усунь и западных земель суннов и отсюда, с севера, нападали на суннов.

Но в конце I — начале II в. южные и северные сюнны вели ожесточенную войну на уничтожение друг друга. И Поздняя Хань стала привлекать для охраны своих северных рубежей сяньбийцев, восточных хусцев (*дун ху*), монголоидов, поселившихся к северу от ее восточных пределов, земель в Ляодуне и Ляоси. А в 89 и 91 гг. ханьские войска под руководством знаменитого военачальника Доу Сяня разгромили нового шаньюя северных сюннов, и он «бежал неизвестно куда» (Там же, с. 2953, 2954). После этого сяньбийцы «переселились и завладели его землями. И более 100 тыс. оставшихся [на них] родовых групп (*ло*)⁶ сюннов все стали называть себя сяньбийцами. С этого и началось постепенное усиление сяньбийцев» (XXIII, гл. 90, с. 2986). Ясно, что с этого времени наибольшая часть сюннов влилась в ряды сяньбийцев, точно бывших монголоидами.

Когда же у сяньбийцев после 147 г. появился молодой и талантливый вождь Таньшихуай,

«...все старейшины восточных и западных племен (*бу*) подчинились [ему]». Он создал сильное войско и ранее 158 г. «на севере дал отпор динлинам, на востоке [заставил] отступить фууйцев, на западе нанес удар по Усунь и завладел всеми бывшими землями сюннов, [простершимися] с востока на запад на 12 тыс. ли (примерно 4800 км. — Л. Б.) и с юга на север на 7 тыс. ли (примерно 2800 км. — Л. Б.) (XXIII, гл. 90, с. 2989).

Это последнее, датированное, правда, десятилетним периодом — между 147 и 158 гг., сообщение о конкретно-историческом событии, в котором упоминаются динлины к северу от бывших владений сюннов, захваченных сяньбийцами. Когда же вождь сяньбийцев Таньшихуай в 167 г. разделил свои владения на

⁶ Во II веке в Поздней Хань наконец разобрались в общественном устройстве кочевников, разделенных по племенам — *бу*, состоявшим из родовых групп — *ло* или *и-ло*. Во фрагменте из «Вэй люэ», включенном в «Сань го чжи», в описании ухуаней первой половины III в. сказано: «Несколько сот или тысяч *ло* образуют одно *бу*» (СГЧ, гл. 30, с. 832). Поскольку одно «*ло*» состояло примерно из 10 человек, то 100 тыс. *ло* составляли около 1 млн. человек. А всего сюннов было, видимо, не более 1,5 млн.

три части — восточную, среднюю и западную, — то последняя, согласно «Хоу Хань шу», простиралась на запад до Усунь, а вот о динлинах на севере даже не упомянуто (XXIII, гл. 90, с. 2990). Естественно предположить, что часть сюннов, разгромленных сяньбийцами, бежала от них на север и потеснила динлинов.

Если эти сведения сопоставить с данными из «Вэй люэ» о том, что в первой половине III в. к северу от Канцзюй и к востоку от Яньцай/Алань находились три царства динлинов, то логично заключить, что исчезновение динлинов, живших к северу от Усунь и с севера нападавших на ее соседей — сюннов, произошло именно после того, как при Таньшихуае, т.е. в третьей четверти II в., сюннов разгромили сяньбийцы. Подавляющее большинство сюннов подчинилось сяньбийцам, но часть, спасаясь от них и обходя Усунь, двинулась, по-видимому, именно на север и северо-запад, в земли своих давних врагов динлинов. А те, в свою очередь, вынуждены были переселиться западнее, в северо-восточный район Средней Азии, где, полагаем, до этого обитали мелкие родственные им племена.

В связи с решением данного вопроса особую ценность представляют, с нашей точки зрения, две фразы из рассматриваемого фрагмента из «Вэй люэ»:

«Возможно, полагают, эти динлины и есть динлины, [ранее] находившиеся к северу от сюннов. Но [нынешние] северные динлины находятся к западу от усуней и являются как бы их особым народом (*чжун*)».

В первой из приведенных фраз автор «Вэй люэ» излагает мнение тех своих современников, которые считали, что динлины, жившие в их время к западу от усуней, и были теми динлинами, которые прежде нападали на сюннов с севера. Как видим, мнение этих современников автора «Вэй люэ» полностью согласуется с выводом из проведенного нами исследования. Автор же «Вэй люэ» отвергал их мнение, скорее всего, потому, что не знал как об исчезновении царств динлинов, ранее нападавших на сюннов с севера, так и об отсутствии динлинов к западу от Усунь в последние времена.

Далее обратим внимание на то, что три динлинских царства, появившиеся к северу, северо-востоку и северо-западу от Канцзюй на рубеже II–III вв., имели в совокупности отборное войско в 190 тыс. человек. Для сравнения: царство Усунь в период своего процветания в I в. до н. э. имело 188 тыс. отборных воинов при населении в 630 тыс. человек, а царство Канцзюй во время бурного роста его могущества в конце того же века имело 120 тыс. отборных воинов при населении в 600 тыс. человек. Так что при равной с Усунь численности войска и население динлинских царств тоже было, видимо, примерно таким же, как в ней, т. е. 600 тыс. человек.

Но это еще не все динлины. В рассматриваемом фрагменте из «Вэй люэ», напомним, сказано:

«Выяснилось, что к югу от северного моря (*бэй хай*) еще есть динлины, но это не те динлины, что [переселились] к западу от Усунь. Усуньские долгожители говорят, что у северных динлинов есть царство Лошадиных голеней. <...> Выше колен [у них] тело и голова людей, а ниже колен растут волосы, [у них] лошадиные голени и лошадиные копыта. [Они] не ездят на лошадях, а бегают быстрее лошади. Это люди отважные и сильные, смелые в сражениях».

Северное море (*бэй хай*), о котором говорили в Усунь, — это, несомненно, озеро Балхаш, находившееся к северу от этого царства, а не, как принято считать, озеро Байкал, лежавшее далеко от Усунь на северо-восток. Бань Гу в «Хань шу», изложив сведения о царстве Яньцай по «Ши цзи»: «Оно прилегает к большому озеру (*да цзе*)», — добавляет: «Это и есть северное море (*бэй хай*)» (XIII, гл. 96/1, с. 3893), т. е. Аральское. Так что упоминаемое в «Ши цзи» и «Хань шу» *бэй-хай* — это не собственное название озера, а указание на его местонахождение к северу от какого-то географического объекта. Из приведенного сообщения ясно, что к югу от Балхаша существовало еще одно царство — какого-то особого народа динлинов, явно не кочевников, так как они не ездили на лошадях, а бегали быстрее лошади. Последнее замечание объясняет, с нашей точки зрения, их странный вид: чтобы

легко бегать, их одежда доходила только до колен, ниже виднелись волосатые, как у большинства европеоидных мужчин, ноги, а лошадиные голени и копыта — это, несомненно, какой-то приспособленный для бега легкий вид обуви, охватывавший и голени. Они были, по-видимому, охотниками и отличными пешими воинами.

Замечание о том, что сведения о царстве Лошадиных голеней получены от усуньских долгожителей, дает основание полагать, что оно существовало здесь, к югу от оз. Балхаш, издавна. Вероятно, и в землях, занятых переселившимися с востока динлинами, до этого времени тоже кочевали разрозненные небольшие племена динлинов, увеличивших, хотя, видимо, ненамного, население и мощь войск трех вновь созданных в регионе динлинских царств.

Таким образом, в регион между оз. Балхаш и Аральским морем, где простирались в основном полупустынные и даже пустынные степи, переселились племена многочисленных кочевников-динлинов. И нагрузка на его экологическую нишу возросла во много раз. Ведь до этого здесь обитали малолюдные племена. Очевидно, что вскоре это не могло не привести к новому переселению народов уже из этого региона в соседние и дальние края.

Заняв земли к северу от царства Канцзюй, динлины отрезали Канцзюй от группы подвластных ему до этого аланских царств во главе с Яньцай/Алань. О существовании такой группы царств позволяет судить сообщение в последней части рассматриваемого фрагмента из «Вэй люэ» о царстве Карликов, которое «отстояло от **всех царств Яньцай** (*цзюй Яньцай чжу-го*) очень далеко» к северо-западу от царства Канцзюй. Следовательно, благодаря динлинам аланы снова обрели независимость от Канцзюй, а Канцзюй утратило свое положение гегемона в этом регионе.

Канцзюй не пыталось выступить против динлинов и вернуть под свою власть аланские царства, скорее всего, потому, что ему пришлось бы воевать не только с динлинскими царствами, но и с аланскими царствами, которые вряд ли хотели и впредь подчиняться ему. Кроме того, Канцзюй мог опасаться, что в слу-

чае такой войны на него с востока нападет царство Усунь, не упустившее ранее случая пограбить в его восточных землях.

И наконец, обратим внимание на слова автора «Вэй люэ» о том, что динлины, жившие в его время к западу от Усунь, «являются как бы особым народом (*чжун*) усуней», т. е. они похожи на усуней, но в чем-то немного отличаются. Сходство усуней и динлинов состояло, несомненно, не в их кочевом образе жизни, ведь и канцзюйцы были кочевниками, а в их, скорее всего, внешнем облике.

О внешнем облике усуней позволяет судить ряд согласующихся косвенных данных и одно прямое сообщение.

Первое из них — сообщение Сыма Цяня, сделанное им на основании сведений многих ханьских послов, ходивших в царства к западу от Давань (Ферганы) в последнее десятилетие II в. до н. э.:

«В царствах к западу от Давань до Аньси, хотя языки весьма различны, но обычаи в основном одинаковы, а языки друг друга знают. Все *их люди с глубокими глазами и густыми бородами*» (ШЦ, гл. 123, с. 3174).

В последней фразе Сыма Цянь сформулировал расово-отличительный признак европеоидов — глубокие глаза и густые бороды. Это — характеристика, повторенная Бань Гу в описании царства Давань в «Хань шу» и закрепившаяся в китайских историках на многие века.

Поскольку в то время к западу от Давань до Аньси (Парфии) жили как раз юэчжи, то очевидно, что это они были европеоидами.

Комментатор же «Ши цзи» Чжан Шоуцзе, живший в VIII в., в примечании к названию царства Большое Юэчжи, описанном в «Повествовании о Давань», привел свидетельство Вань Чжэня, составившего по личным впечатлениям в III в. н. э. «Описание южных регионов», до нас, к сожалению, не дошедшее. Он писал, что в Большом Юэчжи (Кушанском царстве) «народ рыжий («красный») и белокурый (*чи бай сэ*)» (ШЦ, гл. 123, с. 3162, прим. I).

Согласно этим свидетельствам современников, юэчжи были белокурыми или рыжими европеоидами.

А юэчжи издревле жили в тесном соседстве с усунями в Ганьсуском коридоре, *маленькое* царство которых (из чего следует, что усуни были малочисленны) юэчжи примерно в 182 г. до н. э. разгромили. Поэтому предположение об этническом родстве юэчжей и усуней кажется естественным, как и предположение о том, что усуни тоже были белокурыми или рыжими европеоидами.

Этот логический вывод из косвенных сведений древних авторов полностью согласуется с суждением историка первой половины VII в., комментатора «Хань шу» Янь Шигу (581–645). В примечании к названию царства Усунь он написал, без ссылок на более ранние источники:

«Усуни по своему виду совсем отличны от жунов Западного края (населения царств Восточного Туркестана. — Л. Б.). Нынешние хусцы (тюрки. — Л. Б.), голубоглазые и рыжеволосые, по облику подобные обезьянам, из их рода» (XIII, гл. 96/2, с. 3901, прим. I). Достоверность этого мнения, однако, можно подвергнуть сомнению, потому что оно высказано спустя более полутора веков после исчезновения царства Усунь. Но царство Усунь существовало в долине Или более шести веков, со 161/160 г. до н. э. и до 437 г., когда последнее посольство из него прибыло в империю Северная Вэй. И за шесть веков то более, то менее устойчивых контактов этого царства с Китаем представление о белокурых европеоидах усунях прочно закрепилось в исторической памяти многих поколений китайских дворцовых историографов и других лиц, а возможно и в их записях. Так что современники Янь Шигу могли знать об этом от своих дедов и прадедов. Потому ему и не надо было ссылаться на какие-то источники.

Теперь обратим внимание на то, что усуни вместе с юэчжами издревле и примерно до 182 г. до н. э. жили в Ганьсуском коридоре, т. е. поблизости от района, из которого в VII в. до н. э. на Среднекитайскую равнину хлынули родственные им, надо пола-

гать, племена «белых ди» (*бай ди*) и «красных ди» (*чи ди*). Будучи разгромлены древними китайцами, немногочисленные потомки их закрепились в Хэдуне в горах Тайханьшань и сохранили свою этническую особость до IV–V вв. н. э.

Динлины же, тоже белокурые, издревле жили далеко от Ганьсуского коридора на севере, где их в числе других северных народов около 202 г. до н. э. завоевал основатель державы Сюнну Маодунь-шаньюй (ШЦ, гл. 110, с. 2893). Так что они не могли быть народом, этнически близким усуням, жившим в древности далеко к юго-востоку от них. После же переселения усуней в долину Или, когда здесь ими было основано новое царство Усунь в 161/160 г. до н. э. они стали южными соседями динлинов. И только в конце II в. н. э., когда сяньбийцы во главе с Тань-шихуаем «отбили» на севере динлинов, те, как выяснилось из данных «Вэй люэ», переселились к северо-западу от Усунь, к северу от Канцзюй и к востоку от Яньцай/ Алань.

Но с середины IV в. в «Цзинь шу» динлины упоминаются в Северо-Восточном Китае, в Хэдуне. Ван Живэй в 1936 г. высказал предположение о переселении сюда динлинов с севера, но не нашел ни одного свидетельства об этом в историях, хотя собрал из них практически все сведения о динлинах (Ван Живэй, 1936, с. 85). Мнения о переселении динлинов на юг придерживается и М. В. Крюков, не приведя также в обоснование его ни одного факта из историй (Крюков, 1983, с. 63).

Однако в династийных историях много данных о расселении в Северном Китае в конце II–III вв. остаточных племен сюннов и новых пришельцев сяньбийцев. И те и другие воевали с северными динлинами, знали их, можно сказать, в лицо. И придя в Хэдун и обнаружив здесь народ, по облику подобный знакомым им динлинам, стали, полагаем, и его называть динлинами. Этот стихийный процесс ошибочного перенесения названия одного народа на похожий по облику, но другой народ не был, естественно, зафиксирован дворцовыми историографами. И потому Вэй Шоу, составитель «Вэй шу», живший в VI в., не знал об этом процессе. Но, по данным историй, он знал о давности прожива-

ния белокурого народа в Хэдуне и сделал верное заключение, что местные динлины и *чиле*, получившие в Северной Вэй название *гаочэ*, и есть потомки древних *красных ди* (ВШ, гл. 103, с. 2307–2308), а не отождествил их с северными динлинами. После крушения Северной Вэй *гаочэ* стали называться *чиле* или *теле*. Они-то и составили ту часть хусцев, *теле* — голубоглазых и рыжеволосых, с которыми Янь Шигу сравнивал усуней. Подробнее эти вопросы рассмотрены ранее (см.: Боровкова, 1992, с. 63–74).

Таким образом, замечание автора «Вэй люэ» о том, что динлины «являются как бы особым народом усуней» — это единственное *письменное свидетельство*, позволяющее, с учетом других сведений древнекитайских династийных историй, уверенно отнести динлинов к белокурый европеоидам, но, скорее всего, другого, чем усунь, типа. И другого языка.

Что же касается алан, то их внешний облик описал римский историк Аммиан Марцеллин в конце IV в., сведения которого детально рассмотрим в следующем параграфе:

«Почти все Аланы высоки ростом и красивы видом, волосы у них *русоватые*» (Амм., вып. II, 1907, XXXI, с. 242). Это — в переводе Ю. Кулаковского, а в переводе В. В. Латышева — «с умеренно белокурыми волосами» (Латышев, 1948, № 3, с. 304). Этот портрет алан вряд ли позволяет усомниться в том, что они, как и ставшие в IV в. их соседями динлины, относились к южно-сибирскому типу белокурых европеоидов, широко расселившихся в то время на обширной территории Южной Сибири и Северного Казахстана.

Но царство Яньцай, родина алан, в течение нескольких столетий соседствовало на юго-востоке с царством Канцзюй. Более того, в конце I в. до н. э. южные земли Яньцай, лежавшие к северу от Аньси (Парфии), стали непосредственным владением Канцзюй. А примерно с середины I и почти до конца II в. н. э. Яньцай и соседствовавшие с ним аланские царства находились в зависимости от Канцзюй и посольских связей с Поздней Хань у них не было. По этой причине в «Хоу Хань шу» и нет описаний Яньцай и Давань. И только к началу III в. они, благода-

ря переселившимся динлинам, снова обрели независимость от него. Естественно предположить, что в результате такого тесного и долгого соседства произошло и некоторое смешение алан с канцзюйцами. Но до этого времени в источниках о внешнем облике канцзюйцев ничего не сообщалось.

И только изучение материалов «Цзинь шу» показало, что имеющиеся в ней описания царств Давань и Канцзюй содержат не только ценные сведения по истории этого региона конца III в., но и об облике канцзюйцев и даваньцев и их образе жизни. Поэтому рассмотрим их подробнее.

Но прежде всего отметим, что описания этих царств появились потому, что после объединения трех китайских царств — Вэй, У и Шу — в империю Западная Цзинь (265–317) в нее, по данным хроники, прибыли послы из Давань в 270 г. (ЦШ, гл. 3, с. 60), из Канцзюй — в 287 г. (ЦШ, гл. 3, с. 78), а в 284 г. — и из Да Цинь (Рима) (ЦШ, гл. 3, с. 75). Так что изложенные в их описаниях в «Цзинь шу» сведения были получены при дворе империи Западная Цзинь и записаны дворцовыми историографами со слов этих послов и потому заслуживают доверия.

Начнем рассмотрение с описания Давань, сведения в котором дают более широкое представление о политической ситуации к югу от Канцзюй в конце III в. и позволяют точнее и глубже понять информацию о самом Канцзюй в его описании. Оно начинается так:

«Давань отстоит к западу от Лояна на 13 350 ли, на юге доходит до Большого Юэчжи, на севере соседствует с Канцзюй. [В ней] более 70 больших и малых городов, земля годится [для выращивания] риса и пшеницы, есть виноградное вино, много хороших лошадей, в частности лошадей с кровавым потом. Все ее люди с глубокими глазами и густыми бородами» (ЦШ, гл. 97, с. 2543).

А далее идет описание обычаев и занятий даваньцев. Сопоставление его с тем, что сказано в описании Давань в «Хань шу» (в «Хоу Хань шу» ее описания нет), показывает, что часть сведений совпадает, но другая часть весьма отличается.

Следовательно, совпадение в них ряда сведений явно было не результатом простого повтора цзиньскими дворцовыми историографами сведений из «Хань шу», а отражением продолжавших сохраняться реалий.

Поэтому особый интерес представляет сообщение в «Цзинь шу» о том, что в конце III в. к югу от Давань (Ферганы) находилось Большое Юэчжи, т. е. Кушанское царство. Это сообщение полностью согласуется с тем, что мы выяснили выше о кушанских землях и Кушаншахре по сведениям армянских историй и персидских надписей того времени и особенно по надписи Шапура I (241–272) 262 г. на Каабе-и-Зардушт. В ней в числе подвластных ему владений назван Кушаншахр (Кушанское царство), простершийся до Пашкабура (Пешавара) на восток, до Согда и Каша на запад, до Чача (Ташкента) на север. Так что подвластный Сасанидам Кушаншахр в III в. занимал бывшие земли рухнувшего Великого Кушанского царства и к югу, и к северу от Амударьи. Но только в надписи 293 г. Сасанидского шаханшаха Нарсе (293–302) упоминается титул «кушанский царь». Имена же кушанских царей персы не называли, несомненно, по той причине, что ими были, как выяснено выше, *добровольно подчинявшиеся* Сасанидам потомки царского парфянского рода Аршакидов, а не Сасанидские принцы, которых царь царей (шаханшах) назначал шахами *завоеванных* владений.

И еще отметим, что, согласно описанию царства Давань в «Цзинь шу», оседлое земледельческое население его было европеоидным, людьми «с глубокими глазами и густыми бородами», которое палеоантропологи относят к памиро-ферганскому типу черноволосой европеоидной расы.

А теперь рассмотрим, что говорится в описании царства Канцзюй конца III века в «Цзинь шу»:

«Царство Канцзюй находится примерно в 2000 ли к северо-западу от Давань, соседствует с Суи и Иле. Его правитель живет в г. Сусе. [В нем] обычаи и облик людей, одежда почти такие же, как в Давань. Земли тучные, [климат] теплый, произрастают тунг, ива, виноград. Много буйволов, овец. Выращивают хоро-

ших лошадей. В [эру] Тай-ши (265–274. — Л. Б.) его правитель Наби прислал посла с письмом и подарил прекрасных лошадей» (ЦШ, гл. 97, с. 2544).

Сходство его с описанием Канцзюй в «Хань шу» (его описания, как и описания Давань в «Хоу Хань шу», нет) только в одном — в определении местонахождения его к северо-западу от Давань. Все остальные сведения очень разнятся. Прежде всего, в «Цзинь шу» не сказано, что Канцзюй — кочевое царство и что его столицей в конце III в. вместо Битянь стал Сусе — город, бывший, по сведениям в «Хань шу», столицей маленького одноименного владения, зависимого от Канцзюй, которое лежало недалеко от Битянь (см.: Боровкова, 1989, с. 65–66). Соответственно изменилось и расстояние между Давань и Канцзюй, измеряемое между столицами — вместо примерно 1510 ли оно выросло примерно до 2000 ли.

Но особенно поразительно сообщение о том, что население Канцзюй по обычаям и одежде «почти такое же, как в Давань». Между тем население Давань испокон веков и по описанию ее в «Цзинь шу» было оседло-земледельческим. Население же Канцзюй, по сведениям в «Ши цзи» и «Хань шу», было кочевым, переселялось, следуя за скотом. Естественно, что как одежда, так и обычаи тех и других кардинально отличались. Поэтому, если обычаи и одежда канцзюйцев стали к концу III в. н. э. почти такими же, как у оседлых земледельцев даваньцев, есть основание полагать, что канцзюйцы стали переходить к оседлому образу жизни. Этому, несомненно, способствовали как природные условия в их стране — тучные земли и теплый климат, так и многовековая дружба с Давань. Но в описании Канцзюй в «Цзинь шу» не упоминается о том, что в этом царстве выращивали зерновые, а говорится о наличии в нем множества буйволов и овец и о разведении хороших лошадей. Поэтому очевидно, что основным занятием постепенно переходивших к оседлости канцзюйцев было отгонное скотоводство — овцеводство и коневодство. Не исключено, что с этим изменением образа жизни населения связано постепенное сокращение численности конницы и утрата

царством Канцзюй его прежнего военного могущества. Во всяком случае, в конце, как и в начале III в. царств, зависевших от Канцзюй, уже не было. В это время царство Суи, подвластное ему в I–II вв., названо, как и царство Иле, просто его соседом.

И наконец, отметим, что в описании Канцзюй в «Цзинь шу» есть единственное письменное свидетельство о внешнем облике его населения — почти таком же, как у даваньцев. Оно дает основание считать, что и *канцзюйцы были черноволосыми европеоидами памиро-ферганского типа*.

А это, с нашей точки зрения, объясняет, почему аланы, облик которых Аммиан Марцеллин описал в конце IV в. н. э., были «русоватыми», «умеренно белокурыми». По-видимому, они стали таковыми в результате процесса метисации изначально белокурых южносибирских европеоидов алан с черноволосыми европеоидами канцзюйцами, процесса, происходившего в течение более чем шести веков непосредственного соседства, причем два века из них царство Канцзюй господствовало над Яньцай.

Но к северу и, видимо, к северо-востоку от Яньцай находились другие аланские царства, которых автор «Вэй люэ» и назвал «все царства Яньцай». Население этих царств в силу их удаленности от Канцзюй процесс метисации почти или совсем не затрагивал. Видимо, их-то западные авторы и называли «роксоланами», т. е., как разъясняют лингвисты, «светлыми аланами» (об этом см.: Габуев, 1999, с. 122).

Итак, рассмотренные данные за III в. н. э., содержащиеся в «Вэй люэ» и «Цзинь шу», доказывают, что царство Канцзюй в этом веке перестало быть гегемоном среди кочевых царств к северу от Сырдарьи. Основными причинами этого стали крах около 200 г. союзника Канцзюй Великого Кушанского царства и в еще большей степени — то, что к концу II в. динлины трех царств — Цзянькунь, Динлин и Уцзе — под натиском сяньбийцев переселились из района к северу от Усунь на запад в район к северу от Канцзюй. В результате царства группы Яньцай/Алань, подвластные до этого Канцзюй, обрели независимость. И ослабление

царства Канцзюй продолжалось до конца IV в., когда, как увидим ниже, оно исчезло с политической карты региона.

Что же касается группы Яньцай/Алань и трех динлинских царств, то после сведений о них и их народах за первую половину III в. в «Вэй люэ», они в последующих китайских династийных историях под этими названиями в данном регионе не упоминаются. Только царство Динлин упомянуто мельком, находящимся в другом регионе. Это отнюдь не доказывает, что три царства динлинов исчезли уже во вторую половину III в. Отсутствие в династийных историях их описаний объясняется, полагаем, тем, что Северный Китай, куда именно всегда и приходили послы из ближних и дальних западных царств, в период с конца III и почти до середины V в. находился в состоянии крайней раздробленности и неустойчивости. Здесь, воюя друг с другом, одни царства быстро сменялись другими, и посольские связи со столь эфемерными образованиями были невозможны. Только Фу Цзянь, основатель царства Раннее Цинь (351–384), объединивший значительную часть Северного Китая, около 376 г. направил в западный край своих послов с дарами правителям и наказом разглашать вести о его славе и добродетели (ЦШ, гл. 113, с. 1374/3). В ответ послов прислали сначала якобы десять стран (из которых, однако, названа только Давань), а потом, примерно в 379 г., — якобы 26 стран, хотя из дальних западных царств названы всего два — опять Давань и Канцзюй (ЦШ, гл. 113, с. 1375/2).

Это — единственные письменные свидетельства, доказывающие существование царств Канцзюй и Давань до 380 г. н. э. Существовало в IV в. и царство Усунь, поскольку, как увидим ниже, последний раз посол оттуда прибыл в Китай в 437 г. (ВШ, гл. 102, с. 2267).

Итак, проведенное исследование материалов по истории Средней Азии III–IV веков в западных и китайских письменных источниках, созданных в те века, позволяет составить представление об этнополитической ситуации в этом регионе в то время.

Сообщение в династийной истории «Сань го чжи» за 230 год о прибытии в царство Вэй посла из Юэчжи и нумизматичес-

кие находки позволили выяснить, что после крушения Великого Кушанского царства около 200 г. в его бывших коренных землях в междуречье Сырдарьи и Амударьи было создано новое Кушанское царство во главе с царем из кушанского царского рода. Именно оно, опасаясь, скорее всего, Сасанидского Ирана, в 230 г. пыталось, отправив посла, найти поддержку у северокитайского царства Вэй, но явно безуспешно. Во всяком случае, это царство существовало по меньшей мере до середины 30-х годов III в., а возможно, и немного дольше.

Судя же по рассмотренным выше сведениям древнеармянских авторов около 200 г., землями бывшего Великого Кушанского царства к югу от Амударьи с центром в г. Балхе завладела Парфия, хотя и ослабевшая к тому времени. Управлять ими, а не царствовать были посланы члены боковой ветви парфянского царского рода Аршакидов. Когда же в 226–227 гг. парфянское царство пало, было создано царство Иран во главе с Арташиром (Ардаширом) I из персидского рода Сасанидов. Аршакиды, управлявшие кушанскими землями к югу от Амударьи, добровольно признали власть Ирана и благодаря этому сохранили право продолжать править ими. Так что Ардаширу не надо было их завоевывать. Судя же по торжественной надписи на Каабе-и-Зардушт шаханшаха Ирана Шапура I (241–272) о подчинении ему Кушаншахра, ясно, что кушанские владения стали царством, «шахром», после убийства Анаком армянского царя Хосрова I в 264 г. Это царство владело всеми кушанскими землями и к северу и к югу от Амударьи, что доказывает рост его могущества. Но в 371 г. Кушаншахр вторгся в восточные земли Ирана и разгромил войска Шапура. В 375–376 гг. шаханшах пытался взять реванш, но снова был разгромлен. Ясно, что именно с этого времени Кушанское царство стало независимым от Сасанидского Ирана. И только до этого времени могли чеканиться в подвластном Ирану Балхе кушано-сасанидские монеты.

Сведений по истории III–IV веков северной части Средней Азии, т. е. областей, расположенных к северу от

Великого караванного пути из Китая в Малую Азию (который проходил южнее среднего течения Сырдарьи), в западных источниках почти нет, но сведения есть, начиная с рубежа III–II вв. до н. э., в древнекитайских династийных историях. Согласно их данным, в III–IV вв. н. э. здесь, как и ранее в Ферганской долине, существовало царство черноволосых европеоидов — земледельцев Давань. Во II в. до н. э. к северо-северо-востоку отсюда возникла Усунь — многонаселенное царство белокурых кочевников, пришедших в долину р. Или из далекого Ганьсуского коридора. К западу от Усунь и к северу от подвластного Сасанидам до 370 г. Кушаншахра за горами Тянь-Шаня от оз. Иссык-Куль до района Ташкента простирались владения большого дружественного кушанам царства кочевников Канцзюй. Численность его населения была такой же большой, как в Усунь, но отношения между ними сложились враждебные. Канцзюйцы, как и даваньцы, были в отличие от белокурых усуней черноволосыми европеоидами. А к северо-западу от Канцзюй у юго-восточного берега Аральского моря находилось царство Яньцай, названное так Чжан Цянем во II в. до н. э. Но к концу I в. н. э. китайцам стало известно, что оно называется Алань/Аланья — так же, как назывался белокурый народ, впервые появившийся в качестве наемников к северу от низовьев Дуная в середине I в. н. э. Царство Яньцай/Алань и его северные соседи в I в. зависели от царства Канцзюй.

Очевидно, что северная часть Средней Азии, за исключением Ферганской долины, была заселена в основном разнородными племенами кочевников.

Во второй половине II в. н. э. в Западном крае (Восточном Туркестане) произошли важные этнополитические изменения. Поздняя Хань не смогла защитить свои северные земли от разорения в результате проходивших там жестоких междоусобных войн северных и южных сюннов (*хусцев*). И она пригласила для охраны своих северных приграничных земель северо-восточные племена сяньбийцев, относимых в историях к *дунху*, монголоидам. Сяньби сравнительно быстро разгромили сюннов (прото-

тюрков), большую часть их, свыше 10 тыс. *ло* (родовых групп), т. е. около 1 млн. человек, включили в свои племена, и они стали считаться сяньбийцами. *С этого времени собственно сюннуских этнополитических образований в монгольских степях уже никогда не возникало.* Возросшее могущество за счет поглощенных сюннов позволило сяньбийцам нападать и на Хань на юге, и на Усунь на западе, и на севере «отбивать» динлинов. Об этом можно судить по тому, что три царства динлинов — Цзянькунь, Динлин, Уцзе, — находившиеся в I в. к северу от Усунь и к востоку от оз. Балхаш, в первой половине III в. оказались уже лежавшими к северо-западу от Усунь и к западу от оз. Балхаш, между ним и Аральским морем.

ГЛАВА II

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ в V–VI веках по западным источникам

Исследованию материалов источников за этот период предпошлем краткие выводы из исследования в первой главе данных из западных и китайских источников по истории Средней Азии и Кавказа III–IV вв. и констатацию факта отсутствия в западных источниках сведений о северной части Средней Азии.

Прежде всего, западные источники не оставляют сомнения в том, что в III в. и до 70-х годов IV в. в бывших землях Великого Кушанского царства (I–II вв.) в междуречье Сырдарьи и Амударьи и к югу от последней существовало *подвластное Сасанидскому Ирану Позднее Кушанское царство* со столицей в г. Балхе. Но в отличие от других подвластных Ирану царств (шахров), *завоеванных* Сасанидами и потому управлявшихся сасанидскими **царевичами**, Кушанские владения, *добровольно признавшие* власть первого Сасанида Арташира I (226–241), были оставлены под управлением подчинившихся ему потомков боковой ветви парфянского царского рода Аршакидов, которые утвердились здесь после развала Великого Кушанского царства около 200 г. И только в 371 г. войска подвластного Сасанидам Позднего Кушанского царства вторглись в собственно персидские земли, разгромили войска шаханшаха Ирана Шапура II и ограбили его восточные владения. Через 4–5 лет Шапур, пытаясь взять реванш, наносит ответный удар, вторгается во владения кушан, но опять терпит поражение. Так что лишь с 70-х гг. IV в. *Позднее Кушанское царство* стало абсолютно неподвластно Сасанидскому Ирану.

Кроме того, исследованные материалы западных и китайских источников показали, что в них нет сведений за II–IV вв., которые бы свидетельствовали о Великом переселении народов из Азии в Юго-Восточную Европу, если не признавать за Великое переселение появление отдельных племен алан, проникавших на юг Европы с середины I в. н. э., и значительное увеличение их численности в III–IV вв. после присоединения к аланам динлинов. Гуны же (с одним «н»), описанные Аммианом Марцеллином, были не азиатскими гуннами (с двумя «н»), а многочисленным европейским народом севера Европы, жившим от Азовского моря в сторону «ледовитого океана», к северу от истоков Борисфена (Днепра) и Танаиса (Дона). Оттуда, с севера, «от ледовитого океана», они в 375 г. спустились к Меотиде (Азовскому морю) и быстро разгромили уже давно обосновавшихся там воинственных алан, которых, следовательно, было не так уж много. Включив уцелевшую часть алан в свою орду, гуны, двигаясь с востока, от Азовского моря, на запад, теснили и громили сначала восточных, а затем и западных готов (остготов и вестготов) вплоть до границы по Истру (Дунаю) Римской империи, и без того изнемогавшей от многолетних войн с северными варварами.

Судя по отсутствию у Аммиана Марцеллина сведений об активном участии гунов и алан в последующей войне готов с римлянами в конце 70-х годов IV в., не считая нескольких мелких случаев, и по наличию у него замечания об отступлении гунов и алан, отягощенных богатой добычей, награбленной у готов, можно предположить, что они возвратились в ближние благоприятные для кочевников земли алан у Азовского моря, что подтверждают события последующего времени.

Аланы, по описанию Аммиана Марцеллина, красивые белокурые, высокого роста европеоиды, были кочевым народом, обратит внимание, *во всем похожими на гунов*, но мягче их нравом. Судя по китайским источникам, они пришли из Средней Азии. Их родина, царство Яньцай, прилегало с юго-востока к Аральскому морю. Во II в. до н. э. владения его простирались на юго-запад до района нынешнего Ташкента, и оно было большим и силь-

ным. В конце же I в. до н. э. многие аланы, изгнанные из части своих владений, находившихся, полагаем, в районе Ташкента, бежали на запад под ударами усилившегося тогда соседнего царства Канцзюй. И уже в середине I в. н. э. о «воинственных аланах» узнали в Риме, а в Китае к концу века узнали о том, что царство Яньцай называется еще и Алань. По-видимому, в последующее время все новые отряды их земляков прибывали на запад с далекой родины, оказавшейся в I в. н. э. под властью могущественного царства Канцзюй. И только благодаря их притоку аланы, обосновавшиеся по нижнему течению Истра (Дуная), у Танаиса (Дона) и у Меотиды (Азовского моря), сохраняли во II–IV вв. свою этническую особость. А часть их племен обосновалась и на Северном Кавказе, откуда они совершали рейды и к югу от Кавказа, и на север, к Меотиде.

Те, кого римляне называли аланами, греки — массагетами, армяне — маскутами, в качестве наемников, чаще вместе с персами, воевали против Армении и Римской империи, а иногда и вместе с армянами сражались против персов. По сведениям Аммиана Марцеллина, в 356–358 гг. шаханшах Ирана Шапур II вел кровопролитную войну с отдаленными северными дикими народами — хионитами, евсенами и гелонами. А все они были, как выясняется по его сведениям за последующее время, аланскими племенами. В 358 г. Шапур II заключил с ними союз, а в 359 г. войска царя хионитов Грумбата и явно его соседа царя Албании, находившейся на территории нынешнего Азербайджана, участвовали вместе с войском Шапура в осаде римлян в городе Амида в Северной Месопотамии. После взятия этого города об участии названных племен в дальнейшей войне персов и римлян Аммиан Марцеллин не упоминает. Очевидно, что хиониты, гелоны, албаны поступили, как все наемники: захватив богатую добычу, они поспешно ушли в свои владения, находившиеся на Северном Кавказе.

И, несомненно, именно хиониты-аланы, давно уже жившие на Северном Кавказе, стали проводниками гунской орды, включившей живших у Меотиды алан, которая в 395 г. прошла

от Азовского моря через Кавказ, вторглась в северо-восточные области Восточной Римской империи и подвергла их невиданному разграблению. На обратном пути часть гунской орды, включавшей и алан с награбленным добром, осталась, по-видимому, жить в царстве хионитов-алан на Северном Кавказе, увеличив численность его населения и его богатство. Скорее всего, именно население этого царства белокурых алан-хионитов, которое смешалось с прославившимися своей жестокостью белокурими гунами, жившее по соседству с иверами (грузинами) и албанами, и получило у некоторых местных византийцев название «белые гуны». Так в конце IV в. на Северном Кавказе появились «белые гунны», как современные исследователи называли **гунов**.

К концу IV в., по сведениям Аммиана Марцеллина, аланам, обосновавшимся у Танаиса (Дона) и Меотийского озера (Азовского моря), подчинялись многие племена, обитавшие к востоку от них в бескрайних скифских степях — к востоку от низовьев Волги (Ра) в Северном Казахстане. Сходные с аланами по обычаям, образу жизни и, как мы выяснили, по внешнему белокурому облику, они со временем все приняли название «аланы».

Из сведений же древнекитайских историй «Хоу Хань шу» и «Вэй люэ» выясняется, что динлины, белокурые европеоиды южносибирского типа, которые жили издревле в трех царствах к северу от Усунь, занимавшей земли по истокам р. Или и ее верхнему течению, под натиском разгромленных сяньбийцами-монголоидами сюннов и самих сяньбийцев в конце II в. н. э. переселились на запад. Они заняли земли к западу и северо-западу от Усунь, к северу от Канцзюй и к востоку от Яньцай/Алань, т. е. полупустынные и пустынные земли между Аральским морем и озером Балхаш, заселенные до этого мелкими племенами, видимо, этнически родственными аланам. Приход динлинов позволил царству Яньцай/Алань освободиться от власти Канцзюй.

Переселившиеся сюда динлины трех царств были по тем временам народом многочисленным — более 600 тыс. человек. Ограниченность территории, зажатой с трех сторон большими

царствами усуней, канцзюйцев, алан — народов, стоявших на гораздо более высокой ступени общественного развития, чем динлины, неблагоприятные экологические условия заставили, видимо, динлинов подчиниться аланам и вскоре начать отселение своих племен в западном направлении в те самые скифские степи к западу от Аральского моря до Дона (Танаиса) и Волги (Ра). Растянутость новых территориальных владений динлинских племен, их довольно низкий уровень общественного развития быстро привели их к подчинению аланам и к постепенной утрате своей общности как народа «динлин». И бывшие динлинские племена стали объединяться под общим названием «аланы», т. е. происходило то, о чем и писал Аммиан Марцеллин.

Итак, до конца IV в. в междуречье Сырдарьи и Амударьи и к югу от последней существовало, назовем его, Позднее Кушанское царство. В 70-е годы IV в. в результате двух войн оно обрело независимость от Сасанидского Ирана. Кушаны — общее наименование всех народов, подвластных Великому Кушанскому царству, существовавшему в I–II вв. н. э. Позднее это название стало относиться только к населению, жившему к югу и к северу от Амударьи в Позднем Кушанском царстве, возглавленном опять же представителями династии Аршакидов. В этническом же отношении кушаны состояли в основном из многочисленных черноволосых бактрийцев, издревле живших к северу и югу от Амударьи, и из правивших ими, но раза в три уступавших им по численности белокурых и голубоглазых юэчжей. Самым большим среди четырех племен юэчжей было племя тохаров. Но белокурые юэчжи-тохары стали правителями черноволосых бактрийцев в самом начале I в. до н. э., причем к власти пришли мирно, по приглашению последних. И именно название этого многочисленного белокурого правящего народа — тохаров — дало спустя века, в середине V в., наименование возникшему на месте Позднего Кушанского царства, на бывших его землях к югу и северу от Амударьи, Тохарскому царству. По данным древних китайских историй, с середины V в. за этой страной закрепилось название Тохаристан (по-китайски — Тухоло). Так что есть основа-

ние предположить, что племя белокурых тохаров, которые правили бактрийцами, пользовалось доверием у них и долго сохраняло здесь свою этническую особость.

К северу от Сырдарьи и гор Тянь-Шаня до конца IV в., по данным «Цзинь шу», находилось царство Канцзюй с его черноволосым, как в Давань (Фергане), населением. К востоку от Канцзюй жили белокурые усунь, а к северо-западу от находившегося в долине р. Или царства Усунь жили в III в. белокурые ала-ны и принявшие их название переселившиеся сюда в конце II в. бывшие динлины, как, вероятно, и другие родственные им племена этого региона.

В первой половине V в. Византию сотрясали богословские споры, вовлекавшие широкие народные массы и вызывавшие смуту. На западе, севере и северо-востоке на нее наступали кочевники. В 410 г. готы Алариха взяли Рим. Гунны опустошали Балканы и северные провинции и создали в 450 г. царство во главе с Агтилой. Мир с ними стоил Византии огромных денег, она превратилась фактически в данницу гуннов.

И в V в. этнополитическая история Средней Азии была, как и в предыдущие века, тесно связана с историей Ирана, Кавказа и Восточного Туркестана. Соответственно и сведения по ней оказались опять-таки в сочинениях западных авторов (римских, византийских, сирийских, армянских) и в древних китайских династийных историях. Собственно персидских письменных источников того времени не сохранилось после арабского завоевания страны и утверждения там ислама. До нас дошли лишь некоторые сведения, приобретшие полулегендарный характер, включенные в созданные несколько веков спустя труды позднесредневековых арабских авторов, которые интерпретировали эти сведения с позиций своего времени, что ставит под вопрос их достоверность и точность.

В качестве примера того, как современные исследователи по вольно истолкованным арабским источникам такого рода излагают историю Средней Азии V в., процитируем В. Г. Луконина: «В начале V в. бывшие кушанские земли завоевывает Кидара —

основатель царства кидаритов (откуда и когда пришли? — Л. Б.). Тогда же на соседних территориях (каких? Кушанских? где? — Л. Б.) возникло княжество, возглавляемое представителями кочевого племени эфталитов (откуда пришло? — Л. Б.). Сасаниды удерживали лишь Мерв, Герат и некоторые другие города. Война с кидаритами произошла около 442 г. (обоснования этой даты нет. — Л. Б.). К 448–451 гг. относится победа над ними шаханшаха Ездигерда II и захват Южной Бактрии (сведений о войне Ездигерда именно с кидаритами и захвате им Южной Бактрии нет. — Л. Б.). Однако в 457–459 гг. в междоусобной войне между Сасанидами Хормиздом и Перозом последний уступил эфталитам в обмен на их помощь Восточный Тохаристан (Бактрию) вместе с культурным и религиозным центром этих земель — городом Балх» (Луконин, 1983, с. 181. Сноски на источник этих сведений нет. — Л. Б.). Далее увидим, что на самом деле Пероз раз за разом терпел поражение от царя названных кушанских земель. Поэтому начнем рассмотрение истории Средней Азии V в. с исследования сведений в трудах тех *западных авторов, которые были либо сами современниками и очевидцами событий, либо опирались на рассказы других современников и очевидцев*. Эти авторы, как правило, освещали события за короткий исторический промежуток времени, совпадавший обычно со сроком их жизни. Такого рода сочинением по истории до 40-х годов V в., освещающим в деталях именно события в Армении, является «История Армении» Моисея Хоренского.

§ 1. Армянин Егише о хонах на Кавказе и кушанах в Средней Азии

А вот что сказано о народах Средней Азии и Кавказа в первом подробном описании краткого, но очень богатого по насыщенности событиями периода истории Армении с 438 по 463 г. в сочинении «О Вардане и войне армянской» современника и участника событий армянина Егише. Егише изложил историю

возникновения и ход восстания 450–451 гг. армянского народа против персидского владычества, принявшего особенно жестокие формы в правление шаханшаха Ездигерда II (439–457), который потребовал от армян не только уплаты тяжелейшего налога, но и отказа от христианства и принятия зороастризма.

Егише был духовным лицом в войске Ездигерда и позже написал эту историю, по его словам, «по поручению великого в познании бога», т. е. какого-то высокого церковного служителя.

Для нас же особенно интересны краткие, но достоверные сведения Егише о том, с кем и где вел войны в этот период Ездигерд (в тексте используемого нами перевода — Йазкерт), о тех народах, которые поддерживали армян в их противостоянии с этим царем. В существующих исследованиях по истории среднеазиатских и прикаспийских областей авторы использовали лишь несколько фраз из труда Егише и, решая вопрос о каких народах и географических регионах в них говорится, рассматривали их вне связи с другими сообщениями Егише об этих народах и регионах и вне контекста описанных им событий. Они сопоставляли их с сообщениями сирийцев, греков и даже арабов, живших на несколько веков позже. Неудивительно поэтому появление у исследователей разноречивых точек зрения по вопросам этнополитической истории народов Средней Азии и Кавказа того периода.

Мы же начнем с подробного анализа сведений именно Егише как очевидца и современника событий, признаваемых всеми исследователями, заслуживающими доверия.

Первую главу своей «Истории» Егише, после очень-очень краткого изложения основных вех в судьбе Армении при Сасанидах, начинает с сообщения о войне Ездигерда II (439–457) против «Греческой страны», т. е. Византии, которую он разграбил до г. Мцибина (Насибина).

«А блаженный кесарь Феодосий (408–450 гг. — Л. Б.), так как был он миролюбив во Христе, не пожелал встретить его войною, но послал к нему со множеством сокровищ одного мужа»,

выдал христиан-персов, и Ездигерд вернулся в свою столицу (Егише, 1971, с. 27–28).

Эта война «была неудачной для Византии. Только возникновение угрозы Ирану со стороны кочевых восточных племен вынудило персидское правительство заключить в 442 г. (с этой датой нельзя согласиться. — Л. Б.) мир, не сделав каких-либо серьезных приобретений за счет Византии» (История Византии, 1967, с. 193). Названную дату сведения Егише, как увидим далее, не подтверждают.

Используя воодушевление Ездигерда после этой победы, жрецы зороастризма, маги, стремясь добиться полного запрета христианства в Иране, дали Ездигерду совет, как отметить эту победу:

«Храбрый царь, боги дали тебе твое господство и победу, но нисколько не нуждаются они в телесном возвеличивании, кроме как чтобы *обратил ты к одному закону все народы и племена, которые суть в твоём государстве*; тогда и страна Греков, покорившись, подчинится твоим законам. Итак, немедленно последуй ты, о царь, одному нашему суждению: собери войска и составь рать, отправься *в страну Кушанов*, и все народы собери ты вместе и заставь пройти *через ворота Пах* внутрь страны и там же *устрой свое пребывание*. Когда ты *остановишь и запрешь всех на далекой чужбине*, исполнятся замыслы твоей воли и, <...> овладеешь и страной Кушанов, и даже Греки не выступят против твоей власти. *Но только устрани лжеучение христиан*» (Егише, 1971, с. 29. Здесь и далее курсив в цитатах и в их изложении наш. — Л. Б.).

Судя по этим словам магов, неподвластная в то время, в середине V в., Ирану страна Кушан считалась столь мощной, что после овладения ею против Ирана не выступила бы и Византия. И маги предлагали Ездигерду повергнуть ее силой рати, составленной из войск христианских народов и племен, подвластных персам, живших, как ясно из ранее рассмотренных материалов, на Северном Кавказе. Это было необходимо, полагали они, для достижения главной цели — устранить христианство.

Очевидно, что ворота Пах, за которыми маги предлагали запереть на чужбине войска христианских народов, находились на пути в кушанские земли.

Явно в 440 г., о чем можно судить по датам последующих событий, указанных Егише, после окончания войны с Византией во исполнение совета магов Ездигерд издал указ и разослал всем народам — иверам, албанам и другим, т. е. северным народам, в котором говорилось:

«Мы задумали непременно направиться в *страну Восточную*, с помощью богов подчинить нам *государство Кушанов*, вы, как только увидите сие послание, немедленно отправьте конницу, опережая меня, встретьте меня в стране Апар» (Там же, с. 30).

Как видим, Ездигерд *называет государство Кушан восточной страной* и потому местом сбора конницы для похода против него избрал страну Апар (Абаршахр). К. Н. Юзбашян, автор Предисловия и комментариев к изданию труда Егише в переводе академика И. А. Орбели, в своих примечаниях пишет: «Апар — область на северо-востоке Ирана (позднее Хорасан) с главным городом Нишапур». А «ворота Пах — проход где-то на северо-востоке Ирана. Полагают, что это *Pylae Caspiae*, для защиты которых был основан город Рей» (Егише, 1971, с. 178, прим. 21 и 19).

С глубокой древности грекам было известно, что Каспийские ворота находились на магистральном пути, проходившем из Месопотамии на Экбатану в Мидию (Персию) и далее через Каспийские ворота в среднеазиатские сатрапии и в Маргиану (Дьяконов, 1961, с. 146). По этому пути Александр Македонский преследовал Дария до г. Гекатомпил, который позднее стал первой столицей Парфянского царства. И в IV в. н. э. Аммиан Марцеллин указал Каспийские ворота в 1040 стадиях (183 км) к западу от Гекатомпила (Амм., вып. 11, 1907, XXIII, 5, с. 185). Так что Каспийские ворота, которые армянин Егише назвал «воротами Пах», находились, скорее всего, у нынешнего перевала Кендеван через хр. Эльбурс на южном берегу Каспийского моря и поблизости от него находился город и донныне существу-

ющий и называемый Рей (Атлас мира. Азия. 1982, л. 26, Б-3). Получается, что страна Апар в V в. простиралась от северного берега Персидского залива, где находилась ее столица г. Нишапур, на северо-восток до юго-восточного берега Каспийского моря.

Множество людей из подвластных царств собралось по указу Ездигерда, по всей видимости 441 г. И Егише далее сообщил:

«И когда увидел царь все снаряжение и многочисленность войск варваров, которые с готовностью пришли на службу царю, еще более радостен стал он <...> Внешне он скрывал волю и замыслы свои <...> *Внезапно* (! — Л. Б.) двинулся он против государства страны *хонов, которых называют Кушанами* (курсив наш. — Л. Б.), но, провоевав с ними два года (скорее всего в 441–442 гг. — Л. Б.), нисколько не смог воздействовать на них. Затем отправил воинов по своим краям и призвал к себе других, снаряженных так же. И установил такой обычай, [следуя] ему из года в год. И построил там же город для своего проживания, начав в четвертый год своего правления (т. е. в 442 г. — Л. Б.) и до одиннадцатого года своего царствования» (449 г. — Л. Б.) (Егише, 1971, с. 31).

Как видим, Егише четко говорит о безуспешной, заметим это, войне Ездигерда с «государством страны хонов», которая велась в течение двух лет, видимо, в 441–442 гг., и о строительстве после этой войны города для своего проживания, которое велось с четвертого до одиннадцатого года его правления, т. е. с 442 до 449 г. Б. И. Маршак считал, что Егише пишет о «военных действиях» Ездигерда с 442 по 449 г. против хонов, называемых кушанами (Маршак, 1971, с. 59). И Н. В. Пигулевская тоже полагала, что он воевал «несколько лет» «в северных областях», но к востоку от Каспийского моря, со «страной гуннов, которая называется также Кушанией» (Пигулевская, 1941, с. 43–44). Ни один из двух этих историков не процитировал рассматриваемое соображение Егише и, не прибегая к другим доказательствам из его сочинения и других источников, два года войны запросто превратили в несколько лет. Маршак указывает, что хоны-хиониты обитали к востоку от владений Ездигерда, т. е. в Средней Азии.

И Пигулевская, идентифицировав хонов с гуннами и с кушанами, локализует их в северных областях к востоку от Каспия, т. е. в Средней Азии. Не вдаваясь в опровержение этих и многих подобных заявлений, продолжим исследование, которое и показывает, как мы выяснили, их необоснованность.

Все внимание исследователей сосредоточилось на единственной фразе в труде Егише — о «хонах, которых называют кушанами». Эта фраза воспринята ими как неоспоримое доказательство самого Егише, участника событий того времени, тождества кушанов с хонами, а хоны идентифицируются ими с хионитами, которых считают гуннами, не объясняя, как гунны оказались *уже в середине IV в.* к югу от Армении у г. Амида, хотя сведений об их появлении в Европе в то время еще не было.

Усомниться в достоверности этой фразы и в принадлежности ее именно Егише позволяют следующие его сведения. Ездигерд в своем указе говорил о сборе войска для похода «в страну Восточную», чтобы «подчинить нам государство Кушанов». Далее в рассматриваемом сообщении Егише говорит о том, что Ездигерд обрадовался множеству собравшихся войск. «Внешне *он скрывал волю и замыслы свои* и против воли щедро одаривал их. *Внезапно* (обратим внимание на эти слова. — Л. Б.) двинулся он против государства страны хонов, которых называют Кушанами». Отметив скрытость намерений Ездигерда и внезапность похода против хонов, Егише, полагаем, показал, что царь изменил цель похода — вместо восточной страны кушан двинулся на страну хонов. Фраза же о «хонах, которых называют Кушанами», скорее всего, написана не Егише, а, считаем, вставлена переписчиком его труда в последующие века, который с помощью ее решил убрать отмеченное им противоречие — указ был дан о сборе войск для покорения страны Кушан, а поход предпринят против страны хонов.

Но далее переписчик, к счастью, уже не вмешивался в текст. И вопреки замечанию К. В. Тревер, что «продолжая во второй главе говорить о кушанах, Егише больше не упоминает хонов» (Тревер, 1954, с. 136–137), Егише во второй и последу-

ющих главах своей «Истории» неоднократно пишет о хонах и их царстве и четыре раза о кушанах, ни в малой мере не связывая эти народы между собой, что и увидим далее.

Даже в самом конце первой главы Егише, сказав о завершении Ездигердом похода против хонов и о строительстве с 4-го до 11-го года правления (449) города для своего проживания, сообщил:

«И когда [он] увидел, что верны остались Ромеи своему договору <...> и перестали Хайландуры выходить через пограничную крепость Чора, и зажила его страна, окруженная со всех сторон миром, и даже вверг он в утеснение царя хонов, ибо разорил многие его области» (Егише, 1971, с. 31), то увеличил по всей стране жертвоприношения огню и стал отбирать имущество христиан.

Что это за пограничная крепость Чора, за которую более не выходил какой-то народ хайландуры, где она находилась, как соотносилась со страной хонов, где находились страна хонов и страна кушанов — выяснить все это позволяют сведения Егише в описании им последующих событий, которые и рассмотрим в их хронологической последовательности. Но сначала напомним приведенное нами выше сообщение Моисея Хоренского о воротах (проходе) Чора, не оставляющее сомнения в том, что так назывался тогда нынешний Дербентский проход. Но, как увидим ниже, в древности авторы нередко путали географические объекты, называя один именем другого. Поэтому важно выяснить, какой проход сам Егише называл Чора.

Напомним, что труд Егише «О Вардане и Армянской войне» — это прежде всего страстный, высокохудожественный панегирик патриота участникам народно-освободительной войны армянского народа 450–451 гг. против персидских властителей, принявшей форму самоотверженной борьбы армян-христиан против навязываемого им самыми жестокими способами зороастрийского вероучения персов. Поэтому неудивительно, что Егише лишь кратко говорит о чисто политических акциях Ездигерда, его войнах, касавшихся антиперсидской борьбы ар-

мян. Но эти сведения, как правило, уникальны, и потому составляем рассматривать их внимательно.

В начале второй главы Егише как очевидец описал яростное выступление Ездигерда перед войском, но не накануне отправления в поход, как писала К. В. Тревер (Тревер, 1954, с. 136), а перед тем как он открыл им дискуссию исповедников разных вероучений, заранее уверенный, что победят исповедующие зороастризм:

«Не по рассказам и слухам, удивленный проснувшись, а сам, лично, будучи там на месте, я видел (его) и слышал звук его голоса, когда он нагло говорил; как ужасный ветер, который разит великое море, так он потрясал и приводил в дрожь все множество своих войск. И устроил он смотр всех учений и разбирал учения магов и халдеев, и всех учений своей страны. Лицемерно свалил он туда же и христианство и говорил с яростной мыслью: «Спрашивайте, исследуйте, рассмотрите! Пусть мы примем то [учение], которое изберем как лучшее». И спешил, чтобы поскорее совершилось то, что было у него в мыслях» (Егише, 1971, с. 33–34), т. е. добиться победы зороастризма.

Ездигерд стал чинить всяческие бесчинства над всеми народами, противниками зороастризма, и более всего он воевал с Арменией, люди которой были особенно рьяны в богопочитании.

«И это он делал начиная с четвертого года до одиннадцатого года своего правления. И когда увидел, что нисколько не удались его тайные происки, <...> что христианство день ото дня шире распространялось во всех краях <...> отдал громогласное повеление, говоря: “Все народы и языки, которые находятся под моей властью, да оставят каждый законы своих лжеучений, и все до последнего придут к поклонению солнцу” <...>» (Там же, с. 5).

Сразу после этого Егише сообщил о событии, прямо относившемся к истории Средней Азии:

«Итак, к началу двенадцатого года своего царствования (450 г. — Л. Б.), собрал он рать в неисчислимом множестве и, отправив ее, достиг страны Талакан. Когда увидел это царь

Кушанов, не решился выступить войною навстречу ему, а, обратившись в бегство в сторону неприступной пустыни, укрывшись, спасся со всем своим войском. А этот [Йазкерт] совершал набеги на области, места и местности, захватывал много замков и городов, накапливал пленных, награбленную добычу и доставлял [все это] на землю своего господства. И после того <...> укреплялся в бреднях своего лжеучения, говоря служителям нечестия: “Что воздадим мы богам за такую великую победу, когда никто не смог выступить против нас войною?!”» (Там же, с. 35–36). А маги, восхвалив его за победу, снова просили запретить христианство и другие учения.

Главный вывод из данного свидетельства Егише: в середине V в. Позднее Кушанское царство продолжало существовать и не зависело от Сасанидов. Это было царство оседлых земледельцев с множеством богатых замков и городов. Разграбив их, персы *ушли*, увозя захваченные богатства в свои владения. А второй вывод, прямо вытекающий из этого сообщения Егише, состоит в том, что граница между этими царствами проходила у первой, занятой войском Ездигерда страны, названной Егише Итагакан. И переводчики обоснованно идентифицировали ее со страной и городом Талакан (Таликан) на крайнем востоке области Хорасан, которая, заметим, была позднее создана на месте восточной части области Апар. Но была и попытка читать Итагакан как «страна эфталитов» (Пигулевская, 1941, с. 45), отвергнутая, правда, большинством исследователей, поскольку сведений об эфталитах в то время в источниках нет.

Итак, Ездигерд в первой половине 450 г. разграбил западные области Кушанского царства и с богатой добычей вернулся домой. Сразу же после описания этого похода Егише сообщил, что Ездигерд

«по ту сторону прохода Паһ задержал множество конницы Армянской, Иверской и Албанской и всех тех, кто верил в святое евангелие Христово. И строгий приказ дали стражам у прохода: “Если кто на восток к нам придет — пропускать, а с востока на запад — чтобы путь был непроходим”» (Егише, 1971, с. 36).

Следовательно, войско Ездигерда, расположившееся к востоку от прохода Пах (нынешнего перевала Кендеван через хр. Эльбурс), выступило отсюда в поход против кушан и сюда же вернулось. Здесь же была задержана и заперта конница христианских владений Ирана на Кавказе — Армении, Иверии и Албании.

Вся последующая часть труда Егише посвящена подробному описанию истории Армянской войны 450–451 гг. с персами, ее начала, хода и исхода, которая приобрела и характер гражданской войны, так как часть армянской знати во главе с марзпаном Васаком, перейдя в зороастризм, воевала на стороне персов. Рассмотрение этой темы не входит в задачу данного исследования. О ней смотри статью С. Т. Еремян «Народно-освободительная война армян против Ирана в 450–451 гг.» (Еремян, 1951) и Предисловие К. Н. Юзбашяна к используемому нами переводу труда Егише, выполненному академиком И. А. Орбели.

Но, описывая эту войну, Егише не ограничивается этой темой, а рассказывает, хотя и кратко, о более широком круге событий того времени. Он приводит отдельные сведения о хонах и их стране, о кушанах и об отдельных географических объектах, которые позволяют, с нашей точки зрения, обоснованно решить вопрос о том, кто такие хоны. Были ли они кушанами или они подчинили кушан и жили на кушанских землях? А если хоны были отличным от них народом, то где они жили?

Рассмотрим, что писал Егише о хонах.

После окончания первого похода против кушан в 450 г. Ездигерд, следуя совету магов, решает заставить армянских нахараров отказаться от христианства и принять зороастризм. Маги уверяли его:

«Ведь если кесарь не преступает твоего веления и *хоны пребывают в служении тебе*, то кто же тот человек на земле, кто может пойти наперекор твоему велению?» (Егише, 1971, с. 52).

Очевидно, что в это время какая-то часть хонов подчинялись Ездигерду.

Но большинство армянских нахараров отказались быть отступниками своей веры. И тогда Ездигерд издает указ, в кото-

ром перечисляет имена десяти самых именитых из них. Егише, приведя их список, пишет:

«Этих нахараров лично, поименно вызвали к царскому двору. Часть их уже были при нем в лагере, другие были *в северных краях в хонской крепости*, а некоторых нахараров он [ранее] оставил там же (т. е. на севере. — Л. Б.) в стране Армянской» (Там же, 1971, с. 53).

Итак, согласно этому сообщению, хонская крепость в стране хонов, которая в то время подчинялась Ирану, находилась в северных, по отношению к Ирану, краях, тогда как кушанская страна находилась к востоку от Ирана.

Послушные шаханшаху армянские нахарары прибыли к его двору и были заключены в темницу. Затем Егише сообщает:

«И пока снаряжали отряд, чтобы отправить их в безвозвратную ссылку — как со многими нахарарами из страны Иверской уже поступили — в это самое время пришла тяжелая весть с Кушанских краев, что отделился вражеский отряд, который выступил и разорил многие царские области. И это была им (армянским нахарарам) великая помощь с небес. И нечестивец (т. е. Ездигерд. — Л. Б.) поспешил в смятении отправить вперед конницу, и сам торопился следовать за ней» (Там же, с. 58).

Итак, в середине 450 г. Ездигерду II пришлось теперь уже поневоле выступить в поход на восток против вторгшихся в его земли кушан. Но перед этим он отправил «много конницы и из магов немалое число — более семисот проповедников» по пути в землю Армянскую.

«И не достигнув еще широкой страны Армении, бросали палку и метали жребий о том, какой язык [племя] какому разряду [магов] достанется в учение» (Там же, 1971, с. 59). «И неожиданным нападением спешили грабить сокровища святых церквей, а затем, как дэвы, набрасывались друг на друга. <...> [Так как] был назначен срок — шестой месяц, — они суетились и торопились по велению царя» (Там же, с. 60).

Это указание на шестой месяц и позволяет датировать описанные события серединой 450 г.

Тогда армянская община, возглавленная многими нахарами, приняла решение собрать войско, чтобы противостоять персам. И началась Армянская война, ход и исход которой Егише описал подробно.

Вскоре армянские войска изгнали персов из своей столицы Арташат и целого ряда городов и районов вокруг нее.

«И вот, после многих дней, — пишет Егише, — прибыл хазарпет Албанский со святым епископом и в великом смятении торопил войска, говоря: “Полк персидский, который был в стране хонов, вернулся, вступил в нашу страну, также и многочисленная другая конница, что прибыла от двора”» (Егише, 1971, с. 73).

Это сообщение не оставляет сомнения в том, что страна хонов, выступавшая в это время союзницей персов, не была Кушанией, против которой в середине 450 г. и выступил Ездигерд, а находилась рядом с Албанией, лежавшей севернее Армении на Кавказе.

Далее Егише рассказывает, что армяне, узнав об этом, разделили свое войско на три полка.

«И полк второй дали под начало зоравару (полководцу. — Л. Б.) Армении Вардану, чтобы он пересек пределы Иверии [и пошел] на марзпана (здесь — правителя округа. — Л. Б.) Чора, который явился разорвать церкви Албании» (Там же, с. 76).

Очевидно, что округ Чора находился где-то в Албании, соседствовавшей с Иверией (Грузией). И, несомненно, в нем была упомянутая выше крепость Чора. Это подтверждают и последующие события.

Марзпан Чора, получив сообщение от армянского нахара-предателя о малочисленности полка Вардана,

«<...> не стал выжидать в краях Чора, а сосредоточил все множество своих войск и поспешно перешел большую реку, именуемую Кур (Кура. — Л. Б.), и встретился с ним [Варданом] близ границ Иверии, против города Халахала, который был зимней ставкой царей Албанских» (Там же, с. 77). Но мужественный полк Вардана разгромил его, после чего многие нахары и крестьяне Албании вступили в армянское войско.

«Затем они, — продолжает Егише, — направились к хонским вратам, которыми завладели силою персы, взяли и разрушили врата и перебили войска, что располагались внутри, а ворота вверили власти Вахана, бывшего из рода царей Албанских». Но тут же его «отправили послом в страну хонов и ко многим другим племенам варваров, которые были союзниками страны хонов, чтобы вести с ними переговоры и заключить договор — установить нерушимый союз» (Там же, с. 79–80). И Вахан такой союз заключил.

Егише далее прямо называет крепость Чору пограничной (Там же, с. 92).

Правда, некоторые исследователи, основываясь на сведениях источников о войнах тюрков в VII–VIII вв. с правителем области Чол-Сул на восточном берегу Каспийского моря, полагают, что и Ездигерд в середине V в. воевал там же с хонами (Пигулевская, 1941, с. 43–45).

Как видим, Хонские ворота разделяли владения хонов и албанов и находились они в землях разгромленного армянами и албанами персидского правителя области Чора и потому идентификация их с крепостью Чора обоснована (Егише, 1971, с. 183, прим. 32). Царство Албания издавна занимало земли к северу от Армении на западном берегу Каспийского моря, где и находились область Чора и крепость Чора, отождествляемая с Дербентским проходом. Это все дает основание считать, что в то время владения хонов начинались к северу от нынешнего прохода Дербент и реки Самур в Дагестане.

В дальнейшем изложении хода армянской войны Егише, говоря о Ездигерде, лишь кратко замечает, что «с восточной войны он вернулся согбенным, а не с поднятой головой» (Там же, с. 83). Но и из этих нескольких слов ясно, что второй в 450 г. поход Ездигерда на восток против кушан, вторгшихся в его земли, был безуспешным, что Кушанское царство и в середине V в. оставалось независимым и продолжало угрожать его восточным владениям.

Следовательно, то, что одновременно проходили война Ездигерда с кушанами на востоке и война персов с восставшими армянами и поддерживавшими их албанами на севере, на Кавказе, неопровержимо доказывает, что хоны не были кушанами и что они обитали не на восточном побережье Каспийского моря, а на Северном Кавказе.

Так что фраза в «Истории» Егише о «государстве страны хонов, которых называют кушанами», несомненно, не принадлежит Егише, а вставлена каким-то переписчиком последующих веков. Ведь самый ранний список труда Егише, дошедший до нас, датирован 1174 годом (Егише, 1971, с. 17).

Не менее важно сообщение Егише о том, что вернувшийся с восточного похода Ездигерд стал собирать все отборные войска на войну с армянами и в числе их свое апарское войско, в котором были наряду с другими и отряды хонов и гелов (Там же, с. 107). Вряд ли можно усомниться в том, что хоны и гелы — это названные по-армянски потомки хионитов и гелонов, «особо воинственных племен», с которыми, по сведениям Аммиана Марцеллина, шаханшах Шапур II сначала в 356–358 гг. воевал, а потом в 358 г. заключил договор. И они вместе с албанами в 359 г. помогали персам воевать с римлянами под г. Амиды. В нашей первой главе также выяснено, что хиониты и гелоны были аланскими племенами, имевшими уже в середине IV в. свое царство на Северном Кавказе.

Так что хоны, описанные Егише, это белокурые хиониты, описанные Аммианом Марцеллином, аланские племена, еще в IV веке жившие на Кавказе к северу от царств Албания и Иверия. Но они в 395 г., как увидим далее, смешались с европейскими гунами, варварским народом, описанным Аммианом Марцеллином, которые под пером современных авторов превратились в гуннов азиатского происхождения.

Гунская орда в 395 г. предприняла грабительский рейд в земли Персии и Восточной Римской империи. Инициаторами его, несомненно, были входившие в нее аланы, которые, по словам Аммиана Марцеллина, и ранее от Меотиды совершали раз-

бойничьи рейды в земли Армении и Мидии. А проводниками, полагаем, выступили их сородичи хиониты-аланы, уже в середине IV в. имевшие царство на Северном Кавказе. Отступая потом, часть гунской орды осталась, несомненно, в землях хионитов, которых после этого некоторые византийцы называли «белыми гуннами». Но основная часть гунской орды с великими богатствами и с заимствованным у аланов за три десятилетия общения опытом общественной организации, скорее всего, вернулась в земли своего народа на север. Только этим можно объяснить то, что гуны, дикий варварский народ, быстро, всего за 50 лет, смогли создать уже в 450 г. мощный союз во главе с единым вождем Аттилой и фактически превратить Западную и Восточную Римские империи в своих данников. В 451 г. они вторглись в Галлию, римскую провинцию на территории нынешней Франции, и дошли до района нынешнего Орлеана. Потерпев здесь поражение и отступая на восток, они были разгромлены на Каталунских полях. А в 453 г. умер Аттила. И гунский союз распался. После этого гуны так и не создали своего царства или королевства по типу варварских королевств, возникавших в то время на территории Западной Римской империи.

Царство же хионитов, названных в труде армянина Егише хонами, после 395 г., несомненно, окрепло, пополнившись гунами-аланами, принесшими к тому же с собой и значительные награбленные богатства. Живя долгое время по соседству с высокоразвитыми местными народами — армянами, иверами, албанами, хиониты-хоны стали постепенно перенимать их образ жизни и приобщаться к христианству. Предполагать это позволяет следующее сообщение Егише о событии, происшедшем после разрушения армянами и албанами хонских ворот:

«Отправили (Васака. — Л. Б.) послом в страну хонов и многим другим племенам варваров, которые были союзниками хонов, чтобы вести с ними переговоры и заключить договор — установить нерушимый союз. А те, когда все это услышали, поспешно без промедления прибыли на место и стали очевидцами победных дел. И нисколько не помедлили вступить в договор по

обрядам их законов, *приняли на себя клятву христиан*» (Егише, 1971, с. 79–80).

А когда Армянская война близилась к концу, так как Ездигерд пошел на уступки этому народу — снял недоимки за весь период войны, провозгласил веротерпимость, назначил марзпаном Армении одного из членов своего царского рода, а не мага — он, сообщает Егише, послал своих командиров

«<...> во все крепости, которые были разорены войсками *хонов* по уговору с армянами. Поелику царь был крайне удручен не только разорением страны и из-за потерь в войсках, но еще больше тем, что была разорена *та пограничная крепость*, которую, начав издавна, только-только смогли построить и которая в это время, будучи взята с легкостью, была разрушена, причем не было даже надежды на ее восстановление» (Егише, 1971, с. 117).

Вряд ли можно усомниться в том, что Ездигерд сожалел о разрушении в 450 г. именно крепости Чора, пограничной между Албанией и страной *хонов*, называемой также *хонскими* вратами, находившейся, несомненно, в нынешнем Дербентском проходе на западном берегу Каспийского моря.

Через некоторое время на шестнадцатом году своего царствования, в 454 г., Ездигерд, сообщает Егише,

«<...> вновь направился в великом гневе в страну Кушанов — на дела ратные. Выйдя из Вркана и вступив в страну Апар, он велел в тех же узах держать нахараров и священников — в цитадели города Нишапуре. Страх наводил на все христианство там, где проходил. Когда это увидел один *хон по имени Бэл, который был царского рода, из страны Хайландуров* и тайно тяготел к христианам <...> бежал к царю Кушанов. Отправился, рассказал ему о всех мучениях, которые принес царь стране Армянской. Осведомил также его о том, что разрушена *хонская* крепость, доложил и о разногласиях в войске, ибо многие племена отошли от любви к царю. Сообщил ему и о ропоте в стране Ариев».

Царь кушан и до этого слышал о начале похода Ездигерда «на страну Кушанов, поспешил немедленно собрать войско, составил рать, чтобы выступить навстречу ему с мощной рукой,

ибо хотя и *не мог встречно дать сражение* против него, но, напав на прикрытие флангов, много ударов нанес войскам царским. И так теснил его, что нанес поражение с помощью [даже] небольшого отряда, заставил повернуть обратно, и сам, наездами пустившись по следу, разорял многие области царские и тотчас невинно возвращался в свою страну». Возвратившись, Ездигерд сказал: «Без чести и славы вернулся я из этой войны» (Егише, 1971, с. 127).

Итак, Ездигерд совершил три похода против Позднего Кушанского царства: в начале 450 г., в середине того же года, отражая удар кушан, и в 454 г. Но только во время первого похода ему удалось пограбить в западных землях кушан, а второй и третий его походы закончились бесславно. Ясно, что в 454 г. Позднее Кушанское царство еще существовало. Однако оно, по-видимому, ослабело, так как во время первого нашествия персов *кушанское войско уклонилось от столкновения с ними*, и во время третьего — кушанский царь *не мог дать встречного сражения*, а изгнал персов удачными ударами «небольшого отряда» с флангов.

Теперь обратим внимание на следующую фразу в приведенном сообщении — «хон по имени Бэл, который был из царского рода, из страны Хайландуров» бежал к кушанскому царю, которому сообщил, в частности, что разрушена хонская крепость. Проведенное выше исследование предыдущих сведений Егише показало, что хонская крепость — это и есть крепость Чора на границе Албании и страны хонов. А в начале своего труда Егише, рассказав о войне Ездигерда против страны хонов в 440–441 гг., сообщил, что «перестали Хайландуры выходить через пограничную крепость Чора». Все эти сведения в совокупности доказывают, что страна Хайландуров находилась у крепости Чора, хонских ворот (Дербентского прохода) и была частью страны хонов, а хайландуры были, следовательно, одним из хонских племен.

Свою историю армянской войны Егише закончил как бы эпилогом — «Далее об исповедниках, учениках их». Это страстное похвальное слово ученикам «блаженных» и «святых христиан» нахараров и азатов (крестьян), которые, по примеру своих духов-

ных отцов, предпочитали вероотступничеству мучения и смерть в персидской тюрьме или в пустыне. А также и женам погибших и еще живущих в узнице христиан, которые «по воле своей связали телесные желания и приобщились к мучениям святых кандалников» (Егише, 1971, с. 173).

Но и в этом эпилоге Егише продолжал писать историю. Он сообщил, что Ездигерд на девятнадцатом году царствования, т. е. в 457 г., умер.

«И два его сына, противостоя друг другу, воевали за [царскую] власть. Жестокая война свирепствовала два года (457–458. — Л. Б.). И пока они пребывали в этой вражде, восстал и царь Албании, ибо он был их племянником по сестре и согласно отечественной вере прежде был христианином, но Йазкерт, царь царей, насильственно сделал его магом <...> А воспитатель младшего сына Йазкерта по имени Раһам из рода Миһрана, хотя и видел, что арийцы (персы. — Л. Б.) разделились надвое, но с половиной зверски напал на старшего сына царя. Поразил, истребил отряд и, взяв в плен сына царя, приказал там же на месте убить его. А остальные войска привел и уговорил, и установил единодушные во всей Арийской (Персидской. — Л. Б.) стране, и поставил царем своего воспитанника, имя которого было Пероз.

Но хотя в Арийской стране и установился великий мир, царь Албании не желал вновь покоряться, окопал наһак (округ. — Л. Б.) Чора и привел по эту сторону (крепости Чора. — Л. Б.) войска Маскутов (алан. — Л. Б.), объединил одиннадцать царей горских и противостоял войною полку ариев и великий ущерб причинил войскам царским» (Егише, 1971, с. 169).

Далее Егише сообщает:

«И когда увидели, что ни силой, ни любовью не смогли привести к согласию, — отправили огромные сокровища в страну Хайландуров, открыли Аланские ворота и выставили многочисленное войско из һонов и сражались один год с царем Албании. Хотя и поколебались и рассеялись его войска от войска һонов, но его не смогли покорить. К тому же и тяжелые по-

ранения постигли хонов, частью в боях, частью от мучительных болезней» (Егише, 1971, с. 170).

Закончилось это противоборство тем, что царь Албании, христианин, видя страдания народа от войны, отказался от царства и поселился в основанном им монастыре. Албания снова оказалась под властью Ирана. Егише заметил, что «вся эта долгая вражда» продолжалась до пятого года правления Пероза (459–484), т. е. до 463 г. (Там же, с. 170).

Итак, согласно сведениям Егише, после смерти в 457 г. шаханшаха Ирана Ездигерда II восстал царь подвластной тогда Ирану Албании. Христианин, но насильно обращенный Ездигердом в мага, он укрепил округ Чора и «привел по эту сторону», полагаем, крепости Чора, пограничной со страной хонов, максутов, т. е. алан-массагетов. В данном случае маскутами явно названы хайландуры, жившие в стране хонов (хионитов) непосредственно, как мы выяснили, у крепости Чора. И именно хайландурам послал Пероз огромные сокровища с очевидным намерением оторвать их от союза с царем Албании. В союзе с одиннадцатью горскими, без сомнения хонскими, племенами, жившими к северу от Албании, царь Албании разгромил персидские войска, находившиеся в его царстве. Четыре года вел Пероз войну с царем Албании до пятого года своего правления, 463 г. Он тоже использовал войска хонов, но, несомненно, обитавших к северу от Иверии (Восточной Грузии), что ясно из того, что он приказал открыть Аланские ворота (Дарьяское ущелье) на границе Иверии и страны хонов.

Война закончилась в этом (463) году, когда царь Албании, видя разорение страны в результате войны, отказался от царства и ушел в монастырь. И Албания стала областью Ирана во главе с марзбаном (наместником).

Следовательно, «История» Егише заканчивается 463 г. В ней описаны главные события, происшедшие в Иране и вокруг него в течение девятнадцатилетнего правления шаханшаха Ездигерда II (438–457), почти двухлетней междоусобицы двух его сыновей после смерти отца (457–458), и пяти лет после во-

царения его младшего сына Пероза (459–484), т. е. все, что произошло за 26 лет.

И то, что историк охватил столь малый отрезок времени, не удивительно, поскольку Егише рассказывал лишь о событиях, участником или очевидцем которых был сам или о которых получил подробные сведения от множества своих друзей и знакомых. Это очевидно хотя бы из его сообщения о «блаженных и добродетельных» женах «узников и павших на войне»:

«По всей стране Армянской всех счесть я не могу, ибо больше тех, которых я не знаю. Ибо около пятисот я знаю лично поименно, не только старших, но и многих из младших» (Егише, 1971, с. 171).

Так что в достоверности его описаний исторических событий усомниться вряд ли можно. И именно поэтому, подводя итог проведенному исследованию сведений в «Истории» Егише, в первую очередь отметим явную недостоверность имеющейся в ней фразы, привлечшей самое большое внимание исследователей о «государстве страны хонов, которых называют кушанами». Она приведена на одной из первых страниц первой главы в описании первого похода Ездигерда II, предпринятого им внезапно против хонов, хотя до этого своим указом он собирал войска для похода против «восточной страны Кушанов». Анализ последующих многих сведений Егише о стране хонов, о «Хонских вратах», о кушанской стране и о связанных с ними других географических объектах, событиях не оставил сомнения в том, что страна хонов, их царство находилось к северу от Ирана на Северном Кавказе. Оно занимало земли к северу от Албании (Дагестан и Северный Азербайджан), на границе с которой и была «пограничная крепость Чора», называемая Егише еще и «хонскими вратами» (Дербентский проход), а к северу от Иверии (Восточной Грузии) были Аланские ворота (Дарьяльское ущелье). Сразу к северу от крепости Чора обитало хонское (маскутское, аланское) племя хайландуров и, видимо, другие хонские племена.

Многие хоны поддерживали восстание армян против персов в 450–451 гг. Однако появились хоны-наемники и в войске Ездигерда.

А первый и успешный поход против Позднего Кушанского царства Ездигерд II предпринял в начале 450 г., на двенадцатом году своего правления. Кушанский царь со своим войском уклонился от встречного боя и бежал в *направлении* к пустыне. Войско Ездигерда, состоявшее из конницы христианских царств Кавказа, разграбив западные области Позднего Кушанского царства, с богатой добычей возвратилось в персидские владения, но, по приказу Ездигерда, было заперто к востоку от ворот Пах (Каспийских). А второй поход против Кушанского царства Ездигерд был вскоре *вынужден* предпринять, так как кушаны, сохранившие свое войско, на этот раз сами вторглись в восточные земли Ирана. Ездигерд выступил в поход в середине 450 г., а вскоре после этого в Иране началось восстание армян против персидского владычества. Ездигерд, пишет Егише, «вернулся согбенным, а не с гордо поднятой головой», свидетельствуя тем самым о безуспешности похода против кушан.

Но, подавив восстание армян, на шестнадцатом году своего правления (454 г.) Ездигерд II «вновь направился в великом гневе в страну Кушанов — на дела ратные». И опять он вернулся из похода «без чести и славы». Кушаны же разграбили восточные области Ирана. Но у Егише нет ни малейшего намека на появление в первой половине V в. хонов-хионитов или какого-либо иного кочевого народа в землях кушан.

После смерти Ездигерда II в 457 г. возведенный в 459 г. на трон шаханшаха его младший сын Пероз пять лет, т. е. до 463 г., вел войну с кавказскими народами. Там восстал царь Албании, не пожелавший снова подчиняться персам, насаждавшим зороастризм. Его поддержали цари каких-то одиннадцати не названных горских племен. Но самые ближние и сильные соседи албанов — хоны, получив от Пероза через хайландуров «огромные сокровища», на этот раз выставили против одиннадцати многочисленное войско. Однако война, в которой хоны понесли серьезные поте-

ри, закончилась лишь после того, как царь Албании, видя разорение войной своей страны, отказался от царства и ушел в монастырь. Албания осталась областью Ирана.

Очевидно, что Егише говорил о том самом восстании алванского царя Ваче, после которого «Сасаниды ликвидировали алванское царство и передали власть своему наместнику-марзбану со столицей в г. Барда» (Закавказье, 1983, с. 213).

Сведения о народах, живших к северу от Сасанидского Ирана, т. е. на Кавказе, и к востоку от него, т. е. в землях Позднего Кушанского царства, в период правления шахов Ездигерда II (438–457) и Пероза (459–484) есть в сочинениях их современников — византийца Приска Панийского и армянина Лазаря Парбского.

§ 2. Приск Панийский о гунах и скифах в царстве Атилы и о гунах кидаритах

Труд Приска Панийского дошел до нас в отрывках. В единственном до сих пор полном переводе его на русский язык Г. С. Дестуниса, опубликованном в 1861 г., он назван «Сказания Приска Панийского» и разделен на 35 «отрывков». Поэтому в ссылках наших указываем: Приск, год издания, номер отрывка и страницу перевода Дестуниса. Но Г. С. Дестунис предпослал переводу «Предисловие» на семнадцати страницах, состоящее из 8 разделов: «Жизнь Приска», «Характеристика Приска», «Отзывы о Приске», «Сочинения Приска», «Разные издания Приска», «Комментарии к Приску», «Наше отношение» и «Сколько лет объемлет Прискова история». В наших ссылках на «Предисловие» указываем: Дестунис, 1861, страницу.

После почти каждого номера отрывка Дестунис в скобках указал год, в котором происходили изложенные в нем события. Выясняется, что в дошедших до нас отрывках труда Приска описаны события с 433 по 468 г.

В разделе «Жизнь Приска» Г. С. Дестунис пишет: «О жизни Приска почти ничего неизвестно, кроме тех немногих данных,

которые находятся в предлагаемых здесь отрывках его исторического сочинения. Из других источников мы знаем только, что он родился в Пании, городке Фракийском, лежавшем на северном берегу Мраморного моря» (Дестунис, 1861, с. 1). А некоторые авторы следующего, VI века называли его ритором и софистом (Там же, прим. 1). Приск, несомненно, получил блестящее образование, поступил на государственную службу и преуспел на ней. А в 448 г. Максимин, один из главных сановников императора Феодосия II (408–450), отправляемый всемогущим тогда евнухом Хрисанфием послом к Аттиле, как пишет сам Приск, «убедительными просьбами заставил уже меня ехать вместе с ним» (Приск, 1861, с. 33). Приск очень подробно описал поездку посольства к гунам, пребывание его в стране Аттилы, возвращение. Дестунис в своем переводе называет гунов уннами. Отрывок 8 с этим описанием занимает 42 из 99 страниц всего «Сказания» Приска, а остальные 34 отрывка содержат от нескольких строк до двух страниц текста.

Описание поездки посольства к Аттиле Приск составил, несомненно, вскоре после своего возвращения. Его сочинение сразу стало известно при дворе и принесло ему славу «писателя» и «сочинителя», как он назван в отрывках 16-м и 20-м. В первом из них, который более похож на выписку из официальной бумаги за 453 г., говорится, что «полководец Максимин и *писатель Приск* прибыли туда», под Дамаск, где велись переговоры с послами сарацинскими (Приск, 1861, с. 80). Но в том году Максимин умер (Там же, 17, с. 81). В 20-м отрывке, в котором речь идет об урегулировании отношений Византии с кавказским народом лазами в 456 г., сказано:

«... совет подан был Евфимием, имевшим достоинство магистра. Славный разумом и силою слова Евфимий правил государственными делами при Маркиане (450–457. — Л. Б.) и был его руководителем во многих полезных делах. Он принял к себе Приска *сочинителя*, как участника в заботах правления» (Приск, 1861, с. 84).

Магистр — название должности начальника дворца и дворцовых служб — ведал также внешней политикой государства и другими службами (История Византии, 1967, с. 138). Так что Приск стал как бы секретарем высшего сановника империи. Судя по сведениям Приска за последующие годы по 468-й включительно, он продолжал заниматься отношениями Византии с северными народами, жившими к западу от Черного моря, по Дунаю, и к востоку от него, на Кавказе, получая информацию либо от византийских послов и посланников, либо из предоставляемых ими документов. Так что источники сведений, сообщенных им и за этот период, надежны.

Характер службы Приска и его информаторов определил характер и содержание изложенных им сведений — они касаются истории дипломатических отношений Византии в основном с северными народами, и в очень малой степени с восточными соседями — персами. Последний факт объясняется тем, что во второй половине V в. Иран вел войны на севере, как и Византия, с народами Кавказа, а на востоке и северо-востоке — с народами Средней Азии. Поэтому обе державы всячески избегали обострения отношений друг с другом и лишь изредка обменивались послами.

Сведения же этнографического свойства Приск сообщает лишь постольку, поскольку они привлекали его внимание по ходу событий. Но их достаточно, чтобы заключить, что гунны Приска — это те самые кочевники-гуны, появление которых к северу от Римской империи в 375–378 гг. подробно описал Аммиан Марцеллин. Но к 450 г. они сильно изменились за истекшие 75 лет общения с народами, стоявшими гораздо выше их по уровню общественного развития. Это видно из сопоставления сведений этих двух авторов.

Ясно, что Приск не был знаком с трудом Аммиана. Он не упоминает ни о нем, ни о его сведениях. Да и Г.С. Дестунис, судя по тому, что он только один раз цитирует Аммиана, ссылаясь на работу Ю. Венелина (Приск, 1861, 8, с. 20–22, прим. 6), тоже, оказывается, не был знаком с трудом Аммиана.

Гуны, описанные Аммианом, как бы приросли к лошадям — пили, ели и спали, сидя на них, они не нуждались в огне, не имели жилищ и даже боялись входить в закрытые помещения. Лица мужчин были ужасны, так как, по их обычаю, лицо новорожденного мальчика изрезали острыми ножами, чтобы на образовавшихся рубцах до старости не выростала борода.

Гуны Приска тоже проводили жизнь верхом на лошадях, даже переговоры с византийскими посланниками вели, не сходя с коней (Приск, I. с. 20–21). По-видимому, у них сохранялся обычай уродовать лица мужчин, о чем позволяет судить приведенное Дестунисом в примечании сообщение Иорнанда, в котором тот, *ссылаясь на текст Приска*, не дошедший до нас, рассказывает, что после смерти Аттилы его слуги

«обрезали по своему обычаю часть волос своих, и *исказили и без того безобразные лица свои глубокими ранами*, для того чтобы славный воитель оплакан был не женскими воплями и плачем, а мужскою кровью» (Приск, 18, с. 82, прим. 105).

Важно отметить, что Приск, знавший истинный облик гунов, хотя бы по лицам их женщин, не отметил его отличие от облика скифов, входивших в их орду.

Но если, по сведениям Аммиана, в его время гуны не знали единоначалия и подчинялись военачальникам, выбираемым из особо отличившихся на войне, то во время Приска у них вместо многоначалия уже был единый «царь» Аттила. И они даже во время похода ставили шатры. Жили же они в «хижинах селений», которые отапливали, «сжигая много камышу» (Приск, 8, с. 27). Аттила и его вельможи жили «в огромном селении», в котором у него был дворец.

«Он был великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах. Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянною оградю, более служащей к украшению, нежели к защите. После дома царского, самый отличный был дом Онигисия (первого вельможи Аттилы из скифов. — Л. Б.), также с деревянною оградю; но ограда не была украшена башнями, как Аттилина» (Приск, 8, с. 50–51).

У Приска есть и другие свидетельства, доказывающие, что гуны значительно продвинулись по пути цивилизации. Однако самым важным считаем заявление византийского военачальника, гуна по происхождению, сделанное им отряду готов, входившему в состав гунского войска, противостоявшего византийцам в 467 г. Готы соглашались сдаться византийцам, если получат землю для поселения. Тогда, якобы из «любви к справедливости», византийский военачальник-гун

«...призвал к себе благороднейших Готов и начал им говорить, что даст готам земли, но не для них самих, а в пользу Уннов; что Унны, не занимаясь земледелием, будут, как волки, приходить к Готам и похищать у них пищу; что Готы, находясь в состоянии рабов, будут работать для содержания Уннов» (Приск, 33, с. 96). Обрадованные перспективой получить землю готы перебили бывших с ними гунов, а подоспевшие византийцы истребили этих готов.

Перед нами свидетельство современника о том, что и в конце 60-х годов V века гуны оставались кочевниками, земледелием не занимались, а жили как наемники за счет прямого грабежа покоренных ими народов.

Ни в тексте Приска, ни в комментариях Дестуниса не упоминаются ни хиониты, ни аланы. А ведь по сведениям Аммиана, гуны раньше всех включили в свою орду алан, разгромив их у Азовского моря. И потом уже с ними вместе, повернув на запад, громили остготов и вестготов. Но Приск называет Аттилу то «царем уннов» (Приск, 3, с. 23), то «царем скифским» (Приск, 5, с. 28, 30), а уннов — скифами и войско уннов — скифским войском. Однако Приск отмечает:

«Скифы, будучи сборищем разных народов, сверх собственного своего языка варварского (т. е. скифского. — Л. Б.), охотно употребляют язык Уннов, или Готов, или же Авсониев в сношениях с Римлянами; но нелегко найти между ними человека, знающего Эллинский язык» (Приск, 8, с. 52), т. е. греческий, основной язык в Восточной Римской империи, население которой, состоявшее в основном из греков, стали называть ромеями.

Итак, по Приску, в орду Аттилы, кроме уннов и готов, входил народ, названный им скифами, имевший свой язык, отличный от языка уннов и готов. И роль этого народа во владениях Аттилы была столь велика, что Приск называет его царство также и Скифией, вельмож его — скифами, законы, одежду — скифскими. Конечно, можно априори сказать, что скифами Приск назвал тогда уже неразрывно связанных с гунами алан. Но поскольку скифов в V в. уже не было, надо более доказательно выяснить, какой народ Приск назвал их именем.

С нашей точки зрения, ясный ответ на этот вопрос дает следующее сообщение Приска. Излагая беседу участников византийского посольства к Аттиле с римскими посланниками, он привел слова римского посланника Ромула, «человека, бывшего при посольствах и приобретшего великую опытность»:

«Никто из тех, которые когда-либо царствовали над Скифией, говорил Ромул, или над другими странами, не произвел столько великих дел, как Аттила, и в такое короткое время. Его владычество простирается над островами, находящимися на Океане, и не только всех скифов, но и Римлян заставляет он платить дань. Не довольствуясь настоящим владением, он жаждет большего, хочет распространить свою державу и идти на Персов. Когда кто-то из присутствующих спросил: по какой дороге Аттила может пройти в Персию? Ромул сказал, что Мидия (Персия. — Л. Б.) не очень далека от Скифии; что Уннам не безызвестна ведущая к ней дорога, и что они давно в нее вторгались, в то время когда у них свирепствовал голод, а Римляне, быв в войне с другими, не могли их остановить; что в Мидийскую область дошли Васих и Курсих, те самые, которые, впоследствии, приехали в Рим для заключения союза, мужи царского Скифского рода и начальники многочисленного войска. По рассказам их они проехали степной край, переправились через какое-то озеро, которое Ромул полагает за Меотиду, и по прошествии пятнадцати дней, перешед какие-то горы, вступили в Мидию. Между тем, как они пробегали ту землю, и производили грабежи, напало на них многочисленное войско Персов, кото-

рые множеством стрел [как тучею] покрыли небо над Скифами. Устрашенные опасностью, Скифы отступили и перешли опять горы, унося с собою не много добычи, ибо большая часть ее была у них отбита Мидами. Боясь преследования неприятельского, Скифы обратились к другой дороге, ехали ... дней по той, где пламя поднимается из скалы подводной, и воротились в свою страну. Таким образом узнали они, что Скифская земля недалеко отстоит от Мидийской» (Приск, 8, с. 61–65).

Вряд ли можно усомниться в том, что сообщенная Ромулом и изложенная Приском *история вторжения гуннов* во главе с «мужами царского скифского рода и начальниками многочисленного войска» Васихом и Курсихом в Мидию, т. е. в северные районы Ирана, рассказанная ими позже по приезде в качестве послов в Рим и, несомненно, записанная там, — *это история вторжения и разграбления гуно-аланской ордой в 395 г. части Ирана и восточных областей Восточной Римской империи*. Она рассмотрена нами в конце первой главы данной работы по сведениям современников. Но, судя по изложению Ромула, Васих и Курсих в своем рассказе в Риме умолчали о том, что тогда больше всего пострадали от гуннов и алан не мидийские, т. е. персидские, земли, а восточные области Восточной Римской империи. Н. В. Пигулевская ошибалась, считая, что Васих и Курсих совершили свой поход в 448 г., т. е. тогда, когда Приск приехал к Аттиле и записал этот рассказ Ромула (Пигулевская, 1941, с. 45–46).

В сообщении за 461 г. Приск называет и готского царя Валашера, отца Теодорита, скифом (Приск, 22, с. 85).

Так что скифами Приск называл раньше всех включенных в гунскую орду алан, а затем готов и все другие белокурые европеоидные племена. Скифским же языком, отличным от языка уннов, готов и прочих, он, несомненно, назвал *язык алан, ставших за истекившие 75 лет их объединения важнейшей частью гунской орды, первыми и главными вельможами Аттилы*. И очень важно, что Приск ни разу не отметил отличие их внешнего облика от облика гуннов. Значит, оказывается, что и гуны, как и скифы, были явно белокурыми европеоидами.

Теперь рассмотрим четыре сообщения Приска Панийского о «гуннах, называемых кидаритами». Уже судя по данной оговорке, ясно, что эти «гунны» не входили в орду Аттилы. И потому сведения Приска о них привлекли большое внимание исследователей истории народов Кавказа и Средней Азии.

Впервые Приск упомянул их в сообщении о конфликте между лазами и Византией — Дестунис отнес его к 456 г., когда лазы перед угрозой вторжения Византии отправили посла к «Парфам», как Приск называл персов, с просьбой о помощи. «Но Парфский монарх, ведя войну с Уннами Кидаритами, отверг прибегнувших к нему Лазов» (Приск, 19, с. 83, 84).

Очевидно, что сообщение об этом было получено в Византии от персов. В 456 г. в Иране правил Ездигерд II (438–457) и, следовательно, данные события произошли при нем, а не при Перозе, как написала Н. В. Пигулевская (1941, с. 54). Это согласуется с сообщением в «Истории Византии» (1967, с. 199) о том, что император Маркиан, правивший, как и Ездигерд, до 457 г., сумел после смерти Аттилы в 453 г. и последовавшего развала его державы вмешаться в церковно-политические дела Грузии. Лазики — это Колхида. Лазы — колхи, жившие на Кавказе к западу от Иверии (Восточной Грузии). А гунны кидариты, с которыми воевал Ездигерд, явно жили далеко от лазов, что и не позволило персам оказать им помощь. Но Приск не назвал имени персидского царя.

Затем Приск говорит о гуннах кидаритах в сообщениях о событиях, происходивших уже, заметим, при Перозе в 464 и 465 гг., но его имени Приск тоже не упоминает. В 464 г. в Византию прибыли посланники «монарха Персидского». Так что и следующие сведения о гуннах кидаритах византийцы получили от персов. Они жаловались на притеснения «Магов, искони обитавших в Римских владениях». Кроме того, они «требовали, чтоб Римляне участвовали в поддержании *крепости Юроипаах, лежащей при вратах Каспийских*, и либо платили за нее деньги, либо посылали гарнизон, дабы Персы не были обременяемы издержками и охранением этой местности; они доказывали, что если персы

оставят ее, то не на одну Персию, но и на Римские владения легко распространятся опустошения окрестных народов; что Римляне были обязаны помогать Персам деньгами в войне против так называемых Уннов Кидаритов; что если Персы одержат победу, то Римляне будут иметь ту выгоду, что Уннам (Кидаритам — ошибочное добавление Дестуниса. — Л. Б.) не будет позволено переходить в Римские владения. Римляне отвечали, что они пошлют поверенного для переговоров с царем Парфянским по всем этим предметам; а что касается до охранения крепости Юроипаах и до войны с Уннами, которую предприняли Персы для защиты себя, то несправедливо требовать за то деньги от Римлян. ... В Персию отправлен Константин, в третий раз возведенный в достоинства ипарха, и сверх консульского звания получивший и патрикийское» (Приск, 25, с. 88–89).

Как видим, персидские посланники выдвигали два разных требования: первое — платить деньги или посылать гарнизон для поддержания крепости Юроипаах, лежащей при Каспийских вратах, и второе — помогать персам деньгами, а не войском в войне с гуннами кидаритами. Ясно, что гунны кидариты воевали с персами не у крепости Юроипаах, что у Каспийских ворот. А вот где находилась эта крепость и где жили гунны кидариты, позволяют узнать последующие сведения Приска.

Сначала выясним, что это за «крепость Юроипаах, лежащая у Каспийских врат» и какой народ или народы могли в то время захватить ее и угрожать опустошением византийским и персидским землям. Приск упоминает эти два географических объекта еще раз в описании событий 466 г.:

«Сарагуры, соединясь с Акатирами и другими народами, предприняли поход на Персию. Они сперва пришли к Каспийским вратам, но найдя их занятыми Персидским гарнизоном, обратились к другой дороге. По ней они прошли к Иверам, опустошили их страну и делали набеги на Армянские селения. Персы, воевавшие уже давно с Кидаритами, уstraшенные и этим нашествием, отправили к Римлянам посольство и требовали, чтобы им даны были либо деньги, либо люди, для охране-

ния крепости Юроипаах (Уроисаха). Посланники повторили то же, что многократно и прежде сказывали, что Персы выдерживают битвы с варварскими народами, и не допускают их проходить далее, и что от того Римская земля остается неразоренною». Византия опять отказала им (Приск, 31, с. 93–94).

А перед этим, излагая события 463 г., Приск записал:

«Сарагуры, теснимые другими народами, пришли к *Уннам Акатирам*, и требовали у них земли. Они имели с ними много сражений, одолели их и прошли к Римлянам, желая быть с ними в дружбе».

И двор Византии «принял их благосклонно», одарив подарками (Приск, 24, с. 87–88). Здесь Приск называет Акатиоров гуннами. Ранее же, описывая события 448 г., он назвал их «народом Скифским, покорившимся Аттиле» (Приск, 8, с. 44), и сообщил, что старший сын Аттилы стал «владельцем Акатиоров и других народов, занимающих при-Понтийскую Скифию» (Там же, с. 59). Хотя Приск именует Акациров (Акатиоров), как и вообще народы царства Аттилы, то гуннами, то скифами, это племя, жившее в северном Причерноморье и до 448 г. не подвластное Аттиле, было, несомненно, аланским. Издревле связанные со своими соплеменниками, жившими на Северном Кавказе и известными в разное время и у разных народов под названиями *аланы*, *хиониты*, *хоны*, *белые гунны*, *акатиры* в начале 60-х годов V в., стали подданными сарагуров, вторгшихся в этот регион.

Судя по тому, что сарагуры и акатиры сначала подошли к Каспийским воротам, но найдя их хорошо охраняемыми персидским войском, по другой дороге вторглись в Иверию (Грузию) и разграбили ее, очевидно, что Приск Панийский называл Каспийскими вратами именно нынешний Дербентский проход, самый удобный для продвижения больших отрядов конницы кочевников в Закавказье. Егише называл его Хонскими воротами (Егише, 1971, с. 31, 79) между Албанией и страной хонов (хионитов, алан). А крепость Юроипаах, указанная Приском лежащей у Каспийских врат, — это та самая пограничная крепость Чор у Хонских ворот, которую построил Ездигерд II и о разру-

шении которой во время Армянской войны 450–451 гг. он более всего сожалел:

«Царь был крайне удручен не только разорением страны и из-за потерь в войсках, но еще больше тем, что была разорена та пограничная крепость, которую, начав издавна, только-только смогли построить и которая в это время, будучи взята с легкостью (армянами. — Л. Б.), была разрушена, причем не было даже надежды на ее восстановление» (Егише, 1971, с. 117).

Но Пероз ее явно восстановил и персы называли ее Юроипаах. Окончание ее названия «*паах*» совпадает с названием *Пав*, данным Егише воротам или проходу, у которого Ездигерд II и устроил ставку своего войска в восточной провинции Апар, собираясь напасть на страну Кушан (об этом см. выше в данной главе). Возможно, что слово «пах» и означает «проход», «ворота». Тот факт, что Приск указал местонахождение Юроипаах у Каспийских ворот, назвав так нынешний Дербентский проход, доказывает, что он не знал «Историю» Аммиана Марцеллина, который писал на основании трудов своих предшественников, что Каспийские ворота находятся в 1040 стадиях по берегу моря к западу от Гекатомпила, современного Дамгана, первой столицы Парфии (Амм., XXIII, с. 185).

Все это и фраза Приска: «Персы, воевавшие уже давно с Кидаритами, уstraшенные и *этим нашествием*» сарагуров на Кавказе, не оставляют ни малейшего сомнения в том, что Приск различал кавказских гуннов и гуннов-кидаритов, что персы воевали с кидаритами на востоке своих владений, — там, где, по сведениям Егише, еще в 454 г. они воевали с кушанами.

Теперь рассмотрим, что Приск Панийский сообщил о гуннах кидаритах в отрывке 26-м, который датирован Дестунисом 464 г.: «Константий оставался долго в Римском городе Эдессе, близком к Персидской земле, потому что монарх Парфянский долго откладывал принятие его» (Приск, 26, с. 90). В следующем отрывке, который датирован Дестунисом 465 г., Приск продолжает:

«Наконец Парфянский государь велел ему приехать к себе. Этот государь *не имел пребывания в городе, но находился на границе Персов и Уннов Кидаритов. Он вел с ними Уннами войну под предлогом, что они не платили ему дань, которую древние цари Парфвов и Персов на них наложили.* Отец царя Уннского, отказавшийся от платежа дани (т. е. Ездигерду. — Л. Б.), принял войну с Персами и передал ее сыну вместе с царством. Персы, утомленные долговременною войною, решились прекратить раздор свой с Уннами — обманом. Пероз, так назывался тогдашний царь Персов, отправил посольство к предводителю Уннов, Кунхе, с объявлением, что он желает быть с ним в мире, заключить с ним союз и выдать за него свою сестру. Кунхе был тогда очень молод и не имел еще детей. Он принял сделанное ему предложение. Однако ж выдана была за него не сестра Перозова, а другая женщина».

Затем Приск рассказывает, как эта женщина раскрыла Кунхе обман Пероза, и Кунхе, «желая отомстить Перозу за обман, притворился, что ведет войну с соседственными народами, и что нуждается не в людях, способных к битве, — ибо у него были многочисленные силы, — но в начальниках для предводительства ими. Пероз послал к нему триста человек важнейших Персов. Кидаритский правитель одних убил, других, изуродовав, отправил к Перозу для извещения, что это сделано в наказание за употребленный против него обман. Таким образом, война опять возгорелась между ними и велась жестоко. Константин был принят в 465 г. Перозом в Горге: так называлось селение, где Персы имели стан. Тут оставался он несколько дней. Пероз поступал с ним приветливо, но отпустил, не дав приличного ответа» (Прииск, 27, с. 90–91).

Прежде всего отметим, что сведения эти о Кидаритах Приск получил, вероятно, от самого византийского посла Константия, побывавшего в стане Пероза, а он — от персов из окружения Пероза. Так что полученные от персов сведения Приска представляются достоверными.

Из них особенно важным оказывается сообщение о том, что Пероз вел войну с кидаритами «под предлогом, что они не платили ему дани, которую древние цари Парфов и Персов на них наложили». Оно позволяет определить прежнее название народа, поименованного Приском кидаритами. Только один народ, кушаны, действительно платил дань и последним правителям Парфии и затем первым шахам Ирана из персидской династии Сасанидов. Как выяснено в первой главе данной работы, после распада Великого Кушанского царства в 200 г. или даже накануне этого, его земли к югу от Амударьи с центром в г. Балх были завоеваны Парфией. Она послала управлять ими членов своего царского рода Аршакидов. А в 224–226 гг. после крушения Парфии и образования Ираншахра персидским родом Сасанидов эти парфянские управители кушанских земель поспешили добровольно признать власть новых властителей и были оставлены на своих местах править дальше, платя дань. Дань была очень нужна Сасанидам, чтобы воевать против Рима и непокорных регионов.

И Кушаншахр перечислен в ряду подвластных Ирану владений в победной надписи 262 г. Шапура I. Но примерно к 371 г. относится первое сообщение о войне, начатой царем кушан из Аршакидской династии, сидевшим в г. Балхе, с персидским царем Шапуром II (309–379) и о поражении последнего (Фавстос Бузанд, 1953, с. 158–159). Оно позволяет заключить, что с этого времени Позднее Кушанское царство отделилось от Ирана, стало независимым и тогда же, надо полагать, перестало платить дань Ирану. Попытка Шапура в 374 г. взять реванш снова закончилась его сокрушительным поражением. Безуспешными были и вторжения Ездигерда II (438–457) в земли кушан, предпринятые в 450 и в 454 гг. И вот теперь его сын Пероз снова пытается покорить, несомненно, это же царство, но названное теперь уже царством гуннов кидаритов.

Следовательно, по сведениям Приска получается, что гунны кидариты, с которыми воевал Пероз в 464–465 гг., нахо-

дились в землях кушан и были либо сами кушанами, либо завоевавшими их гуннами.

С этим выводом согласуется сообщение Приска о том, что византийский посланник Константин был принят Перозом в ставке своего войска, воевавшего с кидаритами, стоявшего на границе с противником в селении Горго. Очевидно, что село это находилось у города Горго, который неоднократно упоминается в источниках еще и под названиями Горган, Гурген. Локализуется он всеми исследователями в районе нынешнего г. Горган на юго-восточном берегу Каспийского моря. В этом же регионе и ранее велись войны Ирана с Поздним Кушанским царством.

Но Приск, судя по всему, на основании сведений, полученных им от персов, пишет о войнах шаханшаха Ирана, несомненно, Ездигерда II в 456 г. и, несомненно, Пероза в 464–465 гг. не с кушанами, а с гуннами кидаритами. Последний раз он кратко говорит о них в сообщении о прибытии персидских послов в Константинополь в 468 г. с известием, скорее всего, о явно когда-то ранее достигнутой победе персов над гуннами кидаритами и осаде их города Валаам (Приск, 35, с. 98). Обратим внимание — у гуннов кидаритов, т. е. у кочевников, был город. Значит, кидариты не были кочевниками.

Но до сих пор никто из исследователей не обнаружил в западных источниках ни единого намека на завоевание гуннами кочевниками в середине V в. Позднего Кушанского царства.

Почему же Приск Панийский, побывавший во владениях гуннов Аттилы и прекрасно знавший их, назвал восточных соседей Пероза тоже гуннами? С нашей точки зрения, понять это можно так. Со слов посла Констанция, побывавшего в стане Пероза у села Горго, Приск понял, что враги Пероза по внешнему облику одинаковы с известными византийцам гунами, но которых персы почему-то называли еще и кидаритами.

Поскольку только Приск и лишь четыре раза и всего за очень короткий — в двенадцать лет — промежуток времени, явно со слов персов, назвал восточных врагов Пероза гунами кидаритами, есть основание усомниться в том, что кидариты

были кочевым народом или хотя бы племенем, поскольку и племена, как известно, существовали не в течение двенадцати лет, а на протяжении долгого времени. Разгадку появления наименования «кидариты» найдем в анализируемых нами далее относящихся к тому времени сообщениях китайских династийных историй о последнем кушанском царе Кидаре в описании царства Большое Юэчжи в «Вэй шу» и других описаниях.

Название народа по имени Кушанского царя, а главное, сообщение о том, что предки кидаритов платили дань и Парфии, и Ирану и что воевали кидариты с персами в том же районе Горго, где ранее с персами воевали кушаны, — все это, полагая, убедительные аргументы в пользу признания кидаритов теми же кушанами, а не неизвестно откуда появившимися в земледельческом краю кочевниками гунами.

§ 3. Лазарь Парбский о трех войнах Пероза с эфталитами до 484 года

Тем большее значение имеют сведения о восточных врагах Пероза еще одного современника, армянина Лазаря Парбского (Лазара Парпеци). Согласно исследованию академика М. Абегяна (1948, с. 262–283), он родился в Армении около 443 г., т. е., заметим, лет на 20 позже Приска Панийского. Жил он и получил начальное образование при дворе знаменитого знатного армянского рода Мамеконеанов (Мамеконянов), принял монашеский сан и затем был послан на учение в Византию.

По возвращении в Армению он долго жил при дворе другого знатного рода, родственного Мамеконеанам, а потом в монастыре. «Историю Армении», состоящую из трех частей, он написал по поручению назначенного позднее, в 486 г., марзпаном (наместником) Армении Ваана Мамеконеана как продолжение «Истории» Фавстоса Бузанда. Но очевидно, что сочинение Лазаря написано в основном ранее этого года, так как оно конча-

ется сведениями за 485 г. (Юзбашян, 1871, с. 10). Во второй части его описана Армянская война 450–451 гг.

«Тема второй части и “Истории” Егише, — считал М. Абемян, — одна и та же. Она развивается в том порядке, зачастую, в той же форме. Местами обе эти “Истории” дословно сходятся друг с другом» (Абемян, 1948, с. 271). И добавлял далее: «В этой части “Истории Армении” Лазара, несомненно, имеются ценные дополнения к “Истории” Егише» (Там же, с. 274). Но М. Абемян рассматривал труды Егише и Лазаря Парбского как литературовед. А как исторический источник «История» Лазаря Парбского особенно ценна, с нашей точки зрения, тем, что в третьей ее части, посвященной восхвалению рода Мамеконеев, приведены сведения о войнах шаханшаха Пероза с дотоле неизвестным народом — эфталитами.

Лазарь писал о двух войнах Пероза только с эфталитами, не называя их гунами, и обе эти войны закончились поражением персидского царя. Говоря о решении Пероза начать третий поход, Лазарь сообщил, что войска Пероза «не хотели и слышать об эфталитах, а тем более итти на них походом и вступать с ними в открытый бой, так как помнили еще тот безысходный страх, который эфталиты перед этим навели, уже однажды на персов и их царя» (Лазарь, 1904, гл. 85, с. 155, цит. по: Тревер, 1954, с. 137–138).

Узнав о решении Пероза, царь эфталитов в послании предостерег его: «На моей стороне — справедливость и верность клятве, на твоей же стороне — измена клятвопреступничества. Как же ты сможешь меня победить?» (Там же).

Рассказав Ваану Мамеконееву, родственнику и другу Лазаря Парбского, о разгроме и гибели Пероза, персидский посол нового шаханшаха Ирана Валарша (Балаша) (484–488) добавил:

«Пероз отдал в служение эфталитам [наше] столь большое и независимое государство и [сделал это] в такой мере, что, пока будет существовать страна ариев (Персов. — Л. Б.), она не в силах будет освободиться от столь горестного служения» (Там же, с. 138).

Позднее Прокопий Кесарийский, безусловно, основываясь на документах, писал о том же:

«Тогда персы оказались данниками эфталитов и были ими до тех пор, пока Кавад, укрепив свою власть, не считал более нужным платить им ежегодную дань» (Прокопий, 1993, кн. 1, § IV, (32), с. 16).

Очевидно, что именно со слов этого персидского посла Лазарь Парбский назвал врагов Пероза эфталитами, «служить» которым, т. е. быть их данником, Персия и обязалась после разгрома и гибели Пероза в 484 г.

Из всего сказанного выясняется, что о войнах Ездигерда II и Пероза писали друг за другом три их современника: армянин Егише, очевидец, сообщил о войнах Ездигерда (438–457) на севере, на Кавказе, с хонами и на востоке — с кушанами, византиец Приск Панийский, со слов византийских послов, поведал о войнах сына Ездигерда Пероза (457–484) на востоке, где жили кушаны, но названные уже гуннами, т. е. кочевниками, кидаритами и всего лишь с 457 по 468 год; и опять же армянин Лазарь Парбский, сообщивший в 484 г., со слов персидского посла, о трех войнах Пероза на востоке и с еще одним врагом — эфталитами, но, что важно отметить, он не назвал их гуннами, т. е. кочевниками.

Таким образом, три автора называли по-разному восточного врага Персии. По данным Егише, к востоку от Ирана до 454–456 г. жили оседлые кушаны; по сведениям Приска Панийского, с 456 по 468 г. на их месте уже обитали кочевники гунны кидариты, а судя по названию — те же кушаны, по сообщениям же Лазаря Парбского за 484 г. — в тех же краях жили эфталиты, не названные им, однако, гуннами, данником которых после разгрома ими Пероза стал Иран. Все это, несомненно, были те же кушаны, что подтверждают и сведения последующих авторов.

§ 4. Иешу Стилит о трех войнах Пероза (459–484) и одной войне Кавада с гунами

Следующим младшим современником Пероза, сообщившим в своей «Хронике» о его войнах и гибели, был сириец Иешу Стилит — монах, клирик, живший в г. Эдессе в Месопотамии на рубеже V–VI вв. «Хронику» Иешу Стилит написал на сирийском языке по просьбе некоего «священника и архимандрита Саргиса». В данной работе использован перевод ее на русский язык Н. В. Пигулевской (Пигулевская, 1940, с. 130–170).

Первые 24 параграфа «Хроники», не содержащие дат, посвящены политической истории Ирана и его взаимоотношениям с Византией при императоре Зеноне (474–491), а остальные, с 25-го по 101-й параграфы, содержат подробное описание предыстории, начиная с 494 г., и истории персо-византийской войны 502–506 гг., которую вели император Анастасий (491–518) и шаханшах Кавад (488–496, 501–531).

В параграфе 25 Иешу говорит об источниках своих сведений:

«Часть из них я нашел в старых книгах, часть узнал из общения с людьми, которые были отправлены послами к обоим царям⁷, прочее — от тех, которым случалось самим быть среди этих событий» (Там же, 1940, с. 137).

Очевидно, что основными для Иешу стали сведения, полученные от еще живых при нем свидетелей событий тех лет, и скорее всего, это были отнюдь не главные члены посольств.

Начиная с 26-го параграфа, в котором описаны стихийные бедствия 495 г., Иешу пишет уже от первого лица во множественном числе — «нас», «наш», «нами», т. е. от лица своего и своих современников. А заканчивает Иешу свою «Хронику» сведениями за 506 г. о заключении «вечного мира» между Ираном и Византией, о повелении императора Анастасия снять с наибо-

⁷ А в разделе «Источники Хроники» Н. В. Пигулевская перевела эту фразу иначе: «из общения с людьми, служившими в посольствах к обоим царям» (Пигулевская, 1940, с. 16).

лее пострадавших за годы войны жителей г. Амиды всей подати, а с жителей г. Эдессы — половину ее, о том, как жители «города», т. е. Эдессы, «радовались миру», «восторгались освобождением от бедствий», «плясали в надежде на грядущее благо, которое они ожидали» (Иешу, § 99, 100, с. 169–170).

Последний, 101-й параграф «Хроники» — это фактически письмо Иешу своему заказчику и покровителю. Сообщив:

«Вот малое из многого, что я смог написать твоей любви», он пишет далее адресату:

«Теперь и я прошу тебя исполнить обещание твоего письма — постоянно возносить богу молитвы за меня грешного. Потому что с тех пор, как я узнал твое желание, стало моей заботой — записать и послать тебе, отец мой, *если я останусь еще в живых* (курсив наш. — Л. Б.), и то, что случится в грядущее время, достойное памяти» (Иешу, § 101; с. 170). Так как продолжения «Хроники» нет, видимо, Иешу, отправив ее и письмо заказчику, вскоре, в 506 или 507 г., умер.

Теперь выясним, с какими врагами, кроме ромеев, и когда, по сведениям этого жителя Месопотамии, воевал персидский шаханшах Пероз. В § 8 Иешу сообщает о ранее существовавшем договоре между ромеями и персами, заключенном, по-видимому, при Ездигерде, оказывать друг другу помощь деньгами или отрядом войска в 300 человек в случае войны с каким-либо народом (Иешу, § 8, с. 131). А § 9 он начинает с сообщения: «В наши дни Пероз, царь персидский, из-за войны с кионайе, т. е. с гуннами, неоднократно получал золото от ромеев, не требуя его как подати, но вызывая их усердие, будто бы ради них он вел с ними борьбу, чтобы они не перешли в вашу землю». Убедительными делала его слова об опустошениях, которые учинили гунны в 395 г. н. э. в дни Гонория и Аркадия, сыновей Феодосия Великого, когда вся Сирия была в их руках (Иешу, § 9, с. 131).

Первая фраза в данном сообщении — «в наши дни царь Пероз» — позволяет заключить, что Иешу Стилит уже жил при Перозе, — что он родился примерно в 40-х годах V в., а умер, по-видимому, в 506 или в 507 г. Идентификация же им кионайе,

а, по замечанию Н. В. Пигулевской, так по-гречески назывались хиониты, с гунами, подкрепляемая ссылкой на события 395 г., подтверждает сделанные нами ранее умозаключения из анализа сведений Аммиана Мацеллина и «Жития Петра Ивера», что хиониты — это белокурые аланы, давно поселившиеся на Северном Кавказе, и что именно они стали в 395 г. проводниками орды гуннов, смешавшихся еще в 375 г. с белокурыми приазовскими аланами, при вторжении ее в восточные области Восточной Римской империи. И по причине оседания в землях хионитов части отступавшей гуно-аланской орды они и получили у некоторых местных авторов название «белые гуны», что и отражено в «Житии Петра Ивера». Но широкого распространения это название не получило.

Иешу Стилит в своей «Хронике» называет противников Пероза только гунами. И следующее сообщение Иешу в начале § 10 подтверждает, что он назвал гунами хионитов:

«С помощью золота, взятого у ромеев, Пероз подчинил гуннов, захватил большие пространства их земли и присоединил их к своему государству».

Это согласуется с сообщением Егише о том, что «персы в начале правления Пероза, не сумев покорить восставшего против власти Ирана царя Албании, окопавшегося в округе Чора (Дербент), и поддержавших его маскутов (массагетов-алан) и одиннадцать царей других горцев, *отправили* огромные *сокровища* в страну хайландуров, которые были одним из племен хонов-хионитов, граничившую с Албанией. И Пероз выставил многочисленное войско. Год они сражались с царем Албании, но так и не смогли его покорить. Позже он сам сдал свою страну, уйдя в монастырь. Так что все-таки византийское золото позволило Перозу привлечь на свою сторону в качестве наемников живших на Кавказе хонов-хионитов и, в конце концов, завладеть Албанией.

Заключительная фраза в этом сообщении Иешу: «Но в конце концов он был схвачен ими», — явно относится к какому-то другому народу, названному Иешу тоже гуннами. Сразу после этой фразы, Иешу сообщил:

«Когда услышал это Зенон, император ромейский, он послал от себя золото, освободил его и помирил его с ними. Пероз заключил договор с гуннами, что больше не будет переходить границу их земли ради войны. Он возвратился, нарушил договор ... отправился воевать и, как он (так в тексте. — Л. Б.) попал в руки своих врагов. Все его войско было разбито, рассеяно, а сам он был взят живым».

За свое освобождение он пообещал 30 мешков драхм, но посланные в Иран люди смогли собрать только 20 мешков. Тогда Пероз за недостающие 10 мешков оставил гуннам в качестве заложника своего сына Кавада «и во второй раз заключил с ними договор больше не воевать» (Пигулевская, 1940, § 10, с. 131–132).

Но возвратившись в страну, он обложил народ «подушной»(?) податью, послал 10 мешков денег, выкупил сына, «снова собрал войско и отправился воевать». И далее Иешу Стилит кратко сообщил:

«Когда началась битва и мешались лагери друг с другом, все войско его было истреблено, а его самого искали и не нашли, и до сего дня неизвестно, что с ним» (Иешу, § 11, с. 132).

Из этих сведений Иешу Стилита выясняется, что первая и вторая войны шаханшаха Ирана Пероза с неизвестно где жившими гуннами закончились для него поражением и пленением, а третья — поражением и его гибелью. Когда, где и с кем вел он эти войны?

По сведениям Приска Панийского, Пероз воевал с «гуннами, которых называют кидаритами» в 464–465 гг. в районе селения Горго, т. е. на юге восточного Прикаспия. А там, по сведениям Егише, отец Пероза Ездигерд II безуспешно воевал последний раз с кушанами в 454 г. В 468 г., по Приску, Пероз якобы громил кидаритов, т. е. кушан, у города Балаами (или Валаами), находившегося, можно предполагать, в том же районе. Первая война Пероза с гуннами, по Иешу, закончилась явно не ранее 474 г., поскольку Пероза, попавшего в результате ее в плен к гуннам, выкупил император Зинон (Зенон), вступивший на трон

в 474 г. Последняя, третья, война Пероза с гунами, закончившаяся опять разгромом персов и гибелью Пероза, происходила, как известно, в 484 г. Следовательно, вторая война, в результате которой он с сыном Кавадом опять попал в плен к гунам, произошла примерно в конце 70-х годов. А потом, в течение ряда лет, он собирал в своей стране деньги для выкупа сына.

Определить же регион, где разворачивались, по сведениям о них Иешу, эти сражения персов с гунами, невозможно, так как он не упомянул никакого географического объекта. Но логический анализ сведений его за последующий период все же позволяет, полагаем, предположить, где обитали эти гуны. После гибели Пероза в 484 г. шаханшахом Ирана стал его брат Балаш (Валаш, Валарш). Ему досталась пустая казна, средств для платы войскам не было, маги его ненавидели за то, что он пренебрегал их законами и замыслил построить в городах бани для омовления. И в 488 г. (Дьяконов, 1961, с. 278) Балаша схватили, ослепили и шаханшахом сделали сына Пероза Кавада, которого он оставлял заложником у гунов после второй войны. В 491 г., когда вместо умершего Зинона императором Византии стал Анастасий (491–518), Кавад, угрожая войной, потребовал от него золото. Но Анастасий, против которого началось восстание исавров, как и Зинон до него, отказал ему (Пигулевская, 1940, § 19, 20, с. 134–135). Армяне, подвластные Ирану, узнав об отказе ромеев, «укрепились, усилились и разрушили храмы огня, ... убили магов», разгромили персидское войско, посланное против них Кавадом, но император Анастасий отказал и им в поддержке (Там же, с. 135). Восстали в Иране и другие племена.

Знать решила убить Кавада. Он узнал об этом и в 496 г. бежал (Дьяконов, 1961, с. 306) к тем гунам, у которых ранее несколько лет был заложником. Там он женился на дочери царя, долго выпрашивал и выпросил немалое войско и примерно в 498/499 г. (Пигулевская, 1941, с. 62) с этим гунским войском вошел в персидские земли. Все испугались гунов. Брат Кавада Замашп (Замасп), сделанный шаханшахом вместо него, бежал, знать и восставшие племена стали подчиняться Каваду. Только армяне «не

хотели подчиниться ему. Кавад собрал войско и воевал с ними. Он взял верх над ними» (Пигулевская, 1940, § 24, с. 136).

Вот эта фраза заслуживает особого внимания. Она, с нашей точки зрения, доказывает, что Кавад с гунским войском вошел в Иран не с территории гунов, живших к северу от Армении (названных Аммианом Марцеллином хионитами, Егише — хонами, а Иешу — кионайе), так как в этом случае он должен был бы прежде покорить Армению, и уже из нее, с севера, вступить в персидские земли. А Кавад сначала вошел в персидские земли, захватил власть и только после этого его войска разгромили и подчинили армян. Но Кавад

«не опустошил их земли, а обещал, что не будет принуждать их к почитанию огня, если они станут ему помощниками в войне с ромеями» (Там же, с. 136).

Таким образом, выясняется, что гуны, с которыми воевал Пероз, у которых он оставил сына Кавада в заложниках, к которым потом Кавад, ставший уже шаханшахом, бежал, опасаясь заговорщиков, и которые дали ему войско, чтобы вернуть власть шаханшаха, обитали не к северу от Армении, на Северном Кавказе, а явно к востоку и северо-востоку от владений Ирана, т. е. там, где было Позднее Кушанское царство. По-видимому, гунское войско вскоре возвратилось домой, а с Кавадом остались только малые отряды его в качестве наемников, поскольку Иешу, описывая далее подробно войну Кавада с Византией 502–506 гг., лишь мельком упоминает гунов в четырех эпизодах (Там же, § 48, с. 148; § 55, с. 152; § 57, с. 153; § 59, с. 155).

Итак, из проведенного исследования вырисовывается такая картина. Армянин клирик Егише, современник Ездигерда II (438–457), служивший при его войске, писал о его войнах в 40-е годы на севере, на Кавказе, с кочевниками *хонами*, *албанами* и *иверами*, а в 450 и 454 гг. — *на востоке с кушанами*, которые были, как известно, оседлыми земледельцами.

Византийский дипломат Приск Панийский, — а он жил и писал лет на 20 позже Егише, — подробно рассказал об обитавших *к северу от низовьев Дуная гунах Аттилы*, в стане которого

сам побывал, и на основании сведений византийских послов — сообщил о вторжении гунов сарагуров в 463 г. с севера через Иверию (Грузию) в Армению и четыре раза упомянул о войнах Пероза с гуннами кидаритами на востоке, в 456, 464 и 468 гг., т. е. там, где обитали кушаны. Армянин Лазарь Парбский, живший и писавший позже Приска лет на 20, по сведениям, полученным от персидского посла, сообщил о трех войнах Пероза *на востоке с эфталитами* и о его гибели. А сириец (т. е. византиец) Иешу Стилиит, клирик, монах (Пигулевская, 1940, с. 12, 14), живший в Эдессе в Месопотамии и писавший примерно на 20 лет позже Лазаря Парбского, тоже сообщил о трех войнах Пероза, но не с эфталитами, а *с гунами*, и о гибели его.

Так какой же народ жил к востоку от Ирана во второй половине V в. — кушаны, гунны кидариты, эфталиты, — гунны-земледельцы или кочевники? Ведь, по Егише, до 454 г., т. е. до середины того века, там находилось Кушанское царство, с населением которого, кушанами, и воевали персы во главе с Ездигердом. Предположить возможность завоеваний потом этого мощного царства через каждые 15–20 лет разными племенами кочевников гунов не позволяет полное отсутствие в западных историях сведений об этом, даже намеков. К тому же обратим внимание, что совпадающие сведения о трех войнах Пероза (по Приску — с эфталитами, по Иешу — с гуннами) и о его гибели позволяют заключить, что Пероз воевал с одним и тем же народом, названным византийцами гунами, а персами и армянами со слов персов — эфталитами. Европейские гуны, как известно, были кочевниками, а об образе жизни эфталитов Лазарь Парбский не сообщил.

§ 5. Прокопий Кесарийский о гунах на Кавказе, о гунах-эфталитах и о войнах Кавада с гунами-массагетами

Но об образе жизни гунов-эфталитов и даже об их внешнем облике сообщил только в своей истории «Война с персами» знаменитый византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский,

который был прежде всего крупным государственным деятелем (о нем см. статьи З. В. Удальцовой в кн. «История Византии», 1967, гл. I, с. 22–27 и А. А. Чекаловой в кн. «Прокопий Кесарийский», 1993. Приложение, с. 421–457). В данной работе использован перевод сочинений Прокопия Кесарийского на русский язык А. А. Чекаловой, опубликованный в 1993 г.

Точные даты рождения и смерти Прокопия неизвестны. Родился он примерно на рубеже V–VI веков в Кесарии Палестинской, а умер примерно на рубеже 60–70-х годов VI в. Выходец из знатной семьи, Прокопий получил превосходное образование и в 527 г., замеченный императором Юстинианом, был назначен советником Велисария, главного полководца. Около двадцати лет он был доверенным лицом этого знаменитого военачальника и имел поэтому доступ ко многим важным и даже тайным политическим и дипломатическим документам, получал разного рода сведения о событиях, многое видел в походах сам. Дважды, с 527 по 531 г. и в 541–542 гг., находился он с Велисарием у восточных границ империи и принимал участие в ирано-византийских войнах, в 533–536 гг. вместе с ним покорял вандалов в Северной Африке, в 536–540 гг. воевал в Италии с готами. И потому исторические труды Прокопия — «Война с персами», «Война с вандалами», «Тайная история» заслуживают высокой степени доверия, что, однако, не исключает возможности отдельных ошибок и в них.

Для раскрытия нашей темы особый интерес представляют первые параграфы его первой книги «Война с персами», в которых Прокопий сначала кратко изложил историю взаимоотношений Византии и Ирана в первой половине V в., а потом — несколько подробнее — во второй половине этого века. Более того, он описал других соседей Ирана, войны с которыми в тот период оказывали большое влияние на ирано-византийские отношения. Сказав об установлении мира между Византией и Ираном в годы правления императора Феодосия II (408–450), Прокопий далее сообщил:

«Впоследствии персидский царь Пероз начал войну из-за пограничных земель *с гуннским племенем эфталитов, которых называют белыми*. Собрав внушительное войско, он выступал против них. Эфталиты являются гуннским племенем и называются гуннами, однако они не смешиваются и не общаются с теми гуннами, о которых мы знаем, поскольку не граничат с ними и не расположены поблизости от них, но соседствуют с персами у северных их пределов, там, где у самой окраины Персии есть город по имени Горго. Здесь из-за пограничных земель они обычно воевали друг с другом. *Они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле*. Они никогда не вторгались в землю римлян, разве что вместе с мидийским (т. е. персидским. — Л. Б.) войском. Среди гуннов *они одни светлокожи и не безобразны на вид*. И образ жизни их не похож на скотский, как у тех. Ими правит один царь, и обладают они основанным на законе государственным устройством, живя друг с другом и с соседями честно и справедливо, ничуть не хуже римлян или персов» (Прокопий, Война с персами, 1993, кн. I, § III, 1–5, с. 10).

Как видим, сведения византийца Прокопия Кесарийского о врагах иранского шаханшаха Пероза противоречивы: сначала он сообщает о гуннском племени эфталитов, которых называют «белыми», а затем противопоставляет эфталитов «тем гунам, которых мы знаем» по местонахождению, по образу жизни и по внешнему облику. Эфталиты, пишет он, с этими гунами не смешиваются и не общаются, так как граничат и соседствуют не с ними, а с персами у северных их пределов у г. Горго, где «они обычно воевали друг с другом». Действительно, у г. Горго к востоку от Каспийского моря, как ясно из предшествовавших сведений, персы воевали с издавна жившими тут кушанами, населением Позднего Кушанского царства. Но особенно важна убежденность Прокопия в том, что эфталиты в отличие от других гуннских племен «не кочевники», а «издавна живут оседло на плодородной земле», что образ жизни у них «не скотский, как у тех» гуннов. Более того, он отмечает, что у эфталитов *один царь* и их госу-

дарственное устройство основано *на законе*, как у персов и римлян, и что эфталиты среди гунов «одни светлокожи и не безобразны на вид».

Почему же в таком случае Прокопий Кесарийский именует явно оседлых земледельцев эфталитов гунами?

Первым назвал восточных врагов Пероза гуннами кидаритами в начале второй половины V в. византийский сановник Приск Панийский, и клирик сириец Иешу Стилит из Эдессы на рубеже V–VI вв. писал о войнах Пероза с гунами. Оба автора получили сведения о них, как выяснено выше, от византийцев: Приск — от послов, а клирик Иешу — от рядовых служителей посольств. Но византийские послы получали сведения от принимавших их или приезжавших в Византию высших персидских сановников. Так что, скорее всего, сами персы на переговорах с ромеями стали называть своих врагов на северо-востоке гуннами-кидаритами с целью, полагаем, убедить ромеев в том, что и они, персы, терпят поражения от тех же могущественных врагов, что и ромеи.

А позднее Прокопий Кесарийский, который ввиду своего высокого положения при византийском дворе имел доступ к собранным там архивным документам, несомненно, познакомился с сочинением Приска Панийского, получившим в свое время при дворе большую известность. Приск, сам побывавший когда-то у гунов Аттилы, знал об их могуществе, так как Византия и Рим фактически платили им дань золотом, а потому воспринял эту уловку персов, назвавших кушан гуннами, как факт. И поскольку Приск, знаток гуннов Аттилы, признавал восточных соседей Пероза тоже гунами, это тождество стало для Прокопия уже бесспорным фактом.

Он не обратил внимания на то, что сам Приск кидаритов не видел, что он называл восточных гунов еще и кидаритами на протяжении лишь двенадцати лет, что в византийских документах последующего времени враги персов в этом регионе уже назывались эфталитами. Возможно, что причина, по которой восточных соседей персов звали то кидаритами, то эфтали-

тами, была для современников так ясна, что о ней не стоило и говорить. Только много позднее, авторы VI в., как увидим далее, заметят, что народы и царства кочевников назывались по именам своих прославившихся вождей-царей. Потому-то, видимо, Прокопий опустил сведения о первых войнах Пероза с малоизвестными гунами кидаритами, а начал с описания его последних битв с гунами эфталитами.

Для нас очень важно, что Прокопий в самом начале описания предпоследнего похода Пероза сообщил:

«В то время как Пероз находился в походе против гуннов, при нем был отправленный к нему василевсом Зиномом посол по имени Евсевий» (Прокопий, 1993, кн. I, § III, 8, с. 12).

Вряд ли можно усомниться в том, что именно по отчету этого византийского посла Прокопий живописал далее историю походов Пероза, называя врагов его то эфталитами, то гуннами. Но он упомянул «*царя эфталитов*», из чего ясно, что эфталиты были не просто племенами кочевников гунов, возглавляемых своими вождями, а у них было уже свое централизованное царство во главе с единым царем. И Прокопий описал, как эфталиты по хитроумному замыслу своего царя заманили войско персов в горный мешок, где оно было бы уничтожено. Но царь эфталитов предложил Перозу дать коленопреклоненно клятву, что «никогда больше персы не пойдут войной на племя эфталитов» (Там же, § III, 9–22, с. 12–13). Пероз вынужден был принять это унижительное требование; оставшееся у него войско было отпущено и вернулось домой.

И далее Прокопий сообщил:

«Немного времени спустя он, презрев клятвы, решил отомстить гуннам за нанесенное ему оскорбление. Собрав со всей земли и персов, и их союзников, он повел их на эфталитов», взяв с собой и своих сыновей. Эфталиты вознегодовали на обманувшего их врага и порицали своего царя. А он предложил новый хитроумный план и осуществил его.

На равнине, по которой персы собирались вторгнуться в земли эфталитов, царь велел вырыть глубокий и довольно

широкий ров, оставив посередине его полосу земли для шеренги в десять лошадей, и замаскировал его. Заманивая персов, эфталиты стали якобы отступать по этой полосе. Поскакавшие за ними обрадованные персы стали на полном скаку падать друг на друга в ров. Погибли почти все и в их числе Пероз с сыновьями (Прокопий, 1993, кн. I, § IV, 1–14, с. 13–14).

Излагая последующие события в Иране, Прокопий, по мнению исследователей, допустил ряд ошибок. Он сообщал, что после гибели Пероза (в 484 г.) шаханшахом был избран его сын Кавад, якобы единственный из сыновей, оставленный им дома (Там же, 34–35, с. 16), которого вскоре персы, недовольные его правлением, отстранили от власти, заковали и на трон возвели брата Пероза Власа (Валаша, Валарша, Балаша). Но Иешу Стилиит, житель Византии, знавший эти события подробнее и точнее, в своей «Хронике» писал, что после гибели Пероза (459–484) воцарился его брат Балаш (484–488) и что «от ромеев и ему не было никакой помощи, как и его брату», т. е. Перозу (Иешу, § 18, с. 134). Следует заметить, что последние слова Иешу тоже ошибочны, так как противоречат ранее приведенным им же сведениям, рассмотренным нами выше, о том, что Пероз благодаря золоту, полученному им именно у ромеев, завладел большими пространствами у гунов албанов на Кавказе и что император Зинон (474–491) выкупил Пероза у гунов, взявших его в плен (Иешу, § 10, с. 131–132). А Балашу Зинон действительно отказал, так как в то время против него самого началось восстание, о чем Иешу сообщил подробно (Иешу, § 13–17, с. 132–134).

У Балаша не было средств даже для содержания своего войска. Маги, ненавидевшие его за нововведения вроде строительства бань, в конце концов схватили и ослепили его, заменив на троне сыном Пероза Кавадом (Иешу, § 19, с. 134). Это произошло в 498 г., а до этого Кавад царем быть не мог.

Прокопий Кесарийский, ошибочно считавший, что Кавад воцарился сразу после гибели Пероза, характеризует его правление кратко: «правил, прибегая к насилию, ввел в государственную жизнь свои новшества», что многим пришлось совсем не по

душе. Поэтому они «восстали против него, отрешили его от власти и, заключив в оковы, держали под стражей» (Прокопий, 1993, кн. I, § V, (I), с. 16). Сообщив о воцарении после этого в Иране брата Пероза Власа (Балаша), — хотя, по сведениям Иешу, царем стал брат Кавада Замашп (Замасп, Дьямаш) (496–498), Прокопий изложил красивую историю о том, как Кавад бежал из заточения в уже известной нам крепости, называемой «Замком забвения», и прибыл к гунам эфталитам. Их царь выдал за Кавада свою дочь и вместе с ним, затем послал против персов весьма значительное войско. Персы с этим войском эфталитов «сражаться решительно не захотели, но бежали кто куда» (Прокопий, 1993, кн. I, § VI, 10–11, с. 20–21). Это случилось в 498 г.

Кратко рассказав, как Кавад укреплял власть над Ираном — а, по сведениям Иешу, это заняло ряд лет, — Прокопий сообщил:

«Некоторое время спустя Кавад, не имея возможности вернуть царю эфталитов деньги, которые он был ему должен, попросил римского автократа Анастасия (491–518. — Л. Б.) одолжить ему эту сумму».

Кавад должен был выплатить эфталитам, во-первых, дань, установленную после разгрома ими Пероза в 484 г., о чем и писал Лазарь Парбский, во-вторых, деньги за предоставленное ему войско. Но римляне решили, что им невыгодно укреплять дружбу своих исконных врагов персов с эфталитами, что лучше ссорить их, и отказали.

«Поэтому Кавад безо всякой иной причины решил начать войну, и со всей поспешностью, предупреждая молву о своем появлении, вторгся в Армению. Много награбив в результате набега, он неожиданно подошел к расположенному в Месопотамии городу Амиде и приступил к его осаде» (Прокопий, 1993, кн. I, § VII, 1–3, с. 21–22). По сведениям Иешу, это случилось в октябре 502 г. (Иешу, № 50, с. 149).

Так началась новая война Ирана с Византией, закончившаяся в 506 г. заключением мира, по которому обе стороны сохранили свои довоенные позиции. Кавад начал эту войну, так как

у него не было денег, чтобы внести дань и заплатить эфталитскому войску, с помощью которого он вернул себе власть над Ираном, а император Византии Анастасий не одолжил ему, по словам Прокопия, нужной суммы. После того как Кавад с эфталитами много нагребил в Армении, большая часть войска эфталитов, скорее всего, вернулась домой, и сам царь тоже, оставив в Армении гарнизон в тысячу человек, «со всем остальным войском и пленными вернулся домой» (Прокопий, 1993, кн. I, § III, 33, с. 25). Но вскоре, узнав о выступлении большого войска византийцев, Кавад вернулся.

Излагая далее ход войны Кавада с Византией в Месопотамии, Прокопий лишь в описании двух маленьких эпизодов упомянул о небольших отрядах эфталитов. В самом начале войны в 502 г. еще на подступах к Амиде «некоторые из эфталитов», бывшие среди персов, увидели сирийского праведника Иакова. Под его взглядом у них оцепенели руки и они не могли стрелять из лука до тех пор, пока, по просьбе Кавада, он не отпустил им прегрешения и не снял страдания в руках (Прокопий, 1993, кн. I, § VII, с. 22).

Второй раз Прокопий упомянул эфталитов, рассказывая о событиях, происшедших после взятия Амиды в 503 г. Тогда воины одного из отрядов римских войск, шедшего к занятой персами Амиде, возглавляемые Патрикием и Ипатием,

«...встретив восемьсот эфталитов, шедших впереди персидского войска, почти всех их перебили».

<...> «Узнав о приключившемся с эфталитами несчастье, Кавад быстро двинулся на врагов» (Там же, § VIII, (13, 16), с. 26).

Завершил описание этого случая Прокопий так:

«Говорят, что ни один (римлянин. — Л. Б.) отсюда не спасся, Патрикий же и Ипатий сумели бежать в самом начале боя. Затем Кавад со всем войском вернулся домой, так как врагигунны напали на его землю, и долгое время он вел войну с этим племенем в северной части своей страны» (Там же, (19), с. 27).

Как заметила еще Н. В. Пигулевская, в последней фразе Прокопий говорил о нападении на земли Кавада, т. е. на Иран,

собственно гунов, а не гунов эфталитов (Пигулевская, 1941, с. 65). После случая с восьмьюстами эфталитами в 503 г. он в своих историях более ни разу не упоминает эфталитов и вообще восточных врагов Ирана. И это понятно — он служил с Велисарием на западе. С этих пор Прокопий приводит много сведений о гунах, с которыми сталкивались персы на севере своей страны, а византийцы — на севере и западе своей. Но византийские авторы, писавшие в VI в. позднее Прокопия, еще несколько раз упомянули эфталитов. Их сообщения мы рассмотрим немного ниже.

Войны Ирана с Византией и Византии с вандалами не являются предметом нашего исследования. И потому в описании их Прокопием нам важны его сведения о гунах, позволяющие, полагаем, только выяснить, почему он называл эфталитов гунами, хотя сам же, как мы убедились выше, в приведенном нами описании эфталитов, противопоставляет их друг другу.

Как гуны стали массагетами

Далее попробуем выяснить, как гуны, попавшие в Европу в конце IV в. «от ледовитого океана», т. е. с севера, стали в VI в. массагетами, которые были известны грекам с V в. до н. э. как обитавшие к северу от Сырдарьи. Закончив излагать сведения о событиях с участием эфталитов, Прокопий, прежде чем перейти к рассказу о ходе войн Ирана с Византией в первой половине VI в. с участием гунов, описал регион, в котором гуны обитали. Сначала он сообщил о протяженности «Киликийского горного хребта Тавр» на «огромном пространстве» от Каппадокии до Албании и о проходе через него в стране иверов (грузин), который он назвал Каспийскими воротами, построенными якобы еще Александром Македонским.

Давно доказано, что Прокопий ошибочно назвал Каспийскими воротами проход через Кавказский хребет в Иверии, т. е. Дарьяльское ущелье, ошибочно идентифицировал его с Каспийскими воротами Александра Македонского, которые, как пояснялось выше, находились к югу от Каспийского моря в проходе через хребет, ныне называемый Эльбурс, и в VI в. вхо-

дивший уже во владения Ирана. Тогда же Каспийскими воротами стали чаще всего называть нынешний Дербентский проход в Дагестане, а в V в. армянин Егише еще именовал его проходом Чор или Хонскими воротами.

Но далее Прокопий верно описал регион к северу от Киликийского (Кавказского) хребта:

«Далее идут равнины, удобные для езды верхом и орошаемые обильными водами, страна большая, ровная и удобная для разведения лошадей. Здесь поселились *почти все гуннские племена, занимая пространство до озера Меотиды*. Когда эти гунны нападают на земли персов или римлян, то они едут на свежих лошадях через эти ворота, ... не делая никаких объездов и не встречая никаких крутых подъемов, кроме тех пятидесяти стадий, которые ... ведут в пределы Иверии» (Прокопий, кн. I, § X, с. 30).

Утверждение Прокопия, что почти все гуннские племена обитают от Кавказских гор до Меотиды, согласуется с его последующими сведениями. Так, он сообщает, что после войны 502–506 гг. и заключения мира римляне в нарушение договора построили в Месопотамии у границы Ирана хорошо укрепленный город Дара. И Кавад не смог помешать им, поскольку в то время персы «были втянуты в трудную войну с гуннами» (Прокопий, кн. X., с. 31).

Но, излагая далее ход переговоров византийцев и персов о заключении мира, Прокопий привел высказывания Кавада, в которых тот, со слов персов, называет своих северных противников не гунами, а массагетами. Так, Кавад требовал от римлян «либо посылать войска к Каспийским воротам, либо разрушить город Дару», так как

«...персам по необходимости приходится нести бремя бедствий, страдая от войны и тратясь на содержание двух войск: одного, чтобы *массагеты* не могли безбоязненно грабить и опустошать земли наши и ваши; другого, чтобы не допускать ваших вторжений» (Там же, § XVI, (6–7), с. 50). В том, что персы называли нападавших на них гунов Северного Кавказа *массагетами*, убеждает рассказ Прокопия о событии в конце войны:

«У римлян и персов издавна существует правило содержать за счет казны лазутчиков <...> (13). Вот и тогда один из таких лазутчиков, посланный персами к римлянам, явился к василевсу Юстиниану и рассказал ему <...> что племя *массагетов*, замышляя против римлян, собирается в скором времени <...> соединиться с войском персов с намерением двинуться оттуда на землю римлян. Услышав об этом, <...> василевс щедро одарил его деньгами и убедил пойти в войско персов <...> и объявить <...> что эти *массагеты*, купленные за деньги василевсом римлян, собираются в ближайшее время двинуться на них. Тот так и сделал и, придя в лагерь варваров (персов. — Л. Б.), объявил <...> что войско враждебных им *гуннов* в скором времени прибудет к римлянам» (Там же, § XXI, с. 67).

Персы устремились и отступили, а не зная об их отступлении,

«<...> вскоре *гунны* вторглись в пределы римлян, но персидского войска они уже там не нашли и <...> вернулись домой» (Там же, с. 68–69).

Как видим по этим сведениям Прокопия Кесарийского, византийцы называли народы, жившие к северу от Кавказских гор в первой половине VI в., гунами, а персы — массагетами. Но гунны, как выяснено выше, появились на исторической арене Южной Европы только в конце IV в. н. э. с севера, «от ледовитого океана», тогда как массагетами персы, древние греки и потом римляне называли народ, живший в течение нескольких веков до нашей эры и после к востоку от Каспийского моря и к северу от реки Яксарт (Сырдарьи). Но в III–IV вв. н. э. массагетами по происхождению греко-римские авторы стали называть алан, появившихся на исторической арене юга Европы в середине I в. н. э., а до того времени они называли алан скифами.

Попробуем разобраться, как получилось, что у греко-римлян сначала аланы-скифы превратились в III–IV вв. в алан-массагетов, а в VI в. персы и за ними византийцы стали массагетами называть и гуннов Северного Кавказа.

В V в. до н. э. «отец истории» Геродот писал, как известно, о войне персидского царя Кира с массагетами. А после похода Александра Македонского греки в конце IV в. до н. э. уже знали о соседстве массагетов с согдийцами, жившими к востоку от Каспийского моря, и считали их и саков скифами. Современные исследователи истории Древней Греции на основании сведений древнегреческих авторов локализовали массагетов эпохи Александра на восточном побережье Аральского моря (см. карту в кн.: Сергеев, 1948, с. 392–393).

Живший на рубеже эр «отец исторической географии» Страбон (65 г. до н. э. — 23 г. н. э.) писал о скифах, живших к западу и к востоку от Каспийского моря. Западных он называл «скифами или сарматами», как бы идентифицируя их, а о восточных сообщил:

«Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями, живущих далее к востоку зовут массагетами и даками, прочих называют вообще скифами, но каждое племя имеет и частное имя» (Страбон, XI, VIII, 2. — ВДИ, 1947, № 4, с. 228).

Итак, массагеты — это скифы, но обитавшие в V–I вв. до н. э. к востоку от Каспийского моря.

Живший почти на полвека позднее Страбона знаменитый философ Сенека (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) упомянул «Истр, представляющий пути к бегству диких аланов» (Сенека. — ВДИ, 1949, № 1, с. 266). Это сообщение Сенеки — первое свидетельство о появлении народа или племени алан в долине Истра. Напомним, что древние греки называли Истром нижнее течение Дуная, а Данувием — среднее и верхнее. Правда, племянник Сенеки Марк Анней Лукан (39–65), знаменитый поэт, казненный, как и Сенека, за участие в заговоре против императора Нерона, воспевая в своей поэме «Фарсалия» подвиги консула Помпея в Закавказье в 65 г. до н. э., приписал ему сражение там с «воинствующими аланами» еще в то время (Лукан, Фарсалия, VIII. — ВДИ, 1949, № 2, с. 321). Но других ранних доказательств этого факта нет.

Младшим современником Сенеки был писатель-энциклопедист, историк Плиний Старший (23–79), погибший когда он наблюдал извержение Везувия. В «Естественной истории» Плиний писал:

«К северу от Истра, вообще говоря, *все племена считаются скифскими*, но прибрежные местности занимали разные племена, то геты, у римлян называемые даками, то сарматы, или по-гречески савроматы <...> то неблагородные, рабского происхождения скифы, или троглодиты, затем аланы и роксоланы. Страны, лежащие к северу между Дануviем и Геркинским хребтом ... и до полей и равнин, живущих там в соседстве германиев, занимают язиги-сарматы <...>» (Плиний, IV, 80. — ВДИ, 1949, № 2, с. 278).

Согласно этому свидетельству Плиния, к северу от Истра жили скифы, среди которых он отметил и племя алан, а к северу от Данувию — германцев, тоже считавшихся скифами. Но наблюдательный Плиний отметил, что к северу от Истра «имя скифов всюду переходит в имена сарматов и германцев» (Плиний, IV, 81. — Там же, с. 279). Очевидно, что в это время греки уже стали выделять из общей массы живших здесь племен кочевников, которых именовали скифами, две группы — сарматов и германцев.

Необычайно важно и еще одно свидетельство Плиния — о том, что к северу от р. Яксарт (Сырдарьи) живут тоже скифские племена. Но «персы дали им общее название сагов (т. е. саков. — Л. Б.) <...> Их племенам нет числа, они живут подобно парфам. Самые известные из них саки, массагеты, даги, эссэдоны, астаки <...>» и многие другие (Плиний, IV, 50. — ВДИ, 1949, № 2, с. 306).

Итак, Плиний знал об аланах-скифах, живших к северу от Истра, и о скифах, обитавших к северу от Яксарта, но называвшихся массагетами и саками.

Поскольку и алан, и массагетов древние греки считали скифами, очевидно, что эти народы были в чем-то сходны.

Однако рассмотренные до сих пор сведения древних греков не позволяли определить это нечто, объединявшее их.

Карту расселения народов, созданную Плинием, дополнил его младший современник Иосиф Флавий. Точные годы его жизни неизвестны, но известно, что он был иудейским аристократом, военачальником, принявшим участие в восстании иудеев против римлян, которое получило название Иудейской войны (66–70 гг.). Но потом он изменил, перешел на сторону римлян, позже стал историком и написал труд «О иудейской войне». В этом сочинении он впервые сообщил о проживании алан у Танаиса (Дона) и Меотийского озера (Азовского моря) и об их первом дальнем успешном грабительском рейде через Северный Кавказ в Армению и северные области Парфии в 4 г. правления Веспасиана (69–79), т. е. в 72 г. н. э.:

«Мы раньше объяснили, что племя аланов есть часть скифов, живущих вдоль Танаиса и Меотийского озера. В это время, замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем гирканов, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться <...> И так, произведя грабеж с большою легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении, все опустошая. <...> Аланы... опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств» (Иосиф Флавий, VII, 7, 4. — ВДИ, 1947, № 4, с. 277).

Таким образом, если по ранее рассмотренным сведениям древнегреческих авторов выяснено появление скифов-алан в землях к северу от Истра (нижнего течения Дуная), начиная с середины I в., то сведения Иосифа Флавия доказывают, что к концу этого века особенно много их обосновалось у Танаиса и Меотиды (Дона и Азовского моря). И уже в 72 г. н. э. они смогли совершить первый грабительский набег на Армению и север Персии.

Согласно давно принятому в научном мире предположению, в годы правления императора Адриана (117–138), в 124 или 125 г., т. е. менее полувека спустя после Иосифа Флавия, Дионисий Периегет сочинил стихотворное «Описание населенной земли». Его опоэтизированное изложение географических данных старых авторов и новых современных ему сведений об окружающих народах хотя и содержало немало ошибочных домыслов, стало служить занимательным чтением на протяжении ряда веков. И даже примерно в 1170–1175 гг. знаменитый митрополит фессалоникский Евстафий написал комментарии к труду Дионисия.

Говоря о северо-восточном регионе Европы, примыкавшем к Истру, Дионисий сообщил:

«К северу от него на широком пространстве живет множество племен вплоть до устья Меотийского озера: германцы, сарматы, геты и бастарны, неизмеримая земля даков и *храбрые аланы*, тавры <...> Выше их (т. е. севернее. — Л. Б.) — <...> меланхлены <...> гелоны и агафирсы» (Дионисий. — ВДИ, 1948, № 1, с. 238, здесь В. В. Латышевым приведены отрывки в переводе И. П. Цветкова). Судя по тому, что Дионисий перечислил, как разные, племена гетов и даков, можно заключить, что он не был знаком с трудом Плиния, отметившего, что геты — это название народа по-гречески, а по-римски они назывались даками. Однако очевидно, что перечисленные им названия племен были и при нем на слуху.

В этой связи заслуживает особого внимания краткое сообщение Дионисия о местообитании народа уннов. Народ, именуемый «гуны», «хуны», «унны», мощно заявил о себе на исторической арене Европы в конце IV в. Современными исследователями признана концепция «Великого переселения народов» из Азии в Европу. Согласно ей, «гуны», «хуны» или «унны» — это те «гунны» или «хунны», которые жили с глубокой древности к северу от древнего Китая. Будучи разгромленными во II в. н. э., они начали-де переселение на запад и через 200 лет, в 70-е годы IV в., появились у проходившей по Дунаю границы Римской империи.

Но если унны, судя по сообщению Дионисия, обитали в Европе в его время, т. е. в первой половине II в. н. э., то концепция Великого переселения народов из Азии в Европу рушится. Поэтому сообщение Дионисия требует тщательного анализа.

Оно включено автором в параграф «Описание Каспийского моря», начинающийся с явно ошибочного, как теперь ясно, утверждения:

«Фигура всего великого Каспийского моря представляет собой *закругленную окружность* (! — Л. Б.) <...> *Устремляясь снова на север*, оно соединяется с течением океана», т. е., по мнению Дионисия, Каспийское море текло на север и впадало в океан. Далее Дионисий пишет:

«Я расскажу теперь все о том, какие племена живут вокруг него, начавши с северо-западной стороны. Первые — скифы, которые населяют побережье возле Кронийского моря, по устью Каспийского моря; потом (т. е. к югу. — Л. Б.) унны, а за ними каспийцы, за этими (т. е. еще южнее. — Л. Б.) — воинственные албаны и кадуссии, живущие в гористой стране; вблизи их — марды, гирканы и тапиры ...» (Дионисий. — ВДИ, 1948, № 1, с. 240–241). А что это за Кронийское море, узнаем из параграфа «Океан»:

«Повсюду несется течение неумоимого Океана — одно и то же, но различающееся многими названиями: находящийся у крайних пределов локрийского Зефира называется западным Атлантом, а сверху, на севере, где живут сыны неистовых ари-маспов, он называется Ледовитым и Кронийским морем» (Там же, с. 237).

В итоге выясняем, что, *по сведениям Дионисия, скифы обитали на побережье Кронийского моря, т. е. Ледовитого океана, где в него якобы впадало Каспийское море, что к югу от них жили унны, которые, получается, тоже были северным европейским народом, как и их соседи скифы.* В описании же «Каспийского залива», «который, начинаясь с севера от Кронийского моря, несет свои глубокие волны в Каспийское море, которое другие называют Гирканским» (Там же), Дионисий говорит прямо про-

тивоположное: не Каспийское море текло в океан, а вода из Кронийского моря через Каспийский залив текла в Каспийское море; но определенное им местообитание скифов и уннов из-за этого не меняется.

Признать сообщение Дионисия о северном народе уннах его поэтической фантазией не позволяет, с нашей точки зрения, тот факт, что через два с лишним века (в конце IV в.) народ *точно под таким именем и именно от Ледовитого океана* хлынул на юг Европы. Но о мельком упомянутом Дионисием в начале II в. далеком северном народе — скифах уннах, в IV–V вв., когда этот народ громко постучал в двери Европы, никто и не помнил.

В XII в. фессалоникский митрополит Евстафий написал «Комментарии к “Землеописанию” Дионисия». Евстафий сопоставлял сведения Дионисия с данными Страбона (I в.), что доказывает незнание Евстафием скорее всего в силу недоступности ему редчайших по тем временам списков трудов авторов, живших позднее Страбона. А народная память за истекшие семь веков не сохранила даже сведений о событиях и народах, потрясших Европу в IV–VI веках. А потому Евстафий обратил внимание только на правильность написания имени упомянутого Дионисием народа «унны», которое под пером иных авторов в XII в. превратилось в «гунны». «Нужно следовать тем, — писал Евстафий, — которые пишут *унны* без (буквы) *ѣ*... Сказанные *унны* — скифское племя ...» (ВДИ, 1948, № 1, с. 254).

Обратим внимание, что Евстафий в XII в. даже не усомнился, что упомянутые Дионисием во II в. унны — это скифы, северный народ.

Младшим современником Дионисия был знаменитый Клавдий Птолемей (90–160). Он жил в Александрии Египетской, научном центре древнего мира, и был, скорее всего, кабинетным ученым. Математик, астроном, географ, он разработал теорию движения планет вокруг неподвижной земли, опровергнутую только Коперником в XVI веке, и создал карту мира с градусным измерением координат известных ему географических объектов, систематизировал географические сведения древ-

него мира. И если Плиний отметил тенденцию к смене скифских названий германскими и сарматскими, то Птолемей назвал уже всю страну к северу от Истра Сарматией, разделив ее на Западную — до Танаиса и Меотийского озера и Восточную — от Танаиса и Меотиды к востоку до реки Ра (Волги). Он писал: «Заселяют Сарматия многочисленные племена: венеды по всему Венедскому заливу; выше Дакии — певкины и бастерны; по всему берегу Меотиды — язиги и роксоланы, за ними внутри страны (т. е. севернее. — Л. Б.) — гамаксобии и скифы-аланы» (Птолемей — ВДИ, 1948, № 2, с. 236). А «выше аланов», т. е. еще севернее, Птолемей указал племена аорсов, агафирсов, меланхленов и гелонов (Там же, с. 237), которых в конце IV в. Аммиан Марцеллин отнес к восточным аланским племенам. И по сообщению Дионисия, во II в. к северу от алан обитали унны (хуны), явно те, что, спустившись «от Ледовитого океана», разгромили в IV в. алан у Меотийского озера.

К востоку от Восточной Сарматии, лежавшей к востоку от реки Ра (Волги), находилась, по мнению Птолемея, Скифия:

«Населяют же [часть] этой Скифии, всю обращенную к северу, вплотную к неизвестной [земле] так называемые скифы-аланы, суобены, и аланорсы, а территорию ниже (т. е. южнее. — Л. Б.) их сэтианы, и массэи, и ..., а затем у восточных истоков реки Ра робоски» (Птолемей, VI, 14, 9 — цит. по: Габуев, 1999, с. 67).

Таким образом, Птолемей сообщил об обитании скифов-алан как в Сарматии к северу от Истра и Меотиды, так и в Скифии, лежащей к востоку от реки Ра (Волги), где он уже не упомянул скифов-массагетов, хотя можно допустить, что он назвал их «массэи».

Вот теперь, пожалуй, будет уместно свести вместе и изложить те казавшиеся ранее несущественными частные сведения о ряде народов, что позволяют в их совокупности определить, *по какому признаку древние греки изначально называли скифами почти все народы и племена, жившие к северу от Истра, Меотиды и Яксарта (Сырдарьи).*

Знаменитый поэт эпохи Августа Публий Овидий был в 8 г. н. э. осужден и сослан на западное побережье Черного моря, где он горестно вопрошал: «Кому мне здесь читать свои произведения, кроме *желтоволосых кораилов и других племен*, живущих на варварском Истре?» (ВДИ, 1949, № 1, с. 240). А знаменитый поэт Лукан (39–65), племянник философа Сенеки, участник, как и он, заговора против Нерона, восклицал: «Пусть выпустят с крайнего севера *белокурых свевов* (готское племя. — Л. Б.), сделайте нас врагами всех народов. Только отвратите гражданскую войну!» (ВДИ, 1949, № 2, с. 321). Двух великих поэтов, людей впечатлительных, явно поражала белокурость народов, живших к северу от Истра (Дуная) нижнего течения, которых историки того времени называли всех скифами.

В связи с этим особенно интересны сведения знаменитого поэта и сатирика II в. н. э. Лукиана (120–180). Он родился в Сирии на Евфрате, много путешествовал. Описывая в своей поэме «Фарсалия или дружба» дружбу трех скифов, живших поблизости от Боспора, он сообщил, что один из них, по имени Макент, поехал к аланам с целью выкрасть увезенную к ним в жены правителю девушку друга-побратима. Лукиан писал, что скиф Макент по одежде и языку походил на алана, «... потому что и то и другое у аланов одинаково со скифами, только аланы не носят длинных волос, как скифы. Но Макент и в этом уподобился им, подстригши волосы настолько, насколько они у аланов должны быть короче» (ВДИ, 1949, № 1, с. 312–313).

Жившие рядом с белокурами, как установлено выше, аланами, скифы знали язык алан, а одежду, длину волос — все это можно было легко изменить. Единственное, что скифы и аланы не могли бы немедленно изменить — это цвет волос, если бы он у них различался.

Поэтому сведения Лукиана так же, как и приведенные выше, позволяют заключить, что *главным признаком, на основании которого древние греки считали тот или иной народ или племя скифским, была их белокурость.*

Но древние греки знали, что скифы-аланы живут к северу от Истра (Дуная) и Меотийского озера (Азовского моря), а к востоку от Каспийского моря и к северу от Яксарта (Сырдарьи) — другие, восточные скифы, часть которых персы называли массагетами. Откуда в середине I в. н. э. аланы пришли в Европу, греки не знали и этим не интересовались.

Но в первой трети III в. свою «Римскую историю» написал Дион Кассий (155–235). В этом труде он описал войну алан, поднятых на Кавказе иберийским (грузинским) царем Фарасманом против Парфии и сообщил, что *аланы* были по происхождению массагетами*:

«...Война была поднята из земли албанов, по происхождению массагетов, Фарасманом. Она сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии, но затем прекратилась вследствие того, что албаны были подкуплены дарами (персидского царя. — Л. Б.) Вологеса, с другой стороны, побоялись правителя Каппадокии Флавия Арриана» (Дион Кассий, Римская история.— ВДИ, 1948, № 2, с. 277–278).

Довольно точно определить время, когда произошла эта война, позволяет только упоминание Дионом о противостоянии аланам правителя Каппадокии Флавия Арриана (95–175). Дело в том, что до жизни Диона были уже известны два иберийских царя по имени Фарасман и три парфянских царя Вологеза (Вологеса), но лишь один правитель римской провинции Каппадокия (131–137 гг.) по имени Флавий Арриан прославился благодаря тому, что позже стал историком. Он, в частности, написал сначала «Объезд Эвксинского понта», отчет императору Адриану о плавании к Понту (Черному морю), и «Диспозицию против алан» о войне с ними в 136 г. (ВДИ, 1948, № 1, с. 265), а позже 22 года, до самой смерти писал историю Рима.

Подсчитав время, нетрудно заключить, что он и противостоял вторжению нанятых Фарасманом алан в 136 г., при императоре Адриане (117–138), который, стремясь к миру с пер-

* В источнике — *албаны* (Ред.).

сами, отказался от Армении, вновь ставшей царством, и от Месопотамии, но удержал защищенную Флавием Аррианом Каппадокию. Заметим, что Т.А. Габуев, анализируя армянские и грузинские источники, составленные на три с лишним века позднее этого события, по ним определил его дату: 135 г. (Габуев, 1999, с. 37–46).

Но каким образом Дион Кассий позднее — в начале III в., впервые в древнегреческой историографии выяснил, что аланы были по происхождению массагетами, т. е. пришли с востока?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на то, что вторжение алан в Армению и Мидию произошло примерно в 135 или 136 г., а Дион Кассий (155–235) описал его почти век спустя в первой трети III в. В течение этого времени на родине алан у Аральского моря произошли большие изменения, сказавшиеся, скорее всего, на положении их соплеменников у Меотийского озера (Азовского моря), о чем позволяют судить рассмотренные выше материалы китайских историй.

Выше, по сведениям древнекитайских историй, установлено, что в 230 г. ко двору северокитайского царства Вэй был посол из Кушанского царства: он-то только и мог сообщить сведения об аланах и динлинах, зафиксированные потом в «Вэй люэ» и в «Сань го чжи». Согласно им, выяснилось, что во второй половине II в. н. э. динлины — южносибирские белокурые кочевники, под натиском сяньбийцев-монголоидов, разгромивших до этого сюннов, переселились из района к *востоку от озера Балхаш западнее*, в земли между Балхашем и Аральским морем, вследствие чего плотность населения в этих полупустынных районах очень возросла. Динлины, создав здесь три своих царства, отделили царство Канцзюй от царства белокурых алан, Яньцай/Алань, освободив последнее от власти Канцзюй, население которого было, согласно сведениям в «Цзинь шу», черноволосыми европеоидами, как и даваньцы (ферганцы). Но аланы, уже во II в. до н. э. имевшие централизованное царство, по уровню своего общественного развития в III веке значительно превосходили динлинов. Начался процесс ассимиляции двух белокурых наро-

дов, алан и динлинов, результаты которого Аммиан Марцеллин к концу IV в. описал так:

«Аланы, разделенные по двум частям света, раздробленные на множество племен ... Хотя они кочуют как номады, на громадном пространстве в далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся Аланами по однообразию обычаев, дикому образу жизни и одинаковости вооружения» (Амм., 1908, XXXI, 17, с. 241).

Это дает основание предположить, что к началу III в., когда жил Дион Кассий, в результате переселения динлинов и возрастания плотности населения в полупустынных землях Аральского региона значительно увеличились как количество отрядов алан, прибывших оттуда и расселившихся вокруг Меотиды и к северу от Понта (Черного моря), так и их численный состав за счет присоединившихся к ним динлинов, тоже принимавших название алан. Таким образом, выясняется, что сведения западных и китайских историй согласуются. Облик новоприбывших к Меотиде многочисленных алан-динлинов был необычайно схож именно с обликом давно обосновавшихся в Европе алан, отнесенных здесь к скифам. Но было, полагаем, нечто, отличавшее их. Это «нечто» и позволило проницательному Диону Кассию выяснить, что аланы, обосновавшиеся у Меотиды, были по происхождению массагетами, прибывшими из Азии, где их издавна к северу от Яксарта (Сырдарьи) локализовали персы, а за ними и Геродот, Страбон, Плиний.

Но после убийства в 235 г. императора Александра Севера (222–235), которое совпало со смертью Диона Кассия в том же году, Римская империя вступила в полосу острейшего кризиса. По всей северной границе наступали варварские племена, а на востоке была создана держава персов во главе с династией Сасанидов, переживавшая период становления и подъема. В Римской империи резко возросла роль войск. В то время суждение образованного наблюдательного Диона Кассия о том, что аланы были по происхождению массагетами, оказалось забытым, как и его труд, хотя аланы как наемники продолжали участво-

вать в войнах на стороне империи или против нее. Начался период правления часто сменявшихся солдатских императоров (235–283). Жизнеописания некоторых из них, созданные в конце III — начале IV в., носили характер панегириков. Но и в них появлялись, хотя и редко, описания событий и фактов той эпохи.

Например, в «Жизнеописании» императора Максимиана (235–238), составленном Юлием Капитолином, говорится, что его отец был *готом*, а мать аланкой: «Он выделялся своим ростом, среди всех воинов славился своей доблестью, отличался мужественной красотой, неукротимым нравом» (Капитолин. — ВДИ, 1959, № 1, с. 223–227). Это описание его очень сходно с описанием Аммианом Марцелином в 359 г. облика сына царя хионитов, погибшего под Амидой (Амм., 1906, XIX, 1(7), с. 242), и вообще облика алан (Амм., 1908, XXXI, 2(21), с. 242). Эти сведения Юлия Капитолина позволяют заключить о сходстве облика аланов и готов, и о том, что аланы вместе с готами в III в. прочно обосновались к северу от Истра.

А Флавий Вописк Сиракузский в биографии «Божественного Аврелиана» дал описание триумфа Аврелиана (270–275), состоявшегося в честь его побед в 274 г. Это своего рода обобщение, очень важное, с нашей точки зрения, для понимания, чем определялись этнические представления римлян того времени:

«Впереди шли двенадцать слонов, двести различных прирученных диких животных из Ливии и Палестины ..., восемьсот гладиаторов, не считая пленников из варварских племен — блемии, аксомиты, арабы из Счастливой Аравии, индийцы, бактрийцы, иберы, сарацины, персы — все с произведениями своих стран; готы, аланы, роксоланы, сарматы, франки, свевы, вандалы, германцы со связанными руками, как пленники... Впереди были нанесены надписи, содержавшие имена народов» (Флавий Вописк. — ВДИ, 1942, № 3, с. 266).

Как видим, участников триумфа 274 г. разделили на две колонны. Одна из них состояла из представителей априори черноволосых народов — арабов, индийцев, бактрийцев, иберов, сарацин и персов. И шли они с «произведениями своих стран» в ру-

ках, что, естественно, свидетельствовало о том, что они занимаются производством несомых ими продуктов земледелия и ремесла. Другая же колонна состояла из представителей варварских северных племен, кочевников, называемых скифами, шедших со связанными руками, как пленники. Тем самым римляне давали понять, что эти народы умеют только воевать и грабить. И все они были белокурами, что ясно из рассмотренных выше сведений разных авторов. Но затем с трудом Диона Кассия ознакомился образованнейший император Юлиан (361–363), выяснивший, что аланы были по происхождению массагетами, восточными скифами. В своей речи перед войском при Марцеллине он сказал это, и об этом узнало много народу.

Но после смерти Юлиана Аммиан Марцеллин около трех лет (в 354–357) провел в Галлии в свите посланного туда императором магистра конницы Урзицина. И не только гуннов и алан, но и галлов он описал как очевидец. А как ученый, историк Аммиан, видимо, знал высказывания об этих народах некоторых своих предшественников. Поэтому его описание галлов заслуживает внимания:

«Почти все Галлы высоки ростом, белы телом, русоволосы; взор у них живой и угрожающий; они страшно сварливы и чрезвычайно заносчивы» (Амм., вып. 1, 1906, XV, 12, I, с. 101). Ясно, что и галлы тогда были скифами.

Забегая вперед, отметим, что живший два с лишним века спустя после Аммиана, в первой половине VI в. Прокопий Кесарийский, много лет участвовавший в войнах с кочевниками и общавшийся с готскими племенами, как очевидец готов описал тоже так:

«В прежнее время готских племен было много, и много их и теперь, но самыми большими и значительными из них были готы, вандалы, визиготы и гепиды... (3) Все эти народы, как было сказано, отличаются друг от друга только именами, но во всем же остальном они сходны. (4) Все они белы телом, имеют русые волосы, рослые и хороши на вид, у них одни и те же законы и исповедуют они одну и ту же веру. (5) Все они ариане и говорят на

одном языке, так называемом готском; и, *как мне кажется, в древности они были одного племени, но впоследствии стали называться по-разному: по именам тех, кто были их вождями*» (Прокопий, 1993, Война с вандалами, кн. II (2), с. 178).

Все рассмотренные сведения не оставляют сомнения в том, что главными признаками, по которым римляне в конце III в. формировали колонны для триумфа и, значит, вообще тогда и позже различали народы, были: цвет волос — светлый или черный, и образ жизни — оседлый или кочевой. И все племена белокурых кочевников, обитавшие к северу от Истра (Дуная), Понта Эвксинского (Черного моря), Каспийского моря и Яксарта (Сырдарьи), они называли скифами.

Приведенное сообщение знаменитого византийского историка первой половины и середины VI в. Прокопия Кесарийского о готах бесценно не только потому, что оно позволяет нам составить ясное представление о внешнем облике скифов, к которым относили огромное число древних северных кочевых народов, но и потому, что передает нам мнение образованного современника этих народов о причине того, почему разные племена одного и того же народа назывались по-разному — племя получало название по имени своего чем-то прославившегося вождя.

Итак, не подлежит сомнению, что греческие и римские авторы сразу же называли появившихся в середине I в. н. э. у границ Римской империи к северу от Истра (низовьев Дуная) «воинственных аланов» скифами явно потому, что они, как и все скифы, были белокурыми кочевниками. А в III–IV вв. они определили, что аланы-скифы были по происхождению массагетами, известными персам и от них греко-римским авторам еще с V в. до н. э., обитавшими к северу от Яксарта (Сырдарьи) наряду с другими восточными скифами.

Все это согласуется с выводами из материалы древнекитайских историй. Приаральское царство, именовавшееся китайцами Яньцай, находилось во II в. до н. э. в зоне расселения древних массагетов. А в конце I в. до н. э., потерпев, несомненно, поражение от соседнего царства Канцзуй, потеряло часть своей

территории и населения. Явно отсюда бежали некоторые племена алан-массагетов, достигшие к середине I в. н. э. границы Римской империи. И в I в. н. э. царство Яньдай стало известно в Китае также и под названием Алань.

Более того, выяснено, что к концу того века аланы обитали уже и у Меотиды (Азовского моря) и даже совершили в 72 г. и потом в 135 г. походы оттуда на Кавказ. А в середине IV в. аланские племена — хиониты и гелоны имели уже на Северном Кавказе рядом с алв(б)анами свое владение, возглавляемое прославленным царем Грумбатом, войско которого вместе с персами и алванами в 359 г. принимало участие в осаде римлян г. Амида.

А в начале VI в. персы и византийцы стали называть массагетами не только алан, бывших действительно выходцами из Средней Азии, но и гунов, хотя те спустились в 375 г. к Меотиде (Азовскому морю), где тогда обитали аланы, «от ледовитого океана», т. е. с севера. Находившиеся на очень низком уровне общественного развития, но очень многочисленные гуны разгромили значительно опережавших их в этом отношении алан и включили уцелевших в свою орду. А к началу VI в. в процессе ассимиляции совместно живших в течение двух веков в рамках единой орды белокурых кочевников северного народа гунов и среднеазиатского по происхождению — алан-массагетов стерлись имевшиеся между ними другие различия и все они стали массагетами. Но это касалось гунов и алан, обитавших к северу от реки Яксарты (Сырдарья), вокруг Меотиды и на Северном Кавказе.

В южной же части Средней Азии к югу от Яксарты и к востоку от Ирана (Персии) до 454 г., как выясняется из сведений Егише, находилось Позднее Кушанское царство, возглавляемое, видимо, все теми же Аршакидами, потомками боковой ветви этого парфянского царского рода. С начала существования державы Сасанидов они добровольно подчинялись ей вплоть до 370 г., когда Кушанское царство напало на Иран и, разгромив персидское войско, доказало свою независимость от Ирана. Потом оно в V веке неоднократно успешно отбивало нападение персов, пытавшихся вновь подчинить его. Егише сообщил о последнем, как

оказалось, поражении шаханшаха Ездигерда II в 454 г. именно от кушан. А уже с 456 г., но только до 468 г., византийский дипломат и историк Приск Панийский писал о войне персов с гуннами кидаритами у г. Горго, т. е. на кушанских землях. Но гуны, как известно, были кочевниками, а в западных источниках нет даже намека на вторжение во второй половине V в. каких-либо кочевников в земли Позднего Кушанского царства.

А лет через восемнадцать-двадцать армянский историк Лазарь Парбский изложил сведения, полученные от персидского посла, побывавшего в 484 г. в Армении, о трех войнах иранского шаханшаха Пероза (459–484) на востоке, но не с кидаритами, а с эфталитами, не отнесенными им к гунам, о его поражениях и гибели в конце третьей войны — в 484 г. и о том, что Иран в результате стал данником эфталитов.

На рубеже V–VI вв. византийский клирик Иешу Стилит в своей хронике тоже описал три войны Пероза, но не с кидаритами или эфталитами, а просто с гунами.

И знаменитый византийский историк Прокопий Кесарийский тоже писал в середине VI в. о трех, уже давних в то время войнах у г. Горго Пероза с гунами-эфталитами, которых далее он называл просто эфталитами, о гибели Пероза и о превращении персов в данников эфталитов.

Поскольку все эти авторы писали о войнах Пероза и с кидаритами, и с эфталитами, и с гунами у г. Горго, у которого персы раньше воевали с кушанами, поскольку в источниках нет даже намека на вторжение в земли Позднего Кушанского царства кочевников, поскольку по описанию Прокопия Кесарийского эфталиты, как и кушаны, были издревле оседлыми земледельцами, то очевидно, что персы просто давали новые названия тем же кушанам. Терпя от них поражение за поражением, персы на переговорах с византийцами стали называть их гунами, т. е. кочевниками. Тем самым они давали понять византийцам, что они, персы, воюют с тем же могущественным врагом, что и византийцы, платившие с середины V в. гунам дань. И чтобы эти гуны снова, как в 395 г., не вторглись в пределы Византийской империи, пер-

сы требовали, чтобы Византия давала им денег на оборону от их общего врага. О том, почему гунны с 456 до 468 г. назывались кидаритами, а позже — эфталитами, узнаем ниже.

Междоусобная борьба в Иране после гибели шаханшаха Пероза в 484 г. продолжалась долго. Примерно в 496 г. его младший сын Кавад, свергнутый с трона, спасаясь, бежал к эфталитам, у которых в 70-е годы отец Пероз, потерпев поражение, оставил его заложником. Там он освоился, женился на дочери царя эфталитов и с помощью его войска вернулся в Иран и стал снова шаханшахом в 498 г.

Итак, после разгрома Пероза в 484 г. Иран стал данником эфталитов, а сын Пероза Кавад позже стал зятем царя эфталитов. Неудивительно, что оба царства были заинтересованы в сохранении между ними мира. Эфталитам была нужна дань с Ирана и безопасность его западных земель, а правителю Ирана Каваду — поддержка мощного войска эфталитов, обеспечивавшая устойчивость его власти внутри страны и безопасность восточных рубежей, развязывавшая ему руки для борьбы на западе с Византией. И, видимо, именно поэтому в дошедших до нас сочинениях византийских авторов вплоть до середины VI в. нет сведений о событиях к востоку от Персии и о царстве эфталитов. Там был мир.

Наиболее ценные и подробные сведения по истории международных отношений Византии и Ирана с народами севера и востока, Причерноморья и Средней Азии с середины VI века оказались в уцелевших фрагментах «Продолжения истории Агафия» Менандра Византийца. В истории Агафия описаны семь лет правления императора Юстиниана, с 552 до 558 г., а труд Менандра — это история Византии с 558 по 582 г., т. е. с конца правления Юстиниана (527–565) и в периоды правления его преемников Юстина (565–578) и Тиберия (578–582).

Менандр, будучи протиктором, т. е. офицером имперской гвардии, судя по сохранившимся фрагментам его «Истории», имел возможность получать сведения и даже некоторые документы от непосредственных участников внешнеполитических кон-

тактов. И по ним мы узнаем о кардинальном изменении этно-политической ситуации во второй половине VI века в Средней Азии, где исчезают эфталиты и появляются какие-то турки, идентифицированные современными переводчиками и исследователями с тюрками.

В VI в. Византии пришлось вести тяжелую борьбу с племенами славян, которые подразделялись на склавинов и антов, живших в Причерноморье и к северу от Истра. А в четвертом из дошедших до нас фрагментов труда Менандра говорится о появлении в 558 г. недалеко от Византии неизвестного ранее народа аваров:

«Авары после долгого скитания пришли к Аланам, и просили их вождя Саросия, чтобы он познакомил их с Римлянами. Саросий передал их просьбу через византийского военачальника Юстина, и император Юстиниан повелел принять послов Аваров. Первый их посол по имени Кандих, представ перед императором, сказал: “К тебе приходит самый великий и сильный народ; племя аваров неодолимо, оно способно отразить и истребить противников”. И после других слов похвальбы просил принять аваров в союзники, добавив: “Но они только в таком случае будут в дружеских связях с римскою державой, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно, и будут поселены тобою на плодородной земле”» (Менандр, 1860, отр. 4, с. 321–322).

Прежде всего обратим внимание на сообщение о том, что авары пришли «после долгого скитания», т. е. явно издалека. Но кто они и откуда пришли?

Об этом первом визите аваров в Константинополь в 558 г. написал и другой современник, сириец Иоанн Ефесский, клирик, дослужившийся до сана епископа. Историю его жизни и перевод второй книги его «Истории» исследовала и опубликовала Н. В. Пигулевская в 1941 г. (Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941). Иоанн сообщил:

«Этот народ, который по своим волосам называется аварами, пришел и показался в ромейских пределах в дни импера-

тора Юстиниана. Он принял их послов, одарил их золотом, серебром, одеждами, золотыми поясами и седлами и прочее дал им и послал через них их вельможам. Они были поражены и вновь послали других, и этим он дал в изобилии» (Пигулевская, 1941, с. 139).

Кроме того, Н. В. Пигулевская, ссылаясь на труд Феофана Византийца «Хронография», сообщила подробнее об этом: «Впервые появление аваров в Константинополе относится ко времени Юстиниана, к 550 г. по Феофану ... где они вызвали сенсацию, так как весь город собрался на них глядеть. Необычный их вид заключался в том, что они и походили на “прочих гуннов”, но носили длинные волосы, которые заплетали в косы. Поэтому Иоанн Эфесский говорил об их имени — авары — данным им по волосам. Они “убежали из своей земли”, следовательно, движение их было связано с давлением на них тюрок, которые тоже говорили об их бегстве» (Пигулевская, с. 94–95).

Итак, народ назван «аварами» по длинным заплетенным в косы волосам. Несомненно, на основании этого сообщения Феофана Византийца о похожести аваров на «прочих гуннов» Н. В. Пигулевская назвала аваров «гуннским племенем» (Там же, с. 69), тогда как в «Истории Византии» (1967 г.) говорится о «тюркской орде аваров» (с. 343). В другом же случае и Н. В. Пигулевская писала о разгроме Жужаньского каганата тюрками в 552 г. и о бегстве «части жужаньских орд, около двадцати тысяч, далее на запад» (Пигулевская, 1941, с. 75). В изложенном Менандром ответе тюркского, а не тюркского посла императору Юстину сказано, что число аваров, «которые от нас убежали, до двадцати тысяч» (Менандр, отр. 18, с. 374). Жужаньский каганат (400–552), судя по его описаниям в династийных китайских историях того периода, занимал земли от Кореи на востоке до Карашара на западе (БШ, гл. 98, с. 3251), а разгромлен тюрками в 552 г., после чего в том году и был создан Тюркский каганат. Так что сообщение Менандра о появлении аваров косоцветов в 558 г. в землях рядом с аланами, соседствовавшими с Византи-

ей, «после долгого скитания», занявшего, как видим, шесть лет после разгрома Жужаньского каганата, заслуживает доверия.

Прав был М. Дегинь, отец европейской синологии, отождествивший аваров с жужанями в первом труде, написанном им на французском языке в середине XVIII в., основанном на одной средневековой китайской исторической энциклопедии. А в ней сказано, что сяньбийский народ *тоба*, из которого в 376 г. выделилось племя, названное позднее жужань, и который в 386 г. создал в Северном Китае империю Северная Вэй, именовался «косооплетами» (см.: Бичурин, 1950, т. I, с. 167). Они отнесены древними китайскими историками к «восточным иноплеменникам» (*дунху*), бывших монголоидами. И в историях южных китайских империй Сун (420–479) и Лян (502–557) читаем: в «Сун шу» — о том, что жужани на юге нападают на косооплетов (Материалы, 1984, с. 289), т. е. на тоба, создавших империю Вэй, а в «Лян шу» — что жужани заплетают волосы в косы (Там же, с. 290).

Так что авары-жужани изначально не были ни белокурыми кочевниками гунами, ни черноволосыми европеоидами тюрками, а были монголоидами сяньбийцами.

Но надо учитывать, что жужани, впервые явившиеся с северо-востока в степи Монголии во II в. н. э., до середины VI в. прошли долгий путь развития: во II в. н. э. они вместе с китайцами разгромили сюннов, черноволосых европеоидов, около 100 тысяч родовых групп (ло) которых вынуждены были признать сяньбийцами; в III–IV вв. они присоединили многолюдные племена *гаоче*, белокурых европеоидов, хотя значительная часть их и отделилась от жужаней в 487 г. Так что к середине VI в. население Жужаньского каганата в этнически-расовом отношении было довольно пестрым, но состоявшие на службе люди, как, например, послы, были, видимо, обязаны следовать жужаньским обычаям и заплетать волосы в косы.

Вряд ли можно усомниться в том, что в 558 г. именно от аваров-жужаней, бывших ранее в Восточном Туркестане господами тюрков рода Ашина, их кузнецов и оружейников, узнали в Византии и вообще на западе о тюрках, создавших великий каганат

и разгромивших жужаней, но названных здесь не тюрками, а турками. Неудивительно, что все посольства, прибывавшие от восточных владык, отнюдь не всегда тюрков, здесь стали воспринимать как представителей туркских каганов, и всех послов с востока называть «турками». Но поразительно то, что практически все современные переводчики и исследователи идентифицировали тюрков, упоминаемых в труде Менандра, с тюрками, которые появились в середине VI в. к северо-западу от Китая. При этом даже не ставился вопрос о необходимости обоснования правомочности такой идентификации. Потому при дальнейшем рассмотрении сведений Менандра и других источников будем обращать внимание на этот аспект истории региона.

Приняв в 558 г. послов аваров, старый уже Юстиниан, не желая вступать в войну с новыми кочевниками, стал щедро одаривать их. Вскоре, ранее 561 г., авары действительно разгромили три племени гунов и стали грабить и опустошать земли враждебных Византии славянских племен, антов. (Менандр, отр. 4, с. 324; отр. 6, с. 324–325). В начале 562 г. Юстиниан опять принял послов аваров. Почувствовав силу своего народа, те стали *требовать* показать им землю для их поселения. Византийский полководец Юстин выяснил через одного авара, что они «под видом будто хотят перейти по сю сторону Истра для утверждения дружбы с Римлянами», на самом деле намерены напасть всеми силами на них. Послов сначала задержали, потом отпустили, но по пути обезоружили. «Отсюда началась между Римлянами и Аварами вражда, которая уже давно тлела» (Менандр, отр. 9, с. 327).

В следующем, десятом отрывке из труда Менандра приведено сообщение, в котором впервые упоминаются турки и эфталиты и говорится о событии, явно относившемся тоже к началу 562 г.: «Владелец Турков Силзивул, узнав о побеге аваров, которые ушли по нанесении вреда Туркам, с свойственною варварам дерзостью сказал: “Авары не птицы, чтоб, летая по воздуху, избегнуть им мечей туркских... Когда покончу я войну с Эфталитами, нападую на Аваров, и они не избегнут моих сил”. Говорят, после этих-то хвастливых слов Силзивул устремился против Эфталитов.

Катульф удерживал Эфталитского вождя от дальнейшего похода» (Менандр, отр. 10, с. 328).

В следующем, одиннадцатом отрывке, датированном тем же 562 годом, Менандр подробно рассказал о договоре, заключенном между Византией и Персией на 50 лет, которым в 561 г. был положен конец войне между ними, продолжавшейся с 540 г., привел его текст и изложил хвастливую речь персидского переговорщика Зиха, восхвалявшего своего шаха Хосрова I (531–579):

«... что он одержал многие победы, что он непобедим, ... что *он разрушил могущество Эфталитов* и (курсив наш. — Л. Б.) покорил многих царей: ...и ...что он... по праву украшается названием царя царей» (Там же, с. 337).

Таким образом, если из сведений, изложенных в десятом отрывке, ясно, что в начале 562 г. владение эфталитов еще существовало, то из хвастливой речи Зиха в одиннадцатом отрывке получается, что оно в том же году было разгромлено шахом Персии Хосровом I.

Новые сведения Менандра об эфталитах и турках находим в отрывке восемнадцатом, в котором повествуется о событиях 568 г: «В начале четвертого года царствования Юстина (565–578. — Л. Б.) в Византию прибыло посольство от Турков. *Турки в то время достигли великой степени могущества*. Согдаиты, которые перед тем были подданные Эфталитов, сделавшись подданными турков, просили своего *царя* отправить посольство к Персам».

А далее сказано, что «владелец Турков», названный в 10-м отрывке Силзивулом, а здесь и далее — Дизабулом, отправил в Персию посольство во главе с начальником согдийцев Маниахом,

«... но Хозрой, согласно с мнением персидских сановников и Катулфа эфталита, бежавшего к туркам, так как царь эфталитов изнасиловал его жену, полагал, что Персам вовсе не было выгодно дружить с Турками, потому что *скифское племя* коварно и изменчиво» (с. 372).

Шелк, привезенный первым посольством от турок, персы сожгли, а из их второго посольства некоторых посланников отравили. И между турками и персами началась вражда. Обратим внимание: перс Катулф назвал турок *скифским*, т. е. белокурым племенем.

Далее за тот же 568 г. Менандр сообщил:

«Маниах ... представил Дизабулу, что было бы выгоднее для Турков держаться Римлян, и шелк отправлять к ним для продажи, так как они более других народов употребляют его. ... Дизабул отправил Маниаха и несколько Турков в посольство к Римлянам, с письмами, приветствиями и подарками, состоявшими из немалого количества шелку. Маниах пустился в путь. Странствие его было продолжительно. Он прошел многие страны, высокие, близкие к облакам горы, равнины и долины, озера и реки, потом перевалил через самую гору Кавказ и прибыл наконец в Византию ... Царь, прочитав через переводчиков *скифское письмо* (курсив наш. — Л. Б.), принял посланников весьма благосклонно и расспрашивал их о стране и о владениях Турков. Посланники говорили, что *народ их разделяется на четыре владения, но что владычество над всеми принадлежит одному Дизабулу*, что они покорили и Эфталитов и заставили их платить себе дань. Император спросил посланников: “Всю ли эфталитскую силу вы подчинили себе?” — “Всю”, отвечали посланники. Государь: “Как жили Эфталиты, в городах или в селениях?” Посланники: “Это племя, государь, живет в городах”. “Итак, — заключил император, — ясно, что вы овладели их городами”. “Так точно”, — отвечали они. — “Есть авары, которые еще преданы нам...”. Таким образом Турки подружились с Римлянами и пришли в наше государство» (Менандр, отр. 18, с. 373–374).

Скорее всего, упомянутые здесь четыре владения, подвластные Силзивулу/Дизабулу, были владениями согдийцев, теми самыми согдийскими царствами, которые описаны в «Вэй шу»: Нюми (Бухара) и прилегающие к ней Носеболо, Афутайхань и Цзаоцзяжи (подробнее о них см. в следующей главе). Но вряд ли эти четыре согдийских царства, ставшие подвластными тур-

кам, могли разгромить всю силу эфталитов, создавших, как увидим далее, огромное Тохарское царство, простиравшееся от Ирана на западе до Цунлина (Памира) на востоке.

Из этих весьма подробных сведений Менандра за 560 год выясняется, что в то время согдаиты, ранее подвластные эфталитам, теперь, как и эфталиты, уже были подвластны туркам во главе с их каганом Дизавулом, которым платили дань.

С этими сведениями Менандра согласуются и сведения Феофана Византийца, писавшего свою «Историю» в последние годы VI века (История Византии, 1967, с. 36). Он сообщил:

«На восток от Танаида (Дона. — Л. Б.) живут Турки, в древности называемые массагетами». И немного далее:

«Турки в то время занимали торговые города и порты Сиров, прежде обладаемые Персами. После того как царь Эфталитов, Эфталан, от которого и народ получил свое имя, победил Пероза, Персы потеряли эти места. Ими уже владели Эфталиты; но вскоре после того Турки победили их в сражениях и отняли у них те места. Юстин отправил к Туркам посланника Зимарха (568 г. — Л. Б.)» (Византийские историки, 1860, с. 492, 493).

Во-первых, Феофан, как и Менандр, соотнес турков с древними массагетами, восточными скифами, белокурыми европеоидами, кочевниками, к числу которых никто не относил тюрок, описанных в китайских историях.

Во-вторых, Феофан подтвердил описанную Менандром последовательность смены властителей городов и портов согдаитов, которых, как давно определили исследователи, Феофан называл сирами. Сначала Согдом владели персы, потом царь эфталитов, т. е. кушан, разгромил шаха Пероза, что случилось в 484 г., и эфталиты стали властителями Согда; потом, но не «вскоре», как считал Феофан, а в 60-е годы VI в. Согдом овладели турки, разгромившие эфталитов. Судя по сведениям Феофана, это произошло до 568 г. И отметим важность сообщения Феофана о том, что название народа «эфталиты» пошло от имени царя Эфталана, разгромившего Пероза. Это и дает основание предполагать, что

он и был основателем Тохарского царства после бегства царя Позднего Кушанского царства Кидары на рубеже 50–60-х годов VI в. в Северную Индию.

А утверждение хвастливого персидского посла Зиха в 562 г., изложенное в 10-м отрывке, о том, что эфталитов к тому времени разгромил шах Ирана Хосров I (531–579), оказывается ложным, так как, по этим сведениям Менандра и Феофана, эфталитов разгромили турки ранее 568 г., но позднее 562 г. Сведения турков об эфталитах, согласно которым они издревле были оседлым народом, жившим в городах, представляются заслуживающими доверия. Они совпадают с вышерассмотренными нами сведениями об эфталитах, изложенными Прокопием Кесарийским. Ясно, что эфталиты не были гунами кочевниками.

Теперь, полагаем, необходимо остановиться на нескольких небольших фразах из уже процитированных и других сообщений Менандра, которые, однако, касаются двух больших вопросов истории региона. В восемнадцатом отрывке, датированном 568 годом, сказано: «Турки из Восточного Туркестана достигли в то время великой степени могущества». Если турки и есть тюрки, то это утверждение представляется сомнительным, поскольку по китайским династийным историям известно, что тюрки только в 552 г. провозгласили создание своего каганата, и, как мы увидим ниже, великого могущества тюрки в Восточном Туркестане к 562 г. еще не достигли. И опять возникает вопрос: были ли Турки тюрками?

Далее в том же отрывке сказано, что шаханшаху Ирана (Персии) Хосрову, к которому в 558 г. прибыло посольство турок, тогда «не было выгодно дружиться с Турками, потому что *скифское племя* коварно и изменчиво», т. е. турки того времени названы скифами. С этим сообщением согласуются и последующие сведения: о том, что позднее в том году посольство турков прибыло в Византию и передало царю (Юстину II — 565–578) письма и подарки и что «царь, прочитав через переводчиков *скифское письмо*, принял посланников весьма благосклонно», т. е. письмо от Турков названо скифским. И девятнадцатый от-

рывок начинается фразой о том же: «Турки, в древности называвшиеся Саками, отправили к Юстину посольство» (Менандр, отр. 19, с. 375). А вот что писал о саках Плиний Старший (23/24–79): к северу от реки Яксарта (Сырдарьи) «живут скифские народы. Персы дали им общее название сагов» ... (ВДИ, 1949, № 2, с. 306), т. е. саков. Скифами были, как выяснено выше, аланы, обосновавшиеся у Танаиса (Дона) и Меотиды (Азовского моря).

Перед нами очередное свидетельство того, что в 60-е годы VI в. и персы, и византийцы относили турков к скифам. А скифами, как мы подробно выяснили выше, греки и римляне считали всех белокурых кочевников, живших к северу от Дуная, Черного моря и Сырдарьи.

И в 45-м отрывке из труда Менандра за 576 г. читаем: «Римляне отправили посольство к Туркам. Посланником был назначен Валентин, один из царских меченосцев. ... Он отправился со своей свитой, взяв с собою и сто шесть Турков. Турки уже давно жили в Византии, быв в разные времена посланы туда от своего народа. ... Так что *всех Скифов, из племени так называемых Турков*, собралось до ста шести человек. Валентин вышел из столицы со всеми этими Турками» (Менандр, отр. 45, с. 416).

Согласно этим сведениям Менандра, скифы были «из так называемых турков». Следовательно, они могли быть и другим народом. Так что остается вопрос — каким же народом был тот, который назван Менандром «турками»? Ответ на него будем искать в следующей главе по сведениям китайских династийных историй. Но отметим, что еще переводчик отрывков из труда Менандра Спиридон Дестунис в 1860 г. в своем 49-м примечании, перечислив фамилии знаменитых европейских авторов, принимавших «народ Тюкюэ китайских летописей за Турков», поставил вопрос: «Просим русских ориенталистов обратить внимание на сходство показаний Менандра и китайских летописей и решить — действительно это сходство, или оно только вывод из натяжных толкований?» (Менандр, отр. 20, прим. 49, с. 378). Переводчики и исследователи предшествовавшего времени идентифицировали Турков с тюрками. Мы же для решения этого воп-

роса прежде всего попытаемся определить по данным Менандра место обитания описанных им «Турков».

Сделать это хотя бы приблизительно позволяют сведения Менандра о пути посольств Турков в Персию и Византию и обратно. Описание первого посольства Турков в Персию в 558 г. начинается так:

«Турки достигли в то время великой степени могущества. Согдаиты, которые перед тем были подданные Эфталитов, сделавшись подданными Турков, просили своего царя отправить посольство к Персам, для исходатайствования им позволения ездить в Персию и продавать там шелк. Дизавул изъявил на то согласие и позволил Согдаитам отправить посольство. Оно состояло под начальством Маниаха» (Менандр, отр. 18, с. 371).

Здесь Дизавул назван *царем* турков, достигших великой степени могущества. Далее Менандр обрисовал, как персы, не желавшие, чтобы турки свободно приезжали в их царство, сожгли шелк, привезенный послами, а членов другого присланного турками посольства большей частью отравили.

«Маниах, начальник согдаитов <...> представил Дизавулу, что было бы выгоднее для Турков держаться стороны Римлян, и шелк отправлять к ним для продажи, так как они более других народов употребляют его. <...> Убежденный такими представлениями, Дизавул отправил Маниаха и несколько Турков в посольство к Римлянам, с письмами, приветствиями и подарками, состоящими из немалого количества шелку. Маниах пустился в путь. Странствование его было продолжительно. Он прошел многие страны, высокие, близкие к облакам горы, равнины и долины, озера и реки, потом перевалил через самую гору Кавказ и прибыл наконец в Византию» (Там же, с. 373).

Эти сообщения Менандра дают основание предполагать, что два посольства турков в Персию, возглавляемые начальником Согда Маниахом, подвластным тюркскому кагану, выходили из Согда, и дойдя до Северного Кавказа, переправлялись через Кавказский хребет и выходили в Персию. Более детально Менандр описал этот путь, рассказывая о походе в конце того же

568 г. византийского посольства во главе с военачальником восточных городов (т. е. находившихся в нынешней Малой Азии) Зимархом к туркам:

«Путешествие Зимарха и его спутников было продолжительно. Как скоро они прибыли в страну согдаитов и сошли с коней», они были вынуждены пройти обряды изгнания духов и очищения огнем. После этого

«Зимарх шел вместе с приставленными к нему Турками к горе, называемой Эктаг, что по-эллински значит золотая гора, где находился сам Хаган. По прибытии в одну долину золотой горы, где было пребывание Дизавула, Зимарх и его спутники были немедленно направлены к нему. Хаган находился внутри шатра и сидел на золотом седалище о двух колесах, которое, когда нужно было, тащила одна лошадь» (Менандр, отр. 20, с. 376–377).

Эти сведения не оставляют сомнения в том, что именно в Согде находилась «золотая гора», где в одной из долин была ставка туркского кагана Дизавула. Очевидно, что нельзя идентифицировать ее с описанной в китайских историях «золотой горой Цзиньшань»⁸, считавшейся родиной тюрков, которая находилась в Восточном Туркестане к югу от хр. Карлыктаг и к северу от Хами. И на основании идентификации названия этих гор нельзя отождествлять тюрков китайских историй с турками Менандра, которых он именует еще и скифами, золотую гору — с Алтаем, «золотыми горами», названным так монголами, но несколько веков спустя.

Далее Менандр, рассказав о многодневных пирах, которые Дизавул задавал в честь римлян, сообщил:

«Между тем как Зимарх имел здесь пребывание, Дизавул желал, чтобы сам Зимарх с двадцатью провожатыми и служителями последовал за ним в поход, предпринятый им против Персов <...> Дизавул отправился в поход, имея при себе Зимарха. На

⁸ Подробное исследование вопроса о местонахождении горы Цзиньшань китайских Историй см.: Боровкова, 1992, с. 73, 92–93, 99–100 и др.

пути они остановились на месте, называемом Талас» (Там же, с. 378–379).

Обратим внимание — к нынешнему г. Таласу он не имеет никакого отношения, так как нынешний Талас расположен к северо-востоку от Самарканда—Бухары, где находился древний Согд, а Дизавул с Зимархом шли походом на Персию из Согда на юго-запад, где, следовательно, и находилось «место Талас». Здесь они встретили шедшее к туркам посольство персов. Дизавул по правилам того времени принял и их, но за обедом почетное место отвел римлянам. В нарушение правил за обедом разгорелся горячий спор, после чего персы ушли, но Дизавул отпустил и римлян Зимарха (Там же, с. 380).

«Они ехали крепостями, <...> переправлялись через реку Оих (Амударью. — *Л. Б.*), совершили немалый путь и достигли до известного великого и широкого озера», (явно Каспийского моря). Отсюда Зимарх отправил посланца Георгия с письмом своему царю с известием о возвращении (отр. 22, с. 381). Георгий с двенадцатью турками пошел

«... по дороге безводной и совершенно пустынной, но самой короткой, а Зимарх в продолжение двенадцати дней, шел вдоль песчаных берегов того озера. Переехал трудные места, достиг берега Иха (р. Урал. — *Л. Б.*), а потом и Даиха (р. Волга. — *Л. Б.*) ...Затем он прибыл к Уграм», относимым тогда к гунам. Отсюда в основном по безводным степям они добрались до Албании (с. 382), локализуемой в нынешних Северном Азербайджане и Дагестане.

Ее царь доброжелательно принял римлян, а ехавших с ними турков — только после их разоружения. Две дороги вели в Византию. По одной Зимарх отправил носильщиков с шелком, по другой, «избегая нападения персов», поехал сам (Менандр, отр. 22, с. 383).

«Он достиг Рогатория (? — *Л. Б.*), потом и Понта Эвксина (Черного моря. — *Л. Б.*). Он отправился на судах до реки Фасия (р. Рион, в устье которой стоит ныне г. Потти. — *Л. Б.*) и наконец прибыл в Трапезунт (г. Трабзон в Турции. — *Л. Б.*). Отсюда

на общественных лошадях приехал в Византию, был представлен царю и донес ему обо всем» (с. 384).

Скорее всего, Менандр, как протиктор, офицер дворцовой стражи, присутствовал при рассказе Зимарха об обратном пути, почему и смог так подробно описать именно его.

Итак, в этом описании названы основные географические объекты, позволяющие составить общее представление о пути византийского посольства, во главе с Зимархом, из владений турков в Византию. Отправленное Дизавулом из Согда, оно пошло, естественно, на юго-запад, переправилось через реку Оих, несомненно, Амударью, после чего пройдя «немалый путь», вышло к «известному великому и широкому озеру», явно Каспийскому морю. С донесением царю о возвращении гонец, посланный Зимархом, отправился по дороге безводной и совершенно пустынной, но самой короткой, проходившей, полагаем, через южную часть Каракумов, и, обогнув недалеко с юга Каспийское море, через земли персов, с которыми у Византии тогда был мир, вышел к Константинополю.

Сам Зимарх двенадцать дней шел по песчаному берегу моря явно на север, где, огибая Каспийское море, переправился через реки Их (Урал) и Даих (Волгу) и прибыл в Алванию (Дагестан). Отсюда он достиг Понта Эвксина (Черного моря) и на судах доплыл до р. Фасис (Риона, впадающего в море у нынешнего г. Потти) и затем до Трапезунта (ныне г. Трабзон в Турции), а далее на «общественных лошадях» (!?) приехал в Константинополь.

Иоанн Ефесский (ок. 507–586 гг.) в своей «Истории» сообщил, что посольство Зимарха вернулось через два года (История Иоанна Ефесского, гл. 23. — Пигулевская 1941, с. 139), что свидетельствует о большой удаленности от Византии владений турков и сложности пути между ними. Н. В. Пигулевская в своих переводах и исследованиях тоже называла турков тюрками.

В 571 г., когда армяне подняли очередное восстание против персов, они обратились за помощью к византийскому императору Юстину II (565–578) и получили ее. И в 572 г. началась

новая война Ирана с Византией (572–591). Она шла с переменным успехом. И именно во время ее, в 576 г., по свидетельству Менандра,

«Римляне опять отправили посольство к Туркам. Посланником был назначен Валентин один из царских меченосцев. <...> он отправился со своею свитой, взяв с собою и сто шесть Турков. Турки уже давно жили в Византии, быв в разное время посланы туда от своего народа. <...> так что всех *Скифов из племени так называемых Турков* собралось сто шесть человек» (Менандр, отр. 45, с. 416). Обратим внимание на фразу: «Скифов из племени *так называемых Турков*», т. е. называемых, но не обязательно бывших турками.

А далее Менандр описал путь Валентина к Туркам:

«Валентин вышел из столицы со всеми этими Турками. Он отплыл на скорых судах, проехал Синоп, Херсон, Апатуру (по северному Причерноморью. — Л. Б.). В песчаных степях перевалил через горы Таврики (обращенные к полудню). Он проехал на коне ...» (Там же, с. 417). «Коротко сказать: Римляне проехали многотрудными дорогами и непреодолимыми местами, и наконец достигли того края, где были военные знаки Турксанфа, одного из князей туркских. *Те, которым досталось в удел управлять племенами туркскими, разделили владение его на восемь частей* (! — Л. Б.). *Старейший единоподержец Турков назывался Арсила*. По приезде к Турксанфу, который приезжающим в ту страну *попадает на встречу прежде других князей*, Валентин был ему представлен».

Далее Менандр изложил елейную речь Валентина о непрочности дружбы римлян с турками, основанной на договоре между царями Юстином и Дизавулом (с. 418), а затем резкую ответную речь Турксанфа, обвинявшего римлян в обмане союзников, в пренебрежении ими, в отказе оказывать им помощь в беде. В частности он сказал:

«Зачем вы, Римляне, отправляющихся в Византию посланников моих ведете через Кавказ, уверяя меня, что нет другой дороги, по которой им ехать? Вы для того это делаете, чтобы я по

трудности этой дороги отказался от нападения на (с. 419) римские области. Однако мне в точности известно, где река Данапр, куда впадает Истр, где течет Эвр (? — Л. Б.) и какими путями мои рабы Вархониты (авары. — Л. Б.) пришли в римские земли». После этого [Турксанф] хвастливо заявил: «Мне же преклоняется вся земля, начиная от первых лучей солнца и оканчиваясь пределами земли», что его рабами стали аланы и утигуры» (Менандр, отр. 45, с. 420).

Валентин, обратившись к «властителю Турков», назвал его слова ужасными и сказал:

«Я бы лучше желал видеть сегодня последний час от твоего меча, нежели слышать, что мой царь находит удовольствие в обмане, что его посланники говорят ложь. Итак, мы умоляем тебя воззреть на нас благосклонно, смягчить свой гнев, <...> и повиноваться общепринятому правилу о посланниках (с. 420), ибо мы, делатели мира, мы исполнители дел священных». И стал опять уверять Турксанфа в неизменности и чистоте дружбы римлян с турками и выразил надежду на такое же отношение турков к римлянам. Выслушав его, Турксанф сказал: «Так как вы, приехав сюда, нашли меня в глубокой скорби, ибо недавно умер отец мой Дизавул, то должно вам, Римляне, царапать себе лицо ножом, следуя существующему у нас по усопшим обычаю». Валентин и его спутники тотчас же (с. 421) стали царапать себе щеки своими кинжалами ... Турксанф, совершив установленные обряды погребения отца, говорил еще много с Валентином, потом отпустил его к *дальнейшим князьям туркским, и к своему родному брату по имени Тарду*, живущему на *горе Эктеле* (Эктел значит золотой). Когда Валентин отправился к той горе, то Турксанф погрозил, что он начнет с того, что завоюет Боспор» (видимо, царство. — Л. Б.) (с. 422). Немного далее Менандр сообщил:

«Город Боспор был взят в то время, когда римские посланники находились между Турками. Этим уже обнаружилось, что Турки ведут войну против Римлян. Валентин и посланные с ним были задержаны Турксанфом. Он ругался над ними, обманывал их, поступал с ними весьма дурно, и наконец отпустил» (с. 423).

Сообщение о взятии Боспора турками Менандр получил, скорее всего, от возвратившегося Валентина, а он — от Турксанфа, несомненно, преувеличившего успехи своего владетеля ничего не знавшему Валентину. Современные исследователи истории Византии утверждают, что это случилось еще при Юстиниане: «Боспор окончательно подчинен власти империи. Крепостные укрепления города были заново отстроены. Не останавливаясь на этом, Юстиниан включил в орбиту византийского влияния и противоположный берег Боспора. Господство Византии на Боспоре продолжалось вплоть до вторжения хазар в конце VII века (История Византии, 1967, с. 335). И в приведенном описании похода Валентина к туркам есть подтверждение этого факта: «Он отплыл на скорых судах, проехал Синоп, Херсон, Апатуру». Более того, путь в Византию через Северное Причерноморье знали, согласно приведенным выше словам Турксанфа, и турки и авары.

Но в этом описании Менандром похода византийского посольства во главе с Валентином к туркам особого внимания заслуживает его сообщение о том, что теперь, в 576 г., было уже восемь владений, подвластных старейшему единопержцу турков Аксиле, но что и теперь приезжающие в эту страну попадали в первое владение турков, возглавляемое Турксанфом, сыном умершего Дизавула, а бывшим владением самого Дизавула, со ставкой в одной из долин «золотой горы» теперь управлял другой его сын — Тарду. Остальные владения турков лежали «дальше» их, несомненно, восточнее по караванному пути от Согда в Китай. Но как далеко на восток простирались восемь владений турков, Менандр явно не знал и не сообщил. Ясно только, что византийские послы дальше Согда не проходили. Сведения о восьми владениях, возглавляемых царством Кан, начиная с согдийских, есть, как увидим в четвертой главе нашего исследования китайских источников, и правили ими не турки-тюрки, а другой, белокурый народ, усуни.

Глава III

ПОКОРЕНИЕ ЦАРСТВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА И ПРИПАМИРЬЯ КОЧЕВНИКАМИ ЯДА (СЕРЕДИНА V — СЕРЕДИНА VI вв.) по китайским историям

Анализ сведений о царствах и народах Восточного Туркестана и Средней Азии второй половины V — первой половины VI в., т. е. дотюркского периода, начнем с рассмотренных данных именно о народе Яда, идентифицированном предшествующими исследователями с народом, известным западным авторам как эфталиты раннесредневековых китайских династийных историй.

В Китае период с 420 по 581 г. известен под названием «Эпоха Северных и Южных династий». В Северном Китае, раздробленном в IV в. на сменявшие друг друга мелкие царства, сяньбийское племя тоба (тобгачей) на рубеже IV–V вв. создало империю Северная Вэй (386–535), окончательное формирование которой было закончено, однако, только в 30-е годы V в. В 534–535 гг. она распалась на две империи: Восточную Вэй (534–550), преобразованную затем в империю Северная Ци (550–577), и Западную Вэй (535–557), которую сменила империя Западная Чжоу (557–581). В Южном же Китае в 420 г. на месте рухнувшей империи Восточная Цзинь была создана империя Сун (420–479), которую сменили друг за другом империи Ци (479–502), Лян (502–557) и Чэнь (557–581). В 581 г. Китай, наконец, был снова объединен в единую империю Суй, продержавшуюся около че-

тырех десятилетий (581–617), на руинах которой в 618 г. сложилась империя Тан, просуществовавшая до 906 г.

А поскольку самые удобные и короткие пути из Средней Азии в Китай проходили через Восточный Туркестан, то естественно, что почти все посольства из царств этих двух регионов, называвшихся в Китае «Западным краем» (*си-юй*), приходили ко двору соседствовавшей с Восточным Туркестаном империи Северная Вэй. И поэтому в ее династийной истории «Вэй шу», составленной Вэй Шоу (505–572) к концу 554 г. (ВШ, 1974, т. 1, с. 1–2), т. е. при империи Ци, оказалось наибольшее количество сведений о царствах западного края. А когда в начале VI в. враждебные отношения Северной Вэй с южной империей Лян постепенно переросли в дружественные посольские и торговые связи, посольства из отдельных царств западного края иногда стали приходить и в Лян. Неудивительно, что и в ее династийной истории «Лян шу» тоже оказались описания некоторых царств этого края и Индии.

Но именно в «Вэй шу», в главах хроники правления императоров, приведены строго по годам, лунам (месяцам лунного календаря) и даже нередко по дням сведения о прибытии ко двору множества иноземных посольств и о редких случаях отправления вэйских послов в западный край. Они позволяют хотя бы приблизительно судить не только о длительности существования разных царств, о времени исчезновения одних и появления других, но и о сравнительном могуществе их, поскольку лишь сильные царства могли более или менее долго и часто отправлять послов с охраной в далекий Китай, да еще с богатыми дарами его императору.

Несомненно, со слов своих и иноземных послов, а ими были сановники, ибо при императорском дворе принимали только сановников, записали вэйские дворцовые историографы те сведения о ближайших и дальних царствах запада, которые и приведены в их описаниях в главе «Повествование о западном крае» и частично в других главах «Вэй шу».

Следует отметить, что в хронике «Вэй шу» зарегистрировано прибытие посольств из гораздо большего числа царств, нежели описано в ее главах, включая такие, о которых других упоминаний нет. Встречаются даже наименования царств, которые в издании «Вэй шу» 1974 г., снабженном пунктуацией, издатели не могли вычленивать из ряда названий, перечисленных в тексте, не имеющем разделительных знаков.

В описаниях большинства царств в «Повествовании о западном крае» приведены расстояния до них от столицы Северной Вэй Дай, находившейся в районе г. Датун, даже до тех, из которых послы приходили после 494 г., когда столица Вэй была уже перенесена из Дай в Лоян. В описаниях многих царств есть указание на взаиморасположение царства хотя бы с еще одним соседним. Все эти сведения, с учетом данных предыдущих династийных историй о расстоянии и местонахождении царств-предшественников и сведений последующих историй о местонахождении царств-преемников, позволили определить местонахождение многих царств вэйского времени (см.: Боровкова, 1989).

Имея же представление о местонахождении царств Восточного Туркестана и Средней Азии вэйского периода, о времени их существования, исчезновения одних и создания других, легче выяснить, откуда в V–VI вв. могли прийти в Среднюю Азию новые народы и где они расселились.

В данном исследовании будем рассматривать сведения из хроники в «Вэй шу» о посольских связях с Вэй тех царств «западного края», описания которых есть в этой и других китайских историях того времени.

§ 1. Посольские связи Вэй с царствами западного края

Созданная в 386 г. сяньбийским племенем тоба (табгачи) империя Вэй окрепла только к началу 30-х годов V в., когда она овладела всеми землями Северного Китая в долине Хуанхэ, кроме районов в верховьях этой реки, которые принадлежали

другому сяньбийскому племени, ранее создавшему здесь царство Тугухунь (Цинхай). А в Ганьсуском коридоре, к западу от Великой излучины Хуанхэ, с 412 г. существовало царство Хэси (к западу от Реки).

После того как в 431 г. Хэси установило посольские связи с Вэй, наступившее в этом регионе умиротворение открыло царствам западного края (так тогда называли в Китае все регионы к западу от него) выход в Вэй по южному, прикуньлуньскому, и северному, притяньшаньскому, караванным путям через Западный край (так в Китае продолжали называть именно Восточный Туркестан).

И уже в начале 435 г. ко двору Вэй прибыли по притяньшаньскому пути послы из ближних царств этого края — из Яньци (Карашара) и Чэши (Турфана) (ВШ, гл. 4/1, с. 84). А через три месяца (в 5-ю луну) император Вэй наконец решился отправить 20 посольств в западный край (ВШ, гл. 4/1, с. 85), которые, однако, туда не прошли. Они хотели пройти в царство Яньци через Гаочан, но по выходе из пустыни Люша были схвачены жужанями (ВШ, гл. 101, с. 2243; гл. 102, с. 2260. Подробнее об этом эпизоде см.: Боровкова, 1992, с. 50–51).

В 6-ю луну посольства пришли из царства Шаньшань (Чарклыка), ближайшего к Вэй по прикуньлуньскому пути, а осенью прибыло посольство из далекого царства Сутэ (Там же). В его описании в «Повествовании о западном крае» сказано, что Сутэ (Судэ) — это бывшее царство Яньцай (ВШ, гл. 102, с. 2270). О приаральском царстве Яньцай, которое было известно в Китае во II в. до н. э. — III в. н. э., а с I в. н. э. еще и под названием Аланья или Алань, говорилось выше, во второй главе данной работы. К вопросу о местонахождении царства Сутэ вернемся ниже, анализируя данные «Вэй шу» о царствах и народах севера Средней Азии.

Через год после прибытия посла из далекого Сутэ в 436 г., т. е. в 437 г., империя Вэй снова отправила посольства в царства западного края, но на этот раз только шесть (ВШ, гл. 4/1, с. 87). В своем предисловии к главе «Повествование о западном крае»

Вэй Шоу, составитель «Вэй шу», сообщил, что два посла через Шаньшань (Чарклык), т. е. по прикуньлуньскому пути, прошли якобы через девять царств и прибыли с богатыми дарами шелком в Усунь (в долине р. Или). Там они были радушно приняты и узнали, что еще два царства, Полона и Чжэшэ, хотят установить отношения с Вэй. В сопровождении приданных им в Усунь проводников и переводчиков послы направились дальше: один — в Полону, бывшую Давань (ВШ, гл. 102, с. 2270), а другой — в Чжэшэ, бывшее царство Канцзюй (Там же, с. 2274). Во введении к «Повествованию о западном крае» сказано, что потом оба они вернулись в Вэй вместе с послами 16 царств. Но в хронике правления императора Ши-цзу за 437 г. зафиксировано прибытие в начале года (в 3-ю луну) послов из пяти царств Восточного Туркестана: Гуйцы (Кучи), Яньци (Карашара), Чеши (Турфана), Шаньшань (Чарклыка) и Шулэ (Кашгара), а также из среднеазиатских царств Усунь и неизвестного до тех пор в Китае царства Юэбань, а также из припамирского царства Цзепаньто, и сно-ва из Сутэ, а в конце года, в 10-ю луну, еще и послов из Полоны и Чжэшэ (ВШ, гл. 4/1, с. 88). Так что на самом деле прибыли посольства одиннадцати, а не шестнадцати царств, но тут обычное преувеличение китайских дворцовых историографов.

Далее, чтобы составить наглядное представление о развитии посольских связей, т. е. связей на государственном уровне, царств западного края с империей Вэй, предлагаем таблицу, составленную нами по данным хроники «Вэй шу». Она показывает, послы из каких царств западного края и Северной Индии, а также Припамирья, и в какие годы прибывали ко двору Вэй.

С первого взгляда на Таблицу видно, что было два всплеска посольских связей западных царств с Вэй — первый, кратковременный, в 437 и 439 гг., и второй, продолжавшийся полтора десятилетия, с 502 до 518 г. А между ними был долгий период редких контактов. При рассмотрении нижеследующей Таблицы в этом долгом периоде можно выделить три подпериода. После наплыва одиннадцати послов в 437 г. с политической карты региона исчезают, и навсегда, два соседних царства на северо-восто-

ке Средней Азии, существовавшие здесь со II в. до н. э. — Усунь и Чжэшэ, бывшее Канцзюй. После 439 г., когда в Вэй побывали послы из девяти царств западного края, исчезли три царства в соседнем Восточном Туркестане — Чеши (Турфан), Шаньшань (Чарклык) и Яньци (Карашар). А с 440 по 448 г. при дворе Вэй за девять лет побывало только три посольства: в 444 г. — из Сутэ, в 447 — из Шаньшань (ВШ, гл. 4/2, с. 102) и в 448 — из соседнего с Усунь царства Юэбань, которое после этого, как и Усунь, тоже навсегда исчезло с политической карты региона. В 444 г. Вэй снова отправила свои посольства в западный край, но на этот раз всего четыре (ВШ, гл. 4/2, с. 97).

Второй подпериод вялотекущих контактов царств западного края с империей Вэй продолжался с 449 по 486 г. В это время посольства прибывали почти ежегодно, но из одного-двух-трех царств. Особенность подпериода состоит в том, что кроме послов из шести царств, ранее уже имевших связи с Вэй, прибыли послы из шести новых. По одному посольству пришло из Мими (в 451 г.) и Тухоло (в 464 г.), затем контактов с Вэй они более не имели. А царство Яда, приславшее посольство в 456 г., не имело связей с Вэй до начала VI в. Два царства из присылавших — Сицзюйбань и Полона — отправили послов последний раз соответственно в 462 и 465 г. — и исчезли с политической карты региона, во всяком случае под этими названиями. Остальные царства, кроме Сутэ, Юйтянь и Босы, прервали контакты с Вэй после 468 г. и до начала VI в.

В третий подпериод, в 70-е годы V в., связи с Вэй поддерживали всего пять царств, два уже знакомые — Сутэ (два посольства) и Гуйцы (Куча) (четыре посольства), не имевшая связей с Вэй с 449 г., и три новых — Западная Тяньчжу (Западная Индия), Лэйфуло и Сиваньцзинь (три посольства). После 479 г. Гуйцы, Лэйфуло и Западная Тяньчжу прервали контакты с Вэй до начала VI в., а царство Сутэ после этого года вообще исчезло с политического горизонта Китая до 564 г., когда из него пришло одно посольство в империю Чжоу (ЦФЮГ, гл. 969, с. 11394). Царство же Сиваньцзинь присылало послов в 480, 487, 491, а по-

том в 502, 508 (два) и 509 гг., после чего царство под этим названием более не упоминается.

Второй всплеск посольских связей царств западного края с Вэй пришелся на начало VI в., с 508 по 518 г., после чего опять наступил спад, но это уже был конец существования империи Северной Вэй. В этот период из числа царств западного края, имевших посольские связи с Северной Вэй с 30-х годов V в., послы приходили из Гуйцы (Кучи), Шулэ (Кашгара), Юйтянь (Хотана) и припамирского царства Цзепаньто, с 50-х годов — из Цзибинь (Северной Индии), Босы (Персии) и Яда, с 70-х годов — из Сиваньцинъ, Западной Тяньчжу и Лэйфуло, т. е. всего из 10 царств. Впервые прислали послов в это время одиннадцать царств западного края неизвестных до этого в Китае — Гаочан, Гаоче, Нюми, Южная Тяньчжу, Учан, Боло, Ганьда, Хуми, Бочжи, Шэми и Моцзято. Но пять из них — Южная Тяньчжу, Хуми, Бочжи, Моцзято и Нюми прислали только по одному посольству, а из царства Сиваньцинъ, поддерживавшего связи с Вэй даже в 80–90-е годы, их было шесть, но в 509 г. посольство из этого царства прибыло в последний раз.

Кроме контактов царств западного края с Северной Вэй необходимо отметить связи с этой империей Жужаньского каганата и царства Тугухунь. Жужаньский каганат (400–552) занимал земли к северу от Вэй и к востоку от царств Западного края (Восточного Туркестана), точнее — от Яньци (Карашара). Отношения с каганатом играли важную роль в истории народов Восточного Туркестана и Китая. Начавшись в 434 г., посольские связи каганата с Вэй прервались после 442 г. Возобновившись в 474 г., контакты продолжались до 486 г., причем посольства из него ко двору Вэй прибывали почти ежегодно и нередко по два-три в год. Но потом опять наступил перерыв до 515 г., после которого посольства из каганата приходили в Вэй до ее крушения в 535 г., а затем и в империю Западная Вэй (537–557) вплоть до гибели самого каганата в 552 г.

Царство же Тугухунь занимало земли к западу от Вэй и к югу от восточной части Западного края, т. е. к западу от нынеш-

Посольские связи западных царств

№	Царство	Год прибытия посольства															
		435	437	439	444	448	449	451	453	455	456	457	462	464	465	466	467
1	Чеши																
2	Яньци																
3	Шаньшань																
4	Гуйцы																
5	Шулэ																
6	Юйтянь																
7	Гаоче																
8	Сутэ (Судэ)																
9	Юэбань																
10	Усунь																
11	Чжэшэ																
12	Полона																
13	Мими																
14	Тухоло																
15	Босы																
16	Сиваньцзинь																
17	Нюми																
18	Цзепаньто																
19	Сицзюйбань/ Чжуцзюйбо																
20	Шэми(мо)																
21	Бочжи																
22	Хуми																
23	Яда																
24	Хуа																
25	Учан																
26	Цяньда/Цяньто																
27	Цзибинь																
28	Зап. Тяньчжу																
29	Южн. Тяньчжу																
30	Центр. Тяньчжу																
31	Лэифуло																
32	Боло																

* Число посольств за год:

□ — одно ■ — два ■ — три

с империями Вэй и Ци в V–VI вв.

[illegible]

него г. Ланьчжоу в провинции Цинхай и далее к западу. А так как в середине V в. оно завладело царствами Шаньшань (Чарклык) и Цемо (Черчен), то и земли к югу от оз. Лобнор принадлежали ему. Следовательно, царство Тугухунь владело восточной частью прикуньлуньского пути и, в частности, от характера его отношений с Вэй зависела возможность для посольств из западного края проходить в империю по этому пути. Но государство Тугухунь установило посольские связи с Вэй только с 474 г. и поддерживало их до конца существования этой империи.

Теперь с учетом хронологических данных о посольских связях, позволяющих судить хотя бы примерно о времени существования разных царств западного края, т. е. Восточного Туркестана и Средней Азии, а также Северной Индии, рассмотрим сведения об их местонахождении и в контексте исторических событий в этих регионах попытаемся понять, почему одни из них исчезли, другие — создавались и создавались какими народами. Это, возможно, поможет хотя бы немного прояснить, кто такие кидариты и эфталиты, о войнах с которыми в Средней Азии в V в. персов и только персов писали западные авторы, откуда они пришли в Среднюю Азию, когда и где обосновались.

Вопросы локализации царств Средней Азии и Восточного Туркестана, описанных в 102-й главе «Вэй шу» «Повествование о западном крае», рассмотрены нами ранее в работе «Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э.» (Боровкова, 1989) с целью выяснения исторической последовательности смены царств в этом регионе. А в работе «Проблема местонахождения царства Гаочан» (1992) подробно исследованы вопросы о том, какие народы, как, когда и где создали в Восточном Туркестане во второй половине V в. новые царства Гаочан и Гаоче, как с этим связано исчезновение издревле существовавших здесь царств Чеши (Турфана) и Яньци (Карашара), каковы были взаимоотношения Гаочана и Гаоче и их обоих с Жужаньским каганатом, с Яда и с Вэй, какова их роль в создании Тюркского каганата в середине VI в., покорившего затем до середины VII в.

все царства Восточного Туркестана и многие царства Средней Азии.

Поэтому далее используем результаты этих исследований, а также итоги рассмотрения, предпринятого во второй главе данной работы.

«Повествование о западном крае» в «Вэй шу» начинается с описаний двенадцати царств собственно Западного края (Восточного Туркестана). Они сохранили названия, под которыми стали известны в Китае в I в. до н. э., но тогда их было 36, а в V в. осталось только 12, явно в результате поглощения мелких царств крупными. Из 12 три названы подвластными Гуйцы (Куче), а одно — Чешу (Турфану). Все они находились в оазисах, так что их местонахождение, точно описанное в «Хань шу» и подробно исследованное нами ранее, осталось и в последующие века, несомненно, прежним. Поэтому заново определять их по неточным и противоречивым сведениям в «Вэй шу» нет необходимости.

§ 2. Когда и кем были завоеваны царства, расположенные по прикуньлуньскому пути

Первыми описаны три царства — Шаньшань (Чарклык), Цемо (Черчен) и Юйтянь (Хотан). Они лежали друг за другом в самом начале прикуньлуньского пути из Вэй на запад. Поэтому неудивительно, что царство Шаньшань, самое близкое к Вэй, сразу же после 431 г., как только в этом регионе наступило умиротворение, одним из первых в 435 г. направило свое посольство к ее двору (ВШ, гл. 4/1, с. 85), а затем в 437 и 439 гг. (Там же, с. 88, 89). Однако после этого из Шаньшань в Вэй прибыло лишь одно посольство в 447 г. (ВШ, гл. 4/1, с. 102), и контакты их прекратились.

История посольских связей царства Шаньшань с империей Вэй сложилась так неслучайно. Проведенное нами ранее подробное исследование событий того времени в этом районе пока-

зало следующее (см.: Боровкова, 1992, гл. 2). Между Вэй и Шаньшань находилось царство Хэси, созданное Цзюйцзюй Мэнсунем в 412 г. и занимавшее земли к западу от Великой излучины Хуанхэ (отсюда и его название — Хэси-го, т. е. Царство к западу от Реки) в Ганьсуском коридоре до Дуньхуана. Еще в 20-е годы Мэнсунь установил посольские связи с южной империей Сун, а затем в 431 г. с Северной Вэй. Оба императора жаловали ему почетные воинские звания и титулы: Сун в 423 г. — титул Хэси-вана (правителя Хэси), присвоенный им себе, а Вэй в 431 г. — новый титул, Лян-вана (правителя Лян). После смерти Мэнсуня в 423 г. его сын и преемник Цзюйцзюй Муцзянь продолжал поддерживать дружественные отношения с обеими империями. Но Вэй пожаловала ему не титул Лян-вана, как его отцу, а, подобно империи Сун, титул Хэси-вана, т. е. тот, который Мэнсунь сам принял еще в 412 г. Царство Хэси после 431 г. стало пропускать послов из ближних и дальних западных царств, начавших приходить в Вэй, в том числе из Шаньшань.

Но в 439 г. Вэй начала войну против Хэси. Его столица г. Гуцзан была быстро взята, Муцзянь пленен. Остатки войск во главе с его братьями бежали в западные пределы своих владений, где между ними начался разлад, и в борьбу их втянулись жужани. В 442 г. под власть Вэй перешел последний район Хэси у Дуньхуана, и все земли царства Хэси были присоединены к ней. Тогда часть войск Хэси из Дуньхуана двинулась в Шаньшань. Ее правитель Билун, не дожидаясь их прихода, с частью народа и войска бежал на запад в царство Цемо (ВШ, гл. 102, с. 2261). Войско Хэси, заняв Шаньшань, через четыре месяца, разграбив ее, ушло на север на помощь другому своему отряду, занявшему город Гаочан.

Шаньшань стала восстанавливаться. Но в 445 г. войска Вэй во главе с сановником Вань Дугуем заняли ее. Пленив ее нового правителя Чжэньда и оставив отряд охранять царство, Вань Дугуй вернулся с пленником в столицу Вэй, где правитель Шаньшань был радушно принят императором (ВШ, гл. 4/2, с. 98–99). Но и после этого царство Шаньшань стало снова воз-

рождаться, судя по тому, что в 447 г. оттуда ко двору Вэй снова прибыло посольство (ВШ, гл. 4/2, с. 102). В 448 г. оно, полагая, еще существовало, так как Вэй предприняла в том году военный поход против царств Яньци (Карашара) и Гуйцы (Кучи), а ее войска могли подойти к Яньци только по пути через Шаньшань, поскольку два других пути к нему были перекрыты врагами Вэй: в Иу (Хами) находились жужани, с которыми Вэй тогда часто воевала, а в Гаочане правили потомки правителей разгромленного ею царства Хэси. Разгромив Яньци, царь которого бежал в Гуйцы, а затем и Гуйцы, вэйские войска, отягощенные богатой добычей, покинули оба эти царства и, видимо, опять же через Шаньшань вернулись домой. После этого не только Яньци, включенное в Гуйцы, но и Шаньшань как независимые царства исчезли с политической карты региона. Что же случилось с Шаньшань?

В описании царства Цемо, лежавшего сразу к западу от Шаньшань, после сообщения о бегстве в него от войск Хэси правителя Шаньшань Билуна, что, согласно хронике, произошло в 442 г., сказано: «Впоследствии [оно] подчинило Шаньшань» (ВШ, гл. 102, с. 2262). Можно предположить, что Цемо подчинило Шаньшань после маршей через нее вэйских войск в Яньци и Гуйцы, обескровивших небольшое царство Шаньшань, т. е. в году 449–450.

Ранее чем в «Вэй шу» описание царства Цемо было только в «Хань шу». Согласно ему, в Цемо имелось всего 1610 человек, т. е. оно было маленьким царством. В нем выращивали виноград, зерновые, а на травянистых лугах выпасали скот (ХШ, гл. 96/1, с. 3879). В описании же Цемо в «Вэй шу», кроме приведенных двух кратких сообщений об отношениях его с Шаньшань, рассказано лишь о случавшихся в нем летом горячих песчаных бурях, налетавших со стороны простиравшейся к северо-западу песчаной пустыни и представлявших большую опасность для путников (ВШ, гл. 102, с. 2262).

Перед нами убедительное свидетельство о том, что за истекшие с I в. до н. э. пять веков пустыня Такла-Макан зна-

чительно продвинулась на юг к прикуньлуньскому караванному пути, оттесняя в свою очередь и его к югу. В последний раз Цемо и Шаньшань упомянуты в «Вэй шу» в описании царства Тугухунь, где сказано, что в его владения были включены Цемо и Шаньшань (ВШ, гл. 101, с. 2241).

Когда же это могло произойти? Царство Тугухунь поддерживало дружественные посольские связи с Южной империей Сун, пожаловавшей в 439 г. его правителю Муянью, которого в империи Вэй называли Мулиянем, титул Хэнань-вана, правителя земель к югу от р. Хуанхэ (Материалы, 1984, с. 240). Поэтому в династийных историях южных империй («Нань Ци шу» и «Лян шу», а также «Нань ши») царство Тугухунь называется царством Хэнань.

Царство Тугухунь очень часто воевало с империей Вэй. В 445 г. большое вэйское войско начало на него наступление и, тесня войско царства Тугухунь, продвигалось на запад. Наконец правитель Тугухунь Мулиянь бежал далеко на запад, вторгся в Юйтянь (Хотан) и, убив его правителя и перебив множество народа, обосновался там. Оттуда он якобы совершил поход на Цзибинь (Северную Индию), отправил посольство с богатыми дарами ко двору южной империи Сун и «[через] семь лет затем вернулся на старые земли» (ВШ, гл. 101, с. 2237). Уточнить дату позволяют сведения в «Сун шу», где в описании царства Хэнань, т.е. Тугухунь, сказано, что Муянь, как в ней назывался Мулиянь, прислал посольство с дарами в 27 г. эры Юань-цзя, т.е. в 450 г. (перевод В. С. Таскина, см.: Материалы, 1984, с. 240). А поскольку далее сказано о пожаловании двором Сун новому правителю Хэнань Шииню почетных титулов в 29 г. (452), то очевидно, что Мулиянь покинул Юйтянь (Хотан) и вернулся в свои прежние владения на востоке в 451 г., где в 452 г. и умер. Скорее всего, именно возвращаясь из Юйтянь в свои прежние восточные владения, Мулиянь и завладел в 451 г. царствами Цемо и Шаньшань.

Итак, рассмотренная цепь исторических событий замкнулась в Юйтянь (Хотане). Судя по его описанию в «Вэй шу», это

было крупное по меркам региона и того времени царство с пятью большими городами и несколькими десятками малых (ВШ, гл. 102, с. 2262). Почему же в 437 и 439 гг. Юйтянь не отправил послов в Вэй вместе с Шулэ (Кашгаром) и Гуйцы (Кучей)? Скорее всего, ввиду продолжавшейся издавна вражды Юйтянь и Шулэ: в 61 г. н. э. Юйтянь восстал и сбросил власть царства Шаче (Яркенда), разгромил и подчинил его себе, но позже Шаче взбунтовалось против Юйтянь и подчинилось Шулэ (ХХШ, гл. 88, с. 2927). В III в. Шаче по-прежнему входило в Шулэ (СГЧ, гл. 30, с. 860). И судя по тому, что в «Вэй шу» нет описания Шаче, а владения Юйтянь ограничены лежавшим к западу от него подвластным ему владением Пушань, т. е. бывшим царством Пишань (Гума), Шаче и в V в. все еще подчинялось Шулэ. Пепел старой вражды тлел, не позволяя послу Юйтянь проходить в Вэй по северному пути вместе с послами Шулэ и Гуйцы.

А в 445 г. царство Юйтянь оказалось под властью Мулияня, правителя Тугухунь, и освободилось только после его смерти в 450 г. Так что путь в Вэй, на восток был для него закрыт.

Все вышеизложенное объясняет, полагаем, почему первое посольство из Юйтянь появилось в Вэй только в самом начале 457 г. (ВШ, гл. 5, с. 116).

Шиинь, поддерживаемый Сун, не чувствуя, видимо, уверенности на посту правителя царства Хэнань (Тугухунь), первые годы старался демонстрировать лояльность по отношению и к Вэй, а двор Вэй жаловал ему почетные воинские звания. Но затем Шиинь, продолжая поддерживать дружеские связи с Сун, все менее почтительно вел себя по отношению к Вэй. И эта империя, после очередного успешного похода своих войск против жужаней в 458 г. (ВШ, гл. 5, с. 111), в 460 г. послала войско против Тугухунь. Шиинь отступил, но вспыхнувшая эпидемия заставила вэйцев вернуться домой (ВШ, гл. 5, с. 119; гл. 101, с. 2238). В 60-е годы Шиинь продолжал поддерживать посольские связи с империей Сун (Материалы, 1984, с. 241), но и не обострял отношения с Вэй. И именно в этот период царство Юйтянь трижды подряд, в 466, 467 и 468 гг., как бы торопясь, прислало четы-

ре посольства в Вэй (ВШ, гл. 6, с. 126, 128). Но после этого связи их снова прервались до 502 г. Почему?

В 70-е годы в Сун начались междоусобные распри, дворцовые заговоры, закончившиеся в 479 г. сменой династии и созданием вместо Сун империи Ци (479–501), просуществовавшей по той же причине междоусобных распрей лишь 22 года.

И Вэй в 470 г., пользуясь ослаблением помощи Тугухунь со стороны Сун, снова направила войска против Шииня. Потерпев поражение, он бежал, часть его войска сдалась (ВШ, гл. 6, с. 130). Но в начале лета 471 г. умер император Вэй Сянь-цзу (465–471). Новый император Гао-цзу (471–499) послал войска против него летом 473 г. В это время в Тугухунь, согласно сообщению в его описании в «Вэй шу», был великий голод. И Шиинь отправил своего сына Цзиня к вэйскому командующему (ВШ, гл. 101, с. 2238), тот сообщил об этом императору Сянь-цзу, потребовавшему сына Шииня в столицу. Цзинь прибыл, но вскоре Сянь-цзу отпустил его (ВШ, гл. 101, с. 2238). Согласно более точным сведениям в ее хронике, все это происходило при Гао-цзу (471–499), а сын Шииня прибыл к его двору только в самом начале 474 г. (ВШ, гл. 7/1, с. 140). И в том же году из Тугухунь ко двору Вэй прибыло еще три посольства с дарами (Там же, с. 140–141). С этого года и до 522, т. е. до начала развала империи Вэй, посольские связи Тугухунь с нею были постоянными, правда, с небольшим перерывом между 492 и 500 годами.

Из сказанного очевидно, что перерыв в посольских связях Юйтянь (Хотана) с Вэй с 468 по 502 г. не мог определяться плохими отношениями Тугухунь с Вэй, так как во всяком случае после 470 г. их отношения были дружественными. Следовательно, причина заключалась в чем-то другом, и она названа в описании Юйтянь в «Вэй шу». В нем говорится, что в конце правления императора Сянь-цзу (471) якобы жужани начали грабить Юйтянь. И его правитель отправил в Вэй посла просить императора прислать ему на помощь войска для отпора натиску жужаней, которые якобы подчинили себе уже все царства западной стороны. Сянь-цзу отказался, ссылаясь на дальность расстояния и неготов-

ность своих войск, но повелел пропустить в Империю задержанных в Юйтянь посла в Вэй из Босы (Персии) с дарами и сопровождавшего его вэйского посла, ходившего в Босы. Это и было сделано (ВШ, гл. 102, с. 2263). Согласно хронике, только в 468 г. в Вэй одновременно побывали послы из Юйтянь и Босы (ВШ, гл. 6, с. 128). Поскольку сведений о событиях в царстве Юйтянь последующего времени в его описании нет, очевидно, что это описание составлено со слов посла, прибывшего в Вэй в 468 г.

Но в данном сообщении в описании Юйтянь в «Вэй шу» допущена явная ошибка. Жужаньский каганат был в V в. главным противником Северной Вэй, и в империи внимательно следили за ним. Поэтому в «Вэй шу», кроме пространного описания Жужань, есть много материалов о каганате и в хронике правлений вэйских императоров, и в биографиях военачальников и сановников, и в описаниях других царств, соседствовавших с ним. Но в этих материалах нет ни малейшего намека на вторжение жужаней на прикуньлуньский путь и в лежавшие по нему западные районы Восточного Туркестана в V в. В «Повествовании о Жужань» сказано, что владения каганата на западе доходили до царства Яньци (Карашара) (ВШ, гл. 103, с. 2291). С этим согласуется и сообщение в описании царства Гаочан о том, что в 460 г. жужаньши завладели городом Гаочан, назначили своего ставленника его царем, и с этого времени появилось царство Гаочан (ВШ, гл. 101, с. 2243), а в описании царства Яньци Гаочан указан к востоку от него (ВШ, гл. 102, с. 2295).

Следовательно, в 468 г. угроза завоевания Юйтянь исходила не от жужаней, а от какого-то иного кочевого народа, затем и покорившего его. Вот почему посольств из Юйтянь в Вэй и после 468 и вплоть до 502 г. не было.

Выяснить же, что это был за народ, помогают сведения в описании в «Вэй шу» крупного царства Шулэ (Кашгара), находившегося по прикуньлуньскому пути к западу от Юйтянь. Судя по тому, что Шулэ, которое установило посольские связи с Вэй с 437 г., после 462 г. прервало их и, как и Юйтянь, возобновило лишь в 502 г., оно было завоевано на шесть лет ранее

Юйтянь. Поэтому напрашивается предположение, что завоевавший сначала Шулэ и потом Юйтянь народ пришел с запада, из Средней Азии, из Ферганской долины, где издревле существовало царство Давань, называвшееся в вэйское время Полоной. Но предположить это не позволяет следующий факт: Полоня, установившая посольские связи с Вэй тоже в 437 г., прервала их после 465 г., т. е. на три года ранее Юйтянь. Ясно, что завоеватели Шулэ и Юйтянь пришли не из Давань.

Откуда же они явились в Шулэ? В описании Шулэ в «Вэй шу» сказано, что это царство поставляло тюркам продукты земледелия, а также железо, медь и другие металлы и минералы. Находилась же ставка тюрков более чем в 1000 ли (примерно 500 км) к северо-востоку, а в 1500 ли (ок. 750 км) к востоку от Шулэ лежало царство Гуйцы (Куча) (ВШ, гл. 102, с. 2268)⁹. В этом описании Шулэ две очевидные ошибки. Во-первых, к востоку от Шулэ пролегал прикуньлуньский путь, а царство Гуйцы находилось на притяньшаньском пути, проходившем к северо-востоку от Шулэ, где в его описании и локализована ставка тюрков. Во-вторых, народ под названием *тюрки*, по-китайски — *туцзюэ*, впервые вышел на историческую арену Восточного Туркестана только на рубеже 40–50-х годов VI в. (об этом см.: Боровкова, 1992, с. 91–94).

В описании же Шулэ, судя по тому, что в нем упомянут только период правления вэйского императора Гао-цзуна (452–465), зафиксированы сведения, полученные при дворе Вэй от послов из Шулэ, побывавших там в 462 г. Так что царство Шулэ

⁹ Б. И. Вайнберг определил сведения в «Бэй ши» как «одну из самых крупных для истории Средней Азии ошибок — отождествление владения Кан (Согд) с Кангюем» (Вайнберг, 1972, с. 145), уверенный, что «древнее царство» Кан бесспорно локализуется в Согде» (Там же, с. 147). Но, как мы доказали выше, Кан (Самоцзянь) локализуется не в Согде, а в районе Ходжента. Поэтому естественно, что исходя из этого общепринятого ошибочного предположения, Вайнберг не смог ответить на вопрос — кто же такие были «Юэчжи из дома Чжаоу» и отнес его решение на будущее (Там же, с. 149).

в середине V в. платило дань не тюркам, а какому-то другому кочевому народу. Очевидно, что составитель этого описания, как и всей включавшей его главы в «Бэй ши», жил позднее, в период расцвета Тюркского каганата, и назвал этих кочевников тюрками. Это был, несомненно, не Чэнь Шоу, составитель «Вэй шу», годы жизни которого 505–572, а Ли Яньшоу, составивший «Бэй ши» («Историю Севера») в начале VII в. В ней он изложил историю Северного Китая, начиная с империи Северная Вэй (386–535) и кончая империей Суй (581–618). При этом все основные материалы, об империи Северной Вэй, а также Восточной и Западной Вэй, на которые она распалась в 535 г., Ли Яньшоу взял из «Вэй шу». Некоторые ее главы, как, например, исследуемые нами 101, 102 и 103, он воспроизвел в 96, 97 и 98 главах «Бэй ши» дословно. Лишь в некоторых случаях он добавил в описания ряда царств краткие сведения за суйский период или отдельные слова, назвав, например, неизвестных ему кочевников тюрками, или произведя механическое, но оправданное перемещение описания царства Гаочан из 103-й главы «Вэй шу», содержавшей также описание Тугухунь, Ди и Цян, в 97-ю главу «Бэй ши», содержащую описание царств западного края.

Когда же в XI в. сунские историки выявили утрату 102-й главы «Вэй шу» (ВШ, 1974, т. 1, с. 7) и идентичность текстов 101 и 103-й глав этой истории с главами 96 и 98 «Бэй ши», они по тексту 97-й главы «Бэй ши», исключив из нее описание царств, созданных в суйский период, воссоздали текст 102-й главы «Вэй шу». Вот почему появились в нынешнем тексте этой главы «Вэй шу» тюрки, которых в V в. еще не было, но которые процветали позже, при жизни Ли Яньшоу.

Итак, мы выяснили, что кочевым народом, покорившим после 462 г. Шулэ, а после 468 — Ютянь, не могли быть ни жужани, ни тюрки. Но в описании Шулэ в «Вэй шу» определено местонахождение ставки этого народа-завоевателя — в 1000 с лишним ли к северо-востоку от Шулэ по притяньшаньскому караванному пути в Гуйцы (Кучу). Но именно на таком расстоянии от Шулэ и находилось царство Гуйцы: от Дай до Гуйцы было

10 280 ли (ВШ, гл. 102, с. 2266), а до Шулэ — 11 250 ли, следовательно, от Гуйцы до Шулэ было несколько более 1000 ли. Это позволяет заключить, что Гуйцы раньше Шулэ, еще до 462 г., попала под власть какого-то кочевого народа.

Судя по тому, что последнее датированное историческое событие, о котором говорится в описании царства Гуйцы (ВШ, гл. 102, с. 2266–2267), — это разгром и разграбление Яньци и Гуйцы, учиненные вэйским войском во главе с Вань Дугуем в 448 г. (см.: Боровкова, 1992, с. 56–57), очевидно, что описание было составлено по сведениям, полученным при дворе Вэй сразу после этого нашествия. И действительно, сведения из хроники «Вэй шу» (см. нашу таблицу посольских связей западных царств с Вэй) доказывают, что в 449 г., т. е. через год после своего поражения от вэйских войск, Гуйцы снова направила в Вэй посольство (ВШ, гл. 4/2, с. 103). Затем, однако, связи их прерываются на 25 лет. И хотя в 475, 477, 478 и 479 годах Гуйцы, как бы торопясь, прислала одно за другим четыре посольства, после этого ее контакты с Вэй опять прервались и возобновились только в 506 г.

Следовательно, сообщение в описании Гуйцы о том, что ставка кочевников, названных тюрками, отстоит к северу от нее более чем на 600 ли (300 км), отражает ситуацию, существовавшую до 449 г., и доказывает, что тогда эти кочевники еще не покорили это царство. Сообщение же в описании Шулэ о том, что ставка тюрков находится в 1000 ли к северо-востоку от этого государства, т. е. в Гуйцы, отражающее ситуацию на 462 г., доказывает, что в 50-е годы эти кочевники уже завладели Гуйцы. После же 462 г. они заняли Шулэ и, двинувшись на восток, покорили Юйтянь в 468 г. или сразу после.

Изложенное дает основание сделать очень важный вывод — кочевники, завоевавшие сначала Гуйцы в 50-е годы, затем Шулэ и Юйтянь в 60-е, пришли из района к северу от Гуйцы (Кучи).

Но еще в описании этого царства в «Хань шу», было сказано, что к северу от него расположено царство Усунь (ХШ, гл. 96/1, с. 3911), а в описании царства Вэньсу (Аксу), лежавше-

го западнее Гуйцы — о том, что в 610 ли (244 км) к северу от него находится столица царства Усунь Чигу (Там же, с. 3910). Наше исследование показало, что столица Усунь г. Чигу находилась примерно в районе нынешнего поселения Шаты в долине р. Текес, одного из истоков р. Или (см.: Боровкова, 1989, с. 62–63). Царство Усунь, созданное в 160 г. до н. э. и впервые описанное еще Сыма Цянем, было по меркам того времени и региона большим и многонаселенным (630 тыс. человек) государством. И просуществовало оно там же и с той же столицей шесть веков, до 437 г., когда прислав посла в Вэй (ВШ, гл. 4/1, с. 88), затем навсегда исчезло с политической карты региона.

В кратком описании Усунь в «Повествовании о западном крае» в «Вэй шу» сказано:

«[Правитель] царства Усунь живет в городе Чигу, находящемся к северо-западу от Гуйцы и отстоящем от Дай на 10800 ли. Это царство неоднократно подвергалось нападениям жужаней, и [его народ] переселялся на запад в горы Цунлин. В нем нет городов, [народ] кочует за скотом по траве и воде. В 3 г. Тай-янь (437 г. — Л. Б.) Дун Вань и другие были отправлены послами в это царство. Потом [оно] еже[годно] присылало послов ко двору с подношениями» (ВШ, гл. 102, с. 2267).

Здесь три неточности. Во-первых, Дун Вань и другие были посланы в западный край не в 437, а в 436 году, в 437 они уже вернулись вместе с послами из этих царств (ВШ, гл. 4/1, с. 87, 88). Во-вторых, после 437 г. послы Усунь в Вэй больше не приходили, так как она исчезла с политической карты региона. В-третьих, ни одно сообщение в «Вэй шу» — в хронике, в «Повествовании о Жужань» и других описаниях — не дает основания даже предположить, что жужани до 437 г., как, впрочем, и позже, продвигались на запад далее Гаочана, лежавшего к востоку от Яньци (Карашара), а также далее Иу (Хами), сдавшего Вэй позже, в 488 г. (ВШ, гл. 7/2, с. 154), и гор Тянь-Шань (хр. Баркультаг). В Турфане по крайней мере до 451 г. существовало царство Чешу, неподвластное жужаням (ВШ, гл. 4/2,

с. 105). И, значит, до 437 г. неоднократно громил царство Усунь какой-то другой кочевой народ, но не жужани.

А теперь рассмотрим сообщение в описании Усунь, гласящее, что усунь переселялись «на запад в горы Цунлин». Смысл его можно понять, только точно установив, какие горы *к западу от долины Или*, где жили усунь, подразумевались под названием Цунлин. Известно, что в «Хань шу» и «Хоу Хань шу» Цунлином (Луковым хребтом) именуются горы к западу от Шулэ (Кашгара), по которым проходит караванный путь в Среднюю Азию, т. е. Заалайский хребет, но не к западу, а к югу от долины Или. Если бы и при Вэй сохранялась только эта идентификация Цунлин, то усунь могли либо переселяться из долины Или на запад, но тогда не в горы Цунлин, либо в горы Цунлин, но тогда на юг, а не на запад. Однако материалы «Большого словаря китайских древних и современных географических названий», изданного в 1930 г., доказывают, что китайцы нередко давали одно и то же название разным географическим объектам, находившимся в разных часто далеких друг от друга регионах и в различные эпохи. Поэтому были просмотрены все материалы «Повествования о западном крае» в «Вэй шу». Оказалось, что в них Цунлином, во-первых, названы горы, лежащие в 200 ли к югу от царства Юйтянь (Хотана) (ВШ, гл. 102, с. 2262), т. е. западная часть хр. Куньлунь, во-вторых, горы к северу от царств Учан (Читрал) и Цзепаньто (Сархад) (ВШ, гл. 102, с. 2280), следовательно, Памир, и, в-третьих, горы к востоку от царства Сутэ, бывшего Яньцай/Алань (ВШ, гл. 102, с. 2270), примыкавшего к Аральскому морю (о чем много говорилось в первой главе данной работы). Очевидно, что горы к западу от царства Усунь, занимавшего земли в долине р. Или и упоминаемые под названием Цунлин — это Тянь-Шань, горная страна, в предыдущие века входившая во владения царства Канцзюй, западного соседа Усунь. Еще в III в. автор «Вэй люэ» определил местоположение динлинского царства Худе, «к северу от Цунлин, к северо-западу от Усунь и к северо-востоку от Канцзюй» (СГЧ, гл. 30, с. 862), т. е. Цунлином он называл горы между Усунь и Канцзюй, несомненно, ныне известные как горы Тянь-Шань.

С сообщением в описании царства Сутэ согласуются данные, приведенные в описании Усунь о переселении ее народа в результате поражений от каких-то неизвестных кочевников на запад в горы Цунлин. Так выясняется, что около 437 г. усунь стали переселяться в горы Тянь-Шань, ранее входившие в царство Канцзюй. А это позволяет понять причину другого устанавливаемого по данным «Вэй шу» события — почему царство Чжэшэ, в котором, как и в Усунь, в 436 г. побывал посол из Вэй, и которое, как и Усунь, послало в 437 г. посольство ко двору Вэй, тоже исчезло после этого года с политической карты региона. Подробнее конец истории этих царств рассмотрим позже, а сейчас вернемся в Западный край (Восточный Туркестан).

Итак, вскоре после 437 г. какие-то кочевники, но не жужани и, конечно, не тюрки, вышедшие на историческую арену век спустя, разгромили царство Усунь, народ которого переселился на запад в горы Цунлин (Тянь-Шань). Естественно заключить, что часть этих же неизвестных кочевников, разгромив Усунь, двинулась далее на юго-восток в Западный край и на землях в 600 ли к северу от Гуйцы (Кучи) они основали свою ставку. Там она и находилась по меньшей мере до 449 г. В описании Гуйцы она ошибочно названа ставкой тюрков.

Вскоре после 449 г., без сомнения, орда этих же кочевников, завладев Гуйцы, двинулась дальше по караванному пути на юг и в 462 г. завоевала царство Шулэ (Кашгар), а после 468 г. — и второе крупное царство, лежавшее к востоку от него по прикуньлуньскому пути, Юйтянь (Хотан).

Поскольку очевидно, что этими кочевниками не были ни жужани, ни тюрки, и не усунь, бежавшие на запад в горы Цунлин (Тянь-Шань), остается вопрос, что же это был за народ.

Ответ на него, во всяком случае предварительный, находим в описании царства Яда в «Повествовании о западном крае» в «Вэй шу» (ВШ, гл. 102, с. 2278–2279), где сказано:

«В западном крае Канцзюй, Юйтянь, Шалэ, Аньси и тридцать с лишним мелких царств подчинялись ему [и оно] называлось великим царством» (с. 2279).

Но царства Канцзюй в начальный период Вэй уже не существовало, оно к концу IV в. было преобразовано в царство Чжэнь, которое, как и Усунь, в 437 г. исчезло с политической карты региона. А Юйтянь (Хотан) прекратило посольские связи с Вэй в 468 г., будучи покорено, оказывается, как и Шалэ, народом яда. Шалэ же — это, несомненно, ошибочное написание названия царства Шулэ, что отметил еще средневековый китайский историк (см. БШ, гл. 97, с. 3246, прим. 49) и также считал А. М. Мандельштам (Мандельштам, 1957, с. 95). Оно прервало посольские связи с Вэй после 462 г. и восстановило, как и Юйтянь, лишь в 502 г. Так что Юйтянь и Шулэ действительно были в этот период в зависимости от кочевников яда.

Итак, естественно заключить, что этот кочевой народ — яда после 449 г. сначала завладел оазисным царством Гуйцы (Кучей), потом в 462 г. — царством Шулэ (Кашгаром), а в 468 и Юйтянь (Хотаном), т. е., что кочевники яда пришли в Гуйцы с севера, из царства Усунь, которое они, судя по всему, завоевали еще раньше. О том, что так и было, говорит факт исчезновения царства Усунь с политической карты региона после 437 г. Но сведений о создании в эти годы в данном, северо-западном, регионе Западного края царства Яда ни в «Вэй шу», ни в других династических историях нет. Правда, в хронике «Вэй шу» за 456 г. сказано, что в этом году, т. е. во 2 г. эры Тай-ань, ко двору пришли послы из «царств Пулань и Яда» (*Пулань Яда го*) (ВШ, гл. 5, с. 115). Но после этого еще пятьдесят лет — до 507 г. упоминаний о прибытии послов из царства Яда в Вэй больше нет.

А сведения в описании царства Яда в «Вэй шу», более пространном, чем описания большинства других царств западного края, согласно которым оно, как увидим ниже, локализуется к западу от Памира и к югу от Амударьи, дают основание предположить, что они были записаны дворцовыми историографами со слов многих послов из царства Яда, побывавших в Вэй уже после 507 г., и усомниться в существовании царства Яда за полвека до этого.

§ 3. Орда Яда и местонахождение царств Гаочан и Гаоче

Однако в описаниях царств Гаочан (460–640) и Гаоче (487–542) говорится об их столкновениях с яда. Поэтому надо выяснить, когда и где их столкновения происходили. К сожалению, вопрос о местонахождении царств Гаочана и Гаоче до появления нашей работы (Боровкова, 1992) не только не исследовался, но даже не ставился, настолько он казался ясным. Поясним, почему.

В первой же фразе исторически первого описания царства Гаочан в «Вэй шу» сказано, что оно находится «в бывших землях правителя Чэши Ближнего (*Чэши цян-ван-чжи гу ди*)». Что это — «земли Ближнего племени [эпохи] Хань (*Хань-чжи цян-бу ди е*)» (ВШ, гл. 101, с. 2243). Это подтверждает и сообщение в описании царства Чэши в «Вэй шу»:

«Царство Чэши еще называется Ближним племенем (*цян бу*)» (ВШ, гл. 102, с. 2264).

Так что «Чэши ближнее» (*Чэши цян*) и «Ближнее племя» (*цян бу*) — это синонимы, названия одного и того же царства, существовавшего со времен Хань. А находилось Чэши ближнее, как общепризнано и доказано, на месте нынешнего Турфана. В последующих династийных историях, содержавших описание Гаочана, оно в соответствии с древнекитайской историографической традицией начиналось с этой, приведенной нами фразы, заимствованной из «Вэй шу». И переводчики нового и новейшего времени восприняли этот многократно повторенный постулат как аксиому. Поэтому на другие историко-географические и исторические сведения, которые есть в описаниях Гаочана в династийных историях, касавшихся его местонахождения, не обращали внимания.

А между тем уже сказанное в следующей фразе описания Гаочана в «Вэй шу» заставляет усомниться в локализации его в Турфане. В ней сказано, что владения Гаочана простирались с востока на запад на 200 ли (100 км), а с юга на север на 500 ли (250 км) и с четырех сторон их находились высокие горы (ВШ,

гл. 102, с. 2243). Турфанская же впадина, как известно, ограничена горами только с двух сторон — с севера хребтом Богдошань и с юга хребтом Чолтаг, и ее протяженность с юга на север составляет лишь 70–80 км (Синицын, 1959, с. 163). Так что не могло царство Гаочан, простиравшееся с юга на север на 250 км и окруженное с четырех сторон высокими горами, находиться здесь. Впервые проведенное исследование впервые выявленной проблемы местоположения царства Гаочан (Боровкова, 1992) показало наличие большого числа других историко-географических и исторических сведений, опровергающих постулат о нахождении Гаочана в Чеши (Турфане) и доказывающих локализацию этого маленького царства в Куруктутском горном массиве к югу от Турфана. А в Турфане, как выяснено в указанной же работе, было расположено царство Гаоче. Вопросы его местонахождения, времени создания, крушения и прочее тоже пришлось исследовать впервые.

Проблема локализации царств Гаочана и Гаоче рассматривалась нами в ходе исследования этнополитической истории, а также исторической географии региона, требовавшего кропотливого обоснования идентификации древних названий географических объектов с современными и для этого пересчитывать древние дорожные расстояния в современные. Детальность исследования этого вопроса не позволяет кратко и убедительно воспроизвести здесь его ход, но читатель может обратиться за подробностями к работе «Проблема местонахождения царства Гаочан», которая опубликована сравнительно недавно и легкодоступна. Поэтому в данной работе будем останавливаться только на тех сведениях об этих царствах, которые так или иначе помогают выяснить историю народа яда.

Итак, Гаочан получил официальный статус царства в 460 г. от завладевшего им Жужаньского каганата, сделавшего правителем его своего ставленника китайца (VIII, гл. 101, с. 2243). Население Гаочана — китайцы, бежавшие на запад из Ганьсуского коридора и соседних районов в пору «шестнадца-

ти царств» (304–439), когда в тех краях почти непрерывно шли войны. Поэтому жужани и гаоче, покорявшие Гаочан в V–VI вв., всегда правителем его ставили китайца.

Находилось царство Гаочан, как гласит постулат в его описании в «Вэй шу», якобы в бывших землях Чеши, называемого еще «Ближним (передним) племенем». Но географические сведения в его же описании, о которых сказано выше, эту его локализацию опровергают, как и многие другие сведения, из которых наиболее убедительны следующие. В «Повествовании о западном крае» в «Вэй шу» есть и описание царства Чеши (ВШ, гл. 102, с. 2264–2265), завершающееся событиями 451 г., и, следовательно, сведениями, полученными в империи Вэй от прибывшего в том же году сына правителя Чеши. Гаочан, получивший статус царства только в 460 г. от жужаней, существовал гораздо **восточнее пустыни Люша** (подробнее об этом см.: Боровкова, 1992, с. 51). Так что не мог Гаочан находиться на землях одновременно с ним существовавшего Чеши ближнего. К тому же, согласно сведениям в описании Яньци, полученным в Вэй не позднее 449 г., Чеши и Гаочан находились в разных географических районах — Чеши к северу от Яньци (Карашара), а Гаочан — в 900 ли к востоку от него (ВШ, гл. 102, с. 2265).

Кроме того, в описании царства Гаочан в «Вэй шу» оно указано к западу от Чанъани и к югу от Теле. В описании его в «Лян шу», составленном по сведениям начала VI в., сказано, что оно находится к западу от Дуньхуана, к северу от царства Хэнань, к востоку от Гуйцы и к югу от Чиле (ЛШ, гл. 54, с. 811). Все верно. Напомним, после 448 г. Яньци стало частью Гуйцы. А в южной империи Лян (502–657) царством Хэнань называли царство, известное в Вэй как Тугухунь.

В описании же царства Гаоче в «Вэй шу» говорится, что народ гаоче назывался еще чиле и динлин (об этом подробнее см.: Боровкова, 1992, с. 64–66) и под этими названиями упоминается в этой истории неоднократно. Но в «Бэй ши», в описаниях событий, происшедших после гибели империи Северная Вэй, этот народ (гаоче, чиле) называется только теле. Так что фраза

в описании Гаоче в «Вэй шу» о том, что Теле находится к северу от Гаочана, явно перекочевала из «Бэй ши», так как была сформулирована в VI в. при династии Суй составителем «Бэй ши», уже точно знавшим о местонахождении Теле (Чиле, Гаоче) к северу от Гаочана (БШ, гл. 103, с. 2307).

Согласно описанию царства Хэнань (т. е. Тугухунь) в «Лян шу», оно лежало к югу от Чжанье, к западу от Лунси (Ганьсу) и простиралось на запад до царства Юйтянь (Хотана), а на севере соседствовало с Гаочаном (ЛШ, гл. 54, с. 810). Поскольку Тугухунь, как уже говорилось, завладело, скорее всего, в 541 г. царствами Шаньшань (Чарклык) и Цемо (Черчен), лежавшими к югу от оз. Пучанхай (оз. Лобнор), — выясняется, что царство Гаочан, на юге соседствовавшее с Тугухунь, находилось к северу от оз. Лобнор. А от Шаньшань, подвластной Тугухунь и лежавшей к югу от оз. Лобнор, до Чэши ближнего (Турфана) было, по данным «Хань шу», 1890 ханьских ли (XШ, гл. 96/1, с. 3876) или 752 км древнего дорожного расстояния, при этом надо было идти по караванному пути через земли царств Юйли (Чары), Вэйсюй (Курли), Яньци (Карашара) и из него еще 835 ли (334 км) до Чэши ближнего (XШ, гл. 96/2, с. 3921). Так что, если бы маленькое царство Гаочан, протянувшееся узкой полосой в 100 км с юга на север на 250 км восточнее Яньци (включенного после 448 г. в Гуйцы), находилось на месте очень далекого Чэши (Турфана), оно не могло бы быть северным соседом Хэнань/Тугухунь.

Но в «Вэй шу», в хронике и в «Повествованиях» о Гаоче, Жужань и Гаочане есть сведения, позволяющие точно определить, когда и где было создано царство Гаоче. Рассмотрим их.

Племена гаоче, чиле, называемые в историях южных империй динлинами, жили в землях к востоку от Великой излучины Хуанхэ, к концу IV в. размножились и окрепли. Но в это же время сюда стали продвигаться сяньбийские племена тоба и выделившиеся из них племена, получившие название *жужань* (*жоужань*, *жуаньжуань*). Воюя друг с другом, тоба и жужани стали громить племена гаоче. И часть гаоче попала под власть созданной тобасцами в 386 г. империи Вэй, столица которой Дай находилась

в районе нынешнего Датунa. Другая же часть гаоче оказалась под властью Жужаньского каганата, созданного примерно в 400 г. со ставкой шаньюя к северу от Дуньхуана (гл. 102, с. 2290–2291) (Подробнее об этом. см.: Боровкова, 1992, с. 60–63).

В то время как крепнувшая империя Вэй все более успешно отражала набеги жужаней с севера, подвластные жужаням племена гаоче, оказавшиеся в западных пределах каганата, все более множились. В 381 г. гаоче, возглавляемые Афучжило, заняли подвластное жужаням царство Гаочан, убили его правителя и, демонстрируя свое могущество, поставили собственного (ВШ, гл. 101, с. 2243). К этому времени относится следующее сообщение в «Повествовании о Гаоче»:

«Афучжило из племени фуфуло народа гаоче с двоюродным братом Цюнци возглавляли более 100 тыс. родовых групп (*ло*). В 11 г. Тай-хэ (487 г. — Л. Б.) [жужаньский каган] Доулунь нарушил укрепленную линию (границу с Вэй. — Л. Б.). Афучжило и другие отговаривали [его, но он] не последовал [их совету]. Разгневавшись, [Афучжило] повел народ подвластных [ему] племен на запад и взбунтовался. Дойдя до (*чжи*) [земель] к северо-западу от Ближнего племени (*Цян-бу си-бэй*), сам стал правителем. Знать (*го жэнь*) называла его *хоулоу фулэ*, по-вэйски — «великий сын Неба», а Цюнци — *хоубэй*, по-вэйски — «глава накоплений». Оба [Афучжило и Цюнци] жили в согласии, разделили племена и правила. Афучжило жил на севере, Цюнци — на юге. Доулунь (каган жужаней. — Л. Б.) преследовал [с целью] покарать их, но, неоднократно потерпев поражение от Афучжило, с народом переселился к востоку» (ВШ, гл. 103, с. 2310).

Из приведенного сообщения явствует, что народ гаоче, подвластный Афучжило, был многочисленным — ведь если родовая группа, а их было 100 тыс., состояла лишь из десяти человек, то все население царства Гаоче насчитывало около миллиона. По тем временам и для того региона это — огромный народ. Но, скорее всего, приведенные данные сильно преувеличены, ведь эти сведения в Вэй были получены от послов из Гаоче, желавших убедить императора в могуществе своего царства. Экологическая же

ниша земель вокруг Турфана вряд ли могла обеспечить существование здесь такого количества кочевников. Уместно напомнить, что, по данным «Хань шу», в I в. до н. э. население оазисов всего притяньшаньского района составляло 46,5 тыс. человек (Боровкова, 2001, приложение 4, с. 317–318). А в «Чжоу шу» говорится, что в 546 г., т. е. через сто лет, тюркам сдались не 100 тысяч, а 50 тысяч родовых групп (*ло*) народа *теле*, как тогда стали называть бывших гаоче (ЧШ, гл. 50, с. 508). Тем не менее, очевидно, что народ гаоче-теле был многочисленным.

Кроме того, в рассматриваемом сообщении четко определена дата создания царства Гаоче — 487 г. — и указан район, куда гаоче переселились из западных земель Жужаньского каганата — «до земель к северо-западу от Ближнего племени» (*чжи Цян-бу си-бэй*). Так как упомянутое название «Ближнее племя» в описаниях Гаоче и Чэши в «Вэй шу» четко определено как другое название царства Чэши, не остается сомнения в том, что гаоче во главе с Афучжило не селились в земли самого Чэши, дойдя только до земель к северо-западу от него. Перевод этой фразы В. С. Таскиным: «переселился на северо-запад от прежнего местонахождения» (Материалы, 1984, с. 404) произволен и неверен. Но эта фраза, как показали составители исторического атласа Китая, не дает основания и поместить царство Гаоче в районе к востоку от Урумчи и на запад до оз. Балхаш (см. Атлас, 1979, л. 67–68).

О переселении гаочесцев, подвластных Афучжило, в район Чэши (Турфана) свидетельствует и сообщение в «Повествовании о Жужань». В нем говорится, что каган

«Доулунь с дядей по отцу Нагаем стали преследовать их по двум дорогам: Доулунь выступил от гор Цзюньцзишань на север и [затем] на запад, а Нагай выступил от горы Цзиньшань» (ВШ, гл. 103, с. 2296).

Но необходимо остановиться на идентификации этих двух географических объектов — Цзюньцзишань и Цзиньшань (Золотая гора), поскольку с ними связаны не только это, но и многие другие события в истории региона, начиная с I в. до н. э. и до VII–VIII вв. н. э.

Горы Цзюньцзишань впервые упоминаются в «Хань шу» в описании похода ханьского военачальника Ли Лина против суннов. Исследование (Боровкова, 2001. с. 187–189) показало, что известные тогда восточные горы Цзюньцзишань находились к северу от района Увэй и оз. Цзюйяньцзе (оз. Гашунь-нур), а западные — к северу от Цзюцюаня и Дуньхуана. Это точно соответствует широтному простиранию гор Гобийского Алтая, включая и крайнее западное продолжение его — хр. Карлыктаг, от которого, получается, Доулунь выступил на запад против гаоче.

Гора же Цзиньшань впервые упоминается именно в рассматриваемом сообщении в «Вэй шу». Поскольку Нагай от нее пошел прямо на запад, а Доулунь отправился от Цзюньцзишань (Карлыктага) сначала на север, а потом на запад, гора Цзиньшань находилась явно южнее Цзюньцзишань. Гора Цзиньшань многократно упоминается в описании событий последующих веков в «Чжоу шу», «Бэй ши», «Синь Тан шу», и анализ этих событий (Боровкова, 1992, с. 75, 91–94, 100–103) не оставляет сомнения в том, что Цзиньшань (Золотая гора) находилась южнее Цзюньцзишань (хр. Карлыктаг), к северу от Иу (Хами) и к югу от оз. Пулэйхай (оз. Баркуль).

Следует отметить, что топоним Цзиньшань (Золотая гора или Золотые горы) был издавна широко распространен в Китае и применялся для обозначения разных объектов и в разные времена. В этом легко убедиться, посмотрев раздел «Цзиньшань» в замечательном труде — «Большом словаре китайских древних и современных географических названий» (ДМДЦД, 1931, с. 538–539). Так, в V в. гора Цзиньшань была еще и во владениях царства Хэси Цзюйцзюй Мэнсуня (в Ганьсу) (ВШ, гл. 99. с. 2203), а в 609 г. мимо горы Цзиньшань прошло войско империи Суй, вторгшееся в земли царства Тугухунь (Цинхай) (СШ, гл. 3, с. 2352/3).

Между тем почти общепринято идентифицировать с Алтаем Цзиньшань, находившуюся в землях Жужаньского каганата и ставшую в середине VI в. местом формирования Тюркского каганата правящим родом тюрков Ашина. Но Алтай — мон-

гольское название, оно тоже означает «Золотые горы», и потому Цзиньшань отождествляют даже с русским Алтаем. Приняв эту идентификацию и читая в «Чжоу шу», что тюрки, жившие у горы Цзиньшань и бывшие оружейниками жужаней, в конце 40-х годов VI в. «стали процветать и ходить на приграничные рынки [Китая] для покупки хлопковых и шелковых тканей» (ЧШ, гл. 50, с. 508), представляешь этих тюрков не иначе как обутиыми в сапоги-скороходы, позволявшие им заниматься таким явно обычным для них делом, как «ходить» с Алтая по древним караванным путям и тропам, а это выше трех-четырёх тысяч километров, на пограничные рынки Китая за тканями и привозить в ставку жужаньских каганов оружие.

Теперь вернемся к истории царства Гаоче, которая вскоре переплетается с историей народа яда, подчинившим себе почти весь Восточный Туркестан.

Когда правитель гаоче Афучжило отбил натиск Доулуня и Нагая, он в 490 г. послал ко двору Вэй хуского торговца с двумя стрелами в дар с обещанием разгромить врагов Вэй жужаней. Гао-цзу (471–499) «не поверил ему», но отправил своего посланца выяснить истинное положение. Однако вскоре эта связь прервалась, так как яда напали *на южные владения Гаоче* (курсив наш. — Л. Б.), которыми правил Цюнцзи, разгромили и убили Цюнцзи, взяли в плен его сына Миэту и других, несомненно, знатных гаоче, и народ его рассеялся. Афучжило стал единовластным правителем. Раскрыв заговор против себя, он начал свирепствовать и был убит. Правителем царства Гаоче сделали его родственника Баляня. Но спустя год с лишним яда предприняли поход против Гаоче и потребовали принять в качестве правителя Миэту. Послушные им гаоче убили Баляня, и Миэту, ставленник яда, возглавил Гаоче. Миэту, как только вступил на трон, сразу же, как ранее и Афучжило, послал посла ко двору Вэй, но с богатыми дарами (ВШ, гл. 103, с. 2310–2311).

Поскольку далее в «Повествовании о Гаоче» говорится о событиях, происшедших в правление вэйского императора Ши-цзуна (500–515), то очевидно, что все описанное в приве-

денном отрывке случилось между 490 и 500 годами, в том числе и две войны яда против Гаоче. Поскольку первое нападение яда совершили на южные владения Гаоче, подвластные Цюнцзи, то очевидно, что они выступили против него из Яньци (Карашара) на север. Следовательно, в начале 90-х годов V в. яда уже владели и землями Яньци. Подтверждает это, а также локализацию Гаоче в землях бывшего Чеши (в Турфане) следующее сообщение в «Повествовании о Гаочане»:

«Прежде хусцы Ближнего племени (Цян-бу) все были переселены гаочесцами в Яньци, а Яньци было разгромлено яда, знать (*го-жэнь*) рассеялась и народ не [имел возможности сохранить] свою независимость» (VIII, гл. 101, с. 2244).

Итак, племена кочевников гаоче завладели царством Ближнего племени, т. е. Чеши (Турфаном), и выселили всех чешисцев, названных хусцами, на юг, в Яньци (Карашар). А случилось все это, как говорилось выше, в 487 г. Данное прямое свидетельство и согласующиеся с ним рассмотренные выше косвенные данные не оставляют сомнения в том, что царство Гаоче было создано на землях бывшего «Ближнего племени», т. е. царства Чеши (Турфана) в 487 г.

Поскольку яда завладели Яньци уже после выселения в него чешисцев в 487 г., выясняется, что яда завладели Яньци примерно в начале 90-х годов V в., а первая война яда против южной части Гаоче произошла, скорее всего, в 495–496 г. Второй же натиск яда на Гаоче и возведение на его трон их ставленника был Мизэту предпринят, видимо, в 499 г., о чем подробнее речь пойдет ниже.

Итак, к началу VI в. яда господствовали над большей частью царств Западного края (Восточного Туркестана). Это согласуется с сообщением в описании царства Хуа в «Лян шу», как в этой истории южной империи Лян (502–557) названо владение Яда, первое посольство из которого прибыло в нее в 516 году. В описании Хуа в «Лян Шу» сказано, что оно завоевало Яньци (Карашар), Гуйцы (Кучу), Шулэ (Кашгар), Гумо (Аксу), Юйтянь (Хотан), Босы (Персию), Цзибинь и Паньпань (в Северной

Индии) и другие царства, расширив свои владения более чем на 1000 ли (526 км). И это столь могущественное, казалось бы, царство, после единственного посольства в Вэй в 456 г. в отличие от других царств, не имело ни с нею, ни с соседним царством Тугухунь, ни с Жужаньским каганатом никаких официальных контактов до начала VI в., хотя некоторые западные царства направляли посольства в Вэй и в 50-е и в 70-е годы V в.

Но в отличие от царств западного края, судя по описаниям Босы и Цзибинь в «Вэй шу», а Паньпань в «Лян Шу», они не были завоеваны яда во второй половине V — начале VI века. Да и 1000 ли — это всего 526 км, а от Шулэ до Цзибинь и Босы было по несколько тысяч ли. Это дает основание полагать, что в начале второй половины V в. еще не было ни царства Яда, ни тем более великой державы, а существовала орда племен воинственных кочевников, главой которой по обычаю их стал наиболее отличившийся в бою, умелый и отважный военачальник Яда. И пока этот союз племен во главе с Яда наступал единым потоком, он уничтожил на рубеже 40-х годов V в. большое царство кочевников Усунь, народ которого вынужден был переселиться на запад за Цунлин (Тянь-Шань). Очевидно, что часть племен орды Яда осталась жить в благодатных для кочевников бывших землях Усунь, остальные же двинулись дальше по торному караванному пути из занятой ими бывшей Усунь на юго-восток в Западный край (Восточный Туркестан). Вступив на его земли, племена, возглавляемые Яда, несомненно, быстро поняли, что земли малонаселенных оазисных земледельческих царств непригодны для жизни многочисленных кочевников. И потому лишь часть племен орды Яда могла остаться жить там, взимая дань с населения покоренных царств Гуйцы, Шулэ, Юйтянь. Остальные же племена орды во главе со своим вождем Яда пошли из Шулэ и Юйтянь по караванному пути на юго-запад, выводившему в Северную Индию. Сведения о них рассмотрим далее.

§ 4. Орда Яда овладевает северным караванным путем в Вэй

Племена Яда, покорившие оазисные царства Западного края — Гуйцы (Куча), Гумо (Аксу), Шулэ (Кашгар), Юйтянь (Хотан) — и осевшие там, несомненно, стали жить в основном на получаемую с них дань. Можно предположить, что эти племена в силу своей малочисленности и разобщенности по названным царствам не могли воевать с соседними большими централизованными царствами кочевников — Жужаньским каганатом и царством Тугухунь. А распыленность богатств, захваченных ранее в боях и получаемых в качестве дани с покоренных царств, между сменившимися предводителями-военачальниками не позволяла отправлять посольства с богатыми дарами ко двору Вэй.

Но постепенно народ яда за два-три десятилетия жизни среди населения оазисов все более вращался в его среду, ассимилировался, становясь похожим на местных жителей по одежде и языку. При отсутствии войн сменявшиеся ранее предводители из военачальников постепенно превращались в постоянных правителей и обогащались за счет регулярно взимаемой дани. От бывших правителей покоренных оазисных царств они узнали, что послов в Вэй могли присылать только независимые царства, что ответные дары китайского императорского двора по богатству обычно намного превосходят подношения, привозимые посольствами других царств, а важнейшее условие для установления посольских и просто торговых контактов с Вэй — доступность и безопасность караванных путей через Западный край (Восточный Туркестан).

Но караванные пути в Вэй в конце V в. были перекрыты. Хотя западная часть южного, прикуньлуньского, пути проходила через Шулэ и Юйтянь, подвластные племенам Яда, восточная его часть проходила через земли ставших подвластными царству Тугухунь бывших царств Цемо (Черчен) и Шаньшань (Чарклык). Кроме того, этот большой участок пути был почти недоступен для посольских караванов, потому что летом в землях Цемо, как

уже говорилось, часто бушевали песчаные бури, налетавшие из Люша («Сыпучих песков»), т. е. из пустыни Такла-Макан. И по этой же причине поселения вдоль него были, надо полагать, редкими и малонаселенными, не имевшими поэтому возможности снабжать посольские караваны продовольствием и фуражом.

Но главное препятствие для прохождения каравана по этому пути создавали напряженные отношения между Тугухунь и Вэй, перераставшие временами в военные столкновения. Начиная с 493 и до 507 г. посольские связи между ними ограничились двумя контактами — в 500 г. по случаю вступления на трон нового императора и в 501-м — для улаживания военного конфликта (ВШ, гл. 8, с. 192, 194).

Так что прикуньлуньский путь в Вэй в конце V в. был для иноземных послов недоступен.

Но был другой караванный путь, северный, притяньшаньский, по которому можно было выйти в Вэй. Он шел через Шулэ (Кашгар), с юго-запада на северо-восток до Гуйцы (Кучи) и от нее на восток в Яньци (Карашар). А из Вэй дойти до Яньци можно было по двум путям. Первый из них, освоенный китайцами еще в I в. до н. э., в обход владений сюннов был трудным и далеким: он вел от Дуньхуана на запад через пустыню Байлундуй (Пески Кумтаг) в царство Юйли (Чара), из него на север в Яньци, а оттуда на северо-восток в Чеши ближнее (Турфан) и далее на восток в Чеши дальнее (Цицзяоцзин) (подробнее см.: Боровкова, 1989, с. 43 и схема 2). В V в. это был путь из Дуньхуана через Гаочан в Яньци (Боровкова, 1992, с. 137–138).

Но в начале 90-х годов V в. племена Яда вторглись в земли Яньци и его население бежало на восток в Гаочан, в результате чего отношения Гаочана с Яда и с Гаоче обострились.

Второй путь, более удобный и короткий, китайцы открыли в 1–5 годы н. э., после того как держава Сюнну была разгромлена и Хань овладела караванным путем к северу от Дуньхуана до Иу (Хами) и далее на запад до Чеши дальнего (Цицзяоцзяна) и затем до Чеши ближнего (Турфана), от которого — в Яньци. Но в V в., до 488 г., земли в районе Иу принадлежали Жужаньскому

каганату, главному противнику Вэй, ввиду чего этот контролируемый им караванный путь был непроходим для посольств в Вэй. Однако в 487 г. многолюдные племена гаоче во главе с Афучжило, входившие в Жужаньский каганат, отделились от него и ушли из его западных районов по этому пути в земли Чеши или Ближнего племени (Турфан). Изгнав местных жителей, чешисцев, в Яньци, гаочесцы основали здесь свое государство Гаоче. А в 488 г. глава жужаньского гарнизона в Иу сдался Вэй. После этого часть пути — от Дуньхуана до Иу — перешла под контроль Вэй, а далее часть его — к западу от Иу до Чеши — под контроль Гаоче.

И уже в 490 г. Афучжило отправил ко двору Вэй своего посланца — купца из хусцев с двумя стрелами в дар и обещанием разгромить жужаней — давних врагов Вэй. Император не поверил, полагаем, судя по бедным дарам, и, главное, по тому, что совсем недавно племена гаоче были подданными Жужаньского каганата. Но он послал своего посла Юй Ти выяснить истинное положение там. В ответ Афучжило с Цюнцзи вместе с Юй Ти снова отправили своего посла ко двору, но с дарами из местных изделий, а император после этого повелел сановнику отправиться с богатыми дарами — 100 кусками разных шелковых тканей в Гаоче вместе с побывавшим уже там Юй Ти (ВШ, гл. 103, с. 2310; Материалы, 1984, с. 404).

Этот беспрепятственный двукратный обмен послами между Гаоче и Вэй, начавшийся с 490 г. и продолжавшийся, видимо, до 492 г., показал, что путь между ними через Иу стал безопасным. Весть о столь важном событии, несомненно, быстро разлетелась по всему Западному краю (Восточному Туркестану).

Можно предположить, что именно это событие предопределило действия предводителей племен Яда в этом регионе в ближайшие годы. Теперь они, покорившие царство Гуйцы (Кучу) еще в 50-е годы, предприняли то, чего не сделали до тех пор — завладели соседствовавшими с Жужаньским каганатом землями Яньци, с 448 г. подвластного Гуйцы. А вскоре, примерно в 495–496 гг., они из Яньци двинулись на север и вторглись в южную

часть Гаоче, которой правил Цюнци, разгромили и убили его, взяли в плен его сына Миэту и других, надо полагать, знатных гаочесцев. Но землями гаоче они не завладели. Однако вскоре — «спустя год с лишним» после убийства правителя Гаоче Афучжило и возведения на трон Балияня племена яда снова выступили в поход против Гаоче, «предложив» возвести на трон находившегося у них в плену Миэту, что гаочесцы и сделали, убив Балияня. Сражений, покорения Гаоче племенами яда не было, что подтверждают и последующие события.

Миэту, новый правитель этого царства, говорится далее в «Повествовании о Гаоче», вступив на трон, также отправил по примеру Афучжило посольство ко двору Вэй, но уже с очень богатыми дарами в виде куска золота, кусков серебра, двух золотых тростей, семи лошадей, десяти верблюдов (ВШ, гл. 103, с. 2311), каких Афучжило не посылал, так как, видимо, не имел средств. Можно поэтому предположить, что собрать такие дары помогли Миэту племена Яда, которые, как говорилось выше и как увидим по дальнейшим событиям, были заинтересованы в установлении посольских связей с Вэй по пути через Гаоче (Турфан). В ответ император послал Миэту 60 кусков шелковых тканей.

Успех посольских связей Гаоче с Вэй при Миэту, т. е. в 495–496 гг., служит подтверждением безопасности в то время караванного пути через Гаоче (Турфан) в империю Вэй.

И в 502 г., как бы прорвав плотину, в Вэй хлынул поток посольств из ближних и дальних западных царств, из Восточного Туркестана, Средней Азии и особенно много из Припамирья и Северной Индии и даже из Южной Индии. В конце хроники правления императора Ши-цзуна только за этот третий год его правления перечислены прибывшие посольства 22 царств и еще отдельно сказано о прибытии посольства из Юйтянь в 7-ю луну (ВШ, гл. 8, с. 194, 195). Но только восемь из названных в хронике царств — Шулэ, Юйтянь, Чжунцзюйбо, Цзепаньто, Учан, Цзибинь, Южная Тяньчжу (Индия) и Сиваньцзинь — описаны в «Повествовании о западном крае» в «Вэй шу», а об остальных никаких других сведений нет.

Заметим, в 502 г. посольств из самого Гаочана не было. И четыре царства из восьми приславших посольства подчинились власти Яда.

Но после всплеска в 502 г., с 503 г. посольские контакты царств западного края с Вэй вдруг опять внезапно прекратились и возобновились только в 507 г. Можно лишь предположить, что Вэй отказалась принимать послов, на дары которым требовалось много средств, а в эти годы ей приходилось вести военные действия против часто вторгавшихся в ее южные пределы войск и новосозданной в 502 г. южной империи Лян, и не до конца разгромленных ею войск рухнувшей империи Ци. Об этом позволяют судить сведения в хронике «Вэй шу» (гл. 8, с. 195–204). Только после череды тяжелых поражений от Вэй лянских подразделений в 506 г. положение здесь постепенно стало нормализоваться.

И в 507 г. Вэй снова приняла посольства из многих царств западного края, в том числе из 16 тех, описания которых есть в «Повествовании о западном крае» (см. таблицу). Среди них упоминаются семь царств, подчинявшихся Яда, восьмое — само царство Яда. А вот царства Яньци среди них нет. Кроме того, были послы, как увидим далее, из припамирских и индийских царств (Тяньчжу, Южная Тяньчжу, Лэйфуло, Учан, Боло, Цяньда) и из двух царств Средней Азии — Сиваньцинъ (Коканда) и Босы (Персии).

Итак, в 507 г. царство Яда впервые после 456 г. прислало посла в Вэй. Возникает вопрос: чем объясняется полувековой перерыв в завязавшихся посольских контактах? Начиная с 507 г. послы из царства Яда прибывали в Вэй вплоть до ее крушения в 534 г. весьма часто, как видно из таблицы, причем после 523 г. — только из него одного. Царства, подвластные Яда, дольше других поддерживали связи с Вэй, последний раз их послы были в этой империи в 518 г.

§ 5. Местонахождение царств, подвластных орде Яда, и царства Яда

Теперь необходимо выяснить, где же находились царства, подвластные орде Яда, которые с 507 г. установили с Вэй частые посольские контакты, и где было само царство Яда.

Местонахождение царств Гуйцы (Кучи), Шулэ (Кашгара) и Юйтянь (Хотана) известно. Они, как мы уже выясняли выше, подчинялись Яда, о чем, однако, в их описаниях ничего не говорится. Из этого очевидно, что составлены описания по сведениям, полученным до их завоевания ордой Яда. Но еще о пяти царствах (Чжуцзюйбо, Цзепаньто, Шэми, Бочжи, Бохэ), согласно сообщениям в их описаниях в «Повествовании о западном крае» (ВШ, гл. 102, с. 2279–2280), прямо сказано, что они подчиняются Яда. Наличие сообщения об этом в их описаниях показывает, что эти сведения вэйские дворцовые историографы записали со слов послов, побывавших при дворе после 502 г., т. е. уже после завоевания этих царств ордой Яда.

Вопрос о местонахождении их рассмотрен нами ранее в контексте комплексного исследования проблем локализации всех царств западного края, известных китайцам со II в. до н. э. по VII в. н. э., по хронологически последовательным сведениям древних китайских династийных историй и «Записок» Сюань-цзана (Боровкова, 1989, с. 151–158).

Царство Чжуцзюйбо, как выяснилось, было создано на месте царства Сицзюйбань, исчезнувшего с политической карты региона, как и Шулэ, после 462 г. в результате, несомненно, завоевания его ордой Яда. Находилось оно к югу от царства Шулэ в 800–900 ли (400–450 км по древним, напомним, дорогам) в районе, видимо, нынешнего г. Ташкурган.

Царство Цзепаньто указано к западу от Чжуцзюйбо в 800 танских ли (424 км). Столица его лежала у южного подножия хребта на северном берегу реки. Все это и сведения о царствах, расположенных к западу и югу от него, позволило локализовать Цзепаньто к югу от Ваханского хребта и северу от р. Вахандарья

в районе пос. Сархад, теперь — Барогиль. К югу от него через перевал Барогиль (3804 м) пролегал в старые времена путь в Северную Индию. Скорее всего, именно это расположение столицы царства Цзепаньто на перекрестке караванных путей объясняет тот факт, что она в начале VII в. была, по свидетельству Сюаньцзана, крупным по меркам того времени городом — 20 ли в окружности (ДТСЮЦ, гл. 12, с. 440). Посольства из него прибывали в Вэй в 502, 507, 512 и 513 гг. (ВШ, гл. 8, с. 440), а в Лян — в 529 г. (ЛШ, гл. 50, с. 814).

Таким образом, выясняется, что орда Яда, завоевав после 449 г. Гуйцы, после 462 — Шулэ, после 468 — Юйтянь и оставив жить в этих оазисных царствах часть своих людей, двинулась по караванному пути восточнее Цунлина (Памира) на юг. Первым по нему орда завоевала царство Сицзюйбань, переименованное в Чжуцзюйбо, из которого посольства в Вэй прибывали в 502, 511 и 513 гг. Затем она вышла к югу от Цунлина и, повернув на запад, пошла по караванному пути и покорила царство Цзепаньто. Оставив и в нем какую-то часть своих людей, орда Яда в поисках новых земель продолжала двигаться по караванному пути на запад от Цзепаньто и завоевала еще царства Бохэ, Бочжи и Шэми, из кратких описаний которых в «Вэй шу» известно, что они подчинялись Яда (ВШ, гл. 102, с. 2280).

В описании царства Бохэ говорится, что оно находилось к западу от Цзепаньто и из него один путь вел на юго-запад в царство Учан, а другой на запад в царство Яда. Последнее свидетельство особенно важно, поскольку является единственным прямым указанием на район расположения царства Яда. Но для более конкретной его локализации прежде всего надо точно выяснить местонахождение самого царства Бохэ.

Согласно указаниям на взаиморасположение этих царств в их описаниях в «Вэй шу», между Бохэ и Яда промежуточных царств не было. К юго-западу от Бохэ сначала лежало царство Бочжи, к югу от него — царство Шэми и только к югу от Шэми — царство Учан. О зависимости Учана от Яда и лежавшего к западу от него царства Цяньто в их описаниях в «Вэй шу»

не говорится. Но в описании Цяньто сказано, что оно было разгромлено Яда (ВШ, гл. 102, с. 2280).

Вопросы локализации всех этих царств рассматривались нами ранее на основании сопоставления сведений о них в «Вэй шу», «Записках о западном крае [эпохи] Великой Тан» Сюань-цзана и в «Синь Тан шу» (см.: Боровкова, 1989, с. 146–157). Основываясь на результатах того исследования, здесь остановимся на сведениях, которые важны для определения ареала расселения народа яда.

В «Записках» Сюань-цзана есть описание царства Дамоситеди. В примечании танских историков к его названию говорится, что «люди называют его Хуми» (ДТСЮЦ, гл. 12, с. 435). А в «Синь Тан шу» есть описание царства Хуми, в котором приведено его другое название — Дамоситеди и сказано, что в Вэй его называли Бохэ (СТШ, гл. 221/2, с. 6255). Следовательно, описанное в «Вэй шу» царство Бохэ — и есть царство Хуми, позднее названное Дамоситеди. Отметим, что в хронике «Вэй шу» нет сообщения о прибытии ко двору посольства из царства Бохэ, но есть сообщение о прибытии в 509 г. посольства из царства Хуми одновременно с посольствами из Бочжи и Яда (ВШ, гл. 8, с. 207).

В «Лян шу» есть очень краткое описание царства Хумидан, в котором сказано только, что «это маленькое царство рядом с царством Хуа» (ЛШ, гл. 54, с. 813), т. е. с Яда, и что из него в 520 г. приходило посольство с дарами из местных изделий. Очевидно, что именно Хуми было древним местным названием царства Бохэ/Дамоситеди. Анализ других сведений из указанных источников не оставил сомнения в том, что царство Бохэ/Хуми / Дамоситеди находилось на месте нынешнего Хорога. По сведениям Сюань-цзана, выясняется, что от Дамоситеди отходил единственный караванный путь на юго-запад, и в 500 ли (263 км) по нему находилось царство Цзюйланну или Цюйланну, на севере которого протекала р. Цзюйлу (ДТСЮЦ, гл. 12, с. 436). Ныне примерно на таком расстоянии от Хорога, если продвигаться на юго-запад, находится афганский город Файзабад у р. Кокча, левого притока Пянджа. Следуя по караванному пути на запад от

Цюйланну, Сюань-цзан описал ряд царств, последнее из которых прилежало к р. Фочухэ, т. е. к Амударье. И все они, как и Дамоситеди, находились на землях бывшего царства Тухоло. Путь, о котором писал Сюань-цзан, это, несомненно, и есть тот самый современный караванный путь, ведущий от Файзабада на запад до Балха и далее на север к Амударье у Термеза.

По сведениям в «Записках» Сюань-цзана и в «Синь Тан шу» к югу от Дамоситеди/Хуми/Бохэ (Хорога) путь шел в царство Шанми, от него поворачивал на восток и через 500 ли (265 км) выводил в уже известное нам царство Цзепаньто. Очевидно, что Шанми (а в «Вэй шу» — Шэми) находилось на месте нынешнего Ишкашима.

Как видим, приведенные сведения из источников точно согласуются с современными географическими данными о прохождении караванных путей в этом регионе и поэтому они верны. Следовательно, отличающиеся от них некоторые указания в «Вэй шу» о взаиморасположении этих царств ошибочны.

Поскольку единственный караванный путь отходил от Дамоситеди/Хуми/Бохэ (Хорога) на юго-запад к Цюйланну, то очевидно, что царство Яда, ошибочно указанное в «Вэй шу» лежавшим по караванному пути к западу от Бохэ, находилось именно по нему в районе царства Цюйланну, которое и было, очевидно, старым местным названием царства Яда.

Царство же Бочжи, указанное в его кратком описании в «Вэй шу» к юго-западу от Бохэ, было, скорее всего, маленьким горным владением, лежавшим, видимо, поблизости от Бохэ (Хорога). Есть лишь один конкретный факт, косвенно доказывающий его существование рядом с ним — это сообщение в хронике «Вэй шу» о прибытии ко двору в 509 г. посольства из Бочжи вместе с посольствами из Яда и Хуми (ВШ, гл. 8, с. 207). Так как в историях последующего времени никакого другого царства, кроме Цюйланну, которое бы существовало по караванному пути к юго-западу от Дамоситеди/Хуми/Бохэ (Хорога), не упоминается, остается предположить, что Бочжи находилось рядом, но чуть-чуть юго-западнее Бохэ, и было вскоре поглощено им.

Только при таком местоположении Бочжи относительно Бохэ оказывается верным сообщение в описании Шэми (Ишкашима) о том, что оно находилось к юго-западу от Бочжи.

В описании царства Шэми в «Вэй шу» кроме указания на его нахождение к югу от Бочжи сказано еще о нахождении к востоку от него царства Болуло. В «Записках» же Сюань-цзана есть описание царства Болулэ (ДТСЮЦ, гл. 3, с. 104). В «Вэй шу», в «Повествовании о западном крае», есть описание царства Болу (ВШ, гл. 102, с. 2276), в хронике же сообщается о прибытии ко двору Вэй посольств из царства Боло в 507, 509 и 511 гг. (ВШ, гл. 8, с. 204, 209, 211). Очевидно, что и Болуло, и Болулэ и Боло — это разновидности названия одного и того же царства.

В описании царства Учан в «Вэй шу» говорится о его нахождении к югу от Шэми, но не сказано о его зависимости от Яда. В хронике говорится о посольствах из Цяньда: одного в 507 и трех в 513 г. (ВШ, гл. 8, с. 205, 210, 211). В описании же царства Цяньто, указанного к западу от Учана, говорится, что оно было разгромлено Яда и что его правитель происходил из народа чилэ. А чилэ, как говорилось выше, — это одно из названий в вэйское время народа гаоче, известного в послеувэйское время под названием теле. Поскольку царство Цяньто воевало с Цзибинь, — очевидно, они были соседи. Если допустить, что яда разгромили Цяньто, то откуда же они пришли? Безусловно, не из Учана, который не был им подвластен. Ведь из покоренного ими Шэми/Шанми, лежавшего тогда на месте нынешнего Ишкашима, прямого пути на юг в Учан (Читрал) не было и нет, так как напротив него простирается хребет Гиндукуша с вершиной Тарич-Мир в 7690 м.

Может быть, яда пришли с востока через царство Боло/Болу/Болэ? В очень кратком описании в «Вэй шу» царства Болу сказано, что оно находится от Дай в 13 900 ли, к северо-западу от царства Агоуцян, отстоящего от Вэй на 13 000 ли, что в нем «земли влажные и обработанные, территория ровная» (ВШ, гл. 102, с. 2276). Кроме того, отмечено, что к западу от Агоуцяна находится Сяньду (Висячий переход), который по детальным данным

«Хань шу» идентифицирован нами с перевалом Хунджераб через Каракорумский хребет (см.: Боровкова, 1989, с. 67–71), по которому КНР проложила Каракумское шоссе в Северный Пакистан. В «Хань шу» сказано, что Сяньду находится к западу от царства Уча. А в «Вэй шу» есть описание царства Цюаньюймо, прямо идентифицированного с Уча, до которого от Дай 12 980 ли (ВШ, гл. 102, с. 2264), т. е. всего на 20 ли меньше, чем до царства Агоуцян. И находилось оно к юго-западу от царства Сицзюйбань, которое, как показано выше, после покорения его Яда стало называться Чжуцзюйбо. Следовательно, Цюаньюймо — это название царства до вторжения в этот район орды Яда, а после — оно стало именоваться Агоуцяном. Поскольку Агоуцян/Цюаньюймо — это бывшее царство Уча ханьского времени, к западу от которого и от Сяньду (пер. Хунджераб) в долинах рек Хунза и Гилгит находилось земледельческое царство Наньду, то и земледельческое царство вэйского времени Болу/Болулэ/Боло надо искать, несомненно, к западу от Агоуцяна, а не к северо-западу, как сказано в его описании в «Вэй шу». Ведь там, на северо-западе, в 900 ли (450 км) были уже горы Памира. Так выясняется наличие ошибки в «Вэй шу», допущенной, скорее всего, ее переписчиками позднейших времен, вписавшими лишний иероглиф «север». С учетом этой поправки, царство Болулэ действительно оказывается находившимся к востоку от Шэми/Шанми, хотя прямого караванного пути между ними не было. А в описании земледельческого царства Цзибинь в «Вэй шу» сказано, что оно находится к юго-западу от Болу (ВШ, гл. 102, с. 2277).

Но ни Агоуцян, ни Болу, ни Цзибинь, связанные караванными путями с Цяньто, по данным «Вэй шу», не подчинялись Яда, более того, царство Цзибинь воевало с царством Цяньто, якобы разгромленным Яда. Так что орда Яда не могла громить царство Цяньто, не имея прохода к нему. В «Записках» же Сюаньцзана сказано, что в 500 ли к западу от Болуло находится царство Учан (ДТСЮЦ, гл. 3, с. 104), т. е. их соединял караванный путь, безусловно, тот самый, по которому ныне проходит авто-трасса между Гилгитом и Читралом. А в 600 ли (300 км) к югу от

Учана (Читрала) караванный путь выводил в царство Цзяньтоло (ДТСЮЦ, гл. 2, с. 87), вэйское название которого было Цяньто (Там же, с. 72). Но для определения местонахождения Цяньто решающее значение имеет сообщение Сюань-цзана о названии столицы царства Цзяньтоло — Булушабуло. Это, без сомнения, китайская транскрипция названия города Пурушанпур, локализуемого, по сведениям Сюань-цзана, в районе нынешнего г. Пешавар (см.: Боровкова, 2005, с. 243, 260).

Таким образом, один караванный путь, который вел из земледельческого царства Болу (Гилгита) на запад в Учан и из него на юг в Цяньто/Цзяньтоло/Ганьда (Пешавар), смыкался с другим караванным путем, начинавшимся в том же царстве Болу. Он вел сначала на юго-запад в земледельческое царство Цзибинь, столица которого находилась, видимо, в районе нынешнего г. Равалпинди, и оттуда на запад до Цяньто (Цзяньтоло) с его столицей в районе нынешнего Пешавара. В хронике «Вэй шу» зафиксировано прибытие ко двору империи одного посольства из царства Ганьда в 507 г. (ВШ, гл. 8, с. 205) и трех — в 511 (Там же, с. 210, 211). Это название, несомненно, было неточной первоначальной транскрипцией названия царства Цяньто, исправленной в его описании жившим позднее составителем «Вэй шу».

Так что кочевники Яда не пошли из покоренного ими царства Сицзюйбань/Чжуцзюйбо по пути в Цюаньйюмо/Агоуцян, за которым через высокий горный перевал Сяньду (пер. Хунджераб, 4625 м), непроходимый для кочевников, путь выводил в большие землевладельческие царства Агоуцян, Болу и Цзибинь, непригодные для кочевого образа жизни. И через них орда Яда не проходила в царство Цяньто и не громила его. А потому сообщение в «Вэй шу» о разгроме Цяньто (Гандхары) народом Яда представляется ошибочным. Возможно, оно появилось в результате того, что послы из Цяньто шли в Вэй по пути, пролежавшему через царства, подвластные Яда, и увидели, что кочевники яда по внешнему облику подобны народу, разгромившему их

царство, и идентифицировали одних с другими, решив, что это один и тот же народ?

§ 6. Какой народ создал орду Яда и потом царство Яда

Чтобы выяснить, так ли это было, необходимо ответить на два сложнейших вопроса. Первый: что это за народ — орда Яда, о котором мы пока что выяснили лишь то, что он вышел в 50-е годы V в. в земли Гуйцы (Кучи) из района долины реки Или и ее истоков, где в течение шести веков, вплоть до 437 г., существовало царство Усунь. Второй вопрос: что происходило во второй половине V в. в царствах, существовавших в южной части Средней Азии, не появился ли там другой народ, похожий на народ Яда, напавший и разгромивший, в частности, царство Цяньто в Северо-Западной Индии. Начнем с выяснения первого вопроса, а второй будет рассмотрен во 2-й части главы.

Прежде всего рассмотрим сведения из описания Яда в «Вэй шу», написанной Вэй Шоу (505–572). Начинается оно так:

«Царство Яда. [Народ его] подобен народу Большого Юэчжи. Говорят также, что [это] особая ветвь [народа] гаоче» (ВШ, гл. 102, с. 2278).

Народ Большого Юэчжи — это юэчжи, переселившиеся, как выяснено нами (Боровкова, 2005, гл. II), в 167 г. до н. э. в Среднюю Азию из Ганьсуского коридора и создавшие к северу от Сырдарьи в 162 г. до н. э. свое царство Большое Юэчжи, названное так побывавшим в нем ханьским послом Чжан Цянем. А ряд свидетельств древнекитайских источников, исследованных ранее (см.: Боровкова, 2001, с. 154–156; гл. 2 данной работы, с. 23–24), доказывают, что юэчжи, как и усунь, их ближайшие соседи на родине в Ганьсуском коридоре, были белокурыми голубоглазыми европеоидами. Следовательно, «подобные» им люди Яда, — а подобие народов определялось тогда по внешнему облику, тоже были, получается, белокурыми европеоидами. То, что

они считались особой ветвью народа *гаоче*, древних *чиди* (красных *ди*), подтверждает это. Ведь гаоче еще назывались *чилэ* и *динлинами*. А динлины в III в. названы в «Вэй люэ» «особым народом усуней», как явствует из исследования во второй главе данной работы (см. с. 24–26), хотя относились, скорее всего, к иному типу белокурых европеоидов. И то, что в III в. их наименование было перенесено на племена *чилэ/гаоче* (об этом см.: Боровкова, 1992, с. 64–67), подтверждает, что гаоче были белокурыми европеоидами. И, несомненно, с обликом потомков белокурых гаоче сопоставлял историк начала VII в. Ли Яньшоу облик усуней в своем комментарии к описанию царства Усунь в «Хань шу» (XIII, гл. 96, с. 3900, прим. 1).

После рассмотренного сообщения в начале описания царства Яда в «Вэй шу» о том, что его народ подобен народу Большого Юэчжи или является особой ветвью народа гаоче, далее сказано, хотя и туманно, о том, откуда появился этот народ:

«Они первоначально вышли из [региона] севернее укрепленной линии (*сай*, северной границы Вэй с кочевниками. — Л. Б.), но южнее горы Цзиньшань и западнее Юйтянь» (ВШ, гл. 102, с. 2278).

Гора Цзиньшань, как показано выше, — это отнюдь не Алтайские горы, а действительно гора, находившаяся немного южнее нынешнего хребта Карлыктаг к северу от Хами на северо-востоке Западного края (Восточного Туркестана). Следовательно, регион, откуда появилась орда Яда, находился между северной границей Вэй, проходившей к северу от великой излучины Хуанхэ, и горой Цзиньшань (хр. Карлыктаг), но к западу от Юйтянь (Хотана). Это и есть регион Гуйцы (Кучи) и Шулэ (Кашгара), что согласуется с выводом из проведенного выше исследования сведений из описаний названных царств в «Вэй шу» о том, что орда Яда действительно вышла в центральные регионы Западного края, в Шулэ и Юйтянь, из Гуйцы. А в Гуйцы кочевники Яда появились с северо-запада, оттуда, где прежде находилось царство Усунь.

Но в описании царства Яда есть и другие сведения о нахождении его:

«Столица [находится] более чем в 200 ли к югу от реки Усуй и отстоит от Чанъани на 10 100 ли. Столица его правителя Бадияньчэн — это город, где правитель останавливается на постой, его стена окружностью в 10 с лишним ли» (ВШ, гл. 102, с. 2279).

Выделенная фраза становится понятной с учетом сведений, приведенных далее, о том, что люди Яда «не имеют городов и поселений, кочуют по воде и траве, из войлока делают жилище. Летом переселяются в прохладные земли, а зимой возвращаются в теплые края. Правитель расселяет своих жен по отдельным местам, отстоящим друг от друга на 200–300 ли, и объезжает их по одному разу в месяц, а в зимние холода три месяца не передвигается».

Из этих сведений очевидно, что орда Яда — это кочевники, и их правитель тоже переселялся, а останавливался в столице, городе Бадияньчэн, на постой только на три зимних месяца. Бадияньчэн с окружностью стены в 10 с лишним ли (5 км) был по тем временам крупным городом, построенным, несомненно, жившим здесь издавна оседлым народом, который кочевники Яда, не имевшие городов, завоевали. Чтобы определить по этим данным хотя бы примерно его местонахождение, надо выяснить, что это за река Усуй.

В «Повествовании о западном крае» в «Вэй шу» собственные названия четырех рек упоминаются всего лишь в описании четырех царств, и одна из них, река Усуй — в описании царства Яда. Идентифицировать р. Усуй с какой-то современной рекой только по данным «Вэй шу» невозможно. Но описание Яда есть в «Бэй ши», — истории северной части Китая начиная с империи Вэй и до конца империи Суй, т. е. за 386–617 гг. А выше уже говорилось об установленном учеными факте — вся 102-я глава «Повествования о западном крае» в «Вэй шу» была утрачена и восстановлена сунскими историками в XI в. по 97-й главе «Бэй ши», в которую она ранее была вся включена. Это объясняет пол-

ную идентичность, в частности, описаний Яда в этих историях, не считая добавления в конце текста в «Бэй ши» нескольких фраз о прибытии послов из Яда в существовавшие после Вэй империи Западная Вэй, Чжоу и Суй. И при этой идентичности текста выясняется, что в описании Яда в «Бэй ши» столица его указана к югу от р. Уху, а не Усюй (БШ, гл. 97, с. 3230), как в «Вэй шу». В названиях Усюй и Уху первый иероглиф «у» идентичен, а иероглиф «ху» отличается от «сюй» только тем, что в нем к «сюй» слева добавлен ключ «вода», что и изменяет его произношение на «ху». И в «Суй шу», написанной в тот же период, что и «Бэй ши», и основанной на тех же архивах империи Суй, тоже сказано в описании царства Идань (так в ней названо царство Яда), что его столица лежит к югу от р. Уху. Это доказывает наличие ошибки в написании названия Усюй в «Вэй шу», допущенной позднейшими переписчиками.

А поскольку в «Бэй ши» и «Суй шу» река Уху упоминается в описаниях двух других царств — Унагэ и Му (БШ, гл. 97, с. 3238), — становится ясно, что так в то время называли Амударью (см.: Боровкова, 1989, схема 5, с. 123). Проведенное выше исследование сведений в «Вэй шу» о царствах, подвластных Яда, соотнесенных со сведениями в «Записках» Сюань-цзана, показало, что столица царства Яда находилась в районе нынешнего афганского города Файзабада. А он действительно находится примерно в 100 с лишним километрах (равных 200 с лишним вэйским ли) к югу от верхнего течения Амударьи — реки Пяндж.

Таким образом, сопоставление разных сведений о месте расположения царства Яда по отношению к караванному пути привело к согласующимся выводам: оно находилось к востоку от Памира в районе афганского города Файзабада.

Осталось выяснить, согласуются ли с этим выводом сообщения в «Вэй шу» и «Бэй ши» о том, что царство Яда отстояло от Чанъани на 10 100 ли, а также сообщения в этих историях и в «Суй шу» о том, что Яда отстояло от Гуачжоу (Дуньхуана) на 6500 ли. Но в «Вэй шу» расстояние до любого царства западного края, если оно указывалось, определялось от Дай — столи-

цы империи Вэй, а в «Бэй ши» и «Суй шу» — от г. Гуачжоу и изредка от Чанъани — столицы империи Суй. Очевидно поэтому, что в восстановленный сунскими учеными текст описания царства Яда в «Вэй шу» они включили суйские сведения о расстояниях до него от Чанъани и от Гуачжоу, указанные в «Бэй ши».

Итак, от Гуачжоу до Яда было 6500 ли. Послы из Яда ходили в Вэй, естественно, по караванному пути, по которому лежали царства, завоеванные Яда к востоку и югу от Цунлина (Памира). А от Шулэ (Кашгара) шли по северному, притяньшаньскому, пути через Гуйцы (Кучу) до Гуачжоу (Дуньхуана) и из него в Вэй. Путь и расстояние по нему от Гуачжоу до Шулэ в Китае знали несколько веков. По сведениям в описании Шулэ в «Вэй шу» (гл. 102, с. 2268) и в «Бэй ши» (БШ, гл. 97, с. 329), оно составляло 4600 вэйских ли. Следовательно, от Шулэ до царства Яда (напомним, тогда расстояния между царствами измерялись между их столицами) было 1900 вэйских ли (950 км). По современным дорогам, тем более по автостраде, расстояние должно быть немного меньше.

Современное расстояние от Кашгара до Файзабада выявить не удалось. Весьма приблизительное представление о нем дает расстояние в 728 км между городами Ош и Хорог по современной автотрассе внутри Памира, по древним дорогам оно было на 25 % больше, т. е. составляло примерно 910 км, что очень близко к расстоянию, указанному в «Суй шу» и «Бэй ши».

Указанные в «Записках» Сюань-цзана расстояния между царствами, лежавшими по пути от Цюйланну до Шулэ, т. е. от Файзабада до Кашгара, скорее всего, завышены и составляют в сумме 2500 суйско-танских ли или 1370 км: Цюйланну (Яда)—Дамоситеди (Хорог) — 500 ли, Дамоситеди—Шанми — 300, Шанми—Цзепаньто — 500, Цзепаньто—Уча (Чжуцзюйбо) — 800, Уча—Шалэ (Шулэ) — 500. Сокращенное на 25% по современным дорогам, оно оказывается равным 1028 км, и лишь на 100 км отличается от расстояния, указанного в официальных древних историях.

Так что *проведенное исследование позволяет определить местонахождение царства Яда в районе нынешнего афганского города Файзабад*. Это согласуется с высказанным давно на основании археологических материалов предположением Р. Гиришмана о расположении столицы царства Яда города Бадияньчэн на месте развалин к югу от Файзабада.

Кроме того, выяснилось, почему царство Яда было создано не сразу. Движение орды во главе с Яда началось, скорее всего, в самом конце 30-х — начале 40-х годов V в. После 437 г. она разгромила царство Усунь, а в 50-е годы из его земель впервые вторглась в земли северо-запада Западного края (Восточного Туркестана) и завладела царством Гуйцы (Кучей); после 462 г. орда Яда покорила царство Шулэ (Кашгар), а спустя шесть-семь лет, после 468 г., — царство Юйтянь (Хотан). И только затем орда Яда, оставив часть своих племен в Западном крае, двинулась на юг по караванному пути вокруг Цунлина (Памира). Пройдя около 1400 км, она захватила еще пять маленьких припамирских царств, оставила в каждом из них часть своего народа, и уже сильно поредевшая завладела последним, шестым царством, в котором ее оставшаяся часть и основала свое небольшое царство Яда. В его описании в «Вэй шу» сказано, что его население составляло 100 тысяч и, видимо, включало народ покоренного царства.

Зная, что орда Яда завоевывала крупные царства Западного края — Гуйцы, Шулэ и Юйтянь — с промежутком примерно в шесть-семь лет, можно предположить, что шесть мелких горных припамирских царств она покоряла одно за другим через два-три года. Следовательно, свое царство орда Яда создала в конце 70-х — начале 80-х годов. Считать же годом создания царства Яда 456 год, когда в Вэй прибыло посольство из якобы царства Яда, нельзя, что ясно из вышеизложенного. Вероятно, то было посольство от предводителя орды Яда, завладевшего богатым царством Гуйцы, но представленное в Вэй сопровождавшими его жителями Гуйцы как посольство из царства Яда.

§ 7. Облик и язык людей Яда

Напомним, исследование показало, что народ Яда, названный современниками подобным юэчжам или гаоче, был, следовательно, белокурым европеоидным народом. Но, согласно сообщению в том же описании Яда в «Вэй шу», «их язык отличается от [языка] жужаней, гаоче и всех хусцев» (ВШ, гл. 102, с. 2279). Эти сведения, записанные при дворе империи Северная Вэй, были, несомненно, точными, так как еще с начала своего существования в 386 г. и после создания Жужаньского каганата около 400 г. империя Вэй воевала и с жужанями, и с гаоче, отдельные племена которых иногда сдавались ей. Так что в Вэй хорошо знали внешний облик этих народов, различали их языки и легко определяли народы, отличные от себя.

Жужани в «Вэй шу» четко названы «потомками *дун-ху*» (ВШ, гл. 103, с. 2289), т. е. протомонгольских племен, искони живших к востоку и северо-востоку от Древнего Китая. Яда же в V в. точно пришли в Западный край (Восточный Туркестан) с другой стороны, с северо-запада, где с древности жили динлины, а потом и усунь, создавшие еще в 60-е годы II в. до н. э. свое царство в долине Или. И те и другие были белокурыми европеоидами (см. выше главу 2), но разных типов этой расы. Так что люди орды Яда не были ни монголоидами, ни монголоязычными, а относились, видимо, к протоалтайцам.

О языке же гаоче в «Повествовании о Гаоче» сказано:

«Их разговорный язык был почти одинаков с сюннуским, но были и небольшие отличия» (ВШ, гл. 103, с. 2307).

Если язык яда отличен и от языка жужаней, и от сюннуского языка гаоче, то очевидно, что язык собственно жужаней протомонголов был в свою очередь отличен и от почти сюннуского языка гаоче. Следовательно, относить сюннуский язык к протомонгольским нельзя, иначе китайцы V–VI вв., хорошо осведомленные об этих языках, не разделяли бы их так резко.

А чтобы выяснить, к какой группе языков относился сюннуский, остановимся на следующих сведениях, изложенных

в «Повествовании о Тюрках и Теле» в «Бэй ши» (подробнее см.: Боровкова, 1992, с. 92–94, 98–102). В 546 г. усилившееся к этому времени племя тюрков, оружейников Жужаньского каганата, жившее у горы Цзиньшань (хр. Карлыктаг), неожиданно напало на шедших походом против Жужаньского каганата *теле* (так стали называть *гаоче* после крушения империи Вэй) и разгромило их. И более 50 тыс. родовых групп (*ло*) теле, т. е. приблизительно 500 тыс. человек, сдались им. Заполучив такое множество подданных, вождь тюрков Тумэнь в 552 г. разгромил Жужаньский каганат и основал Тюркский каганат, провозгласив себя его правителем — Или-каганом. Согласно «Повествованию о Теле» в «Бэй ши», с этих пор тюрки, совершая завоевания на востоке и западе, использовали богатства Теле (БШ, гл. 99, с. 3903). Однако несомненно, что после покорения владений Жужаньского каганата в числе подвластного тюркам народа оказались и монголоиды жужани.

В «Повествовании о тюрках» сказано, что тюрки были «особым сюннуским народом» (БШ, гл. 99, с. 3285–3287). Очевидно, что и говорили они, как и гаоче/теле, составившие основную часть населения Тюркского каганата, на языке почти сюннуском. И в «Чжоу шу», где и приведены самые ранние сведения о тюрках, сказано, что они были особой ветвью сюннов (ЧШ, гл. 510, с. 907). Получается, что сюннуский язык был прототюркским. Следовательно, язык орды Яда, отличавшийся от сюннуского языка гаоче, не мог быть прототюркским.

Но язык яда отличался еще и от языка «всех хусцев». Кем же были «все хусцы»? Во II в. до н. э. ханьцы, судя по сведениям в «Ши цзи», называли *хусцами* (*ху*) сюннов, отличая их от *восточных хусцев* (*дун-ху*). После 60 г. до н. э., когда под контроль Хань перешли от сюннов царства Западного края (Восточного Туркестана), получившие в «Хань шу» название «все царства с внутренними и внешними стенами (*чэн-го чжу-го*)», наряду с сюннами китайцы стали называть хусцами и население этих царств.

Это очевидно из следующих сведений. В 36 г. до н. э. для похода против Чжичжи-шаньюя, обосновавшегося в царстве Канцзюй, ханьский военачальник Чэнь Тан, находившийся в Западном крае, собрал войско из ханьских военнопоселенцев в Чешуи дальнем (Цицзяоцзине) и воинов из царств Западного края (*чэн-го чжу-го*): «Ханьских и *хуских* войск собралось более 40 тысяч человек» (XIII, гл. 70, с. 3010–3011; подробнее об этом походе см.: Боровкова, 2001, с. 299–307). И в «Хоу Хань шу» население царств Западного края называется хусцами: в 52 г. н. э. северные сюнны просили позволения приходить им ко двору Поздней Хань «вместе с хускими гостями из всех царств Западного края» (XXIII, гл. 89, с. 2946). Таким образом, хусцами древние китайцы называли сначала сюннов, а потом и население Западного края, т. е. Восточного Туркестана.

Но только в «Вэй шу» в описании царства Юйтянь есть сообщение, позволяющее уверенно судить, по какому признаку выделялись хусцы:

«К западу от Гаочана люди всех царств с впалыми глазами и высокими носами, и только в одном этом царстве *их внешний облик не столько хуский, сколько китайский (хуася)* (курсив наш. — Л. Б.)» (VIII, гл. 102, с. 2263). Как видим, сходство и различие народов древние китайцы определяли по внешнему облику.

Царство Гаочан находилось, как уже говорилось, к востоку от Яньци (Карашара), к югу от Гаоче (Турфана), т. е. в Куруктагском горном массиве (см.: Боровкова, 1992), следовательно, все царства к западу от него — это все царства Западного края. И население всех их «с впалыми глазами и высокими носами» было европеоидным, только у жителей Юйтянь (Хотана) было почему-то немало китайских, т. е. монголоидных черт.

Если хусцы Западного края были европеоидами, то и хусцы-сюнны были европеоидами.

Однако древние китайцы не называли хусцами (*ху*) белокурые европеоидные народы — юэчжей, усуней, динлинов, яда. Только в «Повествовании о Цян» в «Хоу Хань шу» при изложении истории восстаний цянов во II в. н. э. против Поздней Хань гово-

рится и об участии в этой борьбе живших среди них «хуанчжунских юэчжей-хусцев» (XXIII, гл. 97, с. 2739–2897). Очевидно, что речь шла об остававшихся жить в верховьях Хуанхэ среди цянов потомках «малых юэчжей», которые не смогли вместе с «большими юэчжами» переселиться в 167 г. до н. э. в Среднюю Азию, а через три века ассимилировались и стали похожи на цянов. Это дает основание предполагать, *что названные хусцами сюнны и народы Западного края (Восточного Туркестана) были черноволосыми европеоидами, но языки их были разными.*

Была ли у яда письменность или нет, в описании царства Яда в «Вэй шу» не сказано. В описании же в «Лян шу» царства Хуа (как в этой истории южной империи Лян было названо царство Яда) говорится, что в нем

«...Нет письменности, и для заключения контракта используют деревянные бирки. [А если надо] связаться с соседним царством, то посылают в соседнее царство [за] хусцем для написания письма по-хуски (*ши пан-го-ху взй ху-шу*). Вместо бумаги используют шкуры баранов» (ЛШ, гл. 54, с. 812).

Из описания царства Юйтянь в «Лян шу» выясняется, что его жители писали и получали письма (ЛШ, гл. 54, с. 814), но какая это была письменность, не сказано. В «Вэй шу», в описании Яньци, составленном до того как им овладела орда Яда, отмечено, что в этом царстве «письменность одинакова с боломэньской (индийской)» (ВШ, гл. 102, с. 2265), а в описании Босы (Персии) — что в этой стране «письменность отлична от хуской» (Там же, с. 2271).

«Бэй ши», в которой описываются события не только за вторую половину V — начало VI вв., как в «Вэй шу», но и за вторую половину VI — начало VII вв., сообщает, что в царстве Гаочан, население которого было китайским, на рубеже VI–VII веков уже говорили и писали и по-китайски, и по-хуски (БШ, гл. 97, с. 3215).

А в описании большого царства Кан (Ходжента) сказано, что ему были подвластны еще девять царств, расположенные в Средней Азии по Великому караванному пути, но с одно-

сложными явно китайскими названиями. Они впервые появляются в период существования империи Суй и впервые описываются в практически одновременно составлявшихся в ней историях «Суй шу» и «Бэй ши». Очевидно, что описание царства Кан в конце 102-й главы «Вэй шу» явно ошибочно оставлено сунскими историками, восстанавливавшими, как уже говорилось выше, эту утраченную главу «Вэй шу» по 97-й главе «Бэй ши», в которой есть описание не только Кан, но и девяти подвластных ему царств. В нем сказано, что население в них «с впалыми глазами, высокими носами и густыми бородами», т. е. европеоидное, и что в них используется хуское письмо (БШ, гл. 97, с. 3234). Хуской названа в «Бэй ши» и письменность тюрков (БШ, гл. 99, с. 3288–3289). Так что китайцы называли «хуской» письменность, принятую в разных царствах Восточного Туркестана и Средней Азии, вероятно, согдийскую, отличную от китайской и индийской.

Итак, по сведениям в «Вэй шу» и «Бэй ши», выяснилось, что царство Яда было создано в районе нынешнего афганского г. Файзабада к концу 70-х гг. V в. и его создание стало завершающим этапом движения орды кочевых племен во главе с предводителем Яда, которое началось на рубеже 40-х годов V в., из земель разгромленного царства Усунь в долине р. Или. Яда были белокурым европеоидным народом. Язык их отличался и от языка сюнну, т. е. прототюркского языка гаоче/теле, составивших во второй половине VI в. основную часть населения Тюркского каганата, и от языка «всех хусцев», т. е. народов Западного края (Восточного Туркестана), и, видимо, от языка усуней, разгромленных яда и переселившихся «к западу от Цунлин». Так что первоначально племена Яда вышли, скорее всего, из еще более северных земель, чем усуньские.

§ 8. Время разгрома царства Яда

Сведения о продолжительности существования царства Яда в его описаниях в «Чжоу шу», «Бэй ши» и «Суй шу» кажутся

на первый взгляд противоречивыми, хотя эти три истории писались примерно в одно и то же время, в правление танского императора Тай-цзуна (627–649), по одним и тем же архивам империй Чжоу и Суй (581–617). Так что одинаковость многих сведений в них естественна. В кратком описании Яда в «Чжоу шу» приведены сообщения о прибытии из него ко двору Западной Вэй (535–557) посольств в 546 и 555 гг. и ко двору Чжоу (557–581) в 558 г. После этого сказано:

«Потом [оно] было разгромлено тюрками, племена рассеялись, и подношения [двору] прекратились» (ЧШ, гл. 50, с. 918).

Казалось бы, перед нами ясное указание на время гибели царства Яда — после 558 г. Однако в «Бэй ши» в конце описания Яда после этих же сообщений, что и в «Чжоу шу», говорится:

«В [эру] Да-е (605–616. — Л. Б.) [ко двору] Суй [Яда] опять прислало посольство с подношением местных изделий» (БШ, гл. 97, с. 3231).

Сообщение об этом посольстве есть и в описании царства Идань в «Суй шу» (СШ, гл. 83, с. 2535/4), как, судя по содержанию его, в этой империи стали называть царство Яда. Но здесь еще сказано, что когда в царстве Идань началась смута, *тюрки* послали и насильственно поставили управлять им своего человека, а войск в нем было 5–6 тыс. человек (СШ, гл. 83, с. 2535/4), т. е. это царство в VII в. было маленьким. Соответственно этой численности войска все население в Идань составляло, по-видимому, не более 25 тыс. человек, тогда как в Яда, по более раннему описанию его в «Вэй шу», было около 100 тысяч. После смуты меньше стала, надо полагать, и территория царства Идань/Яда.

Эти сведения и наше предположение согласуются с данными в описании царства Тухоло, явно соседствовавшего с царством Идань/Яда, так как оба на юге соотнесены с царством Цао, как в «Суй шу» названа Цзибинь (Северная Индия): от Идань до Цао было 1500 ли, а от Тухоло — 1700 ли (СШ, гл. 83, с. 2535/4). Из этого следует, что царство Тухоло в то время находилось на 200 ли севернее царства Идань. А поскольку столица

Идань лежала в 200 ли к югу от р. Уху, т. е. явно Пянджа, верховьев Амударьи, то очевидно, что большое царство Тухоло, описанное в «Вэй шу», простиралось к северу от Амударьи. А это согласуется с сообщением в описании царства Тухоло в «Вэй шу», посольство из которого побывало в Северной Вэй в 464 г., о том, что в нем есть город Боти, заметим, не столица, а просто город, окружностью в 60 ли (30 км) к югу от которого на запад течет большая река (ВШ, гл. 102, с. 2277). Другого упоминания столь огромного по тем временам города не встречалось. Очевидно, это был издревле процветающий Термез, к югу от которого на запад и течет большая река — Амударья.

И именно в описании Тухоло в «Суй шу» и «Бэй ши», которое очень отличается от описания в «Вэй шу» этого царства, а первое посольство из него в империю Суй прибыло в 615 г. (СШ, гл. 4, с. 2354/1), впервые сказано, что население Тухоло живет попеременно с иданьцами (БШ, гл. 97, с. 3236, СШ, гл. 83, с. 2535/4). Выходит, что многие люди Яда, когда в их царстве еще до 615 г. начиналась смута и власть захватили якобы тюрки, бежали на север в соседнее могущественное царство Тухоло, народ которого, юэчжи, по внешнему облику был сходен с ними. Полагаем, что именно после этого и появилась идентификация Яда с большими юэчжами.

Так что царство Яда/Идань, хотя и ставшее еще меньше и по численности населения и по территории, в VII в. продолжало существовать к югу от Амударьи. Более того, в «Синь Тан шу» также есть краткое описание Идань с сообщением о прибытии из него посольства в Тан в эру Тянь-бао (СТШ, гл. 221/2, с. 6252–6253), а по данным в «Цефу юаньгуй» — в 7 г. Тянь-бао (748 г.) (ЦФЮГ, гл. 971, с. 11413), т. е. Яда/Идань продолжало существовать и в середине VIII в. Более того, именно в его описании в «Синь Тан шу» сказано: «Яда — прозвание правителя, которое потомки сделали названием царства» (СТШ, гл. 221/2, с. 6253).

Так какое царство Яда разгромили тюрки после 558 г., о чем сказано в «Чжоу шу»? Начальная история тюрков до конца существования империи Чжоу в 581 г. описана в ее истории, а до

конца существования империи Суй в 617 г. — в «Бэй ши» и «Суй шу». В «Чжоу шу» в описании тюрков сказано, что после разгрома остатков жужаней их каган Сыцзинь

«... еще на западе нанес поражение яда, на востоке прогнал киданей, на севере присоединил [племя] цигу и подчинил все царства к северу от укрепленной линии», т. е. от границы Вэй на севере с кочевниками (ЧШ, гл. 50, с. 909). Сыцзинь — младший сын Тумэня, основавшего в 552 г. Тюркский каганат и умершего в том же году. Ставший каганом старший сын Тумэня вскоре, в начале 553 г., тоже умер, после чего брат его Сыцзинь и стал каганом. Он умер в 570 или 571 г. Приведенное в «Чжоу ши» сообщение — это панегирик ему, записанный при чжоуском дворе, скорее всего, со слов позднее приходивших сюда тюркских послов. На самом же деле, как выясняется из последующего описания его конкретных действий, Сыцзинь, после разгрома остатков жужаней к северу от Вэй и похода против царства Тугухунь (Цинхай) вместе с войском Западной Вэй в 556 г. (а по описанию Тугухунь в «Чжоу шу» — в 555 г. (ЧШ, гл. 50, с. 913), других войн в последующие годы, тем более дальних походов, не предпринимал. Он то искал союза, то воевал с империей Ци или воевал с северной империей Чжоу.

Так что Сыцзинь не мог разгромить находившееся далеко, к западу от Памира, к югу от Пянджа, царство Яда. Он мог только в начале похода в 555 г. на Тугухунь разгромить по пути владение, подвластное людям Яда, в Яньци (Карашаре). Ведь очевидно, что Западная Вэй, договариваясь с ним о совместном походе против царства Тугухунь, не собиралась пропускать войско кочевников через свою территорию. И конница тюрков двинулась на Тугухунь, несомненно, самым удобным торным путем из подвластных им земель гаоче/теле в Турфане на юг через Яньци, где люди Яда имели свое владение, и, нанеся ему быстро поражение, двинулась далее на юг через Юйли (Чару) в бывшие земли Шаньшань (Чарклык), подвластную тогда Тугухунь (ВШ, гл. 103, с. 2311).

Чтобы составить представление о владении Яда, созданном в землях бывшего царства Яньци (Карашара), надо сопоставить сведения о нем в «Вэй шу» за последний период существования империи Вэй и в описании царства Хуа в «Лян шу», как в этой истории названо Яда.

Выше установлено, что орда Яда завладела землями Яньци в самом начале 90-х годов. Примерно в 495–496 гг. она разгромила племена гаоче, ранее оттеснившие жужаней и занявшие в 487 г. земли Чэши (Турфана). Орда убила правителя их южных племен Цюнци, взяла в плен его сына Миэту и часть знати. А в 499 г. люди Яда, угрожая войной, возвели Миэту, теперь уже своего ставленника, в правители Гаоче. В результате под властью племен Яда, владевших уже всеми царствами Западного края (Восточного Туркестана), лежавшими, в частности, по северному, притяньшаньскому, пути, теперь оказался и еще один большой участок этого самого удобного пути в Вэй — от Гаоче (Турфана) до Иу (Хами). И в 502 г. по этому пути, ставшему безопасным, в Вэй начали прибывать посольства из царств, подвластных Яда, а также множество посольств из других царств западного края. Но только с 507 г. фиксируется довольно частое прибытие посольств и из далекого, лежавшего к западу от Памира, царства Яда.

В 508 г. Миэту, царь Гаоче, разгромил и убил жужаньского кагана Футу. После этого он спокойно правил Гаоче до 516 г., когда каган Чоуну, сын Футу, разгромил и убил Миэту. В «Повествовании о Гаоче» в «Вэй шу» сказано, что «весь народ племени Миэту ушел к Яда» (ВШ, гл. 103, с. 2311), а в «Повествовании о Жужань», что «все бунтовщики были присоединены, каганат усилился и [стал] процветать» (Там же, с. 2297).

Поскольку племена гаоче, жившие в землях бывшей Чэши, были очень многочисленными, то очевидно, что именно к племенам Яда в Яньци, а не к жужаням пришло множество их.

Примерно в 518 г., говорится в «Повествовании о Гаоче», «Яда позволило (! — Л. Б.) Ифу, младшему брату Миэту, вернуться в царство» (ВШ, гл. 103, с. 2311), и он с помощью Яда воз-

родил царство Гаоче. В 521 г. Ифу даже разгромил жужаньского кагана Поломэня, бежавшего после этого в Вэй, которая намеревалась оставить его жить в своих владениях. Но Поломэнь замыслил сдаться со своим народом Яда, видимо, в расчете на то, что у трех, несомненно, знатных лиц владения Яда в Яньци женами были три сестры Поломэня. Но военачальники Вэй его схватили. И в 524 г. он умер в империи (ВШ, гл. 103, с. 2301–2302). Это единственное свидетельство о частных, заметим, контактах людей из орды Яда с одним из жужаньских предводителей, а не официальные связи царя Яда с жужаньским каганом. Несомненно, это были связи с людьми Яда, жившими поблизости от Жужаньского каганата в землях Яньци, а не в царстве Яда, находившемся к западу от Памира примерно в пяти тысячах километров от Жужань. И намереваться туда бежать Поломэню было бессмысленно.

После проведенного анализа взаимосогласующихся сведений в «Вэй шу» и «Бэй ши» о народе яда и царстве Яда легче будет понять сведения в описании царства Хуа/Яда в «Лян шу» (ЛШ, гл. 54, с. 812). Начинается описание, можно сказать, с экстравагантного утверждения: «Население царства Хуа — это особый народ Чеши». И после изложения краткой легенды о некоем сподвижнике поздниханьского военачальника Бань Юна — Ба Хуа, который явно мыслился основателем владения Хуа, и сообщения об отсутствии связи этого владения с Китаем в период существования царства Вэй (220–265) и двух империй Цзинь (265–420), сказано:

«В 15 г. Тянь-цзянь (516 г. — Л. Б.) его (владения Хуа. — Л. Б.) правитель Ядай Илито впервые прислал посольство [в Лян] с дарами из местных изделий».

Потом были посольства в 520 и 526 гг. Затем изложена предыстория царства Хуа:

«В период существования империи Юань-Вэй [люди Хуа] обитали в Санцян. Хуа все еще было маленьким владением, подвластным Жужань. Потом [оно] становилось все более сильным и большим, предпринимало военные походы на соседние с ним

царства Босы, Паньпань, Цзибинь, Яньци, Гуйцы, Шулэ, Гумо, Юйтянь, Цзюйпань и другие царства и расширило [свои] владения более чем на тысячу ли».

А затем дано описание природных условий в царстве Хуа, образа жизни и обычаев населения, в основном совпадающее с тем, что в «Вэй шу» говорилось в описании Яда. В последней части описания Хуа сказано:

«[В нем] нет письменности, для заключения контракта используют деревянные бирки. [А если надо] связаться с соседним царством, то посылают за хусцем в соседнее царство для написания [письма] по-хуски. Вместо бумаги используют кожу баранов. [В Хуа] нет должностей и чинов».

Сначала обратим внимание на дату прибытия первого посольства в южную империю Лян — это 516 г., т. е. год, когда, как говорилось выше, жужаньский каган Чоуну разгромил и убил правителя царства Гаоче (Турфана) Миэту и все многочисленное племя Миэту бежало к племенам Яда в Яньци, после чего могущество Яда, несомненно, резко возросло. И они отправили посла в империю Лян.

А теперь рассмотрим начало описания царства Хуа. В сообщении о том, что народ Хуа — это «особый народ Чеши», речь шла, несомненно, о населении, жившем тогда в землях этого совсем исчезнувшего после 487 г. царства. Им, как уже говорилось, завладели белокурые гаоче, выселившие его коренных жителей в Яньци и создавшие здесь свое царство Гаоче. То, что под «особым народом Чеши» подразумевались именно гаоче, показывает и изложенная далее история народа Хуа. Сначала при Вэй он жил в Санцянь. А Санцянь, по сведениям в разделе «Ди ли чжи» — это со времен Ранней Хань — уезд в административном районе Дай-цзюнь, находившемся к юго-западу от района нынешнего Пекина (ХШ, гл. 28/2, с. 1622). И Ли Яньшоу, составитель «Нань ши» («Истории Юга») и «Бэй ши» («Истории Севера»), в описании царства Хуа в «Нань ши» вместо Санцянь написал Дай-цзюнь (ВШ, гл. 79, с. 2733/3). Но ведь этот район — север Хэдуна, откуда вышли племена белокурых гаоче/чилэ, завоеван-

ные жузянями и переселившиеся сначала севернее, в земли их каганата, потом на запад, а в 487 г. — в земли Чэши. Но в районе Санцянь остатки племен чиле (гаоче, теле) жили и позже. Например, в 528 г. они там подняли восстание против Вэй (ВШ, гл. 9, с. 1243). Яда же никогда в том регионе не бывали и жузяням не подчинялись.

Тот факт, что посол правителя Хуа/Яда худо-бедно знал и изложил при дворе Лян начальную историю гаоче/чиле (а не яда!), свидетельствует, скорее всего, о том, что он сам был гаочесцем, давно жившим среди яда, возможно, со времен первой войны яда и гаоче 495–496 гг., когда немало белокурых гаочесцев оказалось в плену у белокурых яда. Последующие дружественные связи яда, живших в землях Яньци, с царством Гаоче еще более способствовали смешению этих двух соседних сходных по внешнему облику белокурых народов — яда и гаоче.

И эта ассимиляция яда с гаоче позволяет, полагаем, понять, почему яда, завладевшие во второй половине V в. почти всем Западным краем (Восточным Туркестаном), к середине VI в. как-то незаметно исчезли с политического горизонта этого края, уступив без заметных войн и сражений место тюркам. И это неудивительно, ведь большинство населения Тюркского каганата изначально составили именно племена теле/гаоче, разгромленные тюрками в 552 г. Недаром в описании племен теле в «Бэй ши» и «Суй шу» говорилось:

«С [тех пор, как] тюрки создали каганат, [они] совершали военные походы на восток и запад, чтобы подчинить северные окраины, используя их (теле. — Л. Б.) средства» (БШ, гл. 99, с. 3302; СШ, гл. 84, с. 2538/3).

Царство же Яда, созданное остатками орды Яда в районе нынешнего афганского г. Файзабад, продолжало существовать и в VII, и даже в VIII веках, как показано выше, хотя и в усеченном виде и под названием Идань.

Далее обратим внимание на то, что, судя по описанию Хуа (Яда) в «Лян шу», посол, прибывший в 516 г. в Лян, верно перечислил царства Западного края (Восточного Туркестана), за-

хваченные Яда. Но он не имел представления о припамирских царствах, подвластных Яда, лежавших вне этого края, а поведал о походах Хуа на очень далекие царства Босы (Персию), Цзибинь (Северную Индию) и Паньпань, никогда Яда не подчинявшиеся. В описании Босы в «Лян шу» эта страна лишь указана как находящаяся к западу от Хуа (ЛШ, гл. 54, с. 815). Описания же царства Цзибинь в «Лян шу» нет вообще, а что касается Паньпань, то его описание есть только в «Лян шу» и только в ряду индийских царств (ЛШ, гл. 54, с. 793). Это позволяет лишь относить его к индийским царствам, но не содержит и намека на его войны с ордой Яда или зависимость от Яда.

Кроме того, в заключительной фразе описания Хуа (Яда) сказано, что язык хуа понятен только после перевода хэнаньцев, т. е. жителей Хэнань, как в Лян называли царство, известное в империи Вэй как Тугухунь/Цинхай. А Тугухунь, поскольку оно к тому времени уже завоевало царства Шаньшань и Цемо, на севере действительно соседствовало с народом Яда, занявшим земли царства Яньци (Карашара), а на юго-востоке — с империей Лян.

Анализ описания царства Хуа (Яда) в «Лян шу» вряд ли оставляет сомнение в том, что в 516 г. в южную империю Лян пришло посольство не из далекого царства Яда, лежавшего за тысячу километров в районе нынешнего афганского города Файзабада, а из ближнего владения, созданного ордой Яда на землях бывшего царства Яньци (Карашара). Здесь яда быстро ассимилировались с гаоче, сходными с ними по внешнему облику. Такому слиянию способствовало то, что племена гаоче, древние ближайшие соседи Китая, стояли, несомненно, на гораздо более высокой ступени социального развития, чем яда, и, что, видимо, главное — были намного многочисленнее осевших в этом регионе племен яда. Но в 516 г. именно к ним, к яда, ушло все племя Миэту, правителя юга царства Гаоче, разгромленного и убитого жужаньским каганом Чоуну.

Неудивительно поэтому, что один из гаоче, давно вжившихся в среду яда, был отправлен послом в Лян. Там он, не зная

ранней истории племен яда, живших далеко на западе, и рассказал известную ему в общих чертах раннюю историю смешавшихся с ними гаоче, живших на востоке. Однако образ жизни, обычаи кочевников хуа (яда), в основном совпадающие с обычаями гаоче и других кочевников, он описал в целом верно. Несомненно, верно назвал посол и имя правителя, приславшего его — Ядай Илито. Это — единственный случай упоминания в китайской истории собственного имени одного из правителей Яда. Ядай — это, несомненно, южнокитайский вариант родового имени Яда, а Илито — собственное имя правителя в землях Яньци.

Слова посла подтверждают сообщение в описании царства Идань в «Синь Тан шу» о том, что

«Яда — это фамилия правителя. А потомки сделали его фамилию [названием] царства, ошибочно превращенным в Идань» (СТШ, гл. 221/2, с. 6255).

Именно Яда был тем вождем, который создал великую орду алан и динлинов, начавшую победный марш из земель Усунь в царства Восточного Туркестана и Припамирья. Его имя присваивалось всем алано-динлинским предводителям племен, входившим в эту орду, а завоеванные более высокоразвитые народы воспринимали его собственное имя как название царства и народа.

Но кочевники яда не создали ни великого царства, ни тем более великой империи, о чем сказано в описании Хуа в «Лян шу», хотя на основании его многие исследователи идентифицировали яда с эфталитами и писали об их великой державе.

Во-первых, собственно царство Яда к югу от Пянджа было создано только в конце примерно 30-летнего периода завоеваний ордой Яда все новых и новых царств, когда мощь орды уже иссякла. И население царства, именно население, а не войско, насчитывало всего 100 тысяч, а войска, значит, было раза в четыре меньше, что отнюдь не говорит о мощи и величии царства. Во-вторых, реально завоеванные и подвластные Яда земли лежали, как ясно из сказанного выше, в большинстве своем друг за другом по караванному пути от долины Или до Пянджа, —

пути, протянувшегося, полагаем, на две-три тысячи километров. Очевидно, что какое-либо централизованное управление ими было в то время невозможно. О том, что не было централизованной державы, можно судить и по другому признаку: многие царства, подвластные Яда, с начала VI в. выступали как независимые, они начали направлять посольства в Вэй раньше самого царства Яда, а с 507 г. — наряду с ним. Крупнейшие царства Западного края — Гуйцы, Юйтянь, а с 516 г. и владение Яда в Яньци, названное царством Хуа, установили свои посольские связи и с южной империей Лян (см.: ЦФЮГ, гл. 969, с. 11382–11386).

Об отсутствии великого царства или империи народа Яда, ошибочно идентифицируемого с эфталитами, говорят и следующие сообщения в историях. В описании Яда в «Вэй шу» сказано: «Пост правителя не передается сыну [по наследству]. Сын или младший брат получает его [после] смерти [правителя, если] годится для этой [службы]» (ВШ, гл. 102, с. 2279). Ясно, что правителями делали способнейших из вождей. А описание Хуа/Яда в «Лян шу» гласит, что в Хуа нет ни должностей, ни чинов (ЛШ, гл. 54, с. 812).

Самоназвания племен орды Яда

Выяснить, каково же было самоназвание народа, племена которого под руководством Яда объединились в эту великую орду, позволяет, с нашей точки зрения, прежде всего сообщение в конце описания царства Тугухунь в «Вэй шу»:

«К северу от [него] есть царство Алань. [Люди его живут] подобно птицам и зверям, не знают [правил] борьбы и войны, не обращают внимания на отличных [от них] людей, создают владения [в землях] удобных для ходьбы. На земле [ничего] не производят. Основную пищу [получают со] стад скота. Принято презирать работу. А ходят [так, что их] невозможно догнать» (ВШ, гл. 101, с. 2241).

Эти сведения вэйские дворцовые историографы записали, конечно, со слов послов из царства Тугухунь, несомненно, хорошо знавших своих северных соседей, царство которых называ-

ли Алань. Где же именно к северу от Тугухунь находилось царство Алань?

Выше уже говорилось, что царство Тугухунь в середине V в. завоевало царство Шаньшань (Чарклык) и Цемо (Черчен), лежавшие по прикуньлуньскому пути к югу от оз. Лобнор и соседствовавшие на севере с царством Яньци (Карашаром). В 448 г. Вэй разгромила Яньци, его правитель бежал к своему родственнику, правителю Гуйцы (Кучи), и земли Яньци вошли во владения Гуйцы. В 50-е годы V в. орда Яда завоевала Гуйцы, в начале 60-х — Шулэ (Кашгар), в конце их — Юйтянь (Хотан). В землях же бывшего царства Яньци орда отмечена только в начале 90-х годов. До этого времени племена гаоче, ранее подвластные Жужаньскому каганату, в 487 г. отделились от него, завладели землями Чэши (Турфана), лежавшего к северу от Яньци, выселив его народ в земли Яньци.

В то же время царство Тугухунь, отношения которого на востоке с Вэй во второй половине V в. то и дело перерастали в военные столкновения, постаралось установить дружественные отношения с северными соседями, занявшими царство Юйтянь и другие царства Западного края (Восточного Туркестана). И оно не стало противодействовать вторжению орды Яда в начале 90-х годов в лежавшие к северу от него земли Яньци. Но владение, созданное ордой в Яньци, в Тугухуни называли Алань, а народ, следовательно, назывался аланами, несомненно, по самоназванию северных соседей. Ведь вряд ли можно даже предположить, что тугухуни знали об очень далеком северо-западном приаральском царстве Яньцай, которое было известно в Китае со II века до н. э., а с I века н. э. — и под названием Алань. Население южнокитайской империи Лян, отрезанное от Яда/Алань/Хуа владениями тугухуней, не знало их языка, но его прекрасно знало население соседствовавшего с ними царства Хэнань/Тугухунь. Это ясно из последней фразы в описании царства Хуа в «Лян шу»: «Их (хуа. — Л. Б.) язык понятен только после перевода хэнаньцев», т. е. жителей царства Хэнань, которое в Вэй называли царством Тугухунь.

Таким образом, выясняется, что в материалах «Вэй шу» и «Лян шу» один и тот же народ выступает под разными названиями: яда, хуа, аланы.

Но материалы, касающиеся народа, названного в Вэй — яда, в Лян — хуа, в Хэнань/Тугухунь — аланами, есть и в «Нань Ци шу» («Истории Южной Ци»). Она была написана в VI в. между 502 и 540 годами Сяо Цзысянем, внуком императора Гао-ди, основателя южнокитайской империи Ци (ДМДЦД, с. 1166). В «Повествовании о Жужань» там сказано:

«Через десять лет после того, как жужани овладели бывшим Домом Сюнну, динлинские хусцы на юге напали на жужаней и заполучили свои бывшие земли.

А далее, после сообщения о неудачном походе вэйского войска против жужаней, говорится:

«Прежде этого начальник округа Ичжоу Лю Цзюань отправил Цзян Цзинсюаня послом в Динлин, распространять [славу] о могуществе и добродетели империи [Ци]. Дорога шла через Шаньшань и Юйтянь. Шаньшань была разгромлена динлинами и народ [ее] рассеялся. В Юйтянь чрезвычайно верили в законы Будды. Динлинский лжэ-Сын Неба старался сблизиться с (циским) Цзинсюанем. Посол доложил об исполнении приказа. Жужани обычно спускались [на юг] в Ичжоу по дороге через царство Хэнань» (НЦШ, гл. 59, с. 1025).

Из упомянутых в этом описании событий очевидны два факта. Первый — посол из империи Ци (479–501) побывал в царстве Динлин в конце V в., когда царство Юйтянь уже было завоевано ордой Яда. А земли бывшего царства Шаньшань, обезлюдившего после разгрома динлинами, перешли к Хэнань (Тугухунь). Очевидно, что именно в Юйтянь посол и узнал самоназвание народа орды Яда, завладевшего этим царством — динлины. Несомненно, поэтому в империи Ци и царство, обосновавшееся в бывшем Юйтянь, назвали «Динлин».

Но в империи Вэй стало известно другое самоназвание народа этой части орды Яда — «аланы», и название созданного ими владения — «Алань». О нем поведали послы царства

Тугухунь, ближайшего северного соседа южнокитайской империи Лян (которая была создана в 502 г. на месте империи Ци) и южного соседа владения орды Яда в землях бывшего царства Яньци (Карашара). Эти сведения доказывают, что и племена алан и динлинов, слившиеся в единую орду, возглавленную Яда в конце V в., еще помнили о своей племенной особости.

В целом проведенное исследование сведений древних и раннесредневековых китайских династийных историй дает, полагаем, основание заключить, что Яда — это не этноним, а изначально имя прославленного вождя, возглавившего около 437 г. союз племен восточной части двух этносов — алан и динлинов, можно сказать, — политического объединения этих кочевников. А выявленный ареал их обитания и последующих завоеваний — северо-восток Средней Азии, исключая земли древнего царства Канцзюй в Южном Казахстане, запад Восточного Туркестана и Припамирье, — очень далек от царств Босы (Ирана) и Цзибинь (Северной Индии). Следовательно, нет оснований даже предполагать, хотя многие исследователи и предполагали это, основываясь на сведениях в описании Хуа в «Лян шу», что яда — те самые эфталиты, с которыми, по западным источникам, в конце V — первой половине VI вв. персидские шаханшахи воевали у своих восточных границ, и которые якобы создали великую державу, завоевав и Персию, и Северную Индию.

Следовательно, чтобы точнее понять, кто же такие были известные персам и византийцам эфталиты, необходимо привлечь и еще тщательно изучить сведения, которые есть в китайских династийных историях, а именно, в описаниях царств того времени, существовавших к востоку и северо-востоку от Сасанидского Ирана. Этому и посвящается последняя глава работы.

ГЛАВА IV

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ЧАСТЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ В V–VI ВЕКАХ ПО КИТАЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Рассмотрение этого очень сложного и неоднозначно представленного в науке периода истории Средней Азии продолжим по мере тщательного анализа сведений о царствах региона, изложенных в их описаниях в главе под названием «Повествование о западном крае», которая есть во всех династийных историях — «Вэй шу», «Лян шу», «Нань Ци шу», «Бэй ши» и других.

§ 1. Гибель царств Канцзюй, Яньцай/Алань, Давань в конце IV в. и возникновение царств Сутэ/Яньцай, Чжэшэ/Канцзюй, Полона/Давань и царств во главе с Сиваньцзинь

В описаниях «Вэй шу» вслед за царствами собственно Западного края (Восточного Туркестана) идет их непосредственный восточный сосед Усунь. О нем сказано:

«[Правитель] царства Усунь живет в г. Чигу. [Город] находится к северо-западу от Гуйцы и отстоит от Дай на 10 800 ли. Это царство неоднократно подвергалось нападениям жужаней, и [народ стал] переселяться на запад в горы Цунлин. [В нем] нет [городов] с внутренними и внешними стенами, [народ] кочует вслед за скотом по воде и траве. В 3 г. [эры] Тай-янь (437 г. — Л. Б.) были отправлены послами в это царство Дун Вань и дру-

гие. Потом [оно] ежегодно присылало послов с подношениями» (ВШ, гл. 102, с. 2267).

Отметим явные неточности. Дун Вань был послан в Усунь в числе первых шести вэйских посольств в западные страны (ВШ, гл. 4/1, с. 87), несомненно, в 436 г., поскольку, согласно сообщению в хронике (гл. 4/1, с. 88), в 437 г. в Вэй уже прибыло ответное посольство из Усунь и, заметим, последнее (ВШ, гл. 4/1, с. 88). После этого года Усунь исчезла навсегда с политической карты региона. Значит, описание Усунь в «Вэй шу» было составлено по сведениям Дун Ваня, а затем и посла Усунь. А сообщение о ее последующих ежегодных посольствах в Вэй ошибочно, их не было. Такие домыслы обычны в династийных историях, они объясняются стремлением историографов преувеличивать славу империи для потомков.

Неточно и указанное расстояние от Дай, столицы Вэй, до столицы Усунь — 10 800 ли. Оно явно рассчитано Вэй Шоу, составителем «Вэй шу», в VI в. по сумме расстояний: 1900 вэйских ли, отделявшие Дай от Чанъань, бывшей столицы империи Ранняя Хань, он прибавил к 8900 ханьских ли, т. е. к указанному в «Хань шу» расстоянию от г. Чанъань до Усунь. Как видим, Вэй Шоу в VI в. не имел представления об изменении длины ли с ханьского времени (1 км = 2,5 ли) до вэйского (1 км = 2 ли), как, впрочем, не знали об изменении длины ли и историки других эпох. И он без всякого перерасчета просто сложил ханьское и вэйское расстояния.

Ошибочно и сообщение в описании Усунь о том, что она в то время неоднократно подвергалась нападениям жужаней, кочевников. Его опровергают сведения из «Повествования о Жужань» в «Вэй шу» о том, что владения Жужаньского каганата простираются на запад только до Яньци, т. е. до Карашара (ВШ, гл. 103, с. 2291), указание в хронике «Вэй шу» о прибытии в 439 г. в империю послов из царства Гуйцы (Кучи) (ВШ, гл. 4/1, с. 89), через которое и шел караванный путь из Вэй в Усунь, и кроме того — сообщение о нападении войск Вэй и разгроме ими в 448 г. царств Яньци и Гуйцы (ВШ, гл. 4/2, с. 102–103) без

какого-либо упоминания о жужанях. Скорее всего, вэйские историографы из рассказа Дун Ваня и усуньского посла в 437 г. поняли, что на Усунь нападали кочевники, и, не зная какие именно, приписали это злодеяние ближним врагам Вэй — кочевникам жужаням.

Особого внимания в описании Усунь заслуживает сообщение о том, что его народ, спасаясь от нападений каких-то кочевников, стал переселяться «на запад в горы Цунлин», как до тех пор китайцы называли Заалайский хребет на пути из Шулэ (Кашгара) в Давань (Фергану). Но выше, на основании сообщения в «Вэй люэ», а также описания царства Сутэ в «Вэй шу», нами выяснено, что в них Цунлином названы горы Тянь-Шань, издревле входившие в южные пределы царства Канцзюй. Но на рубеже IV–V вв. Канцзюй был разгромлен. Остатки его народа в горах создали царство Чжэшэ. Но и Усунь, и Чжэшэ, оба эти царства, приславшие в 437 г. посольства в Вэй, затем исчезли с политической карты региона навсегда — факт, который дает основание заключить, что кочевники, нападавшие на Усунь до этого года, а после него вообще разгромившие это царство и завладевшие его благодатными для кочевой жизни землями в долине Или, были не канцзюйцы из Чжэшэ, а аланы и динлины. Жителям Усунь теперь уже некуда было бежать от них, кроме как в горы Цунлин/Тянь-шань, где лишь они и могли разгромить царство Чжэшэ, созданное там не так давно их извечными врагами — канцзюйцами после разгрома их царства Канцзюй алано-динлинскими племенами.

Усунь и Канцзюй, известные китайцам со II в. до н. э., были многонаселенными царствами кочевников. В I в. до н. э. в каждом из них насчитывалось по 600 тыс. с лишним человек. Даже если допустить, что к середине V в. по каким-то причинам, скорее всего, экологическим, их население сократилось наполовину, — все равно передвижения в то время всего их населения около 600 тыс. не могли не привести к важному изменению этнополитической ситуации в регионе. Но вопрос о судьбе этих на-

родов и царств исследователи не только не пытались решить, но даже и не ставили. Попытаемся прояснить его.

Что касается царства Чжэшэ, то, к сожалению, хотя в «Вэй шу» и есть его описание, но очень краткое:

«Чжэшэ — это бывшее царство Канцзюй. Находится к северо-западу от Полоны. Отстоит от Дай на 15 450 ли. В 3 г. [эры] Тай-янь прислало посольство, и с этого [времени связи] не прерывались» (ВШ, гл. 102, с. 2274).

Эти скудные сведения дворцовые историографы Вэй записали со слов единственного посла империи, побывавшего в Чжэшэ, и единственного посла этого царства, побывавшего в Вэй в 437 г. Подтверждает такое предположение то, что в «Вэй шу» только в описании царства Полон (Фергана) местоположение царства Чжэшэ (гл. 102, с. 2270) правильно указано к северо-западу от Шулэ (Кашгара), тогда как все находившиеся между ними царства, очень кратко описанные — Чжэчжиба, Мими и даже Сиваньцзинь, ошибочно указаны лежавшими **прямо к западу** от Шулэ (гл. 102, с. 2269). А то, что в описании Шулэ сказано, что именно к западу от него располагается царство Бохань (с. 2268), — так позже при Суй стало называться бывшее царство Полон/Давань, — лишь подтверждает, что 102-я глава «Вэй шу» была воссоздана по 97-й главе «Бэй ши», написанной позднее. Только это сообщение о том, что Чжэшэ находится к северо-западу от Полоны, т. е. от бывшей Давань (Ферганы), столицей которой оставался все тот же г. Гуйшань (Ош), сообщение, полученное от побывавшего там в 436–437 г. вэйского посла, доказывает, что Чжэшэ действительно находилось на бывших землях царства Канцзюй, расположенных к северо-западу от Давань. Однако от Дай, столицы империи Вэй, до неназванной столицы Чжэшэ было 15 450 вэйских ли, а от Дай до столицы Полоны г. Гуйшань — 14 450 ли, т. е. на 1000 ли (500 км) меньше. Судя по разной удаленности того и другого царства от Вэй, столица Чжэшэ была ближе к Полоне/Давань, чем прежние столицы Канцзюй. Напомним, что, по «Хань шу», от Гуйшань до Битянь, столицы Канцзюй, было 1510 ли, (600 км) тогда как

в III–IV вв. до новой столицы Канцзюй г. Сусе, по «Цзинь шу», было 2000 ли, т. е. 1000 км (гл. 97, с. 2544).

Очевидно, что канцзюйцы, спасаясь от нападений живших к северу и северо-востоку от них алано-динлинских кочевников, к рубежу IV–V вв. бежали в глубь своих владений, в горы Тянь-Шань, поближе к Давань, с которой у них издревле были дружественные отношения. И, несомненно, тогда же вместо царства Канцзюй они создали в горах Тянь-Шаня царство Чжэшэ. Но многочисленным кочевникам канцзюйцам было тесно в горах, и они, полагаем, постепенно заполонили царство Давань (в долине Ферганы), которое вскоре же было преобразовано в царство Полона. О тесной связи Чжэшэ и Полонь говорит и тот факт, что в 437 г. ко двору Вэй в один и тот же день прибыли только два посла и именно из этих царств (ВШ, гл. 4/1, с. 88).

Но после 437 г. оба царства — и Чжэшэ/Канцзюй, и Усунь исчезли с политической карты региона. И остается до сих пор никем не поставленный вопрос: что же стало с народами этих двух ранее могучих и многонаселенных царств?

§ 2. Царство Сутэ (Судэ)

В поисках ответа подробнее исследуем сначала сведения в «Вэй шу» о царстве Сутэ, еще одном соседе царства Чжэшэ/Канцзюй.

Данные хроники «Вэй шу» о прибытии ко двору Вэй посольств из Сутэ в 435, 437, 439, 444, 457, 467, 474 и 479 годах и сообщение в «Чжоу шу» о прибытии в империю Чжоу посла из Сутэ в 564 г. доказывают, что это царство существовало почти два века. А тот факт, что оно было первым из дальних царств западного края, т. е. из Средней Азии, приславшим в 435 г. посольство в Вэй, доказывает, что оно уже тогда было сильным, способным собрать и богатые дары китайскому императору, и обеспечить надежную охрану посольству на очень далеком и опасном пути к Вэйскому двору.

В описании Сутэ в «Вэй шу» говорится:

«Царство Сутэ находится к западу от Цунлин (Лукового хребта). [Это и есть] древнее Яньцай. А еще [оно] называется Вэньнаша (Теплые пески. — *Л. Б.*). Расположено у большого озера. Находится к северо-западу от Канцзюй. Отстоит от Дай на 16 000 ли. Прежде сюнны убили его правителя и овладели его царством. До [нынешнего] правителя Хуни уже [прошло] три поколения. Купцы из этого царства раньше во множестве посещали земли [царства] Лян. Когда же [Вэй] покорила Гуцзан (столицу Лян. — *Л. Б.*), все они оказались [ее] пленниками. В начале [правления императора] Гао-цзуна (452–465. — *Л. Б.*) правитель Сутэ прислал посла с просьбой [позволить] выкупить их. [Император своим] указом позволил. С того времени не было [из него] послов ко двору с дарами» (ВШ, гл. 102, с. 2270).

Составитель этого описания повторил две фразы из «Хань шу», доказывающие, что Сутэ — это и есть бывшее царство Яньцай: «расположено у большого озера (Аральского моря. — *Л. Б.*). Находится к северо-западу от Канцзюй» (тогда как, напомним, к началу V в. Канцзюй превратился уже в Чжэшэ). И он привел еще одно новое название Яньцай — Вэньнаша (Теплые пески). А разница данных «Хань шу» о расстоянии от Чанъани до Канцзюй в 12 300 ханьских ли и от Канцзюй до Яньцай — 2000 ли, и вэйских данных о расстоянии от Дай до Чанъань в 1900 вэйских ли позволила составителю определить расстояние от Дай до Сутэ в 16 000 ли.

Если сопоставить его с расстоянием от Дай до Чжэшэ в 15 450 ли, то окажется, что между столицами Сутэ/Яньцай и Чжэшэ/Канцзюй было всего лишь 550 ли (около 220 км), тогда как по данным в «Хань шу» в I в. до н. э. между столицами Канцзюй и Яньцай было 2000 ханьских ли или 800 км древнего дорожного расстояния. Похоже на то, что в V в. столица царства Сутэ находилась на месте древней столицы Яньцай. О том, что это могло случиться, позволяют заключить изложенные далее описания Сутэ в «Вэй шу». По этим сведениям, три поколения назад сюнны убили правителя Яньцай и завладели его царс-

твом. Но сюннов вокруг Аральского моря, судя по исследованным выше материалам китайских династийных историй, никогда не было. Следовательно, правитель Яньцай стал жертвой какого-то другого кочевого народа, но не сюннов, а также и не усуней, и не канцзюйцев, царства которых существовали одновременно с Сутэ до 437 г.

Обратим внимание: этот неизвестный народ, назовем его пока так, сначала разделался с правителем Яньцай, а потом овладел его царством. В этом сообщении нет и намека на вторжение иноземцев, на завоевание Яньцай. Это скорее описание дворцового переворота, но совершенного инородцами, которые, получается, уже находились в этом царстве. Эта загадочная ситуация вполне объяснима, полагаем, при учете результатов исследования во второй главе данной работы материалов из «Вэй люэ» и «Хоу Хань шу» о динлинах.

Там выяснено, что динлины, которые издревле обитали к северу от границы между Усунь и Сюнну на северо-западе Восточного Туркестана, в последней трети II в., под натиском сяньбийцев, разгромивших северных сюннов и завладевших их землями, переселились к северо-западу от Усунь. Там они и воссоздали три своих царства: Динлин — к северо-западу от Усунь, Цзянькунь — к востоку от Яньцай/Алань и между ними к северу от гор Цунлин и царства Канцзюй — царство Худе (Хуцзе). А это регион преимущественно полупустынных и пустынных земель, расположенный к северу и югу от долины единственной здесь р. Чу — глинисто-щебнистой пустыни к северу от Чу и Песков Муюн-Кум к югу. Для того времени и региона динлины были очень многочисленным народом — более 600 тысяч человек в трех царствах.

Нетрудно заключить, что бедность экологической ниши стала вскоре вынуждать многочисленных динлинов проникать во владения соседей. Легче всего, полагаем, они проходили в земли Яньцай/Алань, поскольку динлины, как и аланы, были белокурыми европеоидами, тогда как канцзюйцы, как и даваньцы, были

черноволосыми. Так что к середине IV в. племена алан и динлинов, этих двух кочевых народов, стали перемешиваться.

Примерно такой обрисовал ситуацию у алан, живших к востоку от Дона и Волги, Аммиан Марцеллин, описывая события 375–378 гг.:

«Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве в далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся Аланами, по однообразию обычаев, дикому образу жизни и одинаковости вооружения» (Амм., 1907, XXXI, с. 241).

Быстрее всего процесс аланизации, вrastания в среду алан, пошел, видимо, у ближних к аланам, западных, этнически родственных с ними племен белокурых динлинов. Поэтому вполне вероятно, что «три поколения назад», т. е. примерно 75–80 лет, какие-то племена динлинов уже спокойно жили на территории царства Яньцай/Алань. Но они все-таки еще помнили, что они динлины. Вероятно, предводитель одного из них настолько прославился и среди динлинов, и среди алан, что когда он с помощью своих многочисленных сородичей-динлинов убил, надо полагать, бездарного правителя-алана и завладел его царством, против него не выступили даже аланы. Как было принято у кочевников в те времена, царство было названо Сутэ, видимо, по имени этого выдающегося предводителя западных динлинов, как и в описанном выше случае появления названия народа и царства Яда у восточных племен динлинов (см. гл. 3 данной работы).

По сведениям в приведенном выше описании Сутэ, можно выяснить, когда это царство было создано — надо лишь установить, от какого года или отрезка времени отсчитывать три поколения до начала царствования правителя Хуни. Сведения в описании Сутэ позволяют, как увидим, точно определить, когда был убит правитель Яньцай. Сначала сказано, что купцы из Сутэ приходили торговать в земли царства Лян. Последующее упоминание о разгроме города Гуцзан, столицы царства Лян, доказы-

вает, что речь шла о царстве Хэси, которое было создано в 412 г. к западу от Реки (Хуанхэ) Цзюйцой Мэнсунем и существовало в 412–439 гг. А в 431 г. император Вэй Ши-цзу (424–452) пожаловал Мэнсуню титул Лян-вана (царя царства Лян) (ВШ, гл. 4/1, с. 79), но в 439 г. он начал войну против его сына, возглавившего царство после смерти Мэнсуя. Вэй разгромила столицу царства Хэси г. Гуцзан, а потом завладела всеми его землями. Так что купцы из Сутэ могли торговать в Лян лишь с 431 по 439 г., когда они оказались во власти Вэй. Правитель же Сутэ только в начале правления нового императора — Гао-цзуна (452–465) обратился к Вэй с просьбой позволить выкупить их. По данным хроники, в правление Гао-цзуна посольство из Сутэ приходило только в 457 г. (ВШ, гл. 5, с. 116). И потому сообщение в описании Сутэ о том, что «с этого времени не было послов ко двору с дарами», верно, но относится только к периоду правления Гао-цзуна, так как, по данным хроники, после его смерти в 465 г. послы из Сутэ побывали в Вэй еще и в 467, и в 474, и в 479 гг. (ВШ, гл. 6, с. 128; гл. 7/1, с. 140, 147).

Следовательно, сведения, изложенные в описании царства Сутэ, были записаны вэйскими дворцовыми историографами именно со слов посла, прибывшего от правителя Хуни ко двору Вэй в 457 г., так как никаких данных о Сутэ за последующее время в описании нет.

Отсюда следует, что совместное алаано-динлинское царство Сутэ было образовано на месте Яньцай/Алань за три поколения до указанного события. Полагаем, что долгота поколения, ныне определяемая в 30 лет, в то давнее время была у кочевников короче — лет 25. Значит, царство Сутэ было создано около 380 г.

Неудивительно поэтому, что в материалах китайских историй о событиях V в. царство Алань и три динлинских царства в этом регионе, как и народ динлины, не упоминаются вообще.

Царство Сутэ, объединившее силы кочевых аланских и динлинских племен, оказалось, очевидно, могущественнее ближайших своих соседей — кочевых царств Канцзюй и Усунь. Но,

занимая экологически бедную нишу, населявшие Сутэ многолюдные племена белокурых алан и динлинов стали, надо полагать, постепенно оттеснять прежде всего ближайших к ним черноволосых канцзюйцев с их равнинных пастбищ в горы Цунлин (Тянь-Шань). Отступив в горы поближе к издавна дружественному им царству Давань (Фергане), канцзюйцы перенесли туда и свою столицу, о чем свидетельствует уменьшение расстояния между столицей Чжэшэ и столицей Давань г. Гуйшань: оно сократилось с 2000 ли (800 км) в III в. по данным «Цзинь шу» (ЦШ, гл. 97, с. 2544) до определенного выше по данным «Вэй шу» — 550 ли (220 км). И тогда же, несомненно, царство Канцзюй было переименовано в Чжэшэ. А произошло это явно на рубеже IV–V вв., поскольку в «Цзинь шу» еще говорится о прибытии примерно в 383 г. в царство Раннее Цинь (351–384) к Фу Цзяню послов из Канцзюй и Давань (ЦШ, гл. 113, с. 1375/2).

Царство Чжэшэ стало, безусловно, много меньше и слабее своего разгромленного предшественника Канцзюй.

Очевидно, что вскоре после преобразования Канцзюй в Чжэшэ произошло и превращение царства Давань в царство Полона. Вероятно, в Давань бежало много канцзюйцев, которые уже в конце III в. были, судя по описанию Канцзюй в «Цзинь шу», почти одинаковы с даваньцами по облику, одежде и обычаям (ЦШ, гл. 97, с. 2544), т. е. черноволосыми европеоидами памиро-алайского типа.

Сопоставляя исследованные выше материалы из «Вэй шу» о царствах Сутэ/Яньцай, Чжэшэ/Канцзюй и Усунь, можно предположить, что события в данном регионе до и после 437 г. развивались примерно так.

Смешавшиеся племена алан и динлинов создали в 80-е годы IV в. царство Сутэ на землях бывших царств Яньцай/Алань и трех динлинских, т. е. между Аральским морем и оз. Балхаш. В последующие десятилетия это большое и многонаселенное царство кочевников постепенно оттеснило на юге и юго-востоке кочевников-канцзюйцев с их равнинных пастбищ в горы Тянь-Шань. Вот почему в описании Сутэ оно и указано к западу от

гор, названных Цунлин. Это значит, что Сутэ одновременно завладело и одним из важнейших караванных путей с востока на запад, пролежавшим в ханьское время через столицу Усунь г. Чигу (пос. Шаты), далее через столицу Канцзюй г. Битянь (г. Джамбул) и на юго-запад в Аньси (Парфию), явно владевшую Согдианой.

Царство Чжэшэ, бывшее Канцзюй, ослабленное, запертое в горах Тянь-Шань, не представляло для Сутэ ни угрозы, ни интереса. А вот богатейшие пастбища Усунь в долине р. Или были очень соблазнительны для племен алан и динлинов, обитавших по-соседству в восточной части Сутэ. Естественно поэтому полагать, что именно аланы и динлины ранее 437 г. неоднократно нападали на Усунь, после же 437 г. разгромили ее окончательно, а не жужани, никогда не появлявшиеся рядом с Усунь, хотя именно им приписывали эти нападения вэйские историографы.

Здесь надо остановиться на описании царства Юэбань в «Вэй шу» (ВШ, гл. 102, с. 2268–2269). В нем сказано, что оно находилось к северо-западу от Усунь и отстояло от Дай на 10 930 ли. В таком случае, судя по разнице расстояний от Дай до Усунь и Юэбань, получается, что столица Юэбань отстояла на северо-запад от столицы Усунь лишь на 130 вэйских ли или на 65 км, т. е. находилась почти на территории царства Усунь. Но это сообщение опровергают последующие сведения в описании Юэбань, согласно которым оно было якобы создано остатками северных сюннов, разгромленных позднеханьским военачальником Доу Сянем, что произошло в 89 г. (XXIII, гл. 89, с. 2953). Эти сюнны остались жить к северу от Гуйцы (Кучи), следовательно, к северо-востоку, а не к северо-западу от Усунь. А к северо-западу от Усунь на рубеже II–III вв. появилось, как выяснено во второй главе данной работы, по сведениям из «Вэй люэ», царство Динлин. Что же касается сведений о протяженности владений Юэбань на несколько тысяч ли и о его 200-тысячном населении, то это, несомненно, очень большое преувеличение его послов, желавших представить свое царство при дворе Вэй сильным и большим. Ведь в историях нет даже намека на существование и ранее, и в то время в районе к северу от Гуйцы такого

большого царства. Сoglасуется с нашим предположением и тот факт, что Юэбань, заявив о себе на исторической арене отправлением своего посла в 437 г. в Вэй, исчезло без следа навсегда после 448 г., когда его второе посольство побывало там. О нем сказано в описании Юэбань, и в хронике (ВШ, гл. 4/2 с. 102). Очевидно, что царство Юэбань не имело отношения к разгрому вскоре после 437 г. царства Усунь. Скорее всего, оно само было завоевано тем же народом, который после 437 г. разгромил Усунь и, двинувшись на юго-восток, в начале 50-х годов завладел царством Гуйцы.

Итак, полученные сведения позволяют заключить, что жившие в восточной части Сутэ рядом с Усунь белокурые ала-но-динлинские племена до 437 г. нападали на земли Усунь, а после 437 г. полностью разгромили белокурых усуней и завладели их землями. Напомним наше предположение, что, видимо, во время этой войны один из предводителей восточных ала-но-динлинских племен по имени Яда настолько прославился, что стал их общепризнанным главой. Разгромив Усунь на рубеже 40–50-х гг. V в., они отделились от Сутэ и ушли дальше на юго-восток и юг в Западный край (Восточный Туркестан) и Припамирье. Имя предводителя орды Яда в завоеванных царствах оседлых народов стало восприниматься как название и царства и народа, хотя царство как таковое еще не было создано. Только к концу 70-х годов V в. последняя часть орды Яда создала царство Яда к югу от истока Амударьи (Пянджа) и к западу от Памира, в районе нынешнего афганского г. Файзабада.

Люди же племен, возглавляемых Яда, по-прежнему называли себя одни аланами, другие — динлинами. Так, послы царства Тугухунь сообщили при дворе Вэй, что к северу от их царства, т. е. в землях Яньци (Карашара) находится царство Алань (ВШ, гл. 101, с. 2241), а империя Ци посылала послов в Динлин (НЦШ, гл. 59, с. 1028), находившееся в Юйтянь (Хотане).

Итак, яда — это восточная ветвь союза племен, орды алан и динлинов. Завоевав многие царства Западного края (Восточного Туркестана), расположенные вокруг Памира до Пянджа, верхо-

вьев Амударьи, яда, которые оказались распылены по этим царствам, стоявшим, как правило, на более высокой ступени общественного развития, быстро ассимилировались и уже в первой половине VI в. исчезли с лица этих регионов. Только в верховьях Амударьи, где они создали свое небольшое царство Яда, получившее в конце VI в. название Идань, оно и народ под названием идань упоминаются в китайских историях до середины VIII в.

Что же касается царства Сутэ, созданного алано-динлинскими племенами в 80-е годы IV в., от которого около 437 г. и отделилась восточная группа племен во главе с Яда, то оно направляло посольства в Вэй до 479 г., после чего в «Вэй шу» упоминаний о нем больше нет. Но, судя по тому, что в 564 г. из Сутэ прибыло посольство в империю Северная Чжоу, царство это продолжало существовать весь V в. и большую часть VI в. Никаких других царств по соседству с ним в китайских историях за этот период не упоминается. Можно предположить, что его история оказалась тесно связанной с историей древнехорезмийского царства. Это предположение основано на согласованности выводов, сделанных С. П. Толстовым по археологическим данным о сокращении оросительной системы правобережного Хорезма в низовье Амударьи в III–IV вв. (Толстов, 1948, с. 46) и о полном исчезновении в левобережном Хорезме после IV в. громадного канала Чермян-яб, действовавшего с ахеменидского времени (Там же, с. 47). Скорее всего, этот упадок оросительной системы в Древнем Хорезме связан с вторжением в эти края с востока, с низовьев Сырдарьи, алано-динлинских кочевников царства Сутэ.

Итак, по материалам китайских источников выяснено, что в конце IV в., примерно в 380 г., в землях нынешнего Южного Казахстана объединившиеся племена алан и динлинов создали свое царство Сутэ, которое разгромило царство Канцзюй. Около 437 г. восточная часть этих племен, образовав орду во главе с Яда, отделилась, покорила царство Усунь и двинулась далее в Восточный Туркестан и Припамирье, где остатки орды примерно в 70-е годы V в. и создали к западу от Памира небольшое царство Яда.

Царство Сутэ существовало почти до конца VI в. и, видимо, основательно потеснило на западе древний Хорезм. Народ Яда, аланы и динлины, в Восточном Туркестане к середине VI в. ассимилировались и под этим названием исчезли с исторической арены, а в западном Припамирье след их царства прослеживался до середины VIII в., а возможно, и позже.

* * *

Далее сначала рассмотрим сведения в описаниях царств в «Повествовании о Западном крае» в «Вэй шу», лежавших к югу от Сутэ и к западу от Шулэ (Кашгара) по великому караванному пути из Китая на запад, проходившему через Фергану, Согдиану и далее к югу. Проблемы локализации их и взаиморасположения исследованы ранее в работе «Запад Центральной Азии» (Боровкова, 1989, с. 109–167, схема 5 на с. 125), а некоторые из них исследованы подробнее в последующих работах (Боровкова, 2001, с. 173–176; ее же, 2005). Поэтому здесь будем рассматривать касающиеся их сведения кратко, кроме тех случаев, когда в них будут вноситься дополнения и уточнения.

Сведения, зафиксированные в описаниях этих царств, были, несомненно, получены и записаны вэйскими дворцовыми историографами со слов послов из них, побывавших при дворе Вэй во второй половине V — первой половине VI вв. Но из двадцати царств этого региона, описанных в «Повествовании», посольства в Вэй, судя по хронике в «Вэй шу», посылали только пять, да еще Босы (Персия, Сасанидский Иран). Больше всех, а именно девять посольств, прибыло с 473 по 509 г. из царства Сиваньцзинь, пять посольств с 437 по 465 г. — из царства Полона и по одному из Мими — в 451, Тухоло — 464 и Ньюми — 509 г. Больше посольства из этих царств не появлялись. Только из Босы (Ирана) послы приходили до 522 г., а из Сиваньцзинь — до 509 г.

Судя по активности посольских связей Сиваньцзинь с империей Вэй с 473 до 509 г., и по тому, что именно с ним в «Вэй шу» соотнесено местоположение нескольких царств, оно уже к тому времени было большим и сильным царством. Но, поскольку

в описании царства Тухоло, послы из которого приходили в Вэй только один раз в 464 г., оно соотнесено с Сиваньцзинь, есть основание полагать, что царство Тухоло, существовавшее по соседству с ним, было создано уже на рубеже 50–60-х годов V в.

Однако описание Сиваньцзинь в «Вэй шу» столь же кратко, как и ряда соотнесенных с ним явно мелких царств:

«Царство Сиваньцзинь со столицей в г. Сиваньцзинь отстоит от Дай на 12 720 ли. К югу от этого царства есть горы Цзясэни, [в которых] водятся львы. Еже[годно] присылало послов ко двору с подношениями» (VIII, гл. 102, с. 2269–2270).

Судя по расстоянию от Дай, столица царства Сиваньцзинь находилась в районе или даже на месте нынешнего Коканда. Это ясно из следующего расчета: от Дай до Шулэ (Кашгара) было тогда 11 250 ли, следовательно, от Шулэ до Сиваньцзинь (12 770 — 11 250) — 1470 вэйских ли, т. е. 735 км древнего дорожного расстояния V в., а ныне от Кашгара до Коканда по автотрассе через Наманган 673 км, т. е. на этом участке издревле торного караванного пути расстояние с V в. и донныне сократилось всего на 10%. К югу от Сиваньцзинь указаны горы Цзясэни, явно нынешний Алайский хребет, простиравшийся к югу от Коканда, и в 180 ли/90 км — одноименное царство Цзясэни. К северо-западу от Сиваньцзинь указаны царства Цзябудань в 60 ли/30 км и Сэчжисянь в 220 ли/110 км. Очевидно, что все они лежали в Ферганской долине, в которой р. Сох, стекающая с Алайского хребта, растекается веером в районе Коканда (Сохский веер).

Поскольку посольства ко двору Вэй из этих явно маленьких и, видимо, подвластных Сиваньцзинь царств не приходили, — логично полагать, что краткие описания их были составлены по сведениям, полученным именно от послов Сиваньцзинь.

Но в хронике в сообщении за 491 г. сказано:

«Сиваньцзинь и другие пять царств прислали ко двору посольства с подношениями» (VIII, гл. 7/2, с. 167).

Факт прибытия посольств из пяти неназванных царств вместе с посольством Сиваньцзинь свидетельствует во всяком случае хотя бы о формальной их независимости от послед-

него. Ими, несомненно, были царства Цзябэй, Чжэсемосунь, Цяньдунь, Фудиша и Яньфоцзе, лежавшие друг за другом, как показали наши исследования в предшествующих работах, по Великому караванному пути к западу от Сиваньцзинь (Коканда). В их кратких описаниях в «Вэй шу» они идентифицированы с владениями пяти юэчжийских сихоу (князей) I в. до н. э., названных так же, как в «Хань шу» — Сюми-, Шуанми-, Гуйшуан-, Сидунь- и Гаофу-сихоу (ВШ, гл. 102, с. 2274–2275). Все вопросы, связанные с локализацией владений этих пяти юэчжийских сихоу I в. до н. э. и идентифицированных с ними пяти царств V в., исследованы нами в предыдущих работах (Боровкова, 1989, с. 58–60, 114–117; ее же, 2001, с. 171–176; ее же, 2005, с. 86–92). Поэтому здесь лишь кратко изложим выводы из этих исследований.

Четыре первых царства, идентифицированные с владениями первых четырех сихоу — Цзябэй/Сюми, Чжэсемосунь/Шуанми, Цяньдунь/Гуйшуан и Фудиша/Сидунь, — лежали друг за другом на небольшом, в 190 км (по «Хань шу» — 160 км), участке Великого караванного пути к западу от Сиваньцзинь (Коканда) до района нынешнего Хаваста, т. е. они были маленькими. Столица первого, Цзябэй/Сюми, находилась где-то чуть восточнее от нынешнего г. Худжанд, столица второго — Чжэсемосунь/Шуанми — в районе самого Худжанда. Столица третьего царства, Цяньдунь, идентифицированного с владением Гуйшуан-сихоу, прославленного тем, что один из носителей этого титула основал в начале I в. н. э. знаменитое Гуйшуанское, Кушанское, царство, лежала в районе г. Бекабад, а четвертого, Фудиша/Сидунь, — в районе г. Хаваст, от которого шел путь на юг в Яньфоцзе и на запад, в Аньси, как, следовательно, китайцы стали называть Согдиану. Столица пятого царства Яньфоцзе, идентифицированного с владением Гаофу-сихоу, находилась как раз к югу от Фудиша/Сидунь в 100 ли/50 км по древней дороге, т. е. в районе нынешнего г. Ура-Тюбе на Душанбинском тракте.

Как выяснилось в результате наших названных выше исследований, этот путь в период существования двух империй

Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) вел в г. Ланьши, бывший во II в. до н.э. столицей Дася, в I веке до н.э. столицей завладевшего Дася царства Большое Юэчжи, а в I–II веках н.э. столицей созданного на его месте Кушанского царства. Находился же г. Ланьши на месте огромного городища, раскопанного советскими археологами в районе г. Шахринау, что в 44 км западнее г. Душанбе.

Скорее всего, об этих пяти царствах и шла речь в сообщении хроники за 491 г., которое гласило:

«Сиваньцзинь и другие пять царств прислали ко двору послов с подношениями» (ВШ, гл. 4/2, с. 167).

§ 3. Большое Юэчжи (Позднее Кушанское царство), царь Кидара, поражение его и бегство в Северную Индию

В «Вэй шу» сразу после описания именно царства Яньфоцзе/Гаофу, локализуемого в Ура-Тюбе, приведено значительно более подробное описание царства Большое Юэчжи:

«Царство Большое Юэчжи со столицей в г. Луцзяньши находится к западу от Фудиша и отстоит от Дай на 14 500 ли. На севере оно соседствовало с жужанями, неоднократно подвергалось нападениям, поэтому перенесло столицу на запад в г. Боло, отстоявший от Фудиша на 2100 ли. Его правитель Цзидоло, отважный и воинственный, вслед за тем поднял войско, перешел через Великие горы (Гиндукуш. — Л. Б.) и к югу [от них] завоевал Северную Тяньчжу. Пять царств к северу от [царства] Цяньтоло подчинились ему. Во времена Ши-цзу (424–452 гг. — Л. Б.) люди этого царства торговали в столице»; далее сказано о том, что они научили китайцев выделять стекло пяти цветов (ВШ, гл. 102, с. 2275).

Последняя фраза в этом описании («во времена Ши-цзу») — ясное доказательство того, что Позднее Кушанское царство существовало до середины V в., и дворцовые историографы

Вэй, как и Поздней Хань (25–220), и Цзинь (317–420), продолжали называть его Большим Юэчжи. Это согласуется и с рассмотренными выше сведениями армянского историка V в. Егише о войнах шаханшаха Ирана Ездигерда II (438–457) с Кушанским царством в 450 и 454 гг. (см. гл. 3). Попытаемся выяснить его местонахождение в период существования империи Вэй, т. е. в IV и первой половине V в.

Прежде всего обращает на себя внимание название столицы Большого Юэчжи — Луцзяньши. Иероглиф *лу* добавлен к древнему названию города — *Цзяньши*, как в «Хань шу» названа, безусловно, по ошибке позднейших переписчиков этой истории, столица царства Большое Юэчжи в I в. до н. э. (об этом см.: Боровкова, 2001, с. 163, прим. 3), тогда как во II в. до н. э. столицей Дася, на землях которой это царство и было создано, она называлась, по «Ши цзи», городом Ланьши. Так же названа и столица Кушанского царства в I в. н. э. в «Хоу Хань шу». Возможно ли, что этот город оставался столицей и Позднего Кушанского царства в V в.?

Сопоставим данные о расстоянии от Дай до Большого Юэчжи в 14 450 ли и до царства Фудиша/Сидунь в 13 660 ли, к западу от которого оно почему-то в описании указано, хотя описано после Яньфоцзе/Гаофу. Выясняем: их разделяло 790 ли (385 км) по дорогам V в. Но в описании Большого Юэчжи сказано, что после неоднократных нападений на него жужаней столица была перенесена, обратим внимание, на запад в г. Боло. Однако жужани-кочевники, судя по другим материалам китайских историй V–VI вв., в этом регионе никогда не бывали. Следовательно, вэйские дворцовые историографы опять их именем назвали каких-то неизвестных им кочевников, нападавших на Большое Юэчжи, скорее всего, с севера. А г. Боло был столицей царства Носеболо, лежавшего, как сказано в его описании в «Вэй шу», к югу от царства Нюми в 23 488 ли от Дай (ВШ, гл. 102, с. 2273).

Очевидно, что теперь нам необходимо выяснить местонахождение царства Нюми. Посольство из него приходило ко дво-

ру Вэй, согласно хронике, только один раз, в 509 г. (ВШ, гл. 8, с. 207), в тот же день, когда прибыло и последнее посольство из указанного к востоку от Нюми царства Сиваньцзинь, что и дает основание предположить, что они шли вместе. Значит, сведения о Нюми и о некоторых соотнесенных с ним царствах, описанных в «Вэй шу», были получены, несомненно, в 509 г. от его посла. Но описание Нюми состоит всего из одного предложения:

«Царство Нюми со столицей в г. Нюми находится к западу от Сиваньцзинь и отстоит от Дай на 22 828 ли» (ВШ, гл. 102, с. 2270).

В нем поражает сообщение о расстоянии от Дай до Нюми — 22 828 ли. Эта цифра свидетельствует о его резком, на 10 108 ли (около 5 тыс. км), увеличении по сравнению с расстоянием в 12 720 ли от Дай до Сиваньцзинь. И уже потому данное сообщение представляется ошибочным, как и сообщение о расстояниях от Дай до царств, соотнесенных с Нюми. Очевидно, что Нюми, указанное находящимся к западу от Сиваньцзинь, не могло отстоять от него так далеко, на 5 тыс. км.

Подтверждают это суждение и следующие материалы. В «Синь Тан шу» в описании царства Ань, из которого послы в начале существования империи Тан приходили неоднократно, сказано, что оно при династии Вэй называлось Нюми (СТШ, гл. 221/2, с. 6244). Изучение данных этой истории, соотнесенных с данными «Бэй ши» и Сюань-цзана, позволило локализовать царство Ань в районе Бухары (см.: Боровкова, 1989, с. 122–143 и Схему 7 на с. 130–131).

По результатам указанного исследования определяем расстояние от царства Восточное Цао/Судуйшана/Судулисэна, локализуемого на месте Коканда, до царства Ань (Бухары). По данным «Бэй ши» и «Синь Тан шу», оно равно 1251 танской ли, по данным же Сюань-цзана — 1690 танских ли. Заметим, что Сюань-цзан сам прошел этот путь, но только до Ходжента. Если пересчитать танские ли в километры, то узнаем, что, по данным историй, от Сиваньцзинь (Коканда) до Нюми (Бухары) было 658 км и 890 км — по данным Сюань-цзана. Ныне от Коканда

до Бухары 689 км, что только на 24 км больше расстояния V в., определяемого по историям. По данным же Сюань-цзана, оно на 208 км больше, что соответствует выявленному нами среднему проценту сокращения пути с V в. до современного. Итак, от Дай до Сиваньцзинь было 12 720 ли и плюс 1780 вэйских ли от него до Нюми, т. е. всего 14 500 вэйских ли (7250 км). Следовательно, в описании Нюми в «Вэй шу» оно преувеличено на 8328 ли. Это расхождение объясняется, полагаем, несомненно, тем, что вэйские дворцовые переводчики и историографы в начале VI в. плохо понимали язык посла из царства Нюми и не знали, какова была мера длины, в которой посол определял указанные им расстояния.

А этот факт дает основание заключить, что Нюми и регион вокруг него был заселен иным народом, говорившим на ином языке, чем население череды царств, возглавляемых царством Сиваньцзинь. В «Вэй шу» сказано, что примерно в 46 км к юго-западу от царства Нюми указано царство Моучжи, в 450 км к западу — царство Афутайхань, и в 500 км — Цзаоцзячжи, а в 350 км к югу — Носэболо. И это согласуется с тем известным историческим фактом, что население Согда, т. е. региона Самарканда–Бухары–Чарджоу, говорило на согдийском языке.

Но если от Дай до Нюми было 14 500 ли, то царство Большое Юэчжи, до которого указано тоже 14 500 ли, лежало, выходит, к западу от царства Фудиша (Хаваста), но точно на месте Нюми/Ань (Бухары). Однако вспомним сообщение о том, что столица Большого Юэчжи, страдавшего от набегов кочевников, была поэтому перенесена, обратим внимание, на запад в г. Боло. А г. Боло был столицей царства Носэболо, лежавшего к югу от Нюми (ВШ, гл. 102, с. 2273). Из этого следует, что первая столица Большого Юэчжи г. Луцзяньши и само это царство находились не к западу от Фудиша, а к югу от него. Подтверждают это сведения, содержащиеся в описании царства Аньси (Согдианы) в «Вэй шу»:

«Царство Аньси находится к западу от Цунлина. <...> Соседствует на севере с Канцзюй, на западе с Босы. Находится

к северо-западу от Большого Юэчжи. Отстоит от Дай на 21 500 ли» (ВШ, гл. 102, с. 2275). Судя по сильно завышенному, как и до Нюми, расстоянию до него от Дай в 21 500 ли, ясно, что сведения об Аньси (Согдиане) были получены при дворе Вэй тоже от посла Нюми в 509 г. Указание о соседстве Аньси на севере с царством Канцзюй, которого в начале VI в. уже не существовало, а на западе с Босы (Ираном) наводит на мысль, что вэйские историографы просто повторили сведения из «Хань шу», в которых просто заменили ханьское Аньси (Парфия) на Босы (Иран) своего времени.

Но такую мысль опровергает указание на то, что Аньси находится к северо-западу от Большого Юэчжи. А из этого следует, что царством Аньси названа именно Согдиана, тогда как в ханьское время Аньси называлась Великая Парфия, соседствовавшая с Канцзюй и на севере, т. е. владевшая Согдианой. Но Аньси–Парфия находилась к западу от Большого Юэчжи на всем протяжении границы с ним — от ставки Сидунь-сихоу (Хаваста) на севере до царства Уишаньли в Северном Афганистане — на юге.

Более того, как показано выше, в вэйское время, в V в., царства, бывшие владения пяти юэчжийских князей, лежавшие по Великому караванному пути, Большому Юэчжи уже не принадлежали. Здесь существовали царства, самым западным из которых было Фудиша, идентифицированное с самым западным юэчжийским владением Сидунь-сихоу. А к западу от Фудиша/Сидунь в V в. находилось царство Аньси (Согдиана). Что же касается царства Большое Юэчжи, то его владения лежали не к западу от Фудиша, а к югу от Яньфоцзе, после которого оно и описано в «Вэй шу».

Это позволяет предположить, что столицей Большого Юэчжи V в., городом Луцзяньши, и был тот же самый г. Ланьши, который в течение нескольких веков был столицей сначала Дася, потом созданного на ее месте царства Большое Юэчжи, затем преобразованного в Кушанское царство. А находился тогда г. Ланьши, повторим это, на месте огромного древнего городи-

ща, раскопанного советскими археологами у нынешнего г. Шахринау в 44 км к западу от г. Душанбе.

Чтобы подтвердить или опровергнуть данное предположение, сопоставим указанное в «Вэй шу» расстояние между Фудиша/Сидунь, локализованным в районе г. Хаваст, и Большим Юэчжи с его столицей в г. Луцзяньши, равное 790 вэйских ли (14 450 минус 13 660), или 390 км, с расстоянием в 290 км между Хавастом и Шахринау по современной автотрассе. Как видим, расхождение между ними составляет 25%, что соответствует выявленному нами расхождению в этом регионе расстояния по дорогам V в. и по современным автотрассам в среднем на 20–25%.

Итак, выясняется, что в первой половине V в. Большое Юэчжи, т. е. Позднее Кушанское царство, со столицей Луцзяньши в районе нынешнего г. Шахринау, находилось в Северной Бактрии к югу от Гиссарского хребта на землях древних юэчжей, создавших здесь в I в. до н. э. царство Большое Юэчжи. Но в V в., как сказано в описании царства с таким названием в «Вэй шу», на него стали нападать «жужани», а вернее — какие-то неизвестные вэйским дворцовым историографам кочевники, нападать, несомненно, с севера, что и вынудило кушан перенести свою столицу на запад в г. Боло. Однако нападения явно продолжались, поскольку бывший тогда царем Позднего Кушанского царства Цзидоло/Кидара поднял свое войско и ушел с ним на юг. Он перевалил через «великие горы», т. е. Гиндукуш, и вторгся в Северную Индию. Там он завоевал царство Цяньтоло, занимавшее земли в районе нынешнего Пешавара, и пять других к северу от него.

Эти сообщения очень ценны тем, что при сопоставлении с другими данными позволяют разрешить спорный вопрос в истории региона — кто такие кидариты. Имя кушанского царя середины V в. Цзидоло названо в описании Большого Юэчжи в «Вэй шу». В описании Центральной Тяньчжу (Индии) в «Лян шу» — истории южнокитайской империи Лян имя царя написано иначе — Цюйдо (ЛШ, гл. 54, с. 798), а в «Записках» Сюань-цза-

на — Цзилидо (ДТСЮЦ, гл. 3, с. 120). Не вызывает сомнения, однако, что это — разные написания одного и того же имени кушанского царя Цзидоло/Кидары. Византийский историк Приск Панийский четыре раза писал о войне персов с кидаритами с 454 и до 468 г. Это название народа — кидариты, — встречающееся только в его труде, в четырех описаниях событий, происшедших на протяжении всего 12 лет, является, несомненно, производным от имени этого царя кушанского царства. В таком случае кидариты — это кушаны, подданные последнего царя Позднего Кушанского царства Кидары, а кидариты — это оседлый народ, что подтверждают и другие сведения, а не какой-то особый пришлый кочевой народ гунны.

Завоеванное Кидарой царство Цзяньтоло, о котором писал Сюань-цзан — это, несомненно, царство Цяньто, описание которого в «Вэй шу» было рассмотрено нами выше. В нем сказано, что это царство было разгромлено народом яда. Но проведенное нами выше исследование истории завоеваний орды Яда показало, что она не завоевывала Цяньто (см. гл. 3), и было высказано предположение, что это сделал какой-то другой белокурый, как и яда, народ. И рассмотренные теперь сведения доказывают, что царство Цяньто завоевали белокурые юэчжи-кушаны, возглавляемые царем Кидарой.

Есть несколько подтверждений этого факта. В пространном, на двух с половиной страницах, описании царства Центральная Тяньчжу (Индия) в «Лян шу» (ЛШ, гл. 54, с. 797–799) дворцовые историографы империи Лян, китайцы, сначала изложили на полутора страницах историю отношений юэчжей с Китаем, начав со сведений Чжан Цяня и до III в. н.э., и только после этого в описании сказано:

«В начале [эры] Тянь-цзянь (502–519. — Л. Б.) его царь (ван) Цюйдо прислал *чжан-ши* Чжулода преподнести [императору] донесение», длинный текст которого и приведен далее. В нем нам важна фраза:

«[Я], Ваш слуга, по имени Цюйдо, [являюсь потомком] ряда поколений царского рода». А далее Цюйдо выражает жела-

ние установить «со священной особой Великого царя» мир и непрерывный обмен посланиями (ЛШ, гл. 54, с. 799).

В хронике «Лян шу» сообщение о прибытии посольства из Тяньчжу от царя Цюйдо датировано 7-й луной 2 г. Тянь-цзянь (ЦФЮГ, гл. 68, с. 11382), т. е. 503 г. Оно доказывает, что Кидара, бывший кушанский царь, правил завоеванным им индийским царством Цяньто[ло] по крайней мере до 504 г. И это разрешает долгий спор ученых о датировании монет, найденных в Западной Индии с надписью «Кидара Кушана шах» на брахми: пятым или шестым веком.

В описании царства Цяньто в «Вэй шу» сказано:

«Его царь из рода чилэ правит царством во втором поколении, любит воевать. Сражался с Цзибинь три года, но не смог [победить]» (ВШ, гл. 102, с. 2280).

Составлено это описание, несомненно, на основании сведений, полученных от послов из этого царства, побывавших при дворе Вэй только в 507 и 511 гг. Эти краткие сведения точно доказывают, что в 507–511 гг. царством Цяньто[ло] правил уже царь второго поколения, а не Кидара. Подтверждение сообщения о войне с Цзибинь находим в «Записках» Сюань-цзана, побывавшего в Северной Индии примерно на рубеже 30–40-х годов VII в. В описании царства Цзяшимило (Кашмира), которое китайцы и в период Тан продолжали называть Цзибинь, он изложил услышанную там историю о вторжении в это царство Цилидо, искоренявшего буддизм и заявившего:

«Я — правитель Тухолоского царства у подножия снежных гор», — и о его изгнании (ДТСЮЦ, гл. 3, с. 20). Очевидно, что Цилидо — это искаженное Цидоло, Кидара, т. е. имя бывшего царя Позднего Кушанского царства, который захватил находившееся у подножия снежных гор царство Цяньто[ло], столицей которого был, как говорилось выше, г. Пурушавур (Пешавар). В нем в начале II в. н. э. находилась столица Канишки (ок. 103–125), знаменитого царя Великого Кушанского царства.

Согласно описанию Большого Юэчжи в «Вэй шу», Кидара вынужден был покинуть Кушанское царство со столи-

цей Луцзяньши/Ланьши (Шахринау), перенесенной потом к западу в г. Боло, а затем уйти под натиском кочевников в Северную Индию, где и завладел царством Цяньто. Но когда?

Для решения этого вопроса очень важны сообщения индологов о наличии в индийских источниках сведений о вторжении в Северную Индию народа «Nunas», «гунов», а не «гуннов» с двумя «н», как пишут современные переводчики и исследователи, называющие и их эфталитами. Именно так, гунами, а не гуннами, т. е. так же, как назвал Аммиан Марцеллин племена кочевников (см. гл. I данной работы), которые напали с севера на алан, обитавших у Меотийского болота (Азовского моря). Индологи сообщают, что в Джунагадхской скальной надписи упоминается о победе одного из последних правителей империи Гуптов Кумарагупты I Скандегупты над вторгшимися гунами (Бонгард-Левин, 1969, с. 512; История таджикского народа, т. 1, с. 551, прим. 34).

Индологи сообщают о сражении, датируемом ими примерно 457 годом. Приведены сведения о победах гунов, относимых к началу VI в. сначала под водительством Торумана, а после, примерно с 515 г., — Михаранкула, о гибели их царства после 533 г. (Бонгард-Левин, 1969, с. 512, 513, 514; История Афганистана, 1964, с. 205), находившегося, несомненно, в Северной Индии.

В «Вэй шу» есть описание царства Малое Юэчжи:

«Царство Малое Юэчжи. Столица [его] в г. Фулоуша. Его правитель — сын Цидоло, правителя Большого Юэчжи. Цидоло был изгнан сюннами и переселился на запад. Потом приказал своему сыну охранять этот город, и потому оно названо Малым Юэчжи. [Оно] находится на юго-западе от Болу, отстоит от Дай на 16 600 ли. Прежде малые юэчжи обитали между Сипином и Чжанье. [Их] одежда очень похожа на цянскую. Они обычно используют для торговли золотые и серебряные деньги. Переселяются вслед за скотом. Также подобны сюннам. В 10 ли к востоку от их города буддийская ступа, окружностью в 350 шагов, высотой в 80 чжан» (ВШ, гл. 102, с. 2277).

Очевидно, при дворе Вэй сведения о царстве сына Цидоло Кидары были получены от послов из соседствовавших с ним северо-индийских царств Учан и Цзибинь. Но дворцовые историографы соединили эти сведения, относящиеся к рубежу V–VI веков, со сведениями II в. до н. э., отраженными в «Хань шу» и «Хоу Хань шу», о малых юэчжах, оставшихся на своей родине к югу от г. Чжанье, и сочинили это очень путаное описание. В нем дворцовые историографы перемешали сведения о царстве сына Кидары в V в. и сведения II в. до н. э. из «Хань шу» и «Хоу Хань шу» о малых юэчжах, оставшихся среди цянов после изгнания сюннами большинства юэчжей на запад в Среднюю Азию.

Некоторые современные авторы, основываясь на сообщении китайского паломника Сун Юна, побывавшего в 520 г. в Гандхаре, т. е. в Цяньто, и сообщившего о разгроме этого царства за два поколения до своего посещения, приходят к правильному, по сути, выводу о дате вторжения «эфталитов» сюда — оно, полагают, произошло около 460 г. (История Афганистана, 1964, с. 204, прим. 22), что согласуется с датировкой сражения гунов со Скандагуптой в 457 г. и сражения персов с кидаритами в 456 г.

Следовательно, монеты с надписью «Кидара Кушан шах» на брахми могли быть отчеканены только в период не ранее 460 г. и не позднее 504–505 гг., когда он правил царством Цяньто[ло].

Но при рассмотрении вопросов истории Средней Азии этого периода очень важно обратить внимание на описание в «Вэй шу» царства Тухуло, т. е. Тохарского царства, мало оцененное до сих пор исследователями. Тохары, одно из тех четырех племен, названных, как мы знаем, древними китайцами юэчжами, которые создали царство Большое Юэчжи, существовавшее во II–I вв. до н. э. в Северной Бактрии. В начале I в. н. э. оно было преобразовано в Кушанское царство, которое, завладев Северным Афганистаном и Северной Индией, превратилось в Великое Кушанское царство. Но китайцы продолжали и его называть царством Большое Юэчжи (подробно обо всем этом см.: Боровкова, 2001). Оно распалось около 200 г. О Позднем

Кушанском царстве, существовавшем в III–IV вв., писали западные авторы, как уже говорилось в данной работе.

Но обратим внимание, — его царями в эти века были представители парфянского царского рода Аршакуни. Как видим, и сведения в «Вэй шу» подтверждают, что примерно до середины V в. существовало царство Большое Юэчжи, т. е. Позднее Кушанское царство, царь которого Кидара бежал с войском в Северную Индию. А созданное на его месте Тохарское царство в 464 г. прислало посла в Северную Вэй. Какая же связь между Кушанским и Тохарским царствами?

Столицей Большого Юэчжи сначала был г. Ланьши (Шахринау) в районе нынешнего Душанбе. Затем она была перенесена западнее, в г. Боло, находившийся к югу от Нюми (Бухары), под давлением каких-то кочевников, ошибочно названных в «Вэй шу» жужанями. А в конце 50-х годов V в., по-видимому, под натиском тех же кочевников с севера и, возможно, из-за недовольства самих кушан аршакидским правителем, терпевшим поражения от кочевников, юный царь Большого Юэчжи Кидара с войском бросает свое царство и уходит на юг в далекую Северную Индию, где завоевывает царство Цяньто[ло] в районе нынешнего г. Пешавар и пять других царств к северу от него.

Обратим внимание, перед нами ясное свидетельство того, что в 50-е годы V в. к северу от Гиссарского хребта в долине Сырдарьи появились мощные орды каких-то кочевников, которые и теснят Кушанское царство Кидары. О том, кто такие были эти кочевники, выясним позже.

§ 4. Тохарское царство Тухуло (Тухоло)

А теперь попытаемся выяснить, что же это за царство Тухуло. В хронике «Вэй шу» есть сообщение о том, что в 5 г. эры Хэ-пин, т. е. в 464 г., «царство Тухуло прислало посла ко двору с дарами» (ВШ, гл. 5, с. 122). Больше послы из него в Вэй не приходили. Следовательно, сведения, зафиксированные в «Вэй шу»

в описании Тухуло, были получены от посла, прибывшего именно в 464 году, т. е. уже после прекращения существования царства Позднее Большое Юэчжи. В описании сказано: «Царство Тухуло отстоит от Дай на 12 000 ли, на востоке [его территория] доходит до царства Фаньян, а на западе — до царства Сиваньцзинь, между ними было 2000 ли, на юге доходит до непрерывных гор неизвестного названия, а на севере — до царства Босы, между которыми было 10 000 ли. В царстве есть г. Боти окружностью в 60 ли. К югу от города большая река, текущая на запад и называемая Ханьлоухэ. Земля производит пять злаковых, есть хорошие лошади, лошаки и верблюды. Его правитель Цэн прислал посла ко двору [Вэй] с дарами» (ВШ, гл. 102, с. 2277).

В этом описании ряд ошибок: в определении расстояния до Тухоло от Дай, в определении взаиморасположения его с царствами по странам света и протяженности его владений с юга на север. Очевидно, например, что Тухуло, до которого от Дай указано 12 000 ли, лежало к востоку от Сиваньцзинь (Коканда), до которой от Дай было 12 720 ли, и что находилось Тухоло между Шулэ (Кашгаром), до которого от Дай было 11 250 ли, и Сиваньцзинь (Кокандом), а не между царством Фаньян, лежавшим к северо-западу от Цзибинь и далеко к югу от Амударьи, и Сиваньцзинь — на западе. Значит Тухуло, до которого в «Вэй шу» указано 12 000 ли, не могло лежать к югу от Босы (Ирана), до которого от Дай в «Вэй шу» указано 24 270 ли. И даже за вычетом выявленного нами преувеличения расстояния от Дай до Нюми на 8328 ли от Дай до Босы оказывается около 15 000 ли. Преувеличена и протяженность владений Тухуло с юга на север, определенная в 10 000 ли (свыше 5000 км). Но в целом описание не оставляет сомнения в том, что царство Тухуло было очень большим. О столичном городе в описании не упомянуто, но сказано о существовании в Тухуло г. Боти окружностью 60 ли, т. е. 30 км. По тем временам то был гигантский город, и находился он к северу от большой реки, текущей на запад. Это дает основание полагать, что это был существовавший с древности к северу от Амударьи огромный город на месте нынешнего г. Термеза,

лежавший к северу от текущей на запад Амударьи. А сообщение о выращивании в Тухуло пяти злаков и разведении тяглого скота (лошадей, лошаков и верблюдов) не оставляет сомнения в том, что это было царство оседлых земледельцев, занимавшихся и скотоводством.

О существовании царства Тухуло с VI по VIII в. стало известно по его описаниям в китайских династийных историях последующих империй — Суй (581–617) и Тан (618–906) и в «Записках» Сюань-цзана.

В «Бэй ши» и «Суй ши», составленных по архивам империи Суй в первой трети VII в., описания царства, названного в них уже не Тухуло, а Тухоло, почти идентичны, поскольку написаны, несомненно, на основании сведений, полученных от его посла, приходившего в 615 г. ко двору империи Суй вместе с послами других, лежавших к северу от него царств Средней Азии (ЦФЮГ, гл. 970. с. 11396). В «Бэй ши» говорится:

«Царство Тухоло. Столица [находится] в 500 ли к западу от Цунлина. [Тухолосцы] живут вперемешку с иданьцами. Столичный город окружностью в 2 ли. Отборных войск 100 тысяч человек, все хорошо сражаются. В нем по обычаю поклоняются Будде. У старшего и младших братьев одна жена, [с которой] спят по очереди. Каждый человек, входящий в дом и вешающий свою одежду за дверь, является желающим [спать с нею]. Рожденные дети подчиняются старшему брату. В его горах есть пещеры, в которых есть священные кони. Каждый год выпасают кобылиц у пещер, [после чего] рождаются священные жеребята. На юг до царства Цао (Цзибинь. — Л. Б.) 1700 ли» (БШ, гл. 97, с. 3236).

Оно, как видим, очень отличается от рассмотренного описания Тухуло в «Вэй шу», и сведения в нем весьма противоречивы. Так, согласно ему, столица Тухоло была окружностью всего в 2 ли (1 км), т. е. очень маленьким городом, но это не согласуется с последующим сообщением — о наличии в нем 100-тысячного отборного войска, доказывающим, что Тухоло было большим и многолюдным царством. Оно взято, скорее всего, из описания

Большого Тухоло в «Вэй шу», вместе с сообщением о нахождении этой маленькой столицы в 500 ли (263 км) к западу от Цунлина (Памира). Это расстояние дает вроде бы основание предполагать, что столицей был все тот же город Ланьши (Шахринау), т. е. столица земледельческих царств предшественников Тухоло — Дася, Большого Юэчжи, Кушанского (Ланьши был разрушен нападавшими на него кочевниками, почему столица и была перенесена на запад в город Боти, но не на восток). Однако размер его в окружности — 2 ли опровергает такое предположение. Сообщение о том, что тухолосцы живут попеременно с иданьцами, т. е. с яда, кочевниками, а также о том, что в Тухоло народ поклоняется Будде и имеет обычай многомужества (полиандрии), принятый у разных кочевников, побудил ряд исследователей предположить, что эфталиты и были кочевниками яда, пришедшими с Памира и завладевшими Кушанским царством. На самом деле эти сведения относятся к маленькому Тухоло, оставшемуся на юго-востоке после распада Большого Тухоло, существовавшего при Вэй, на 27 владений. Рядом с ним оказалось царство Яда, потом названное Идань, царство кочевников.

Проведенное исследование, изложенное в третьей главе данной работы, показало, что орда алан-динлинов, возглавляемая вождем Яда, не могла и не завоевывала огромное царство земледельцев Тухоло, далекое от занятых ею районов. Лишь в конце своего пути остатки орды создали небольшое царство Яда к западу от Памира у Пянджа, истока Амударьи, на землях одного из крайних на юго-востоке царств, заселенных тухолосцами. Здесь белокурые яда-кочевники, у которых был принят обычай многомужества, стали жить попеременно с белокурыми тухолосцами (тохарами, юэчжами), проникая, несомненно, со временем и в соседние владения тухолосцев.

А то, что в этом описании Тухоло в «Бэй ши» к югу от него, т. е. от его столицы, указано в 1700 ли (850 км) царство Цао, т. е. Цзибинь, не оставляет сомнения в том, что маленькое царство Тухоло, оставшееся после распада Большого Тухоло, находилось на его дальней юго-восточной окраине бывшего при

Вэй большим царства Тухоло. Это согласуется со сведениями Сюань-цзана о Тухоло.

Паломник-буддист Сюань-цзан, побывавший в этом регионе примерно 20 лет спустя после прибытия в 615 г. в империю Суй посла из ставшего маленьким царства Тухоло, сообщил, что после того, как род правителей Тухоло пресекся, царство разделилось на 27 владений. Это произошло, следовательно, ранее прибытия в 615 г. в Суй посла, со слов которого и составлено описание Тухоло в «Бэй ши» и «Суй шу». И Сюань-цзан описал все тухолоские царства, занимавшие территорию бывшего огромным при Вэй царства Тухоло. Начало пути в них он указал из царства Цзешуанна, лежавшего к югу от царства Самоцзянь (Ходжента):

«Отсюда через 200 с лишним ли вступили в горы, где горная дорога через ущелья опасна и страшна, труднопроходима для людей. К тому же [здесь] мало воды и травы. Пройдя горами на юго-восток еще более 300 ли, вошли в Железные ворота. Железные ворота слева и справа окружены горами. Горы [эти] совершенно отвесные и очень высокие. И хотя есть узкая тропинка, [они] усиливают ее труднопроходимость. С двух сторон каменные стены цвета железа. Здесь и устроены створчатые ворота. На их створках к тому же висело множество железных колокольчиков. Из-за прочности [ворот] и появилось их название. Из Железных ворот выходишь в тухолоские царства. Их земли с юга на север [простираются] более чем на 1000 ли (по описанию в «Вэй шу» — на 10000 ли. — *Л. Б.*); на востоке [они] ограничены Цунлином (Памиром. — *Л. Б.*), на западе — землями Боцисы (Персии. — *Л. Б.*), на юге — Большими снежными горами (Гиндукуша. — *Л. Б.*), на севере — Железными воротами. Большая река Фочухэ (Амударья. — *Л. Б.*) течет на запад по середине [этих] владений» (ДТСЮЦ, гл. 1, с. 27).

Это описание вряд ли оставляет сомнение в большой протяженности владений бывшего царства Тухоло, созданного ранее 464 года, но распавшегося к началу VII в. на 27 царств. Однако местонахождение Железных ворот, обозначающих его

северную границу, требует, с нашей точки зрения, специально-го исследования.

Со времен Дегиня, т. е. с середины XVIII в., и до наших дней без всякого специального исследования принято идентифицировать Железные ворота с проходом Дербент в хр. Байсунтаг на нынешнем Узбекском тракте из Самарканда в Термез. Однако проведенный нами в прежних работах подробный анализ сведений Сюань-цзана и династийных историй в сопоставлении с реальной географией региона показал, что Железные ворота, описанные Сюань-цзаном, находились к югу от Ходжента на Душанбинском тракте у его выхода из Варзобского ущелья в Гиссарскую долину (Боровкова, 1989, с. 15–16, 137–145).

Поэтому здесь лишь кратко изложим основные факты и выводы из того исследования.

Судя по описанию Сюань-цзана, Железные ворота были не просто трудным проходом в горе, а действительно железными створчатыми воротами, на которых висело множество железных же колокольчиков, между отвесными высокими горами железного цвета. И к ним выводил караванный путь. Сначала он шел на юго-запад 200 ли/105 км от столицы царства Самоцзянь (Ходжент) до столицы царства Цзешуанна (Шы), а от нее еще 200 ли/105 км на юго-запад, а далее на юго-восток 300 ли/157 км по горам. В «Бэй ши» — это царства, названные по-китайски Кан и Шы (БШ, гл. 97, с. 3233–3234, 3237). В «Синь Тан шу» Кан и Шы идентифицированы соответственно с Самоцзянь и Цзешуанна (СТШ, гл. 221/2, с. 6243, 6247). И в описании Шы в «Бэй ши» в 240 ли/126 км к северу от него указано царство Кан, а в 500 ли/263 км к югу — царство Тухоло, что совпадает с данными Сюань-цзана.

В «Синь Тан шу» есть еще очень важное свидетельство — о нахождении царства Кан/Самоцзянь к югу от р. Нами, которую все исследователи без всякого сомнения идентифицировали с Сырдарьей. Но столь же единодушно они идентифицировали и Самоцзянь с Самаркандом, поскольку от обоих идет путь на юг. Но Самарканд, как известно, лежит к югу от реки Зеравшан,

а не от Сырдарьи. Проведенное исследование данных «Бэй ши», «Записок» Сюань-цзана и «Синь Тан шу» о расстояниях до царства Кан/Самоцзянь от окружавших его царств показало, что оно находилось к югу от Сырдарьи в районе нынешнего г. Ходжента (бывшего Ленинабада), старая южная часть которого и ныне находится на южном берегу Сырдарьи (Боровкова, 1989, с. 137–141). И по данным «Бэй ши», от царства Бохань, древней Давань (Ош), до царства Кан, т. е. Самоцзянь, было 800 ли (Там же, см. схему 3, с. 125), или 421 км. Сейчас от г. Ош до Ходжента через Фергану и Коканд 341 км, т. е. древнее расстояние V в. на 80 км, или 20%, больше современного по автотрассе, что соответствует определенному нами в ходе исследований расхождению расстояний этих эпох в среднем на 20–25%.

По сведениям Сюань-цзана, от Самоцзянь до Железных ворот было более 800 танских ли/421 км. Из них последние более 300 ли/157 км перед Железными воротами — по горной дороге через ущелья, «которая опасна и страшна, труднопроходима для людей» и на ней мало воды и травы. Ныне из Ходжента путь на юг выходит на Душанбинский тракт, и от Ходжента до Душанбе расстояние составляет 339 км (Атлас автодорог, л. 141), т. е. на 20% меньше расстояния V в. между Самоцзянь и Железными воротами. И примерно на протяжении 140 км перед Варзобом он пересекает три очень высоких горных хребта — Туркестанский, Зеравшанский и Гиссарский, что соответствует протяженности опасной и труднопроходимой горной дороги в 300 ли/157 км, описанной Сюань-цзаном. Очевидно, что за прошедшие годы спрямление пути через эти очень высокие горы оказалось минимальным.

Узбекский же тракт от Самарканда до прохода Дербент в хр. Байсунтаг, юго-западном остроге Гиссарского хребта, пересекает один только этот хребет, а перед ним идет не по высоким безводным горам, а по слегка всхолмленной местности, лежащей на высоте 1000 м над уровнем моря, где немало речек и речушек. По нему от Самарканда до Дербента сейчас 285 км (Атлас автодорог, л. 140), по данным же Сюань-цзана, от Самоцзянь до

Железных ворот было 800 ли/421 км, т. е. на 34% больше, чем сейчас, тогда как в среднем расстояния по дорогам V в. превышали расстояния по современным автотрассам на 20–25%.

Итак, судя по сведениям в «Записках» Сюань-цзана, бывшее царство Тухоло (Тохарское царство), распавшееся на 27 владений, было огромным. По его описанию в «Вэй шу» оно простиралось от Цунлина (Памира) на востоке до Босы (Ирана) на западе, от Железных ворот (к югу от Гиссарского хребта) на севере до Больших снежных гор (Гиндукуша) на юге, т. е. занимало земли бывшего Великого Кушанского царства. Владения же яда в Западном крае (Восточном Туркестане) и вокруг Цунлина, как видим, в него не входили.

А тот факт, что в описаниях царства Тухоло за VI в. в «Бэй ши» и «Суй шу» отмечено, что в нем тухолосцы и иданьцы, т. е. яда, живут вперемешку, объясняется просто: после распада огромного царства Тухоло, на крайнем юго-востоке осталось маленькое царство Тухоло, которое граничило с небольшим царством Яда (Идань), лежавшим к востоку от Цунлина (Памира) и к югу от р. Уху (Амударьи), в данном случае — к югу от ее истока Пянджа в районе афганского города Файзабада.

Тохары и яда были разными народами и по истокам — юэцжи во II в. до н. э. вышли из Ганьсуского коридора, а яда в V в. н. э. из Южной Сибири, — и по образу жизни и истории: кочевники юэцжи, расселившись в I в. до н. э. среди земледельцев-бактрийцев, в V в. были оседлыми земледельцами, а яда и в V в. были и остались даже позже, в VI–VII вв., кочевниками. Но эти два народа были сходны в одном — те и другие были белокурыми европеоидами, хотя и разных типов. Несомненно, что именно это сходство их облика облегчало яда в последней трети V в. возможность проникновения и расселения в юго-восточных землях тохаров. Но совместное проживание не приводило к устраниванию различия между ними, особенно по образу жизни и языку. Потому и в VII–VIII вв. прибывавшие в Китай послы отмечали, что тохары живут вперемешку с иданьцами.

К тому же численность населения царства Яда была невелика, всего 100 тысяч, тогда как по описаниям в «Бэй ши» и «Суй шу» в царстве Тухоло только в войске было столько же человек. Поэтому невозможно представить, что немногочисленные кочевники яда были якобы теми могущественными эфталитами, от которых, по сведениям Лазаря Парбского, жившего во второй половине V в., и повторенным Прокопием Кесарийским, жившим в первой половине VI в., иранский шаханшах Пероз (457–487) трижды потерпел поражение на восточной границе своих владений, там, где перед этим, по сообщениям Егише, предшественника Лазаря, шаханшах Ездигерд II (438–457) в 450 и 454 гг. дважды был разгромлен Кушанским царством. Так что нельзя усомниться в том, что Тохарское царство (Тухоло) было создано на рубеже 50–60-х годов V в. на землях Позднего Кушанского царства выходцами из племени тохаров, изгнавшими разгромленного северными кочевниками царя Кидару рода Аршакидов и основавшими новую династию и новое царство. Скорее всего, имя царя его действительно было Эфталан, хотя сообщил об этом только в конце VI в. Феофан Византиец (Византийские историки, 1860, с. 493; см. цитату на с. 196 гл. 2 данной работы). Во всяком случае с этим именем согласуется то, что Лазарь Парбский в конце 484 г., по сведениям, полученным от персидского посла, писал о войнах Пероза на востоке с эфталитами, о его разгроме ими и гибели.

Подведем итог. Этнополитическая ситуация в Средней Азии на участке Великого караванного пути от Шулэ (Кашгара) на востоке до царства Ньюми (Бухары) на западе в начале V в. была такова. На землях существовавших тогда царств Чжэшэ и Полона (в восточной части Ферганской долины и к северу от нее) обосновались черноволосые канцзюйцы, древнее царство которых Канцзюй было разгромлено и завоевано белокурыми аланами и динлинами на рубеже IV–V вв. К середине V в. канцзюйцы стали господствовать в созданном ими и лежавшем по Великому караванному пути к западу от Полонь царстве Сиваньцзинь (Коканд), а также в ряде следовавших за ним мел-

ких царств, исключая согдийские царства Аньси и Ньюми. К югу же от Гиссарского хребта, от Памира на востоке до Ирана на западе на месте Позднего Кушанского царства после бегства кушанского царя Кидары возникло огромное Тохарское царство, а к северу от гор Тянь-Шань, напомним, еще с конца IV в. простирались владения царства Сутэ, созданного белокурами аланами и динлинами.

После 509 г., когда в Вэй побывало последнее посольство из царства Сиваньцзинь, до начала VII в. посольства из среднеазиатских царств в Китае, где не раз сменялись династии, почти не появлялись, за исключением побывавших при дворе империи Северная Чжоу (557–581) в 564 г. посольства из Сутэ и в 567 г. посольства из Аньси (Согдианы) (ЦФЮГ, гл. 969, с. 11394). Поскольку в этот период ко дворам сменявшихся китайских империй приходили посольства из царств других регионов (Восточного Туркестана, Индии, восточных царств), то, очевидно, что отсутствие посольств из среднеазиатских царств объяснялось какими-то серьезными событиями, происходившими в царствах самого этого региона. А так как послы не приходили, то, естественно, что в китайских историях и нет соответствующих сведений за этот период времени.

§ 5. Царства, возглавляемые царями юэчжами из рода Чжаоу

Снова посольства из среднеазиатских царств стали прибывать в Китай только в начале VII в., когда там уже существовала империя Суй (581–617), впервые за последние четыре века объединившая Север и Юг страны, а западные тюрки уже обосновались в бывших землях Усунь и Гуйцы (ЦТШ, гл. 215/2, с. 6055).

Вступивший на трон в 605 г. второй император Суй послал двух своих сановников в западные царства. После этого в Суй побывали вроде бы послы из 40 царств. Но в дошедших

до нас текстах описаний в «Бэй ши» и «Суй шу» западных царств сказано о посещении в эру Дае (605–618) только послов из 11 царств. В 609 г. при дворе Суй побывал посол из царства Ши (район Токтогула), в 614 — из царства Цао (район Ходжента), а в 615 году — сразу из нескольких дальних царств: Унагэ и Му, Тухоло, Бохань, Ань, Хэ, Цзюйлу и опять из Цао (ЦФЮГ, гл. 969, с. 11396).

В основном, по сведениям этих послов, записанных суйскими дворцовыми историографами, потом и были составлены описания двенадцати царств, приведенные в династийных историях «Бэй ши» и «Суй шу», написанных в первые же десятилетия после крушения империи Суй в новой империи Тан (617–906). Но в этих историях среднеазиатские царства получили, как видим, в основном односложные китайские названия, данные им, несомненно, китайскими сановниками и не соотнесенные с собственными названиями царств-предшественников, что затрудняет идентификацию и локализацию их. Однако в описаниях царств, получивших китайские названия, весьма точно определены расстояния между ними с указанием их взаиморасположения по странам света и расстояния до них от Гуачжоу, как тогда стал называться Дуньхуан. Эти данные были, скорее всего, получены от суйского посла Ду Синманя, сановника и, несомненно, образованного человека. Послал его в западный край Янь-ди, император Суй, вступивший на трон в 605 г. Ду Синмань дошел до царства Ань (Бухары) и, как сказано в описании этого царства, получив соль пяти цветов, возвратился (БШ, гл. 97, ч. 3234). Так что он прошел дважды — туда и обратно по Великому караванному пути до Бухары и верно определил расстояния по нему между царствами.

А вскоре, в 629 г., царства, описанные под китайскими названиями в «Бэй ши» и «Суй шу», посетил Сюань-цзан, который сообщил их местные названия в китайской транскрипции. А еще позже танские издатели его «Записок» идентифицировали их с китайскими названиями суйского времени. Определил Сюань-цзан и расстояния между этими царствами, в большинстве своем

почти совпадающие с указанными в «Бэй ши» и «Суй шу». Более того, благодаря его «Запискам» о большинстве этих царств позже появились сведения в «Синь Тан шу», составленной в XI в. При династии Тан и после похода Сюань-цзана связи с царствами среднеазиатского региона продолжались. Сопоставление сведений, изложенных в названных источниках, позволило в ранее проведенном исследовании определить местонахождение царств с китайскими названиями, описанных в «Бэй ши» и «Суй шу» (см.: Боровкова, 1989, с. 125–127, схемы 5, 6; с. 130–131, схема 7). Поэтому здесь лишь кратко изложим результаты того исследования и приведем схемы взаиморасположения царств, описанных в названных историях, с указанием нынешних районов их местонахождения.

Итак, в начале VII в. по Великому караванному пути из Китая в Малую Азию и рядом с ним царства располагались так: к западу от Шулэ (Кашгара) на востоке Ферганской долины находилось царство Бохань или Бухань, бывшее Полона/Давань; к северу от него в стороне от караванного пути в районе нынешнего Токтогульского водохранилища лежало царство Ши или Чжэши; по караванному пути к западу от Бохань в ее описании и в описании царства Ми указано царство Судуйшана, явно находившееся на месте разгромленного в 509 г. царства вэйского времени — Сиваньцзинь, нынешнего Коканда, но особого описания Судуйшана в «Бэй ши» и «Суй шу» нет. За ним далее на запад по Великому караванному пути лежали друг за другом царства Кан в районе нынешнего Ходжента и рядом с ним Хэ в районе г. Бекабад, Восточное или Малое Ань в районе Джизака, Ань или Большое Ань в районе Самарканда–Бухары, а к юго-западу от него у р. Уху (Амударьи), т. е. в районе нынешнего Чарджоу, царства Унагэ и Му (См. схему).

В описаниях всех этих царств, кроме Ши (Чжэши) и Тухоло, лежавших в стороне от Великого караванного пути, сказано, что их правителями, и даже правителем царства Цао, идентифицированного с североиндийским царством Цзибинь (БШ,

гл. 97, с. 3238), были юэчжи из рода владыки царства Кан, носившие, как и он, фамилию Чжаоу.

О том, что царство Кан (Ходжент) было главным среди этих царств, и о том, откуда пошло название династии их правителей Чжаоу, говорится в его описании:

«Царство Кан — преемник [царства] Канцзюй. [Народ] переселяется не часто, не постоянно живет на прежнем месте. Со времени Хань преемственность [власти] не прерывалась. Его правитель по фамилии Вэнь — юэчжиец. [Предки] издревле обитали в г. Чжаоу к северу от гор Цзянь. Разгромленные сюннами, [они] перешли через Цунлин (Луковый хребет) и создали царство. Все ветви народа разделились между правителями. Поэтому во всех царствах к востоку и западу от царства Кан [правители] носят фамилию Чжаоу, показывая, что [они] не забыли [о своих] корнях. [Нынешний] правитель называется Шибуи, человек великодушный и добрый, очень привлек сердца людей. Его жена — дочь тюркского Даду-кагана.

Столица в г. Алуди на р. Сабаошуй, много людей живет [в нем]. Старших сановников три, сообща управляют государственными делами <...> [Кан] считается сильным царством. Многие царства Западного края подчиняются ему: Ми, Шы, Цао, Хэ, Ань, Малое Ань, Насэбо, Унагэ, Му. В нем хуские законы. <...> Люди с глубокими глазами, высокими носами, густыми волосами. Любят торговать, обмениваются со всеми и (северными народами. — Л. Б.), [которых] собирается в этом царстве много. <...> Брачные и похоронные обряды одинаковы с тюркскими. В царстве устроен храм предков, и все царства помогают в жертвоприношениях. Поклоняются Будде. Используют хуское письмо. Климат теплый, рождаются пять злаковых, народ прилежен в садоводстве и овощеводстве. Деревья растут пышно. Разводят лошадей, верблюдов, ослов <...> [Добывают] золото и многие другие минералы» (ВШ, гл. 102, с. 2281; БШ, гл. 97, с. 3233–3234).

Обратим внимание, что в этом описании царства Кан, а также в описаниях подвластных ему царств Ми, Цао, Шы и Хэ сказано, что правители их были юэчжи из рода Чжаоу, а находи-

лись царства на землях бывшего царства Канцзюй. Лежавшие же западнее их по Великому караванному пути царства Малое Ань, Ань, Му и Унагэ, правители которых, по этим описаниям, тоже были из юэчжийской династии Чжаоу, находились на землях бывшего царства Аньси (Согдианы).

Эти противоречивые сведения вызывают вопросы — откуда на рубеже VI–VII вв. в царствах, лежавших по Великому караванному пути от Шулэ (Кашгара) на запад до Унагэ (Чарджоу), появились юэчжи, почему именно потомки юэчжей родом из какого-то неизвестного г. Чжаоу стали их правителями, почему и как пять возглавляемых ими царств оказались в конце VI — начале VII в. лежащими на землях бывшего царства Канцзюй, исчезнувшего с политической карты региона на рубеже IV–V вв. и которое, как показало проведенное исследование материалов династийных историй, со II в. до н. э. и до V в. н. э. никогда не владело землями по Великому караванному пути и в Согдиане.

Ответить на эти вопросы можно, полагаем, только сопоставив имеющиеся в историях сведения об этнополитической ситуации в рассматриваемом регионе Средней Азии, сложившейся к началу VI в., с ситуацией начала VII в.

Как выяснено выше, к концу 80-х годов IV в. кочевые ала-но-динлинские племена создали многонаселенное царство Сутэ между озером Балхаш и Аральским морем к северо-западу от царства Усунь, к северу от царства Канцзюй и к западу от гор Цунлин (Тянь-Шань). И оно просуществовало до конца VI в. На рубеже IV–V вв., несомненно, под натиском Сутэ исчезает царство Канцзюй, находившееся к югу от Сутэ. Изгнанные со своих земель канцзюйцы, многочисленный черноволосый, как даваньцы, народ, создают в горах, к северу от истари дружественного им царства Давань (Ферганы), царство Чжэшэ/Канцзюй. Затем занимают и преобразуют Давань в царство Полона.

После 437 г. возглавленные Яда восточные племена алан и динлинов разгромили, как уже говорилось, лежавшее к востоку от них царство Усунь. Очевидно, что многочисленный белокурый народ его, окруженный кочевниками аланами и динлинами,

мог бежать в то время из долины р. Или, где он прожил шесть веков, только на юго-запад, в созданные на рубеже IV–V веков их давними врагами — канцзюйцами царства Чжэшэ/Канцзюй и Полона/ Давань. Об этом свидетельствует то, что после 437 г. оба царства, и Чжэшэ и Усунь одновременно исчезают с политической карты региона навсегда. Так что царство Чжэшэ/Канцзюй существовало только с конца IV в. до 437 г. А после 465 г. исчезает и Полон. Теснимые усунями канцзюйцы, ранее обосновавшиеся здесь, несомненно, хлынули в небольшие царства, лежавшие по Великому караванному пути к западу от Полон (Ферганы), и стали их господами. В районе нынешнего Коканда в конце 50-х годов они создали мощное царство Сиваньцзинь (Коканд), напали с севера (по нынешнему Душанбинскому тракту) и нанесли поражение Позднему Кушанскому царству. Его юный царь Кидара около 456–457 г. с войском бежал в Северную Индию, где покорил 5–6 царств, правил и чеканил монету до 504–505 г. На месте Кушанского царства вскоре же было создано большое Тохарское царство, в 464 г. отправившее посольство в Северную Вэй явно по пути через Полону/Давань, бывшую до 465 г. еще под контролем канцзюйцев. Но после этого года Давань перестала пропускать в Вэй кушанских, т. е. тохарских, послов. А начавшее доминировать на Великом караванном пути Сиваньцзинь установило с 473 г. посольские связи с Вэй, продолжавшиеся до 509 г.

Очевидно, что в 50-е годы V в. на Большое Юэчжи (Позднее Кушанское царство) нападали не жужани, как сказано в «Вэй шу», а канцзюйцы, владевшие тогда выходом с Великого караванного пути на Душанбинский тракт. Но согдийские царства Нюми, Аньси, Носэболо и Моучжи в 509 г. еще, видимо, не были подчинены канцзюйцам. Но местонахождение подвластных канцзюйцам царств, возглавляемых царством Сиваньцзинь и описанных в «Вэй шу», точно совпадает с местонахождением перечисленных в описании Кан в «Вэй шу» и получивших в «Бэй ши» отдельные описания царств коалиции девяти с китайскими названиями. Возглавляемые царством Кан, они существовали во второй половине VI — начале VII вв., однако указаны лежавши-

ми на бывших землях царства Канцзюй. Но царство Канцзюй, прекратившее свое существование на рубеже IV–V вв., никогда не владело землями по Великому караванному пути, проходившему по южному берегу Сырдарьи. Скорее всего, послы из царств коалиции девяти, господство над которыми захватили канцзюйцы в середине V в., говорили о нахождении их царств на землях бывшего Канцзюй, чтобы уверить двор Вэй в непрерывности власти их правителей со времен Хань и, тем самым, в их могуществе. А дворцовые историографы империи Суй на основании их уверений и назвали главное царство коалиции девяти по первому иероглифу названия «Канцзюй» — Кан.

Но почему же в таком случае к рубежу VI–VII вв. их царями, по сообщению послов, были не канцзюйцы, а юэчжи, потомки жителей г. Чжаоу? Из «Хань шу», а именно главы «Ди ли чжи» («Описание устройства земель»), выясняем, что в обеих империях Хань в Ганьуском коридоре в административном районе Чжанье-цзюнь существовал уезд Чжаоу (XIII, гл. 26/2, с. 1613; XXIII, гл. 23, с. 3520), центром которого и был, очевидно, небольшой г. Чжаоу. А в «Большом словаре древних и современных китайских географических названий» сказано, что в империи Цзинь (317–420) уезд был переименован, а в Северной Вэй (386–535) — ликвидирован (ДМДЦД, 1930, с. 626). Но юэчжи, как известно, во II в. до н. э. были многочисленным народом и владели всем Ганьуским коридором. Почему же тогда в VI–VII вв. правителями стали юэчжи родом из маленького г. Чжаоу, который был построен, несомненно, ханьцами только после того, как они, в 121 г. до н. э. изгнав оттуда суннов, овладели Ганьуским коридором.

Вот теперь время вспомнить, что в окружении многочисленных кочевников юэчжей жил народ усунь, малочисленный, судя по тому, что в «Ши цзи» (гл. 123, с. 3168) и в «Хань шу» (гл. 61, с. 2691) их царство названо маленьким. Как уже показано нами ранее, юэчжи и усунь были этнически родственными народами, белокурами европеоидами с почти одинаковым языком. Но около 182 г. до н. э. юэчжи разгромили царство Усунь, уби-

ли его правителя (куньми), завладели его землями, а народ бежал в Сюнну, куда был унесен и новорожденный сын убитого юэчжами куньми, принятый и воспитанный при дворе шаньюя. С того времени и на века усунь и юэчжи стали кровными врагами.

А в 167 г. сюннуский Лаошан-шаньюй разгромил и изгнал юэчжей из Ганьсуского коридора, отдав его сюннам. Юэчжи переселились в долину р. Или. Но в 163 г. до н. э. выросший и ставший военачальником в Сюнну наследник усуньского куньми во главе сюннуского войска, мстя юэчжам за смерть отца, разгромил и изгнал юэчжей из долины Или, и она стала владением Сюнну. После же смерти Лаошан-шаньюя в 162 г. куньми собрал усуней, рассеянных в Сюнну, остатки саков и юэчжей и создал в долине Или новое царство Усунь, отделившись от Сюнну. С тех пор и до 437 г. царство Усунь существовало там.

Юэчжи, изгнанные из долины Или, ушли на юго-запад и, примерно в 162 г. до н. э., разбитые царем Греко-Бактрии Евкратидом, получили от него право создать свое царство кочевников Большое Юэчжи к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи) в северных горно-степных землях Дася, т. е. Греко-Бактрийского царства. На рубеже 100–99 г. до н. э. юэчжи перед угрозой вторжения Парфии в Дася, по приглашению Дася, мирно переселились в Дася, раздробленную на мелкие владения после смерти Евкратида в 155 г. И кочевое царство Большое Юэчжи превратилось в огромное оседло-земледельческое царство. В начале I в. н. э. в результате мятежа Большое Юэчжи было преобразовано в Кушанское царство, ставшее к концу того же века могущественным. Распалось оно около 200 г., после чего в его бывших землях к северу от Амударьи появилось Кушанское царство во главе с потомком Канишки. А к югу от него Кушанские земли возглавили отпрыски парфянского царского рода Аршакидов, которые после воцарения Сасанида Арташира в 226 г. тут же добровольно покорились ему и потому сохранили свои владения. Примерно в середине III в. они объединились в единое Позднее Кушанское царство, возглавленное царями из рода Аршакидов, но подвластное Ирану. И только в 370 г. Позднее Кушанское царство напа-

ло на Иран и разгромило персидское войско, доказав тем самым свою независимость от него.

К концу 50-х годов V в., явно юный кушанский царь из Аршакидов Кидара, потерпев поражение на севере от кочевников канцзюйцев и от персов на юго-западе, что вызвало, видимо, взрыв негодования его подданных, испугался, бежал со своим войском в Северную Индию, и, завладев там шестью царствами, правил долго, до 504–505 г. Это и доказывает, что в конце 50-х годов V в. Кидара был юным. На землях же покинутого им Позднего Кушанского царства было создано огромное Тохарское царство, простиравшееся от Памира на востоке до Ирана на западе и от Гиссарского хребта на севере до Гиндукуша на юге. Царем его стал, несомненно, выдающийся деятель из очень многочисленного кушанского племени тохар. Имя его, по сведениям византийцев, было Эфталан, почему и его подданные получили название «эфталиты».

В 464 г. Тохарское царство в первый, но и последний раз отправило посольство в Вэй. Очевидно, оно тогда отбило натиск с севера кочевников-канцзюйцев и персов — с юго-запада, а позже нанесло сокрушительные поражения их царю Перозу, погибшему в его последнем походе на восток в 484 г. Но в начале VII в. Тохарское царство, как было сказано выше, распалось на 27 мелких царств, лежавших к югу от Гиссарского хребта, т. е. южнее Великого караванного пути.

Так что сведения в «Бэй ши» и «Суй шу» о юэчжах из рода Чжаоу, правителях девяти или восьми царств, большая часть которых лежала по Великому караванному пути, отражают ошибку населения этого региона, появившуюся, полагаем, так. Разгром в 437 г. царства Усунь обусловил бегство его многочисленного народа на юго-запад. Там усуни уничтожили созданное ранее разгромленными канцзюйцами в горах Тянь-Шаня царство Чжэшэ, затем занятую канцзюйцами Полону, и далее овладели царствами, лежавшими на запад от нее по Великому караванному пути. Так что появились в этом регионе, в царствах, лежавших по Великому караванному пути, не юэчжи, а усуни, которые по

внешнему виду и языку были одинаковы с юэчжами. Народы же этих царств помнили, как они процветали при господстве юэчжей в пору существования Большого Юэчжи и Кушанского царства, но ничего не знали об усунях, далеких кровных врагах юэчжей. Поэтому в V в. прибывших усуней здешние народы приняли за юэчжей и охотно признали в качестве правителей. Правившие до этого канцзюйцы вынуждены были подчиниться, а возможно и бежать, видя, как народ радостно встречает усуней. Усуням же такое превращение в юэчжей и в правителей царств без войны было выгодно. Они оговорили свое отличие от юэчжей только тем, что называли свою династию Чжаоу по городу, построенному ханьцами, на месте которого в древности жили их предки, где находилось древнее маленькое царство Усунь, их прародина. Но об этом, кроме самих усуней в V в., уже никто не помнил.

Только так можно понять, с нашей точки зрения, почему в конце VI — начале VII в. царства от Ферганы до Согда считались находившимися на землях бывшего царства Канцзюй, но под властью правителей юэчжей из рода Чжаоу.

Датой, после которой произошла смена правителей девяти царств из черноволосых канцзюйцев белокуроыми усунями, признаваемыми местным населением юэчжами из рода Чжаоу, видимо, следует считать 509 г., после которого исчезли и упоминания главного, управляемого канцзюйцами царства Сиваньцзинь (Коканд). А к середине VI в. сложилась коалиция девяти царств, возглавляемая юэчжами, а на самом деле усунями из рода Чжаоу. И так как усунь обладали многовековым опытом управления государством, созданная ими коалиция девяти во главе с царством Кан процветала. Это подтверждает не только сообщение в описании Кан (Ходжента) о его могуществе, но и факт включения в возглавляемую им коалицию также четырех царств Согда, ранее сплоченных вокруг царства Нюми (Бухары), а теперь уже названных Малым Ань, Ань, Му и Унагэ, занимавшими земли от района нынешнего Джизака до Чарджоу. Ими также стали править «юэчжи из рода Чжаоу», т. е. усунь. Вот их-то персы и византийцы в 558 г. и позже называли турками-скифами.

Вхождение во второй половине VI в. в коалицию девяти во главе с Кан согдийских царств, язык которых в Китае, в Северной Вэй, был мало известен (что ясно из вышеизложенных сведений о сильно преувеличенных расстояниях от Дай до Нюми и его соседей), означало, что именно с этого времени и не ранее согдийские купцы получили возможность беспрепятственно проходить по Великому караванному пути через царства Средней Азии на восток, в царства Восточного Туркестана и Китая, где они стали даже создавать свои многочисленные колонии (ИТН, т. 1, 1963, с. 458; см., напр.: Чугуевский, 1971).

Бурные события в центральной части Средней Азии в V — начале VI в.: разгром на рубеже IV–V вв. царства Канцзюй, появление вместо него царства Чжэшэ, а Полоны вместо Давань, разгром после 437 г. царства Усунь и Чжэшэ, а после 465 г. и Полоны — привели к исчезновению с этнополитической карты данного региона не только двух великих древних царств — Канцзюй и Усунь, но и их народов — канцзюйцев и усуней. Конечно, сами люди не исчезли, они в последующие века смешались друг с другом и местным населением, откочевали и стали одним из важных компонентов, из которых в последующее время сложились, сплывались тюркские народы этого региона. Но какие именно земли более шести веков занимали царства Усунь и Канцзюй, народы региона и китайцы помнили еще долго.

Одновременно с массовым притоком согдийских купцов в царства Средней Азии и Восточного Туркестана, лежавшие по Великому караванному пути, вплоть до Китая, в них стали все шире распространяться согдийский язык и письменность. В описаниях Кан (Ходжента) в «Вэй шу», взятого из позднее составленной «Бэй ши», сказано, что в нем «хуская письменность». О том, что так названа именно согдийская письменность, позволяют заключить отмеченное в описании Босы (Ирана) в «Вэй шу» отличие его письменности от хуской (ВШ, гл. 102, с. 2271) и сообщение в «Суй шу» о том, что тюрки-хусцы не смогли дойти до Босы, покорить это царство (Бичурин, 1950, т. 1, с. 288). Еще более убедительны сведения Сюань-цзана, прошедшего че-

рез данный регион примерно в 629 г. Описывая г. Суе (г. Рыбачье) у р. Суе (р. Чу), он сообщил:

«От города у р. Суе до царства Цзешуанна местность называется Сули и так же называются люди, соответственно так же [называются] их письменность и разговорный язык». Далее он описал письменность сули (ДТСЮЦ, гл. 1, с. 22).

Как уже говорилось выше, царство Цзешуанна, отождествленное с Шы, находилось в 300 ли/157 км к югу от царства Кан (Ходжента), т. е. в районе нынешнего г. Шахристан. Как видим, описанная Сюань-цзаном местность Сули с одноименными народом, языком и письменностью занимала как раз территорию коалиции царств, возглавляемой Кан с правителями юэчжами, на самом деле усунями из рода Чжаоу, т. е. территорию от озера Иссык-Куль и реки Чу до Шахристана к югу от Ходжента, т. е. за исключением входивших в коалицию девяти западных собственно согдийских царств. Эта же территория вырисовывается и из сообщения Сюань-цзана в описании царства Самоцзянь/Кан о том, что мощное войско его состоит из мужественных и отважных людей из царств от Чжэши/Ши (Токтогула) до Цзешуанны/Шы (Шахристана) (ДТСЮЦ, гл. 1, с. 25).

Далее Сюань-цзан сообщил, что некогда мощное Тохарское царство распалось на 27 отдельных царств, которые в его время, т. е. в первой половине VII в., все подчинялись тюркам. Но письменность в них была, пишет он, своя, тохарская. Сочинений на ней было написано немного больше, но распространены они были шире, чем сочинения на сули (ДТСЮЦ, гл. 1, с. 28).

Однако если язык и письменность сули — это согдийские язык и письменность, то почему же в таком случае Сюань-цзан не включил в местность Сули собственно согдийские царства? Судя по его подробным описаниям здешних царств, он спустился на Великий караванный путь с северо-востока, дошел до царства Самоцзянь, как на самом деле называлось царство Кан (Ходжент), из него пошел на юг в царство Цзешуанна/Шы (Шахристан) и далее по Душанбинскому тракту до Железных во-

рот в тохарские царства. Описания же согдийских царств, лежавших к западу от Самоцзянь по Великому караванному пути до его пересечения с рекой Фочухэ, т. е. Амударьей, кратки, в полторы строчки, однотипны, и о том, что находилось далее этих царств, ничего не сказано. Поэтому вряд ли можно усомниться в том, что Сюань-цзан западнее Самоцзянь (Ходжента) в собственно согдийские царства не ходил, а краткие их описания составил по расспросным сведениям.

Но остается вопрос: где же во второй половине VI — начале VII в. находились владения турков, описанных Менандром с 558 г., с которыми исследователи отождествили тюрков? Ранее история выхода тюрков на историческую арену в Западном крае (Восточном Туркестане) уже была кратко изложена (Боровкова, 1992, гл. 4) по материалам китайских историй «Чжоу шу» и «Бэй ши». Воспроизведем ее основные факты и некоторые добавим.

§ 6. Кем были «турки-скифы», описанные Менандром в Средней Азии в 558–568 гг.

Согласно сведениям в «Повествовании о Туцзюэ (Тюрках)» в «Чжоу шу» и «Повествовании о Тюрках и Теле» в «Бэй ши», тюрки вели свое начало от сюннуского, следовательно, черноволосого рода Ашина, обитавшего в землях царства Хэси Цзюйцзюй Мэнсуня в Ганьсуском коридоре. После его разгрома империей Северная Вэй в 439 г. род Ашина в 500 семей бежал на север в Жужаньский каганат и стал его кузнецами-оружейниками. Они обосновались у горы Цзиньшань (Золотой горы), которая, как уже говорилось выше, находилась к северу от Иу (Хами) в южном отроге хребта, ныне называемого Карлыктагом.

Со временем тюрки стали процветать и ходить на приграничные рынки Китая для покупки хлопковых и шелковых тканей (ЧШ, гл. 50, с. 908). В 545 году император Западной Вэй отпустил жителя г. Цзюцюань некоего Аньно Паньто к тюркам,

расценившим его прибытие как признание великой империей их владения. В 546 г. глава тюрков рода Ашина Тумэнь направил своих послов в Западную Вэй. А в это время племена телэ, называвшиеся в Северной Вэй гаоче, предприняли очередной поход против Жужаньского каганата. Тюрки, оружейники жужаней, перерезали им путь и разгромили. Пятьдесят тысяч ло (родовых групп) телэ, т. е. около полмиллиона кочевников, подчинились им. Обрадованный Тумэнь попросил у жужаньского кагана Анахуаня дочь в жены. Получив отказ как раб-кузнец, оскорбившийся Тумэнь убил посла Анахуаня и обратился с просьбой о браке в Западную Вэй. И в 551 г. вэйская принцесса стала его женой (ЧШ, гл. 50, с. 908).

Тюрки отделились от Жужаньского каганата и в 552 г. с помощью подвластных им многочисленных телэ разгромили его. Глава жужаньского каганата Анахуань покончил жизнь самоубийством. А глава тюрков Тумэнь провозгласил создание Тюркского каганата и себя Или-каганом (ЧШ, гл. 50, с. 509; БШ, гл. 99, с. 3287). В 553 г. Тумэнь умер. Его сын, ставший Исицзи-каганом, вскоре умер, а каганом стал его младший брат Сыцзинь, получивший звание Мугань-кагана. Он разгромил остатки войск Жужаньского каганата, спасшиеся бежали в Западную Вэй. (Тогда-то скорее всего, и бежали от тюрков на запад 20 тыс. жужаней, которые через 5 лет, в 558 г., оказались недалеко от Византии, где они были названы аварами.) Он «привел в трепет все владения за укрепленной линией (*сай-вай*)», как называлась северная граница китайских империй (Там же). В 556–557 г. Сыцзинь вместе с войском Чжоу совершил поход против Тугухунь (Цинхай), а по пути разгромил, полагаем, яда, явно тех, что находились в землях Яньци (Карашара). Далее в «Бэй ши», несомненно, с большим преувеличением описаны его владения от моря на востоке до «западного моря», под которым подразумевалось, видимо, оз. Иссык-куль (Там же, с. 3289).

Во 2-м г. правления императора Чжоу-Мин-ди, 558 г., т. е. в том году, когда, по сообщению Менандра, первые посольства турков, возглавляемые начальником согдов Маниахом, подвлас-

тным тюркскому кагану Дизавулу, побывали сначала в Персии, а потом и в Византии, в Чжоу, по просьбе тюркского Мугань-кагана, говорится в китайской истории, были зверски убиты три тысячи бежавших ранее в пределы империи жужаней (БШ, гл. 99, с. 3289).

С 561 года обострились и без того напряженные отношения между китайскими империями Чжоу и Ци. Обе предпринимали усилия, чтобы взять в жены своему императору дочь Сыцзиня (Мугань-кагана) и упрочить свои позиции. Сыцзинь поначалу колебался, но затем прервал связи с Ци и согласился на брак дочери с императором Чжоу — Мин-ди. Однако до приезда невесты в 561 г. император умер (Там же).

И новый император Чжоу, У-ди, также стал просить дочь Сыцзиня в жены. Переговоры, перемежаемые обменом посольствами, безуспешными войнами Чжоу и Сыцзиня против империи Ци, продолжались до 570 г., когда Сыцзинь умер. Новым тюркским каганом был избран младший сын его, названный Тобо-каганом. Он назначил своего брата Ниту каганом восточной стороны, а брата Жутаня — западной стороны. Тюркский каганат усилился. Его вожди то помышляли разгромить северные китайские империи Чжоу и Ци, то добивались заключения с ними договора о мире и родстве. Фактически же эти две империи стали тогда данниками тюрков. Тобо-каган сказал своим приближенным: «Только бы два мальчика (т. е. императора. — Л. Б.) к югу от меня были покорны, и тогда не будет причин для беспокойства». То вторжения, то переговоры продолжались, вероятно, вплоть до 580 г., когда Тобо умер, а каганом был избран один из четырех его сыновей — Ниту, получивший звание Шаболюэ-кагана (Там же, с. 3290–3291). При нем примерно в 583–584 г. Тюркский каганат разделился на Западный и Восточный тюркские каганаты. Китай же, напротив, в 581–583 гг. был объединен в единую империю Суй (581–617).

В «Бэй ши» сказано, что владения Западного каганата доходили «на западе до Гуйцы (Кучи), Телэ, Иу, и все хусцы Западного края присоединились к нему» (БШ, гл. 99, с. 3299–

3300). А в «Суй шу» находим важное уточнение — владения Западного каганата простирались «на запад, минуя гору Цзиньшань (Золотую гору) до Гуйцы» (СШ, гл. 84, с. 2538/1). Данное сообщение ясно доказывает, что гора Цзиньшань, в которой находилась священная для тюрков пещера предков, лежала к востоку от Гуйцы (Кучи), и подтверждает определенное нами ранее местонахождение Цзиньшань, можно сказать — родины тюрков, в западных владениях Жужаньского каганата к северу от Иу (Хами) у хр. Карлыктаг.

Вышеизложенное доказывает, что описанные Менандром турки, побывавшие в 558 и 568 гг. в Персии и в Византии и названные им скифами, никак не могли быть тюрками, история которых в то время, как показано, только начиналась в Восточном Туркестане, в землях, лежавших к северу от китайских империй Чжоу и Ци. И их историю предстоит детально изучать по китайским историям. А «турками-скифами», которые стали известны в 60-е годы VI в. в Персии и Византии, несомненно, были белокурые усунь. Они, как выяснено выше, были восприняты как юэчжи народами царств, лежавших по Великому караванному пути и занятых до этого канцзюйцами, и стали их правителями из рода Чжаоу.

И восемь царств тюрков-скифов, подвластные их «единодержцу» Аксиле, были той самой коалицией царств, без Цзибинь, возглавляемых правителями-юэчжами из рода Чжаоу, т. е. белокурыми усунями.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Китайские

- ШЦ — Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Пекин, 1975.
- ХШ — Бань Гу. Хань шу (История Хань). Пекин, 1964.
- ХХШ — Фань Е. Хоу Хань шу (История Поздней Хань). Пекин, 1965.
- СГЧ — Чэнь Шоу. Сань го чжи (Описание трех царств). Пекин, 1959.
- ВШ — Вэй Шоу. Вэй шу (История Вэй). Пекин, 1974.
- ЦШ — Фан Сюаньлин. Цзинь шу (История Цзинь). Пекин, 1974.
- СШ — Шэнь Юэ. Сунн шу (История Сунн). Пекин, 1973.
- ЛШ — Яо Сылянь. Лян шу (История Лян). Пекин, 1974.
- БЦШ — Ли Байяо. Бэй Ци шу (История Северной Ци). Пекин, 1974.
- НЦШ — Сяо Цзысянь. Нань Ци шу (История Южной Ци). Пекин, 1974.
- ЧШ — Линху Дэфань Чжоу шу (История Чжоу). Пекин, 1974.
- НШ — Ли Яньшоу. Нань ши (История Юга). Пекин, 1974.
- БШ — Ли Яньшоу. Бэй ши (История Севера). Пекин, 1974.
- СШ, 1933 — Вэй Чжэн. Суй ши (История Суй). — Эршиу ши, т. 3. Шанхай, 1933.
- ЦТШ, 1975 — Ли Сюй. Цзю Тан шу (Старая история Тан). Пекин, 1975.
- СТШ — Оуян Сю. Синь Тан шу (Новая история Тан). Пекин, 1974.
- ДТСЮЦ — Сюан-цзан. Да Тан сиюй цзи (Записки о западном крае эпохи Великой Тан). Тайбэй, 1969.
- ЦФЮГ — Ван Цинжо. Цефу юаньгуй (Сокровищница книжной палаты). Пекин, 1960.
- ДМДЦД, 1930 — (Да мин да цы дян) Большой словарь китайских древних и современных географических названий. Шанхай, 1930.

Западные

- Аммиан, 1906–1908 — Аммиан Марцеллин. История. Перевод с латинского Кулаковского Ю. и Сониной А. Киев, вып. I, 1906; вып. II, 1907; вып. III, 1908.
- Аммиан — Аммиан Марцеллин. Сохранившиеся книги «Истории». Перевод В. В. Латышева. — ВДИ, 1947, № 1–4; 1948, № 1–4; 1949, № 1–3. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I (вып. 1–3), т. II (вып. 1–2). СПб., 1893–1900.
- Арриан Флавий, 1948 — Арриан Флавий. Диспозиция против аланов. — ВДИ, 1948, № 1.
- Византийские историки, 1860 — Византийские историки Дексипп, Евнапий, Олимпиадор, Малх, Петр Патрицкий, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого С. Дестунисом. СПб., 1860.
- Дионисий, 1948 — Дионисий. Описание населенной земли. Перевод И. П. Цветкова. ВДИ, 1948, № 1.
- Дион Кассий, 1948 — Дион Кассий. Римская история. — ВДИ, 1948, № 2.
- Егише, 1971 — Егише. О Вардане и о войне армянской. Перевод академика И. А. Орбели. Предисловие Юзбашьян К. Н. Ереван, 1971.
- Иероним, 1880–1903 — Творения блаженного Иеронима Стридонского, ч. 1–17. Киев, 1880–1903.
- Иешу, 1940 — Иешу Стилит. Сирийская хроника. — Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V и VI вв. — Труды Института Востоковедения» т. XXXI. М.—Л., 1940.
- Иоанн Ефеский, 1941 — История Иоанна Ефеского — Пигулевская, 1941, с. 109–148.
- Лазарь Парбский, 1904 — Лазарь Парбский. История Армении. Тифлис, 1904.
- Менандр. Фрагменты, 1860 — Византийские историки. СПб., 1860, с. 320–491.
- Мовсес Хоренаци. История Армении. Перевод с древнеармянского языка, введение и примечания Гагика Саркисяна. Ереван, 1990.
- Моисей Хоренский, 1893 — История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н. О. Эмина. М., 1893.

- Плиний, 1949 — Плиний. Естественная история. — ВДИ, 1949, № 2.
- Приск, 1861 — Сказания Приска Панийского. Перевод С. Дестуниса. — Ученые записки 2-го отделения Императорской Академии наук, кн. VII, вып. 1, СПб., 1861.
- Прокопий, 1993 — Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Перевод и комментарии А. А. Чекаловой. М., 1993.
- Светоний, 1990 — Гай Светоний Транквил. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1990.
- Сенека, 1949 — Сенека. Фиест. — ВДИ, 1949, № 1.
- Страбон, 1947 — Страбон. География. — ВДИ, 1947, № 4.
- Фавстос, 1953 — История Армении Фавстоса Бузанда. Перевод и комм. М. А. Геворгяна, под ред. С. Г. Еремяна. Предисловие Л. С. Хачикяна. Ереван, 1953.
- Флавий, 1947 — Иосиф Флавий. Иудейские древности. — ВДИ, 1947, № 2, 4.
- Феофан, 1860 — Феофан Византиец. Выписки из Истории. — Византийские историки, 1860, с. 492–495.
- Церковные истории, 1948 — Греческие церковные истории. Перевод А. Лебедева — ВДИ, 1948, № 3.

Литература

На западных языках

- Альтхайм, 1959–1965 — Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd. 1–5. Berlin, 1959–1965.
- Байер, 1738 — Th. Bayer. Historia regni graecorum Bactrian in Petropol, 1738.
- Бивар, 1956 — Bivar A. D. H. Kushana — Sasanian Coin Series. — JNSI (Journal of the Numismatic Society of India Varanasi), vol. 18, 1, 1956.
- Вивьен де С. Мартэн, 1849 — Vivien de Saint-Martin, L. Les Huns Blancs ou Ephthalites des historiens byzantins. Paris, 1849.
- Везендонк, 1933 — Wesendonk O. G. Kušan, Chioniten und Hephthaliten. — Klio. — Bd. 26, H. 2/3, Leipzig, 1933.
- Гёбль, 1967 — Gübl P. Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrian und Indien. Bd. I–VI. Wiesbaden, 1967.

- Гёбль, 1974 — Gübl P. Der Triumph des Sāsāniden Shapur über die Kaiser Gordianus, Phillippus und Valerianus. Wien, 1974.
- Дегинь, 1756–1758 — Deguignes J. Histoire générale des Huns, des Turks, des Mongols, et des autres Tartares occidentaux. 1–5. Paris, 1756–1758.
- Друэн, 1895 — Droin E. Mémoire sur les Huns Ephtalites dans leurs rapports avec les rois Perses Sassanides. — Le Muséon, 1895, vol. XIV.
- Гиршман, 1948 — Girshman R. Les Chionites — Hephtalites. — MDFAFA, VIII, Cairo, 1948.
- Еноки, 1955 — Enoki K. The Origines of the White Huns or Hephtalites. — East and West, 1955, № 3.
- Еноки, 1959 — Enoki K. On the Nationality of the Ephtjalites. — «Memoires of the Research Departament of Tôyô Bunko (Oriental Literary)». Tokyo, 1959, № 18.
- Маенхен-Хелфен О., 1939 — Maenchen-Helfen. The Huns and the Hsung-nu — Byzantion. American Series III. T. XVII, 1945.
- Маенхен-Хелфен, 1959 — Maenchen-Helfen O. S. The ethnic name Hun. Studia serica Bernhard Karlgren de dicata. Copenhagen, 1959.
- Маенхен-Хелфен, 1945 — Maenchen-Helfen O. S. The Legend of the Origioms of Huns. — Byzantion. V. XVII, 1945.
- Маенхен-Хелфен, 1939 — Maenchen-Helfen O. S. The Ting-ling. — Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. IV, 1939.
- Маркварт, 1901 — Marquart J. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaçi. Berlin, 1901.
- Мартин, 1937 — Martin M. F. C. Coins of Kitara and the Little Kushans. — Journal of Asiatic society of Bengal. 1937, vol. III.
- Сиратори, 1928 — Shiratori K. A. Study on Sur'e or Sogdiana. — (Memoirs of the Research Departament of the Tôyô Bunko). 1928, № 2.
- Стейн, 1905 — Stein A. White Huns and Kindred Tribes in the history of the Indian North-West Frontier. — «Indian antiquary», 1905, vol. XXXIV.

На русском языке

- Абегян, 1948 — Абегян М. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948.
- Атлас автодорог, 1984 — Атлас автомобильных дорог СССР. М., 1984.

- Атлас к Очеркам, 1979 — Чжунго ши гао диту дзи (Атлас к Очеркам истории Китая). Ред. Го Можо. Т. 1. Пекин, 1979.
- Афганистан (карта, 1:2000000). ГУГК, 1978.
- Бернштам, 1950 — Бернштам А. Н. Бичурин Н. Я. и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». М.—Л., 1950.
- Бокщанин, 1960 — Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. М., 1960.
- Бонгард-Левин, 1969 — Бонгард-Левин Г. М. Древняя Индия (Исторический очерк). М., 1969.
- Бонгард-Левин, 1985 — Бонгард-Левин Г. М. Индия в древности. М., 1985.
- Боровкова, 1983 — Боровкова Л. А. Установление политических связей ханьского Китая с государствами Центральной Азии. — XIV научн. конф. «Общество и государство в Китае», ч. 2. М., 1983.
- Боровкова, 1985 — Боровкова Л. А. Об одной ошибочной историко-географической идентификации. — XVI научн. конф. «Общество и государство в Китае», ч. 2. М., 1985.
- Боровкова, 1989 — Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989.
- Боровкова, 1991 — Боровкова Л. А. О времени создания царств Усунь и Большое Юэчжи. — XXIII научн. конф. «Общество и государство в Китае», ч. 1. М., 1991.
- Боровкова, 1992 — Боровкова Л. А. О точности метода научного анализа (см. рец.: Заднепровский Ю. А., 1991. Ответ рецензенту). — Восток, 1992, № 1.
- Боровкова, 1992а — Боровкова Л. А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским историям). М., 1992.
- Боровкова, 1998 — Боровкова Л. А. О местонахождении гор Циляншань. — XXVIII научн. конф. «Общество и государство в Китае», ч. 1. М., 1998.
- Боровкова, 2001 — Боровкова Л. А. Царства «Западного края» II–I в. до н. э. (по «Ши цзи» и «Хань шу»). М., 2001.
- Боровкова, 2001а — Borovkova L. The Problems of Kushan Chronology I–II A.D. according to Chinese Sources. — Information Bulletin IASCCA, 21. М., 2000.

- Вайнберг Б. И. Некоторые вопросы истории Тохаристана IV–V вв. в связи с запустением Кара-Тепе. — Буддийский культовый центр Кара-Тепе в старом Термезе. М., 1972.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков. — Тюркологический сборник. М., 1966.
- Викторова Л. Л. Народы МНР. Исторический очерк. — Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965.
- Ван Чжилай, 1980 — Ван Чжилай. Чжун Я ши (История Центральной Азии). Т. 1. Пекин, 1980.
- Восточный Туркестан, 1984 — Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.
- Восточный Туркестан, 1988 — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. М., 1988.
- Габриелян, 1989 — Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения (I–X вв.). Ереван, 1989.
- Габуев, 1999 — Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.
- Гинзбург, Трофимова, 1972 — Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Глуховской, 1893 — Глуховской А. И. Пропуск вод р. Аму-Дарьи по ее старому руслу в Каспийское море. СПб., 1893.
- Грум-Гржимайло, 1909 — Грум-Гржимайло Г. Е. Белокурая раса в Средней Азии. СПб., 1909.
- Григорьев, 1871 — Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.
- Гумилев, 1967 — Гумилев Л. Н. Эфталиты — горцы или степняки? — ВДИ, 1967, № 3.
- Гумилев, 1959 — Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV веке нашей эры. — ВДИ, 1959, № 1.
- Дебец, 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948.
- Дьяконов, 1961 — Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Еремян, 1952 — Еремян С. Т. Атлас к книге «История армянского народа». Часть первая. Ереван, 1952.

- Еремян, 1951 — Еремян С. Т. Народно-освободительная война армян против персов в 450–451 гг. (к 1500-летней годовщине). — ВДИ, 1951, № 4.
- Заднепровский, 1991 — Заднепровский Ю. А. (Рец. на: Л. А. Боровкова. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э. (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам). — Восток, 1991, № 3.
- Закавказье, 1983 — Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом. Христианизация Закавказья. — История древнего мира. М., 1983.
- Зеймаль, 1968 — Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
- Зеймаль, 1974 — Зеймаль Е. В. Начальная дата Канишки — 278 г. н. э. — ЦАКЭ, Т. 1. М., 1974.
- Зеймаль, 1983 — Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
- Зеймаль, 1987 — Зеймаль Е. В. К периодизации древней истории Средней Азии (середина I тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.). — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- История Византии, 1967 — История Византии. Т. 1 под ред. С. Д. Сказкина и Е. В. Удальцовой. М., 1967.
- ИДМ, 1983 — История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1983.
- История таджикского народа. Т. 1 под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963; 2-е изд. под ред. Б. А. Литвинского и В. А. Ракова. Душанбе, 1998.
- Иерусалимская, 1972 — Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. — Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
- Карта среднеазиатских республик (1 : 2 000 000). 1965.
- Кесь, 1939 — Кесь А. С. Русло Узбоя и его генезис. — Труды Института географии АН СССР. Вып. 30. М.—Л., 1939.
- Кляшторный, 1983 — Кляшторный С. Г. Гуннская держава на Востоке (III в. до н. э. — IV в. н. э.) — ИДМ. М., 1983.
- Кузнецов, 1992 — Кузнецов А. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

- Кулаковский, 1899 — Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
- Крюков, 1988 — Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. — VI в. н. э. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. М., 1988.
- Литвинский, 1972 — Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Литвинский, 1984 — Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии. — Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
- Луконин, 1964 — Луконин В. Г. Варахран II и Нарсе (Иран, 70–90-е годы III в.). — ВДИ, 1964, № 1–4.
- Луконин, 1969 — Луконин В. Г. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема абсолютной кушанской хронологии. — ВДИ, 1969, № 2.
- Луконин, 1966 — Луконин В. Г. Картир и Мани. — ВДИ, 1966, № 3.
- Луконин, 1967 — Луконин В. Г. Кушано-сасанидские монеты. — Эпиграфика Востока. Т. XVIII. Л., 1967.
- Луконин, 1983 — Луконин В. Г. Сасанидская держава в III–V вв. — История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1983.
- Мандельштам, 1957 — Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Сталинабад, 1957.
- Мандельштам, 1964 — Мандельштам А. М. К истории Бактрии — Тохаристана. — КСИА, вып. 98, 1964.
- Мандельштам, 1958 — Мандельштам А. М. К вопросу о кидаритах. — КСИА, 1958. XXX.
- Маршак, 1971 — Маршак Б. И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. — Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971.
- Массон, Ромодин, 1964 — Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М., 1964.
- Массон, 1975 — Массон М. Е. К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан». — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

- Материалы, 1973 — Материалы по истории Сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. Вып. 2. М., 1973.
- Материалы, 1980 — Материалы по истории ухуаней и сяньби. Предисловие и перевод В. С. Таскина. — Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.
- Материалы, 1984 — Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введение, перевод и комментарии В. С. Таскина. М., 1984.
- Машкин, 1950 — Машкин Н. Я. Хрестоматия по истории древнего мира. Т. I: Древний восток. М. 1950.
- Неронова, 1983 — Неронова В. Д. Вторжение варваров и крушение Римской империи. — История древнего мира. М., 1983.
- Налбандян, 1962 — Налбандян В. С. Егише. Ереван, 1962.
- Оранский, 1963 — Оранский И. М. Письменные памятники на иранских языках народов Средней Азии. — История таджикского народа. Т. 1. М., 1963.
- Пигулевская, 1940 — Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V–VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита, как исторический источник. — Труды Института востоковедения, т. XXXI. М.—Л., 1940.
- Пигулевская, 1941 — Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.
- Пигулевская, 1946 — Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI–VII веков. М.—Л., 1946.
- Пугаченкова, 1987 — Пугаченкова Г. А. К неутраченным дискуссиям: варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегаса. — Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда. Античность и раннее средневековье. Ташкент, 1987.
- Ртвеладзе, 1982 — Ртвеладзе Э. В. Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии — Тохаристане (по данным нумизматики). — Общественные науки в Узбекистане. 1982, № 1.
- Ставиский, 1967 — Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия. М., 1967.
- Ставиский, Вайнберг, 1972 — Сасаниды в правобережной Бактрии — Тохаристане в IV–V вв. — ВДИ, 1972, № 3.
- Трапезников, 1957 — Трапезников Г. Е. Городище древнего Чарджоу (Амуля). — Советская археология, 1957, № 4.

- Тревер, 1954 — Тревер К. В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам. — Советская археология, 1954, № XXI.
- Толстов, 1948 — Толстов С. П. По следам древнехорезийской цивилизации. М.—Л., 1948.
- Цуциев, 1995 — Цуциев А. А. Известия китайских письменных источников по ранней истории алан. — Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
- Чугуевский, 1971 — Чугуевский Л. И. Новые материалы к согдийской колонии в районе Дуньхуана. — Страны и народы Востока, 1971.
- Юнкер, 1930 — Junker G. Die hephtalitischen — Münzenschüiften — SBAO Preuss, 1930, XXV. (Litzungsberichte der Preussischen Akademîe der Wissenschaften zu Berlin.)
- Юсупов, 1972 — Юсупов Х. Археологические работы в предгорьях Северо-Западного Копет-Дага и между Сарыкамышем и Кызыл-Арватом. — Каракумские древности. Вып. 4. Ашхабад, 1972.

На китайском языке

- Ян Куань, 1955 — Ян Куань. Чжунго ли-дай чи-ду као (Исследование китайских мер длины разных эпох). Шанхай, 1955.

Указатель географических названий

- Агоуцян (Цюаньюймо, Уча), царство 246–248
Адрианополь, город 59, 66
Азия 110, 180
Азия, провинция в Римской империи 24, 26, 27
Азовское море (Меотийское озеро) 35, 52, 57, 60, 62–64, 110, 112, 140, 172
Алайский хребет 287
Алаколь, озеро 90
Алано-Вандальское королевство 71
Аланские ворота (Дарьяльское ущелье) 132–134
Алань(я)/Яньцай 84–88, 107, 111, 270, 271, 284
Алб(в)ания (Дагестан, Сев. Азербайджан) 33–35, 41, 66, 69, 111, 126, 128, 130–135, 155, 198, 199
Александрия Египетская 175
Алтай 197, 233, 250
Алтай Русский 234
Алуди, город 311
Амида, город 40–42, 44, 51, 111, 120, 128, 154, 166, 184
Амударья, река 12, 13, 15, 16, 18–20, 23, 28, 29, 32, 87, 102, 106, 109, 113, 148, 284, 285, 300, 301, 302, 315, 320
Антиохия, город 26, 28
Ань, Ньюми (Бухара) 291, 310, 311, 312, 317
Аньси (Парфия) 11, 12, 14, 29, 32, 76, 78, 82, 84, 97, 100, 225, 283, 293
Аньси (Согдиана) 76, 288, 292, 293, 308, 309, 312, 313
Апар (Абаршахр) 118, 119, 123, 130, 146
Аравия 181
Аральское море 76, 86, 90, 95, 96, 107, 108, 110, 112, 113, 170, 179, 180, 224, 278, 282, 312
Арийская страна 21, 131 см. Иран

- Армения 20, 23, 26, 30, 33–41, 44–50, 62, 66–69, 115, 120, 122, 125, 126, 129, 130, 150, 158, 159, 166, 172, 178, 179
- Армения Великая 37
- Армения Малая (Западная) 25
- Арташат (Артаксат), город 44, 126
- Атрпатакан, город 46
- Афганистан 15, 50, 293
- Афутайхань, царство 192, 292
- Бадияньчэн, город (Файзабад) 251, 254
- Байкал, озеро 95
- Байлундуй (Пески Кумтаг) 238
- Байсунтаг, хребет/отрог 304, 305
- Бактра, река 43
- Бактрия, Бактриана, Северная и Южная 11, 12, 15, 16, 28, 30, 75, 80, 294, 298
- Баласакан 36
- Балх, город 16, 20, 21, 28, 43, 45, 46, 49, 51, 106, 109, 111, 115, 148, 292
- Балхаш, озеро 90, 91, 95, 96, 108, 179, 232, 282, 312
- Бекабад, город 288, 310
- Битянь (Джамбул), столица царства Канцзюй 80, 103, 276, 283
- Бишкек, город 10
- Боло, город в царстве Носеболо 289, 290, 294, 297
- Боло, Боу, Болуло, Болулэ (Гилгит), царство 209, 241, 246–248, 297
- Большое Ань, Ньюи (Бухара) 310
- Большие снежные горы (Гиндукуш) 303
- Большое Юэчжи, царство 9–15, 75–78, 81, 97, 101, 102, 150, 249, 250, 289, 290, 292–294, 296–300, 302, 315, 317
- Борисфен (Днепр), река 58, 70, 72
- Боро-хоро, хребет 90
- Боспор Киммерийский 63, 200–202
- Босы (Персия, Иран) 208, 219, 235, 236, 241, 258, 265, 267, 272, 286, 293, 300, 303, 306, 318
- Боти, город (Термез) 300, 302
- Бохань (Давань), царство 276, 305, 310
- Бохэ, царство (Хуми, Дамасигеди, Хорог) 242–246

- Бочжи, царство 209, 242–246
- Бухара, город 292, 310
- Валдайская возвышенность 72
- Варзобское ущелье см. Железные ворота
- Вахандарья, река 242
- Ваханский хребет 242
- Везувий, вулкан 171
- Великая излучина Хуанхэ 206, 214, 250, 309
- Великий караванный путь 13, 107, 288, 293, 307, 309, 310, 312–314, 316–320, 323
- Великое Кушанское царство 9–18, 20, 22, 23, 28, 29, 32, 73, 87, 88, 102, 104, 106, 109, 113, 148, 296, 298
- Византия 68, 114, 116–118, 137, 143, 145, 150, 153, 162, 164, 166, 167, 185–192, 194–196, 199, 200, 202, 321–323
- Волга (Ра, Даих), река 55, 112, 113, 280
- Восточная Вэй, империя (543–550) 203, 221
- Восточная Римская империя (Византия) 52, 67, 69, 111, 128, 129
- Восточная Цзинь, империя 203
- Восточное или Малое Ань, царство (Джизак) 310, 311, 317
- Восточный Казахстан 54
- Восточный тюркский каганат 322
- Вэй, Восточная, империя (534–550) см. Восточная Вэй
- Вэй, Западная, империя (535–557) см. Западная Вэй
- Вэй, Северная, империя (386–535)
- Вэй, царство эпохи Троецарствия (220–263) 87, 179, 264
- Вэйсюй (Курля), царство 230
- Вэньсу (Аксу), царство 223
- Галлия (Франция), провинция Римской империи 38, 59, 182
- Ганг, река 15
- Ганьда (Цяньто, Цяньда, Цзяньтоло, Гандхара, Пешавар) 209
- Ганьсуский коридор 9, 11, 76, 98, 99, 206, 214, 228, 249, 306, 314, 315, 320
- Гаофу (Гондофара), царство 15, 84
- Гаофу (Ура-Тюбе), царство 18, 20, 84, 288

- Гаочан, царство (Курухтагский горный массив, Гобийский Тянь-Шань) 206, 209, 212, 215, 219, 221, 223, 227–231, 235, 238–240, 256, 263–267
- Гаоче, царство (Чиле, Теле, Турфан) 209, 212, 227–233, 235, 238–240, 256, 263–267
- Гекатомпил (Дамган), город 118, 146
- Герат, город 115
- Геркинский хребет 171
- Гилгит, река 247
- Гилгит (царство Болю) 247, 248
- Гилян, один из шахров Ирана 30, 31
- Гиндукуш 246, 289, 294, 316
- Гирканское (Каспийское) море 174
- Гиссарская долина 299, 304
- Гиссарский хребет 294, 299, 305, 308, 316
- Горго, селение 147, 149
- Горго, город 149, 150, 161, 185
- Греко-Бактрийское царство 10, 14, 315
- Грузия 143
- Гуачжоу (Дуньхуан), город 252, 253, 309
- Гуйцы (Куча), царство 90, 207–209, 212, 215, 217, 220–226, 235–239, 242, 243, 249, 250, 253, 254, 265, 269, 270, 273, 274, 283, 284, 308, 322, 323
- Гуйшань (Ош), столица Давань/Полоны 276, 282
- Гуйшуан-сихоу, княжество в Большом Юэчжи (Бекабад) 288
- Гуйшуй (Сырдарья), река 10-12, 14, 75–77, 315
- Гумо (Аксу), царство 235, 237, 265
- Гуптов, империя 297
- Гуцзан, столица царства Хэси (Лян) 214, 278, 280, 281
- Давань, Бохань, Полона, царство (Ош) 12, 16, 75–78, 85, 97, 100–105, 107, 114, 207, 220, 275, 277, 282, 305, 312, 318
- Дагестан 127, 134, 168, 199
- Дай, столица империи Северная Вэй в районе г. Датун 205, 223, 230, 246, 247, 252, 273, 274, 276, 278, 283, 287, 289–293, 297, 300
- Дай-цзюнь, административный район в Вэй 265
- Даих (Волга), река 198

- Дакия 176
Дамаск, город 137
Дамоситеди/Хуми/Бохе (Хорог), царство 246
Дарьяльское ущелье 167
Дася (Греко-Бактрийское царство) 75, 78, 81, 289, 290, 293, 302, 315
Датун, город 205, 231
Да Цинь (Рим) 87, 88, 101
Дербент, город 304, 305
Дербентский проход (Чор, Паһ, Хонские ворота, Юроипаах, Каспийские ворота) 37, 121, 127, 130, 131, 134, 145, 146, 168
Джизак, город 310, 317
Джунагадская скала с надписью 297
Дзосойтын-Элисун, пустыня 90
Ди, царство 221
Динлин, царство 80, 89–92, 105, 108, 271, 279, 283, 284
Днепр (Борисфен), река 59, 72, 110, 201
Днестр, река 59, 85, 86
Дон (Танаис, Танаид), река 55, 60, 72, 113, 193, 195, 280
Дулай (Или), река 80, 81
Дунай (Истр, Данувий), река 35, 59, 107, 111, 158, 170, 171, 173, 195
Дуньхуан, город 214, 229, 231, 238, 239, 252, 253, 309
Душанбе, город 11, 289, 293, 305
Душанбинский тракт 13, 288, 304, 305, 313, 319
Европа 35, 52–54, 62, 65, 70, 71, 73, 110, 169, 173, 174, 180
Египет 27
Евфрат, река 26, 177
Евфратская область 71
Жужань, Жужаньский каганат (400–542) 188, 189, 209, 219, 228, 230–233, 236–239, 255, 256, 264, 270, 274, 320, 321, 323
Железные ворота (Варзобское ущелье) 303, 304, 305, 306, 319
Закавказье 63, 74, 86, 145, 170
Западная Вэй, империя (535–557) 203, 209, 221, 252, 260, 262, 321
Западная Римская империя 17, 52, 67, 129
Западная Тяньцзю (Западная Индия) 208, 296
Западная Цзинь, империя (265–317) 101
Западная Чжоу, империя (557–581) 203

- Западный край (Восточный Туркестан) 270, 284
 Западный Тюркский каганат 322, 323
 Зеравшан, река 304
 Зеравшанский хребет 305
 Иверия, Иберия (Грузия Восточная) 33, 34, 41, 69, 126, 128, 133, 134, 143, 159, 167, 168
 Идаль/Ида, царство 252, 260, 266, 268, 285, 302
 Иле, царство у Аральского моря 87, 102, 103
 Или, река 9, 10, 75–77, 90, 91, 99, 112, 207, 223, 249, 255, 259, 268, 275, 283, 313, 315
 Индия 308
 Иссык-куль, озеро (Тяньчи) 12, 90, 91, 107, 319, 321
 Истр (Дунай), река 58, 62, 66, 72, 73, 85, 86, 111, 170–173, 176–178, 183, 187, 190, 201
 Итагакан, город 123
 Италия 43, 160
 Иу (Хами) 215, 223, 233, 238, 239, 263, 320, 322, 323
 Их (Урал), река 198
 Ичжоу, округ 271
 Казахстан 55, 75
 Кан (Ходжент), царство 258, 259, 304, 305, 310, 311, 313, 317, 318, 319
 Каньцзюй, кочевое царство 78–92, 94–96, 99–105, 111, 112, 114, 179, 183, 207, 224–226, 257, 272, 275–277, 278, 281–283, 293, 307, 311, 312, 314, 317
 Каппадокия, провинция Рима 178, 179
 Каракум, пустыня 199
 Карашар, город 74, 188
 Карлыктаг, хребет 197, 320, 323
 Каспийские ворота 118, 143, 144, 145, 146, 161, 167, 168, 170
 Каспийское море 34, 41, 42, 43, 50, 130, 149, 167, 169, 174, 175, 178, 183, 199
 Каталунские поля 129
 Каш 102
 Кесария 71
 Китай 84, 98, 105, 107, 111, 118–120, 127, 128, 173, 184, 190, 203, 213, 230, 234, 264

- Коканд 287, 365, 313
Константинополь, город 149, 187, 199
Куньлунь, хребет 224
Кушанское царство (20–200) 8, 13, 32, 84, 289, 293, 296
Кушанское царство (после 200 г.) 32, 43, 47, 48, 50, 51, 66, 87, 102, 106, 107, 118, 119, 159, 179, 290, 298, 299, 302, 307, 313
Кура, река 34, 37, 41, 44, 51, 126
Лазика (Колхида) 143
Ланьши, Луцзяньши (Шахринау), столица Дася, Большого Юэчжи, Кушанского царства 289, 290, 292–294, 297, 299, 302
Ледовитый океан 60, 62, 174, 175, 176
Ливия 181
Лобнор, озеро 212, 270
Лоулань (Чарклык), царство 9
Лоян, город 101, 205
Лунси 230
Лэйфуло, царство 208, 241
Лю, царство 87
Люша (Пески Кумтаг) 206, 229, 238
Лян (Хэси), царство 278, 280, 281
Лян, империя южная (502–557) 189, 203, 204, 229, 235, 241, 258, 265–267, 270–272, 294
Ляодун 93
Ляоси 93
Малая Азия 107, 197, 310
Малое Юэчжи 297
Малое Ань 312
Маргиана 118
Мелитина (Восточная Персия) 71
Меотийское озеро, Меотийское болото, Меотида, Меотис (Азовское море) 35, 59, 64, 67, 68, 70–73, 85, 86, 110, 111, 128, 141, 168, 172, 176, 178–180, 184, 185, 297
Мерв, шахр Ирана 115
Месопотамия 38–40, 44, 68, 111, 118, 154, 159, 166, 168, 179
Мешан 30
Ми, царство 310, 311

- Мидия 63, 118, 129, 141, 142, 178
 Мими, царство 208, 276, 286
 Монголия 54, 189
 Моцзято, царство в Индии 209
 Му, Моучжи, царство (Чарджоу) 252, 292, 309, 312, 313, 317
 Муюнкум, пустыня 91, 279
 Мцибин (Насибин) 116
 Нами, река (Сырдарья) 304
 Наньду, царство к западу от перевала Сяньду 247
 Насибин (Мцибин), город 31, 33, 116
 Нишапур, центр персидской провинции Апар 118, 130
 Носэболо, царство к югу от Ань 192, 290, 313
 Ньюи (Ань, Бухара), царство, 286, 290-292, 308, 313, 317
 Ордос 9, 77
 Орлеан, город в Галлии 129
 Ош, город 253, 305
 Палестина, 181
 Памир (Цунлин) 193, 224, 226, 243, 247, 252-254, 262, 284, 302, 308, 316
 Паньпань, царство в Северной Индии 235, 265, 266
 Парфия, царство 10-13, 17, 18, 20, 28, 32, 73, 106, 118, 146, 147, 150, 172, 315
 Пах, Паһ, Хонские ворота, Каспийские ворота (Дербентский проход) 117, 118, 135, 146
 Пашкабур (Пурушапур, Булошапуро, Пешавар) 28, 29, 102, 248, 294
 Персия, Персидское царство (Ираншахр, Иран) 35, 38, 42, 43, 50, 52, 128, 141, 144, 148, 161, 172, 191, 196, 272, 322, 323
 Персидский залив 118
 Пешавар 299 см. Пашкабур
 Позднее Кушанское царство 109, 113, 122, 127, 130, 135, 136, 148, 149, 158, 161, 184, 194, 289, 290, 294-296, 299, 308, 313, 316
 Поздняя Хань (25-220) 53, 84-88, 92, 93, 100, 107, 256, 290
 Полона (Давань, Фергана) 207, 220, 276, 277, 282, 286, 307, 310, 312, 313, 316, 318
 Понт, Понт Эвксинский (Черное море) 64, 178, 180, 183, 198
 Приазовье 55, 70, 85, 86

- Приаралье 86
 Припамирье 74, 203, 207, 240, 268, 272, 284, 284, 285, 286
 Припонтийская Скифия 71
 Причерноморье (Северное) 38, 65, 145, 186, 187, 200
 Прут, река 59
 Пулань, царство 226
 Пучанхай (озеро Лобнор) 230
 Пушань, Пишань (Гума) 217
 Пяндж, исток Амударьи 284, 302
 Ра (Волга), река 176
 Равалпинди, город 248
 Ранняя Хань (206 г. до н.э. – 25 г. н.э.) 53, 75, 84, 92, 265, 274
 Раннее Цинь, царство (351–384) 105, 282
 Рей, город 118
 Римская империя, Рим 17, 22–27, 31–33, 38–40, 45, 50–53, 56, 65, 66, 69, 71–74, 78, 86, 88, 111, 114, 138, 141, 148
 Сакастан, шахр Ирана 20, 23, 30
 Самарканд, город 198, 292, 304, 305, 310
 Самоцзянь, Кан (Ходжент), царство 220, 303, 304, 305, 319, 320
 Самур, река 127
 Санкт-Петербург 65
 Санцян, уезд в Чжанье-цзюнь 264–265
 Сарматия 176
 Сарысу, река 91
 Северная Индия 74, 76, 84, 194, 207, 212, 236, 240, 243, 272, 294, 297, 299, 313, 316
 Северная Ци, империя (550–577) 203
 Северный Кавказ 35, 36, 42, 50, 51, 69, 72, 111, 112, 117, 128, 129, 134, 145, 155, 158, 168, 169
 Северный Казахстан 100
 Северный Китай 30, 99, 105, 189, 203, 204, 221
 Северный Пакистан 247
 Семиречье 54
 Сиваньцзинь (ок. 460–509 гг.), царство (Коканд) 208, 209, 240, 241, 276, 286–288, 291, 300, 307, 308, 310, 313, 317
 Сидунь-сихоу, княжество, Фудиша, царство (Хаваст) 288, 293

- Сирия, провинция Византии 23, 24, 26, 27, 154, 177
- Сицзюйбань, царство (Ташкурган) 208, 242, 243, 248
- Согд, Согдиана, город, царство (Бухара, Самарканд) 74, 76, 102, 193, 196–198, 202, 220, 283, 286, 292, 312, 317
- Сох, река 287
- Сохский веер (в Коканде) 287
- Судуйшана, царство (Коканд) (конец VI–VII веков) 291, 310
- Суе, город 319
- Суи, царство 84, 87, 102, 103
- Суй (581–617), империя 203, 221, 230, 233, 251, 252, 259, 260, 262, 276, 301, 303, 308, 309, 312, 314, 322
- Сули, местность 319
- Сун, южная империя (420–479) 189, 203, 214, 216–218
- Сусе, город 102, 103, 277
- Сутэ, Судэ, Яньцай, Вэньнаша (район Арала) 206, 207, 208, 224, 225, 275, 277, 278, 280–286
- Сырдарья (Гуйшуй, Яксарт), река 13, 73, 74, 91, 103, 105–108, 113, 114, 167, 195, 249, 285, 299, 304, 308, 314, 320
- Сюми-сихоу, княжество; Цзябэй, царство (Худжанд) 287, 288
- Сюнну, держава 9, 60, 76, 77, 79, 89, 90, 99, 271, 279, 315
- Сяньду, перевал Хунджераб 287, 288
- Тайханьшань, горы 99
- Такла-Макан, пустыня 215, 238
- Талакан, Таликан, город 123
- Талас, река 80
- Тан, империя (618–906) 204, 261, 291, 301, 309
- Танаис (Дон), река 62, 63, 65, 67, 71, 72, 85, 110, 111, 172, 176, 192, 195
- Ташкент, город 12, 29, 82, 107, 110, 111
- Ташкурган, город 242
- Термез, город 261, 300, 304
- Тирич-Мар (7690 м), вершина Гиндукуша 246
- Тохаристан, Тохарское царство 11, 113, 193, 194, 296, 298–300, 313, 316
- Тугухунь, царство Хэнань (Цинхай) 206, 209, 212, 216–218, 221, 229, 230, 233, 236, 237, 262, 267, 269, 270, 272, 284, 321

- Туркестанский хребет 305
- Турфан, город 87, 90, 223, 227, 228, 232, 262
- Турфанская впадина 228
- Тухуло (в БШ) 261, 300, 301
- Тухоло (Тохаристан) 208, 245, 260, 261, 286, 287, 298–303, 306, 307, 309, 310
- Тюркский каганат 188, 212, 221, 233, 256, 262, 266, 321, 322
- Тяньчи, озеро (Иссык-Куль) 79, 80
- Тяньчжу (Центральная Индия) 15, 84, 241, 296
- Тянь-Шань (Цунлин, в Сутэ/Яньцай) 91, 107, 114, 224, 225, 275, 277, 282, 283, 308, 316
- У, северокитайское царство (220–265) 101
- Увэй, город 233
- Узбекский тракт 304
- Уишаньли, Гаофу, царство Гондофара 15, 293
- Унагэ, царство (Чарджоу) 252, 309, 310, 311, 312, 317
- Урал (Их), река 198
- Ура-Тюбе, город (княжество Гаофу-сихоу) 288, 289
- Урумчи 87, 232
- Усунь, царство (161 г. до н.э. – 437 г. н.э.) 9, 10, 75–83, 86–100, 104, 107, 108, 112, 207, 208, 222, 223–226, 236, 249, 250, 254, 259, 273–275, 277, 278, 279, 281–284, 308, 312–317, 318
- Усуй, река (Пяндж) 251, 252
- Уху, река (Амударья и ее исток Пяндж) 252, 261, 262, 306, 310
- Уцзе, Худе, Хуцзе, царство 90–92, 104, 108
- Уча, Агоуцян, Цюаньюймо (Упранг) 247
- Учан, Учанна, царство (Читрал) 209, 224, 240, 241, 243, 246–248, 298
- Файзабад, город в Афганистане (Бадияньчэн) 244, 252–254, 259, 266, 267, 284
- Фасис (Рион), река 198, 199
- Фаньян, царство 300
- Фергана, царство (Давань) 10, 114, 286, 305, 317
- Ферганская долина 10, 75, 107, 220, 287, 307, 310
- Фочухэ, река (Амударья) 245, 303, 320
- Фракия 64, 71
- Франция 129

- Фудиша, царство, княжество Сидунь-сихоу (Хаваст, город) 288, 289, 290, 292, 293
- Фулоуша, столица Малого Юэчжи 297
- Хаваст, город (Сидунь-сихоу, Фудиша) 288, 292, 294
- Халахал, город в Албании 126
- Хами, район 197, 205
- Хань, империя 11–13, 77–83, 108, 227, 256, 288, 311, 314
- Ханьлоухэ, река (Амударья) 300
- Ходжент, Ленинабад (Самоцзянь, Кан) 291, 304, 305
- Хорасан (Итагакан) 118, 123
- Хорезм 23, 285, 286
- Хорог (Бохэ, Хуми, Дамоситеди) 244, 253
- Хотан (Яркенд) 74
- Хуа (Яда), царство 235, 244, 258, 263–269, 272
- Хуанхэ, река 53, 205, 216, 258, 281
- Худе, Хуцзе, царство 80, 89–92, 279
- Худжанд 288
- Хуми, Бохэ, Дамоситеди (Хорог), царство 209, 243
- Хумидан, Бохэ, царство (Хорог) 244
- Хунджераб, перевал (Сяньду — Висячий переход) 244, 248
- Хэ, Гуйшуан-сихоу, Цяньдунь, царство, Цюйшуанницзя (Бекабад) 309, 310, 311
- Хэдун 99, 100, 265
- Хэнань-го, царство, Тугухунь (Цинхай) 229, 230, 267, 270, 271
- Хэси, царство, Лян (Ганьсуский коридор) 206, 214, 215, 233, 281, 320
- Цао, царство в районе Ходжента 260, 309
- Цао, царство (Цзибинь) 301, 302, 310
- Царство Лошадиных голеней 90
- Цемо, царство (Черчен) 212, 213, 215, 216, 230, 237, 267, 270
- Центральная Азия 17, 53, 75
- Центральная Тяньчжу (Индия) 15, 29, 295
- Цзаоцзячжи, царство 292
- Цзепаньто (Сархад, Барогиль) 207, 209, 224, 240, 242, 243, 253, 298
- Цзибинь (Северная Индия) 12, 15, 84, 209, 235, 236, 240, 246, 248, 260, 265, 267, 296, 300, 310, 323
- Цзинь, империя (317–420) 290

- Цзиньшань (Золотая гора), отрог хребта Карлыктаг 197, 232–234, 250, 256, 320, 322
- Цзюйлу, река (Пяндж) 244
- Цзюйлу, царство 309
- Цзюйпань, царство 265
- Цзюйяньцзе, (озеро Гашунь-нур) 233
- Цзюйланну, Цюйланну, царство 244, 245, 253
- Цзюньцишань (Гобийский Тянь-Шань) 232, 233
- Цзюцюань, город 320
- Цзябэй, княжество (Сюми-сихоу) 288
- Цзянькунь, царство 80, 89–92, 104, 107, 279
- Цзяоцзячжи, царство 192
- Цзясэни, горы 287
- Цзясэни, царство 287
- Ци, Северная империя (550–577) 203, 204, 322, 323
- Ци, Южная империя (479–502) 203, 241, 262, 271, 284
- Цилян, горы Циляншань (хребет Рихтгофена) 311
- Цинхай, провинция 212
- Цинь, империя (265–420) 264, 314
- Цицзяоцин (Чеши дальше), царство 90
- Цунлин (Заалайский хребет, Памир, Тянь-Шань) 89, 91, 223–225, 236, 243, 253, 254, 259, 273, 275, 278, 279, 282, 283, 301–303, 306, 311, 312
- Цян, царство 221
- Цянбу, Чеши, царство 235
- Цяньдунь, царство, Гуйшуан-сихоу (Бекабад) 288
- Цяньто, царство Цяньда, Ганьда, Цяньтоло, Гандхара (Пешавар) 244, 246–249, 294–299
- Чанъань, столица империи Суй 22, 229, 251–253, 274, 278
- Чарджоу, город (Му, Унагэ) 292, 310, 317
- Чач (Ташкент) 28, 102
- Черное море (Понт Эвксинский) 59, 138, 183, 195, 199
- Чеши дальше (Цицзяоцин) 87, 89, 90, 238
- Чеши, Чеши ближе (Турфан) 89, 90, 206–208, 212, 213, 223, 227–230, 232, 235, 238, 239, 263–266, 270
- Чжанье, город (Ганьчжоу) 230, 297, 298

- Чжанье-цзюнь 314
 Чжаоу, город в Чжанье-цзюнь 311, 312, 314
 Чжоу, северная империя (557–581) 208, 252, 260, 261, 277, 308, 321, 322, 323
 Чжуцзюйбо, царство 240, 242, 243, 247, 248, 253
 Чжэсемосунь, царство (Шуанми-сихоу) 288
 Чжэчжиба, царство (Цзюаньду, Улугчат) 276
 Чжэши, Ши, царство (Токтогул) 310, 319
 Чжэшэ/Канцзюй 207, 208, 225, 226, 275–278, 282, 283, 307, 312, 313, 316, 317
 Чигу, город (Шаты, поселок) 78, 223, 273, 283
 Читрал, город 247
 Чол-Сул, область 127
 Чолтаг, хребет 228
 Чор, Хонские ворота (проход, Дербент) 36, 37, 121, 131, 145, 168
 Чора, округ (Дербент) 126, 130, 131, 133, 134, 155
 Чу, река 91, 279, 319
 Чэнь, южная империя (557–581) 203
 Шанми, Шэми, царство (Ишкашим) 245, 253
 Шаньшань, царство (Чарклык) 206–208, 212–216, 230, 237, 262, 267, 270, 271
 Шаты, поселок 223, 283
 Шахринау, город (Ланьши) 11, 13, 289, 294
 Шаче (Яркенд) 84, 85, 217
 Ши, Чжэши, царство (Токтогул) 309, 310
 Шу, царство (220–265) 17, 101
 Шуанми-сихоу, княжество, Чжэсемосунь, царство 288
 Шулэ, царство (Кашгар) 16, 84, 207, 209, 217, 219–223, 225, 226, 235–238, 240, 242, 243, 250, 253, 254, 265, 270, 275, 276, 286, 300, 307, 310, 312
 Шы, Чжэшэ, Цзешуанна, царство (Шахристан, город) 303, 304, 311, 319
 Шэми, Шанми, царство (Ишкашим) 209, 242, 243, 245–247
 Эби-нур, озеро 90
 Эвксинский понт (Черное море) см Понт
 Эдесса, город 146, 154, 159, 162

Экбатана 118

Эльбурс, хребет 118, 167

Юго-Восточная Европа 55, 110

Южная Сибирь 100, 306

Южная Тяньчжу (Индия) 209, 240, 241

Юйми, царство (Чара) 230, 238, 262

Юйцзянь, владение, подвластное Канцзюй (район Ташкента) 82

Юйтянь, царство (Хотан) 208, 209, 213, 216–226, 230, 235–237, 240, 242, 243, 250, 254, 257, 258, 265, 269, 270, 284

Юроипаах, крепость у Каспийских ворот 143–146

Юэбань, царство 207, 208, 283, 284

Юэчжи, царство в Ганьсуском коридоре 105

Яда, царство (Файзабад) 208, 212, 225, 226, 236, 237, 238, 241–270, 280, 284, 285, 302, 306, 307, 312

Яксарт (Сырдарья), река, см. Гуйшуй 35, 169, 171, 176, 178, 180, 183, 184, 195

Янь, царство 84, 87, 91

Яньцай, Алань, Вэньнаша, царство (Кзыл-Орда) 75, 82, 84–96, 100, 103–105, 107, 110, 111, 173, 183, 184, 206, 224, 278–281, 284

Яньци, царство (Карашар) 79, 90, 206–209, 212, 215, 219, 223, 229, 230, 235, 238, 239, 256, 262–267, 269, 270, 272, 274, 321

Яньфоцзе, царство, Гаофу-сихоу (Ура-Тюбе) 288, 289, 290, 293

Указатель имен

- Абегян М., академик 150, 151
Август, император (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.) 41, 177
Аврелиан, император Рима (270–275) 27, 31, 181
Аврелиан Антоний Каракалла, император Рима (211–217) 18
Адриан, император Рима (117–138) 173 178
Аксил, царь турков в Средней Азии 202, 323
Аларих, король готов 114
Александр Македонский 67, 118, 167, 170, 172
Александр Север, император Рима (218–235) 23, 24
Аммиан Марцеллин (ок. 330–400 гг.) 35, 38–44, 47, 48, 51–61, 64, 65, 69–71, 73, 101, 103, 110, 103, 110, 111, 118, 128, 138–140, 153, 155, 157, 176, 178, 180–182, 280, 297
Анак из Суренова Пахлава 21, 30, 106
Анастасий, император Византии (491–518) 153, 157, 165, 166
Анахуань, последний каган Жужаньского каганата 321
Ардашир (Арташир) I (226–241), основатель Ираншахра, державы Сасанидов 315
Аркадий, император Восточной Римской империи 67, 68
Артабан V Аршакид (213–226), последний царь Парфии 18-23
Аршак II, царь Армении (350–363) 44, 45, 47
Аршакиды, Аршакуни, династия 18, 20, 28, 30, 32, 33, 46, 51, 66, 102, 106, 109, 137, 148, 299, 315, 316
Аттила, вождь гунов (432–453) 71, 114, 129, 137, 139-143, 145, 149, 158, 162, 184
Афуджило, правитель Гаочэ 231, 232, 234, 240
Ашина, род тюрков 189, 320, 321
Балаш (Валаш, Валарш), шаханшах Ирана (484–488) 157, 164, 165
Балиянь, правитель Шяочэ 234, 240
Бань Гу 95, 97
Бань Чао 84
Бань Юн 264

- Ба Хуа 264
Бахрам IV, см. Вахрам IV
Бернштам А. Н. 53, 54, 328
Билун, правитель Шаньшань 215
Бичурин Н. Я. 54, 83
Биюаньчжи (Бихуаньчжи) 83, 84
Валарш (Валаш, Балаш), царь Армении (180–201) 36, 37, 151
Валент (375–378), император Рима 49, 59, 66
Валентин, византийский посол к туркам 195, 200–202
Валентиниан, император Рима (364–375) 37, 48
Валериан, император Рима (253–260) 24, 26
Ван Живэй 99
Ван Ман (11–25) 92
Вань Дугуй 214, 222
Вань Чжэнь 97
Вараздат, царь Армении (375–377) 50
Варахран (Бахрам) IV, шаханшах Ирана (388–399) 50, 66
Вардан 115, 120, 126
Васак, марзпан армянский 45, 129
Васих и Курсих, послы от скифов в Рим 141, 142
Ваче, царь Албании 136
Васудева, царь Великого Кушанского царства 16, 22
Велисарий, главнокомандующий Рима 160, 167
Венелин Ю. 138
Веспасиан (69–79) 172
Вехсаджан 21–23
Вивьен де Сен-Мартен, Л. 52, 54
Вима Кадфиз, царь Великого Кушанского царства (ок. 80–103) 15, 16
Вологез V (Вологес), царь Парфии (207–222) 20
Вэй Шоу, составитель «Вэй шу» 99, 204, 207, 249, 273
Вэньгуйми, усуньский куньми (94–66 г. до н.э.) 78
Габуев Т. А. 83, 103, 179
Галл, император Рима (251–253) 24
Галлиен (260–268), император Рима 26
Гань Яньшоу, духу Западного края 81

- Гао-цзу (471–499), император Северной Вэй 218, 234
 Гао-цзун (452–465), император Северной Вэй 220, 278, 281
 Гелиокл 11
 Гермий Сезомен 72
 Геродот 61, 180
 Гонорий, глава Западной части Римской империи 67, 154
 Гордиан, император Рима (238–244) 25
 Григорос-Григорий — правнук первого армянского католикоса 33, 34
 Грумбат, царь хионитов 40, 42, 111
 Гумилев Л. Н. 74
 Гуйшуан-сихоу, князь Гуйшуан (Кушан) и княжество Гуйшуан 13, 14
 Даду-каган, западнотюркский правитель 311
 Дегинь М. 53, 189, 304
 Деций, император Рима (249–251) 24
 Дестунис С. Г. 136–139, 143, 144, 146
 Дизавул, Дизабул Сильзивул, туркский каган 190–193, 196–202, 322
 Диоклетиан, император Рима (284–305) 31
 Дионисий Периегет, писал около 124 г. н. э. 72, 173–176
 Дион Кассий (155–235) 43, 178–180, 182
 Доу, императрица Поздней Хань 92
 Доу Сянь, ханьский военачальник конца I в. н. э. 93, 283
 Доулунь, жужанский каган (485–492/3) 231–234
 Друэн Е. 52, 54
 Дун Вань, посол Вэй 223, 273–275
 Ду Синмань, посол Вэй в Ань 309
 Евдоксия, жена императора Аркадия (395–408) 68
 Евкратид, царь Греко-Бактрии (ок. 170–155 гг. до н. э.) 315
 Евнапий (340–420) 69, 70
 Евсевий 163
 Евстафий, митрополит XII в. 173, 175
 Евфимий, магистр 137
 Егише 115–136, 145, 146, 151, 152, 157, 159, 184, 290, 307
 Ездигерд I, шаханшах Ирана (399–420) 50
 Ездигерд II, шаханшах Ирана (439–457) 115–120, 123, 125–128, 130–135, 143, 145–149, 152, 154, 157, 159, 185, 290, 307
 Еноки К. 74

- Жутань, каган западной стороны Тюркского каганата 322
Замашп (Замасп) 165
Зеймаль Е. В. 21–24
Зиновия, правительница Пальмиры 27
Зенон (Зинон), император Византии (474–491) 153, 156, 164
Зимарх, византийский посол к туркам 197–199
Зосима 61
Иероним 67
Иешу Стилит 153–157, 159, 162, 164, 165, 185
Или-каган Тумэнь (552–553) 256, 321
Илишу-шаньюй 80
Иоанн Ефесский 187–189
Иовиан, император Византии (363–364) 44
Иорнанд 139
Иосиф Флавий (ок. 37–97 гг. н. э.) 172
Исицзи-каган Коло (553) 321
Ифу, последний каган царства Гаоче (516 – ок. 530) 263, 264
Кавад, шаханшах Ирана (488–496, 501–531) 152, 153, 156–158, 164–166, 168, 186
Канишка (103–125) 16, 29, 296, 315
Канишка III (103–125) 16, 30
Каренов Пахлав 19, 21, 22
Картир, глава зороастрийских магов 29, 31
Кидара, кушанский царь (Цзидоло, Цюйдадо (456–457), а потом царь индийского царства Цяньтоло) 114, 150, 194, 294, 296, 298, 299, 313, 316
Клавдий, император Рима (41–54) 20
Кляшторный С. Г. 55
Константин, император Византии (306–337) 33
Константий, посол Византии к персам 144, 146, 147, 149
Коперник 175
Крюков М. В. 99
Куджула Кадфиз (20–80) 12, 14, 15, 18
Кулаковский Ю. 56, 65, 100
Кумарагупта 297
Кунхе, вождь уннов (эфталитов) 147

- Лазарь Парбский (Лазарь Парпеци) 136, 150-152, 159, 165, 185, 307
 Лаошан-шаньюй (174–126 гг. до н.э.) 9, 76, 77, 315
 Латышев В. В. 52, 54, 65, 71, 100, 173
 Ли Яньшоу, составитель «Бэй ши» 265
 Лукан, Марк Анней (39–65) 170, 177
 Луконин В. Г. 23, 24, 27, 50, 144
 Лукулл 42
 Лю Цзюань 271
 Маенхен-Хелфен, О. 52
 Макент, скиф 177
 Максимиан, император Рима (235–238) 181
 Максимин, сановник Феодосия II, 137
 Мамиконян (Мамиконян), род армянской знати 49, 150, 151
 Мандельштам А. М. 226
 Маниах, посол из Согда в Византии 191, 192, 196, 321
 Маодунь-шаньюй (205–174 гг. до н.э.) 9, 76, 89, 99
 Маркиан, историк (ок. 400) 70–71
 Маркиан, император Рима (450–457) 137, 143
 Маршак Б. И. 39, 50, 74, 119
 Машкин Н. А. 24
 Менандр, историк Византии второй половины VI в. 186, 187, 190–196, 199–202, 320, 321, 323
 Месроп Маштоц, создатель армянского алфавита (361–440) 19, 35, 36
 Мин-ди, император Чжоу 321, 322
 Митридат I (171–138 гг. до н.э.) 10
 Митридат II Великий (123–88 гг. до н.э.) 11
 Миэту, один из правителей народа гаоче 234, 235, 240, 263, 265, 267
 Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) 18–20, 22–26, 28, 33, 35–37, 115, 121
 Мулиянь, Муянь, правитель Тугухунь 216, 217
 Мушег, армянский военачальник, 46–48
 Нагай, брат жужаньского кагана Доулуня 232–234
 Нарсе, шаханшах Ирана 30, 201
 Нерон, император Рима (54–68) 20, 170, 177
 Нерсес, патриарх армянской церкви 46, 47
 Ниту, каган восточной части тюрков 322

- Ногодарес, римский военачальник 38
Овидий Публий 177
Оденат, правитель Пальмиры 26, 27
Олимпиадор, историк (V в.) 73
Онигисий, первый вельможа Аттилы из скифов 139
Орбели И. А., академик 118
Пап (Пар), царь Армении 46–48
Пероз, шаханшах Ирана (439–484) 115, 132–136, 143, 146–149, 151–159, 161–165, 185, 186, 193, 307, 316
Петр Ивер, правитель Колхиды 68, 155
Пигулевская Н. В. 41, 61, 67, 68, 119, 120, 142, 143, 153–155, 166, 187, 188, 199
Плиний Старший (23–79) 85, 171, 172, 173, 176, 180, 195
Поломэнь, жужаньский каган 264
Помпей, римский военачальник 42, 170
Помпей Трог (II в.) 13
Приск Панийский 136–150, 156, 159, 162, 165, 166, 185, 295
Прокопий Кесарийский 43, 69, 152, 159–169, 182, 183, 185, 194, 307
Птолемей Клавдий (90–160) 175, 176
Ромул, посол Рима к Аттиле 141, 142
Санатрук 36
Санесан 33, 34
Сасаниды, династия 46, 49, 50, 66, 102, 106, 109, 115, 116, 136, 148, 180, 184, 315
Сахак Великий, первый католикос армянской церкви 19
Сенека (4–65) 85, 170, 171
Септимий Север, император Рима (193–211) 18
Сильзивул см. Дизабул
Скандагупта 297, 298
Сократ 67
Страбон (65 г. до н.э. – 23 г. н.э.) 11, 170, 175, 180
Сун Юн 298
Суренов Пахлав 19, 21
Сыма Цянь 97, 223
Сыцзинь, Мугань-каган (553–570) 262, 321, 322

- Сюань-цзан 242-248-249, 252, 253, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 301, 303-305, 309, 310, 318
 Сянь, царь Шаче (Яркенда) 85
 Сянь-цзу (465–470), император Вэй 218
 Сяо Цзысянь 271
 Таньшихуай, вождь сяньбийцев 93, 94
 Тай-цзун, танский император (627–649) 260
 Тамсапор, персидский военачальник 39
 Тарсу, сын Дизавула 202
 Таскин В. С. 232
 Тиберий, император Византии (578–582) 186
 Тиран, царь Армении (338–350) 36, 37
 Тиридат (Трдат), царь Армении 20, 31, 35, 37
 Тиридат (Трдат) III Великий, царь Армении (297–330) 32, 33, 35
 Тобо, каган тюрков (570–580) 322
 Толстов С. П. 285
 Траян, император Рима (97–117) 41
 Тревер К. В. 120, 122
 Тумэнь Или каган (552–553), основатель Тюркского каганата 256, 262, 321
 Турксанф, сын Дизавула 200-202
 Удальцова З. В. 160
 У-ди, император Чжоу 322
 Урзичин, магистр римский 38, 40, 182
 Фавстос Бузанд, армянский историк 34–38, 42, 45, 47–51, 63, 150
 Фарасман, царь Иберии 68, 178
 Феодосий I Великий, император Рима (379–395) 66, 67, 154
 Феодосий II, император Византии (408–450) 137
 Филипп Араб (Марк Юлий Филипп), император Рима (244–249) 25
 Флавий Арриан (95–175) 178–179
 Флавий Вописк Сиракузский (III в. н. э.) 181
 Фотий, патриарх IX в. 69, 71
 Футу, жужанский каган 263
 Фу Цзянь, правитель царства Раннее Цинь (351–384) 105, 282
 Хормизд (Арташир) I (272–273) 30, 31
 Хормизд II (302–309) 31

- Хосров I, шаханшах Ирана (531–579) 191, 194
Хосров I, царь Армении (213–262)
Хосров II Короткий, царь Армении (330–338) 33–38, 42, 63
Хрисанфий 137
Хуни, правитель Сутэ 278, 280
Хуханье-шаньюй 79, 80
Цветков И. П. 173
Цзидоло (Кидала), 289, 297
Цзюйцзюй Муцзянь 214
Цзюйцзюй Мэнсунь 214, 233, 281, 320
Цзян Цзинсюань 271
Цюнцзи, правитель Гаоче 231, 234, 240, 263
Чекалова А. А. 160
Чжан Цянь 75, 76, 86, 249, 195
Чжан Шоуцзе 88
Чжаоу, родовое имя правителей царства Кан 311, 316, 319, 323
Чжичжи-шаньюй 79, 80, 82, 257
Чжэньда, правитель Шаньшань 214
Чоуну, жужаньский каган 263, 267
Чэнь Тан 81, 257
Чэнь Шоу 221
Шаболюз, каган тюрков (580–587) 322
Шапур I (241–272) 102, 106, 148
Шапур II (309–379) 36, 37, 39, 40, 42, 44–51, 66, 109, 111, 128, 148
Шапур III (385–388) 50, 66
Шиинь, правитель Хэнань (Тугухунь) 216–218
Ши-цзу, император Вэй (424–452) 207, 281, 289
Ши-цзун, император (500–515) 234, 240
Эфталан, царь Эфталитского (Тохарского) царства 193, 307
Юзбашян К. Н. 118
Юлиан, император Рима (361–363) 35, 42–44, 50, 182
Юлий Капитолин 18
Юй Ти, посол Вэй 239
Юй Хуань, составитель «Вэй люэ» 87
Юстиниан I, император Византии (527–565) 160, 169, 186–188, 190, 202

Юстин, византийский военачальник 186

Юстин II, император Византии (565–578) 186, 188, 191, 193–195, 199, 200

Яда, вождь орды алан и динлинов 239–241, 268, 284, 285, 302

Ядай Илито, правитель Яньци, подвластный Яда 264, 268

Янь Шигу, составитель «Бэй ши» 98, 100

Янь-ди, император Суй 309

SUMMARY

L. A. Borovkova

The peoples of Middle Asia in the 3–4th century

The Great Kushan kingdom disintegrated in about 200 A.D. The scions of the Parthian royal dynasty of the Arsacids were sent to rule its western lands, which stretched southward of Amu-Darya and belonged to Parthia till 1st century A. D. After the collapse of Parthia and the creation of Iran, that is the state of the Sassanids, in 226, these rulers voluntarily offered allegiance to Ardashir I. In 260 one of the Arsacids' scions killed Armenian king Khosrov, who had refused to recognize the Sassanids' authority, and was proclaimed the king of the Later Kushan kingdom created anew by Iran. And till 370 A. D. Iran had no problems in the east. However, in 370 and 375 the Later Kushan kingdom conquered Iran's eastern lands and proved its independence. The Roman Empire, Iran's eternal rival, could not take advantage of its defeat and start another war, because its northern territories had been invaded by the Goths; the latter were pressed by a previously unknown barbarian people, who (according to Ammian Marcellinus) had come "from the Arctic Ocean", i. e. by the Huns (spelt with one "n"). Researchers and translators of the 19th–20th centuries identified them with Hunns, the Syunns, who had lived north of the Chinese empires till the middle of the 2nd century A.D., and put forward a hypothesis about the Great migration of peoples from Asia to Southern Europe in the 2nd — 4th centuries. However, there is as yet no evidence in favour of this hypothesis.

In the middle of the 2nd century the Mongoloid Syanbians conquered the lands of the Syunnu state and made its population part of its people. And then they conquered the three kingdoms of the Dinlins, a blond Europeoid people of the South Siberian type, who lived north of the Syunns and east of the Lake Balkhash. The Dinlins migrated to the semi-deserts west of the Lake Balkhash and the Usun

kingdom, north of the Kangchu kingdom and east of Yantsai/Alan'. Then the blond Dinlins mixed with the blond Alans in the Yantsai/Alan' kingdom and transformed it into the Suteh (Sudeh) kingdom. By the end of the 4th century it had destroyed the Kangchu kingdom and spread westward to Khoresm. The Kangchuians fled to Tien Shan and created the Dje-shen kingdom there. So that Suteh did not bear any relation to Sogd, and to identify them is a mistake. But in 437 the Alan-Dinlin tribes living east of Suteh and headed by their leader Yadah routed the kingdom of the blond Usuns, which was in the upper and middle parts of the Ili river. Thus the Horde of Yadah was formed, which having separated from Suteh moved south-eastward, to Eastern Turkestan. One after another it conquered the following kingdoms: in the 50-s Guytsy (Kuchey), after 462 — Shuleh (Kashgar), and after 468 — Yuytyan' (Khotan). During the following decades the horde went along a caravan route around the Pamirs subjugating all the small kingdoms on its way and leaving part of its own people in them. Approximately at the end of the 70-s the much shrunk horde formed its kingdom Yadah west of the Pamirs and south of the Pyanj river (in the vicinity of the Afghan town of Faizabad) on the former lands of the Tukholo kingdom. From 507 it established close contacts with the Wei empire, but in the 7th century it was renamed the Idah kingdom (it existed till the middle of the 8th century); the descendants of the conquerors lived in it together with the former inhabitants. However in the 6th century in Eastern Turkestan the people of the Yadah horde called itself Alans and Dinlins, which is clear from the information given in the dynasty histories "Wei shu" and "Lyan shu". In the 90-s the Yadah created their own domain Yan'tsi (Karashar). It is obvious that the people known as eftalites, who lived east of Iran, were not the Yadah.

In 437 not only the kingdom of Usun had disappeared, but Djesheh, too. It meant that the numerous Usuns, who were able to run away from their kingdom only where formerly their ancient neighbours and enemies, the Kangchuians had fled, immediately smashed the weak kingdom of the last Djesheh people and moved southward into the Ferghana valley. There in 465 the Usuns put an end to the

Polonah kingdom newly created by the Kangchuians. Then, having gone along the Great caravan road westward, and further southward, they started to conquer the Later Kushan kingdom, which till then, in 450 and 454 had still been defeating, according to Armenian sources, the Persians, but in 456–457 was destroyed by the Usuns, so that its young king Kederah (he lived till 505) ran away with his army to Northern India, where he conquered five kingdoms west of Peshawar. It is doubtless, that it was exactly his people, that is the Kushans, whom the Byzantian authors called Kidarites. The former Kushans formed the Tukholosk kingdom where the former Kushan kingdom had been.

So in the middle of the 5th — the middle of the 6th century the central part of Middle Asia, including also the Nyumi kingdom (Sogd), was inhabited by the blond Usuns. It is clear from this, why in the 6th — 7th century the Chinese learnt about this region's kingdoms headed by the Yueh-chi rulers of the Chzbao clan. For nearly four centuries the peoples of this region had lived and prospered at first in the Big Yueh-chi kingdom later transformed into the Kushan kingdom without any knowledge about the Yueh-chis' mortal enemies, the Usuns.

Since 558 the Persians and the Byzantians considered the blond Usun ambassadors from Sogd to be Scythians, the blond nomads, whom, however, they called Turks. In Byzantium they learnt about the Turks in 558 from the Avars, as the Zhu-zhans were called; they had come here after their Kaganate had been destroyed by a Turkic people in 552, so they exaggerated this people's might. And the Usuns from Sogd had only increased their kingdom's might by calling themselves Turks (Turkic people), although according to Chinese histories, Turkic people came to Sogd very much later.

КАРТЫ И СХЕМЫ

1. Царство Большое Юэчжи (I в. до н. э.)
2. Взаиморасположение царств из «Хоу Хань шу»
(I в. до н. э. — III в. н. э.)
3. Закавказье в I–VI вв.
4. Средняя Азия в III–IV вв.

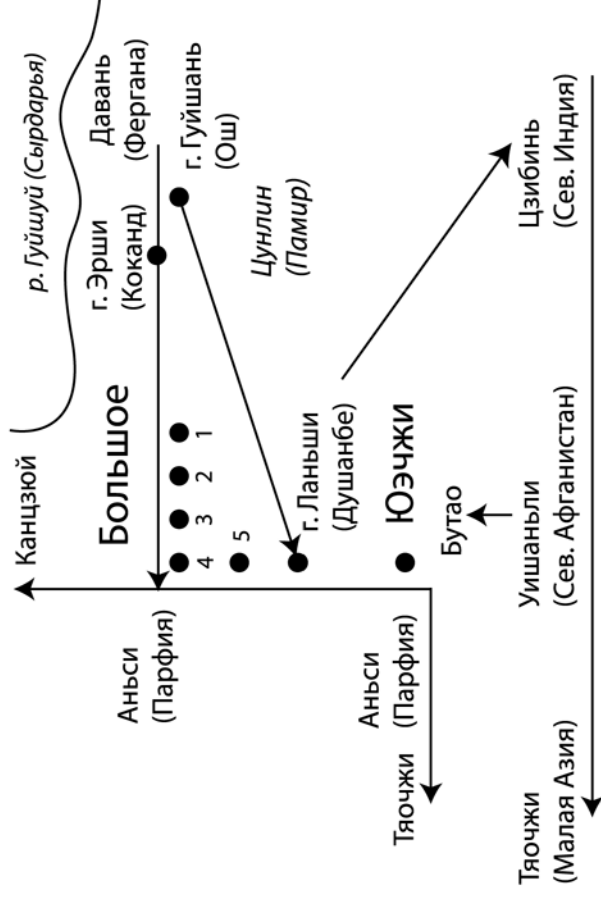
Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

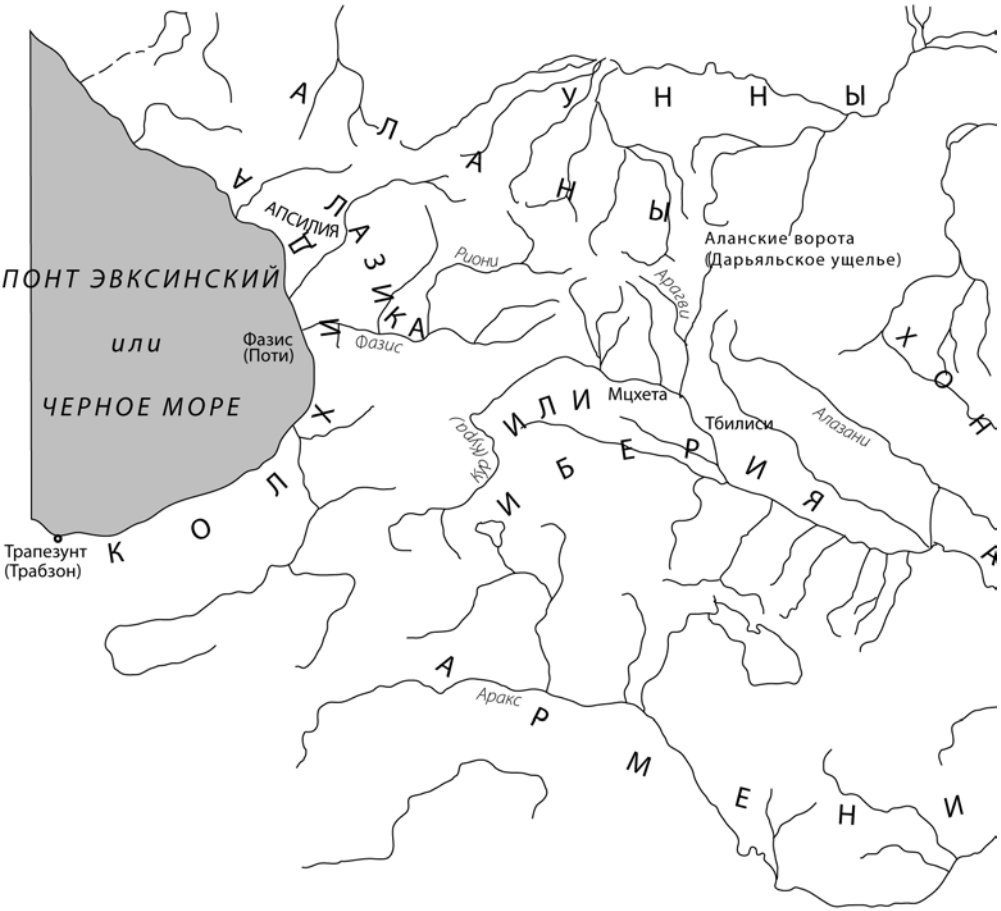
1. Царство Большое Юэчжи (I в. до н.э.)

Владения сихоу

1. Сюми
2. Шуанми (Худжанд)
3. Гуйшун (Бекабад)
4. Сидунь (Хаваст)
5. Гаофу (Ура-Тюбе)

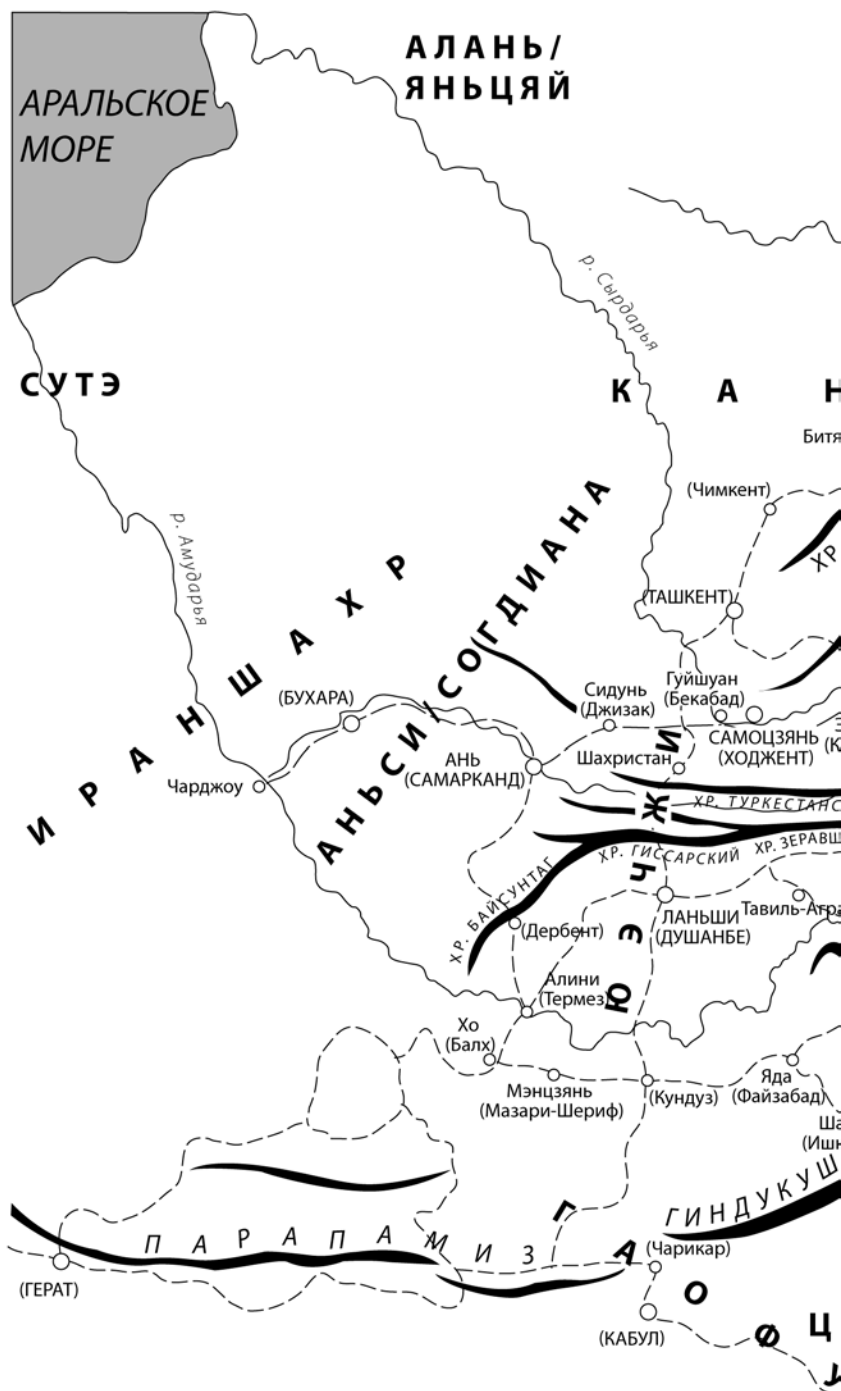

3. Закавказье в I–VI вв.

4. Средняя Азия в III–IV вв.

Научное издание

Людмила Акимовна Боровкова

Народы Средней Азии III–VI веков
(по древним китайским и западным источникам)

Корректор *Л. В. Хохлова*
Компьютерный набор *Н. П. Кропотовой*
Оригинал-макет *А. В. Ельцевой*

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской Академии наук

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001

Подписано к печати
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Ус. печ. л 23. Уч. изд. л. 19
Тираж экз. Заказ

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев